

**ОТ СЕССИИ
ДО СЕССИИ**

УДК 82-84

ББК 84.3

Ш 19

Шамбаров В.Е.

Вниманию читателя предлагается сборник забавных историй о веселой и беззаботной студенческой жизни. Тонкий юмор, блестящее остроумие, забавные парадоксы, комические ситуации, курьезные случаи из жизни – все это знаменитый писатель Валерий Шамбаров собрал в книге, которая способна доставить немало веселых минут каждому, кто возьмет ее в руки. Читайте, смейтесь и удивляйтесь!

УДК 82-84

ББК 84.3

Литературно-художественное издание

Валерий Евгеньевич Шамбаров

ОТ СЕССИИ ДО СЕССИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Студенческие байки	6
Свежие и не очень новости	113
Рассказики студенческих лет	132
Без права на отмазку (<i>Контрразведповесть</i>)	151
Реклама и объявления	342

СТУДЕНЧЕСКИЕ БАЙКИ

Старинная песня гласит: «Живут студенты весело от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год». Это действительно так. Студенты — народ очень веселый. Потому что они молодые. Самостоятельная жизнь только начинается, она вся лежит впереди. Конечно же, светлая, насыщенная, интересная. Разве может быть иначе, если этого очень хочется? Причем студенты, раз они поступили в тот или иной вуз, убеждены, что они уже нашли свой жизненный путь, встали на него — а значит, дальше все пойдет, как по маслу. Если же случаются какие-то передрыги и неприятности, то это временные мелочи, не заслуживающие, чтобы ими особо впечатляться! Ведь главное — впереди! Широкое и бескрайнее, как поле до горизонта. Да и горизонт — условная черта, его же не видно!

Поэтому студенты — всегда оптимисты. Почему бы и не повеселиться? Выражается это во всем. Они с искренним юмором относятся и к бытовым трудностям, и к самым напряженным экзаменам, и к собственным огрехам, проколам, проказам. Споткнулся, нос расшиб: отличный повод поржать для товарищей, а потом и пострадавшему весело вспомнить. Надо же, как навернулся! Наверное, в каждом вузе есть свои легенды и предания о самых ярких случаях, вошедших в «анналы» устной, неофициальной студенческой истории.

Автору этих строк посчастливилось в 1970-е годы учиться в МИФИ — Московском инженерно-физическом институте. Молодая жизнь там была ключом. Первые свои творческие перлы я как раз там и начал писать, и именно в амплуа юмориста — сочинял сценарии для нашего студенческого театра, славившегося в те годы на всю

страну. Он назывался «Восьмым творческим объединением» (а почему восьмым — никто не знал, просто так). К МИФИ я крепко прирос, даже после окончания лет пятнадцать поддерживал связи с тем же театром, продолжавшим успешное существование. В 1980-х мы были одними из тех, кто возрождал кавээновское движение. Уже новые поколения студентов хохмили, а мы их учили, как можно еще лучше хохмить.

А в памяти оставались и реальные эпизоды из студенческой жизни, давшие нам немало поводов для веселья. Их я и предлагаю читателям. В некоторых мне самому довелось поучаствовать, другим был свидетелем, третьи слышал от друзей и сам по случаю пересказывал. За что купил, за то и продаю.

Кража века

Эта история произошла в стенах нашего института еще в 1960-х годах, задолго до того, как ваш покорный слуга туда поступил. Поэтому фамилий участников студенческие предания не сохранили. Но за достоверность можно ручаться — этот сюжет фигурировал не только в устных байках, которые травили друг другу за чаем или за пивком. Его нам приводили и строгие сотрудники Первого отдела, пытаясь популярно объяснить балбесам, как должны себя вести советские студенты, а как им вести себя категорически не надо.

Нашумевшие впоследствии события начались достаточно банально. Двое ребят из МИФИ крепко погудели где-то в центральных кабаках Москвы. От себя поясню, что на подобные развлечения «по высшему разряду» особенно были падкими первокурсники — оторвались от папы с мамой, попали в столицу, вот и рвались шикануть. Да и деньги собственные вдруг в карманах зашуршали! Стипендия в МИФИ была высокая, 55 рублей. А это было немало: для сравнения, батон хлеба стоил 13 копеек, а в метро ездили за пятак. Словом, вполне можно было

даже в самом лучшем ресторане посидеть — если, конечно, не задумываться, что завтра жрать будешь.

Но в тот раз два наших героя не просто посидели и набрались — а набрались до очень абстрактного состояния. Опомнились, как в песне у Высоцкого, когда уже «автобусы не ходят, метро закрыто, в такси не содят». Ну и побрели себе по ночной столице куда глаза глядят. Точнее — куда ноги несут, поскольку свое местонахождение они представляли весьма смутно.

Видят — какой-то старый дом. И окно открыто. А рядом стремянка брошена, вроде как ремонт идет. Ну и стукнуло им в башку забраться вовнутрь. Просто так, без всякой задней мысли, из чистого любопытства. Опять же, вдруг получится приткнуться и прикорнуть до утра в ремонтирующемся здании? Дом-то выглядел явно нежилым. Залезли, смотрят — мать честная! Куда попали! Сколько же там интересного! Кругом и оружие красивое, и одежда старинная! И других любопытных штукovin столько, что глаза разбегаются! Надежда заночевать сама собой отпала, зато выиграла другая мысль: разве можно уйти из такого места без сувениров? Ведь в другой раз никогда так не посчастливится. Да и в общежитии никто не поверит.

Недолго думая, пооткрывали шкафы с витринами. Один из студентов, видать, был настроен романтически. Выбрал себе шикарнейшую шпагу. Другой был попрактичнее, прихватил шубу потеплее. Ну и по мелочам нахватали, что в карманы уместилось. Тем же путем, по стремянке, вылезли на улицу. А как они потом через половину Москвы до Каширской добрались, как они попали в общежитие, совершенно не помнили. У обоих полный провал памяти наступил. Словом, именно тот случай, когда пьяным везет.

Наутро очухались — рады без памяти, что их менты нигде не замели и не отгрузили прямым ходом в вытрезвитель. Стали озираться по комнате среди раскиданных ботинок и штанов, увидели собственные трофеи и совсем ошалели. Откуда это? Где взяли? Чесали в головах и кряхтели — надо же так ухрюкаться! Покрутили так и эдак свои приобретения — куда их девать? Запихали в шкаф,

чтоб соседи не позарились. В общаге нравы царили известные. Увидят такие экзотические вещи, начнут клянчить, чтобы самим повыдрючиваться. Ну и ищи-свищи, куда подевалось.

А тем временем средства массовой информации уже вовсю развопились о «краже века» в СССР — дерзком ограблении Исторического музея. Похищенными оказались наградная шпага Суворова, усыпанная редкими бриллиантами, шуба боярина Ромодановского, да и «по мелочам» тоже набегало изрядно. Но шумели об этой сенсации только за границей. В те времена советская пресса и телевидение о подобных скандалах предпочитали хранить полное молчание. Хотя главные виновники не то что иностранных, но и своих-то газет не читали. Продолжали жить в блаженном неведении, тихо и вполне благопристойно. Ведь стипендию они прокутили напрочь, и на какие-то новые приключения у них попросту денег не было. Шпаге Суворова быстро нашли применение: хлеб резать, колбасу. Оказалось — очень удобно. Чего ж такому нужному предмету без дела валяться? А шуба уж слишком тяжелой была, в институт не наденешь. Да еще и сопрут в гардеробе!

Нетрудно понять, что на расследование были брошены лучшие силы московского уголовного розыска. Перетряхнули всех рецидивистов, числившихся у них в карточках, все известные «малины» и притоны, мобилизовали всех стукачей в воровской среде — и ничего. Ни единой зацепочки. Так и зависло следствие, топталось на месте. Топталось оно ровно месяц. Потому что через месяц выдали очередную стипендию. Парни опять крепко усугубили. Хотя на этот раз решили быть поскромнее в запросах и затратах — пили у себя дома, в общаге, кромсая закуску трофейной шпагой. Но когда дошли до нужной кондиции, одному из них вздумалось пофорсить. Он надел шубу боярина Ромодановского и поехал гулять по Арбату...

Уж какой приговор они потом получили, не знаю. История об этом умалчивает.

Наследник престола

Среди нравоучительных рассказов, которыми нас воспитывали работники режимных органов и которые одновременно ходили в устных пересказах, была еще история о похищении африканского принца. Из какой страны — трудно судить. Официальные сотрудники Первого отдела об этом умалчивали. А неофициальные версии очень сильно расходились. Чаще они зависели от того, насколько глубоко очередной рассказчик знал географию.

Зачем его высочество пожаловало в СССР, я тоже не знаю. Но в то время гостей из развивающихся и завивающихся африканских стран к нам ехало много. Одни — учиться, другие — по делам, третьи — просто по Москве пошляться. Видимо, нравилось, что в Советском Союзе к ним относятся, как в белым людям. Даже гораздо «белее», чем к своим же русским. А тот принц, о котором идет речь, был студенческого возраста, а по натуре, судя по всему, изрядным шалопаем. Потому что началась история в одной из центральных пивных Москвы. Он там пивком пробавлялся в свое высочайшее удовольствие, пока туда же не нагрянула толпа студентов, решивших как следует встряхнуться. Ну и пошло.

После неведомо какой по счету кружки познакомились — впрочем, весьма условно. Его высочество не понимал ни бельмеса по-русски, а наши ребята ни в одном языке, кроме русского, не петрили. Но такая мелочь, конечно же, не помешала их полному взаимопониманию. Студенты горячо ему доказывали, как они уважают негров. А он им что-то по-своему лопотал. Словом — сошлись душа в душу.

Тут, кстати, надо пояснить, что МИФИ готовил инженеро-ядерщиков. Он был в то время институтом сверхрежимным и сверхзакрытым. В отличие от других московских вузов, у нас не было студентов даже из «братских» стран социалистического лагеря. А уж из капиталистических или сомнительного «третьего мира» — тем более. Поэтому где-нибудь в МГУ негры были обычным, повсе-

дневным явлением, а для наших парней принц оказался в диковинку. Окончательно подружившись, его пригласили с собой в общежитие, где намеревались весело продолжить вечер. Он тоже дошел уже до состояния полного доверия и повышенной легкости на подъем. Без раздумий согласился.

Конечно, у принца была охрана, сопровождающие. Но они, видимо, оказались под стать хозяину и слишком увлеклись пивком. Или проморгали — мало ли куда отлучилось высочество? Может, очередной раз в туалет побежало? Хватились — а оно исчезло! И куда — неведомо!

А студенты его вдобавок раскошелили на такси, привезли к себе в общагу. На бухло он тоже денег добавил. Дома, в своих стенах, принялись добирать — чтобы уже под завязку. Но сказалась обычная закономерность. Сколько бы выпивки ни было, она всегда не вовремя кончается. Тогда чья-то мудрая голова сообразила, что общага большая, комнат много. Наверняка пьют где-нибудь еще. Если заявиться с пустыми руками, то тебя, ясное дело, пошлют далеко и однозначно. А если с негром — кто же налить откажется? И впрямь, сработало. «Халява» оказалась железной. Участники вечеринки вдохновились таким успехом и придумали, как можно еще усовершенствовать столь плодотворную идею. Начали водить пьяного негра по всем комнатам и за рубль показывать.

А в это время по Москве уже разыгрался настоящий дипломатический скандал. Шутка ли — пропал наследник престола! Посол этой самой африканской державы, потирая взопревшую черную шею, видать, уже прикидывал, какой конец его карьере придумает папаша похищенного принца. Сразу отправит в котел на дворцовую кухню или сперва шкуру спустит на барабан? Целую ночь лично обзванивал все инстанции, поднял на ноги все соответствующие службы и органы.

Но нашли принца не КГБ и не милиция. Утром его нашли уборщицы. Накануне его совершенно развезло, на ногах стоять перестал. А тяжелый ведь! Да и раздурился сверх меры — то обниматься лезет, то начинает бушевать

по-своему, злиться, какие-то права качать. Ну и надоел он мужикам. Таскали-таскали его по общаге — и бросили. Так он и заснул в коридоре на заплыванном полу, свернувшись калачиком под теплой батареей...

Студенческие волнения

Иногда приходится слышать и читать, что в советское время случались студенческие акции протеста, беспорядки. Подтверждаю — да, бывало. Но происходили они совсем не так, как представлялось западной «общественности» или тамошним глубокомысленным исследователям. А как именно происходили — никакой американец, немец или швед все равно не понял бы. В его стандартизированной голове подобное уложиться никак не могло.

Например, у нас в МИФИ «беспорядки» бурлили дважды. В первый раз, еще в 1960-х, все началось с празднования «Тысяча первой ночи». Эту дату отмечали на третьем курсе, после тысячи дней пребывания в МИФИ. Она приходилась на май месяц, как раз в промежуток между окончанием занятий и началом экзаменационной сессии. «Тысяча первая ночь» считалась студенческой традицией, но праздник был неофициальным, никаких ритуалов и обычаев на этот счет не существовало. Просто название звучное, а отмечали каждый сам по себе, кто во что горазд.

Но в тот раз после долгого ненастья вдруг выглянуло яркое солнце. В студгородке народ высыпал на лужайку между четырьмя корпусами общежития. Кто с книжкой, кто с бадминтоном, а кто просто так — на людей поглазеть. А тут еще в соседний магазинчик «Солнечный» пиво завезли. С подачи празднующих третьекурсников его потащили прямо ящиками туда же, на лужайку. Хотя пиво в данном случае сыграло только роль катализатора. Много ли одного магазинного завоза на население четырех корпусов?

Но те, кто еще сидел в общаге, увидели из окон, как на лужайке весело. Тоже потянулись на улицу. Собралось уже

тысячи полторы молодежи. Весна, энергия у всех бьет через край, и в образовавшихся толпах закрутились водовороты стихийного буйного дурачества. У кого как, случайным образом. Где-то поют, где-то орут. Самые яркие индивидуальности, разумеется, стараются стать центрами общего внимания. Самые дурные тоже. Пыжятся, кто во что горазд, на ходу изобретают импровизированные действия.

Кто-то наряжается, чтобы посмешнее. Или толкает речи с претензией на остроумие. Потом придумали вешать отличника. Взялись уговаривать на эту роль отличника самого натурального, можно сказать, наивысшего сорта — ленинского стипендиата. Очень хорошо угостили его пивом, и он согласился. Ему нацепили на грудь табличку «отличник» и вывесили из окна третьего этажа. Конечно же, перепоясали под мышками и держали покрепче, чтоб не свалился. А дальше совсем пошли вразнос. Решили в шутку устроить шествие к институту.

«Повешенный» уже и сам вошел во вкус — ведь приятно быть героем дня, когда все вокруг тебя крутятся и на тебя пялятся! Разыграл публичное покаяние: дескать, больше я «поганкой» не буду, «прости, народ!». Соорудил себе хоругвь, нацепив на швабру черные штаны, встал во главе дурачащейся колонны. Остальные тоже придумывали, что еще отчебучить, как себя показать, чтоб приятели одобрили и девки похихикали. Из листов ватмана, на обратной стороне чьих-то курсовых проектов, склеили транспарант «Долой сессию!». Но до института они не дошли. Из окон окрестных домов люди давно уже углядели, что в студгородке творится нечто непонятное. Сообщили куда следует. Поэтому весь квартал оказался оцеплен милицией. Толпа уперлась в кордоны, дальше не пропускали. Постояли-постояли, пошумели, да и разошлись по корпусам, по комнатам.

Может, дело и спустилось бы на тормозах. Однако на следующий день по радио, то ли «Голос Америки», то ли «Би-би-си», передали — «студенты московского ядерного колледжа устроили демонстрацию, протестуя против сес-

сии Верховного Совета» — которая, увы, проходила в эти же дни. Подавляющее большинство студентов про то, что там в Верховном Совете делалось, ни сном ни духом не подозревали. Ну неужели хоть кто-нибудь из полторатысячной толпы передовицы официальных газет читал? Может быть, только те, кто готовился к экзамену по научному коммунизму. Или в туалете от нечего делать прочитал газетный текст перед использованием.

Но передача «вражьих голосов» обеспечила разбираемость на полную катушку. Выявленных зачинщиков, в том числе ленинского стипендиата, в два счета отчислили из института. А празднование «Тысяча первой ночи» после этого лет пятнадцать находилось под запретом. Когда наступала эта дата, в общежитие специально приходили работники деканата, присматривали — чтобы ни-ни! Никаких «тысяча первых».

Ну а другие «беспорядки» случились уже на моей памяти. Причем тоже оказались с «политикой» связаны! В это время готовились какие-то очередные выборы. Соответственно, от студентов требовалось встать пораньше, дойти до избирательного участка и проголосовать. За кого — не важно, альтернативы все равно не предусматривалось. Отметься, получи бюллетени, сунь в урну, и свободен. Главное, чтобы явка была 100%, и чем раньше, тем лучше. Ведь ректорату и парткому надо было поскорее отрапортовать наверх. В такие дни уже с шести утра в студгородке включали на всю катушку музыку, будили спящих, от парткома и факультетского партбюро дежурные преподаватели обходили комнаты — вдруг кто-то подушкой уши закрыл и пробует еще дрыхнуть? Очень вежливо, но и очень настойчиво спраживали всех поспешить «исполнить гражданский долг».

Но это в самый день выборов бывало. А в тот раз, о котором идет речь, где-то за неделю до выборов в студгородок приехал автобус. В нем должен был развернуться буфет — рядом с избирательным участком его всегда устраивали. Автобус приехал своим ходом, исправный,

но встал он на пустыре за общежитием. А как раз там, на пустыре, наши ребята всегда гоняли в футбол. Тем самым появившееся транспортное средство сразу вызвало чувство острой неприязни. Водитель, не подозревая об этом, ушел, и даже двери как следует не запер. Неудивительно, что в первую же ночь туда проникли и все красивые штучки пооткручивали. На следующий день шофер снова появился, возмущенно сокрушался. К нему вышли делегаты от любителей футбола и намекнули, что автобус с поля надо бы убрать. Но он весьма опрометчиво не отреагировал. Только запер салон понадежнее. Что ж, ночью, когда очередная попытка проникнуть вовнутрь не удалась, у автобуса просто прокололи шины и побили стекла.

А дальше выдался выходной — и опять же, на редкость хорошая погода. Десяток студентов все-таки решили попробовать поиграть в футбол. Осмотрели автобус на пустыре — можно ли его как-нибудь стороной обегать? Кто-то предложил откатить его, чтобы не мешал. Поднатужились — не тут-то было, он стоял на тормозе. Однако из-за погоды половина населения студгородка торчала в окнах. Увидели, что люди надрываются и нужна подмога. Без всякого зова в считанные минуты набежала пара сотен парней. Хотя количеством проблема не решилась — всем вместе оказалось просто не за что ухватиться.

Но ведь силушка уже разыгралась, молодецкая удаль расплескалась. Среди общей возни и пыхтенья была брошена плодотворная идея — а что если «кантовать» автобус? Ее встретили с огромным воодушевлением. Вмиг облепили автобус, как муравьи жука, и завалили на бок. Из соседних преподавательских домов такое «хулиганство», конечно же, заметили. Соответственно, позвонили.

Подкатила «волга» с двумя ментами — один за рулем, а другой выскочил с мегафоном и стал требовать разойтись, рассыпая суровые угрозы. Но народ-то уже завелся! Уже был на подъеме — и физическом, и эмоциональном. Поэтому милицейский матюгальник только подлил масла в огонь. Парни оглядели «волгу» и начали прикидывать — может, и ее так же, как автобус? Правда, взяло верх более

миролюбивое предложение: оттащить ее в сторонку, чтобы не путалась под ногами и не мешала дальше «кантовать» автобус.

Милиционер за рулем побледнел, словно полотно, когда толпа вдруг окружила его машину. С перепугу дал газ — да поздно! «Волгу» уже подняли, и колеса лишь взвыли, закружившись в воздухе. А студенты перенесли ее на соседнюю асфальтовую дорожку, и те, кто держал машину спереди, едва успели отскочить. Как только поставили, она рванула на полной скорости. Даже напарника забыла. А он совсем ошалел и растерялся, оставшись один в студенческой массе, ревущей от восторга. Со всех ног кинулся бежать за «волгой» — так и мчался, пока не пропал из вида.

Народ с новыми силами навалился на автобус. Про первоначальную идею «кантовать» все уже позабыли. Теперь увлекательным оказалось само переворачивание. Хотели его поставить «на попа» — для понта. Но это оказалось слишком трудным. Тогда просто перевернули его вверх колесами и разошлись, вполне удовлетворенные достигнутыми результатами. Через пару дней автобус увезли — разумеется, уже на буксире.

Дело обещало быть крутым и грозным — автобус-то для выборной кампании был выделен! Политика! Однако на этот раз обошлось вообще без наказаний. Потому что участники «беспорядков» и им сочувствующие нашли отличное средство самозащиты. Просто-напросто пустили по общаге слух — если начнутся репрессии, то студгородок на выборы не пойдет. Причем не потребовалось никаких ультиматумов и переговоров. Принялись пошире болтать об этом, прекрасно зная, что через стукачей информация все равно дойдет до начальства. А неявка избирателей стала бы таким вопиющим ЧП, что вряд ли кто-нибудь из институтского руководства удержался бы на своих постах. Перед подобной угрозой любые грехи выглядели просто мелочью, и инцидент замяли. Напрочь «забыли» о нем, будто никакого автобуса на футбольном поле и никакой ментовской «волги» даже в помине не было.

Шуточки

Шутки и розыгрыши студенты любили во все времена. А у нас в МИФИ очень популярным был «день смеха», 1 апреля. Тут уж каждый считал своим долгом хоть как-нибудь подколоть товарищей и самому позабавиться. Самой простейшей шуточкой было связать между собой противоположные ручки дверей в комнатах общежития. Через коридор. Они открывались вовнутрь, ну и подергай, когда захочешь выйти. Этот прикол был настолько обычным и банальным, что в ночь на 1 апреля по коридору трудно было пройти из-за множества таких натянутых веревок.

Были и вещи гораздо хуже. Наполнить водой здоровенный пластмассовый мусорный бак, какие стояли у нас на кухнях, и прислонить в наклоненном виде к чьей-нибудь двери. Кто откроет — все содержимое вместе с вонючей водой выплескивается ему на ноги и в комнату. Но это считалось очень злой шуткой. Ее применяли к тем, кого не любили — главным образом к заподозренным в стукачестве.

Прикалывались и иными способами, изобретая что-нибудь уникальное, особенное. Однажды у бабки-вахтерши, заснувшей в своем кресле на боевом посту, у входа в общагу, унесли стол вместе с телефонами — с первого этажа на пятый. А как-то раз выдрючился ваш покорный слуга. Ночью позакрывал все туалеты общежития. Изнутри. Там стенки кабинок не доходили до потолка и, подтянувшись, можно было перебраться из одной в другую через верх. Сейчас-то в этом уже можно признаться. Но тогда, пожалуй, было слишком опасно. Утром народ, побежавший по сортирам, очень уж нервничал и почему-то признал мою шутку «дурацкой». Впрочем, это самое мягкое определение. Приводить остальные я по понятным причинам воздержусь.

В «классике» исторических преданий вошел финт, проделанный на Пролетарском проспекте. Там построили подземный переход. Но он оказался в стороне от дороги, по которой мы обычно ходили к институту. Долгое

время шла настоящая война между студентами и милицией. Мы упрямо продолжали перебегать улицу в старом месте. А они устраивали засады в кустах, за машинами, и штрафовали нарушителей. В ночь на 1 апреля наши ребята взяли где-то белую нитрокраску, сделали трафарет и на традиционном, «нашем» месте перехода нарисовали на асфальте свежую, четкую «зебру» — потом все студенты шагали по ней с довольным видом, а ментам пришлось сначала сильно недоумевать, а потом отскрести. Но сделать это было совсем не просто. Нитра!

Ну а в самом институте 1 апреля поднималась невообразимая кутерьма. Предварительно мы проводили доскональную разведку. Изучали вывешенные объявления, доски приказов. Утром приходили в «альма-матер» пораньше и действовали. Развешивали новые объявления. Например, о тематическом вечере «Чарли Чаплин и Аркадий Райкин — великие сатирики современности» — с показом кинофильмов. Народ тогда был голодным до зрелищ, в актовом зале валом ломанул! А на настоящих объявлениях измеряли шрифт и точно таким же рисовали какие-то новые слова, вклеивая их в текст. Или частицу «не». Вместо «состоится» — «не состоится». Очень весело было менять таким способом координаты реальных мероприятий.

На доске оперотряда как-то вывесили приказ, что всему личному составу объявляется вечером общий сбор, и при себе требуется иметь сухой паек, резиновые сапоги и фонарики. На досках деканатов появлялись приказы с отчислением заведомых отличников за неуспеваемость, назначением двоечникам повышенных стипендий, выселением самых примерных из общежития за кутежи и дебоши.

Изучали и расписание занятий. В аудиториях на досках мелом писали — у такой-то группы лекция или семинар переносится в другую аудиторию. А в другой тоже на доске надпись — группы, которые должны были там заниматься, адресовались еще куда-нибудь. Что творилось, можете представить. Одни ошалело переходят туда, другие сюда. Преподаватели идут в те аудитории, где они должны

вести занятия, но там оказываются студенты совершенно не «ихние», не тех курсов и факультетов.

С туалетами тоже шутили, хотя обходились без записаний. Просто развешивали на дверях бумажки, отпечатанные на машинке: «Туалет не работает. Администрация». Было очень потешно наблюдать, как люди тычутся к двери, видят эту бумажку и даже не пытаются войти. Психуют: «Тьфу, пропасть, и здесь не работает» — и поворачивают назад, бегут на другой этаж. Где висит аналогичная бумажка.

Однажды мы узнали, что у нашего замдекана, Евгения Ивановича Яковлева, как раз день рождения — а он тогда декана замещал. В результате на доске деканата появился «приказ» — «Поздравить Яковлева Е. И. с днем рождения, пожелать ему то-то и то-то...» и подпись — «и. о. декана Яковлев». Уж в подписях специалисты имелись высочайшего класса! За любого преподавателя подмахнуть могли, а тем более за «родного» замдекана. Он сам за день, наверное, сотню раз прошел мимо доски деканата. А на «приказ» со «своей» подписью не обращал внимания. Мало ли висит распоряжений с его автографом? Это поздравление красовалось очень долго. Начали замечать другие преподаватели, читали, показывали друг другу, хихикали. Но Яковлеву не говорили.

Впрочем, розыгрыши у нас устраивали и без 1 апреля. На нашем курсе учился Валера Аверин по прозвищу Донбасс. Ростом и статью — здоровенный детина. Но трус был отчаянный, всего боялся. И как-то раз он получает письмо. Аккуратный конверт, эдакого сугубо канцелярского вида, адрес и само письмо напечатаны на машинке. А текст такой: «Вам предписывается явиться такого-то числа во столько-то ноль-ноль в комнату № 227 к тов. Иванушкину для выяснения вашего происхождения из семьи служащих. Иметь при себе свидетельство о рождении, паспорт, приписное свидетельство, профсоюзный и комсомольский билет». Подпись — «Начальник ИТНХ Фиберман».

Что тут с Донбассом было! В какие глубины у него «матка ухнула»! Он аж с лица спал. Заметался. Начал среди товарищей справки наводить. Причем напрямую не спрашивал, тоже боялся — все исподволь, косвенными вопросами. Разные маневры придумывал, чтобы вызнать, кто же такой Иванушкин и в чем его, Аверина, могут обвинить.

Поясню, что в комнате № 227 размещались одновременно факультетское партбюро, профбюро и бюро комсомола. Иванушкин был реальным лицом, он в комсомольском бюро отвечал за спортивную работу. У членов всех трех организаций существовали дни и часы дежурства, и в письме указали как раз время дежурства Иванушкина, который был здесь абсолютно ни при чем.

Но авторы письма в назначенный день и час за дверью комнаты 227 специально присматривали со стороны. Смотрят — Аверин идет. При полном параде, лучший костюм нацепил, галстук надел, постригся поаккуратнее, ботинки начистил. А сам — бледный, как мел, трясется, на негнущихся ногах. Иванушкин его охотно принял, ему же на дежурстве делать нечего. Кто и зачем к нему пойдет по спортивным вопросам? Он очень удивился, когда Донбасс ему предъявил повестку. Крутил ее так и эдак. А потом еле спровадил заикающегося от волнения посетителя, пытающегося всучить ему для проверки кипу своих документов: паспорт, свидетельство о рождении, приписное, комсомольский и профсоюзный билеты. Втолковывал, что над ним явно подшутили, а тот упирался, что-то еще силится рассказать о себе.

Но Аверин даже после этого не успокоился. Волновался и переживал: вдруг в письмо закралась опечатка? Вдруг он обязан был явиться в какое-то иное место — и не явился! Ведь отвечать придется! Взясся выяснять у знакомых: кто такой Фиберман? И что за учреждение — ИТНХ? Очень долго приставал с расспросами то к одному, то к другому, пока всем не надоел — и пока кто-то не подсказал ему, что ИТНХ, очевидно, означает «иди ты на...».

Мышь

Как-то погожим майским днем я шел из института, сдав последний зачет. Догоняет меня Саша Селин, он тоже последний зачет сдал. Сами понимаете, настроение у обоих — словно радуга. А вокруг — небо голубое, травка зелененькая, солнышко ласковое! Идем и балдеем. Предвкушаем, как сейчас наконец-то отдохнем, выспимся, расслабимся. И вдруг возле кафе «Дружба» на дорогу выбегает мышь. Обычная, серенькая. Уж не знаю, то ли у Сашки древние охотничьи инстинкты проснулись, то ли просто нашли выход эмоции, распиравшие его. Он издал нечленораздельный боевой клич и кинулся за грызуном. Мышь наивно попыталась спастись бегством, маневрировала туда-сюда. Но какое там! Ноги у Сашки оказались во много раз длиннее, спортсмен, футболист. Вскоре ухватил ее и торжествующе поднял над головой.

Мыши подобное обращение совершенно не понравились, и она тяпнула его за палец. Селин почему-то счел это незаслуженным оскорблением. Рассердился и собственноручно задушил грызуна, как Отелло Дездемону. Но зубки у мыши были острые, оставили глубокую ранку. Мы с ним начали обсуждать, какую опасность может таить укус. Пришли к выводу, что запускать его нельзя. Ведь всем известно, что мыши — переносчики заразы. Короче, я потопал в общежитие наслаждаться заслуженным отдыхом, а Селин — в поликлинику.

А там, разумеется, была очередь. Это ж был конец зачетной сессии — а по справке о болезни ее допускалось продлить. При таком наплыве пациентов дело в поликлинике было поставлено на конвейер. Выскакивает из кабинета медсестра с букетом градусников и ставит их скопом очередной партии мнимых больных. Селин отсидел в коридоре, пока не дошел черед и до него. Начал было сестре свою беду объяснять, но она и слушать не стала. Рывкнула, чтобы мерил температуру, а все разговоры будут потом. Ну что ж, он сидит дальше, мерит. Его соседи по очереди,

конечно же, сразу поменяли поставленные градусники на другие, которые принесли с собой. Или иными способами сделали себе 37 с чем-нибудь — например, кончик термометра о брюки потеряли. Ну а ему зачем? Он за помощью, а не за справкой пришел. Медсестра снова высказывает, собирает градусники и, мельком глянув, заявляет ему, чтобы шел своей дорогой — у него нормальная. Селин ей снова пытается объяснить, а она только отмахивается:

— Температура нормальная, и освобождения вы все равно не получите.

— Да не нужно мне освобождение! — взмолился Сашка уже в полном отчаянии.

— Как не нужно? — поразилась сестра. — А зачем же вы тогда вообще пришли?

— Понимаете... Меня мышь укусила.

— Что-о-о? — не поверила она своим ушам. А когда Селин повторил, что его мышь укусила, то сестру начало трясти. От смеха. Сперва понемножку, мелкими приступами, вроде как изнутри. Потом, по мере того, как ситуация прояснялась, все сильнее и сильнее. Наконец, сумела выдавить:

— Так чего же вы хотите?

Но Селину-то не до смеха! Объясняет, что пришел получить необходимые прививки — вдруг мышь была бешеная? Тут медсестра от смеха совсем раскисла. Еле-еле взяла себя в руки и потащила его к врачу в кабинет, уже без всякой очереди. Говорит, давясь спазмами хохота и вытирая слезки:

— Вот к вам молодой человек, его мышь укусила!

А дальше уже обе хором покатались. Никак не могут успокоиться. Но в перерывах между приступами смеха пытаются соображать, что делать. Как выяснилось, врачиха за свою практику с мышинными укусами ни разу не сталкивалась. Побежала по поликлинике других докторов звать на совет. В какой кабинет она заходила, сразу было слышно — по взрывам хохота. Возвращалась с очередным врачом, и Селин им раз за разом вынужден был пересказывать свою историю болезни. После чего новый

врач закатывался вместе с другими, собравшимися ранее. А когда сошелся полный консилиум и насмеялся до икоты, пришли к выводу, что Сашке надо ехать в городскую санэпидемстанцию — там и в мышах больше понимают, и случаями бешенства ведают.

Он и покатил — на противоположный конец Москвы. Если не ошибаюсь, куда-то на «Юго-Западную». Насилу отыскал адрес, тычась с расспросами по улицам и переулочкам. Хотя в санэпидемстанции над ним смеяться не стали. Наоборот, проводили к чрезвычайно серьезному сотруднику. Тот развернул на столе кучу бумаг и принял за заполнять нечто вроде протокола:

— Мышь была белая или серая?

— Серая.

— Та-ак, серая... В каком районе она на вас напала?

— Возле кафе «Дружба».

Долго выясняли по справочникам точный почтовый адрес кафе «Дружба», которого Селин, конечно же, не знал.

— Мышь находилась на траве или на дороге?

— Вроде на траве. А потом на дорогу выскочила.

Наконец Сашке предложили осветить картину самого события.

— Ну... иду по улице. Смотрю — мышь. Я, естественно, за ней погнался...

— Почему это — естественно? — подозрительно уточнил сотрудник. — Разве гоняться за мышами для людей естественно?

Селин начал выкручиваться, стараясь логически обосновать свой позыв. Но сотрудник санэпидемстанции, когда узнал, что не мышь напала на Сашку, а он на нее, счел дело исчерпанным. Попросил расписаться в протоколе и указал на дверь. Тот заикнулся о желанной прививке против бешенства, однако дяденька весьма авторитетно констатировал:

— Видите ли, молодой человек, бешеных мышей в Москве нет. Так что езжайте назад в свою поликлинику, и пусть вам сделают обычный укол от столбняка.

Селин, уже и без того измотавшийся, пробовал упротить, чтобы ему сделали укол здесь же. Но выяснилось, что обычных прививок от столбняка санэпидемстанция не делает, и получить их нужно по месту прописки. Вот если бы от бешенства сорок уколов в живот — это пожалуйста... Короче, потащился он назад. Прием в поликлинике уже закончился, застал только дежурную медсестру. Растолковал ей, что ему надо. Его историю она уже знала и смеялась теперь недолго.

— Ладно, — говорит, — а какую прививку тебе делать, сыворотку или анатоксин?

— Да я-то откуда знаю? — разводит руками Саша, — Ну давайте сыворотку.

— А сыворотку я не имею права без врача делать.

— Так давайте этот... как его, другой!

— А анатоксина у нас нет.

Словом, поспорили-поспорили, и она направила Селина из институтской поликлиники в районную. А до нее тоже был не ближний свет — перекладными автобусами добираться. Там и дежурный врач был, и медикаменты, какие нужно, — но Селин опять вынужден был пересказывать всю свою историю про мышинный укус и последовавшие злоключения. И слушать его опять собрался весь медперсонал. Прививку он еще долго не мог получить — у медсестры от хохота руки тряслись. Вроде успокоится, возьмет шприц — и снова залетается...

В общежитие он заявился часов в десять вечера — когда я уже успел выспаться и блаженствовал с друзьями, допивая пивко. Какую реакцию вызвал его рассказ — догадаться нетрудно. За столом — никого, все от хохота под кроватями ползают... Вот так-то маленьких обижать!

Пропеллер и другие

Конечно, студенты в наши времена не только балбесничали. Иногда и учились. А МИФИ по праву считался одним из лучших вузов страны. Он готовил специалистов

высочайшего уровня, и преподавательский состав был самой мощной. О его квалификации свидетельствует хотя бы тот факт, что в МИФИ получалось делать отличных инженеров из нас и таких же раздолбаев, как мы. А личности среди преподавателей встречались очень яркие и запоминающиеся.

Взять хотя бы профессора Анатолия Федоровича Малова — он у нас читал лекции по математическому анализу. И как читал! Заслушаешься! Это же была песня! Вдохновенная симфония! Возле доски метался, как дирижер оркестра, размашистыми жестами чертя на ней формулы и выводы. Он всегда был строго и красиво одет, в элегантном костюме. Но во время лекции совершенно увлекался. Дописав ряд формул до конца доски, начинал писать их там, где еще осталось свободное место — вертикально, наискось. А когда места вообще не оставалось, он даже не прерывался, чтобы найти тряпку или губку. Стирал написанное тем, что оказывалось ближе под рукой — собственным галстуком, не снимая его с шеи. Сотрет, освободив какое-то пространство, и не обращает внимания, во что превратился его галстук и соприкасающиеся с ним части костюма. Уже заполняет очищенный промежуток новыми формулами.

Кстати, позже мы узнали, что Малов действительно музыкой увлекается, страстный поклонник и глубокий знаток Вагнера. Когда студенты попросили его выступить в общезнании, очень охотно откликнулся. Прочел в красном уголке несколько блестящих лекций о Вагнере и его произведениях, приносил записи и пластинки. Хотя эту инициативу вскоре пресекли. Ведь Вагнер был в советское время не в чести, поскольку его музыку любил Гитлер. Никакого официального запрета не существовало, но и не приветствовали, по радио, телевидению, на концертах эта музыка не звучала. А когда идеологическое начальство узнало, что Малов нам про Вагнера вечера проводит, то и озаботилось — «как бы чего не вышло». На всякий случай. Без этого спокойнее.

Выдающимся специалистом в своей области был и заведующий кафедрой общей физики Савельев. По трехтомнику Савельева в то время учили физику в большинстве высших учебных заведений. У нас даже частушка ходила:

Как я физику учила,
Пока вовсе не сдала,
Днем я с Левичем сидела,
А с Савельевым спала.

Но «спала» в народном творчестве только фигурально, для прикола. С ним не только спать, а даже мельком встречаться было противопоказано. Характер он имел такой вредный и дерьмистый, что его не любили даже сотрудники его же кафедры. А со студентами он вообще зверствовал. Сдать ему экзамен было практически невозможно. Когда он приходил на экзамен, дрожали все. Добровольцев идти к нему не бывало никогда. Но он сам выдернет несколько зачетных книжек, вызовет и отставит три-четыре двойки. Вне зависимости, знают что-нибудь его жертвы или нет. Поставил только для того, чтобы своих же преподавателей уличить, как плохо они готовят студентов. Благо на экзаменах он всегда сидел недолго. Выставит несколько «бананов» и уйдет.

Хотя он даже без экзаменов, просто в коридоре к студентам цеплялся. Прицепится к какой-нибудь мелочи, не только продерет, а еще и в деканат обязательно накапает, чтобы обеспечить неприятности. Первокурсникам его старшие товарищи специально показывали издали и предупреждали — от этого держись подальше, обходи стороной. А если идет навстречу, сверни куда угодно, даже в обратном направлении.

Впрочем, студенческие симпатии и антипатии зачастую были совершенно непредсказуемые, без видимой логики. Например, заведующая кафедрой общей химии доцент Вагина вроде бы никогда не свирепствовала. Оценки ставила нормальные. Правда, дама была весьма самоуверенная, на всех институтских мероприятиях лезла на пер-

вый план. А в парторганизации отвечала за идеологию, прославившись крайней твердолобостью. Но нам до этого как будто особого дела не было. Тем не менее ее очень не любили. В фамилии ударение ставили не на первый слог, а на второй. Даже анекдоты про нее сочиняли, причем ни одного их них здесь нельзя привести по цензурно-нецензурным соображениям.

А вот преподавателя политэкономии, доцента Александра Николаевича Рубцова, любить было совершенно не за что. Принимал и ставил оценки туго, ни о какой справедливости говорить не приходилось, да еще и самодур, каких мало. Но его почему-то очень все уважали, даже те, кому он напакостил. После окончания института вспоминали о нем с искренней теплотой.

У него было прозвище Пропеллер — потому что он еще в молодости работал в конструкторском бюро КБ Поликарпова, занимался там проектированием винтов самолетов. Мы об этом знали от ребят со старших курсов, которым он сам рассказал. Они нас научили и методике, как пользоваться этой информацией. Перед семинаром по политэкономии, чтобы избежать проверки конспектов и опроса, на доске писали формулу Жуковского, как будто случайно оставшуюся после предыдущих занятий. Срабатывало железно. Войдя в аудиторию, Пропеллер расплывался в улыбке:

— О! Формула Жуковского!

— А вы откуда знаете, Александр Николаевич? — подбрасывался обычный провокационный вопрос. Звучал этот вопрос постоянно, из раза в раз. Но Рубцов всегда клевал. Начинал рассказы о своей жизни, длившиеся до самого звонка. После перерыва он спохватывался, что пора спросить студентов, как они подготовили домашнее задание. Но пока он еще никого не спросил, его снова провоцировали:

— А можно еще один, последний вопросик? Вот вы рассказывали, что...

Тут уж его рассказы продолжались до следующего звонка. Он был уже в очень солидном возрасте, поэто-

му забывал, что на прошлом семинаре было то же самое. Одними и теми же способами его раскручивали на воспоминания снова и снова. От КБ Поликарпова он в произвольном порядке перескакивал на другие эпизоды своей биографии, любил прихвастнуть знакомством со «знаменитостями» — поэтом Фирсовым и писателем Семеном Бабаевским. Хотя их контакты, похоже, носили не слишком литературный характер. В воспоминаниях Пропеллера обычно фигурировали цитаты иного рода:

— Как говорит мой друг, писатель Семен Бабаевский, водка плохой не бывает, водка бывает хорошая и очень хорошая.

Но некоторым студентам от него доставалось очень круто. У него всегда были любимчики и козлы отпущения. Причем они делились не по уровню знаний, а по номерам групп. Пропеллер был твердо убежден, что «третья» группа — примерные студенты, «четвертая» и «пятая» — туда-сюда, а «шестая» — заведомые разгильдяи и оболтусы. Шли годы, студенты менялись, на его занятия приходили другие курсы. Но та же самая градация у него сохранялась. Правда, мы и сами успешно играли на этой придурки. Допустим, приходит он на лекцию. А политэкономия многие прогуливали. Видя, как обычно, полупустую аудиторию, он сердился, объявлял поголовную проверку, требовал от старост журналы. Но кто-нибудь сразу же подсказывал: «Да опять шестой группы нет!». Удар попадал в цель всегда. Пропеллер устраивал проверку одной лишь шестой группе. Выявлял, что отсутствует два-три человека, и успокаивался. Хотя шестая группа, зная такое внимание к себе, ходила к нему на лекции очень аккуратно. Из других групп присутствовало всего по два-три человека. Но на экзаменах он шестую драл немилосердно. А третья даже со слабенькими знаниями получала пятерки.

На экзаменах он, как будто бы мимоходом, всегда задавал еще один вопрос:

— А сам-то ты откуда?

На самом деле именно этот вопрос был очень коварным. Настоящая мина. Так, Костю Кустова он срезал не-

сколько раз — и только из-за того, что Костя ответил: «Из Белоруссии». А Пропеллер был после войны на партийной работе где-то под Брестом, и там его машину обстреляли бандеровцы. С тех пор он всех выходцев из Белоруссии считал несоветскими людьми и личными врагами. Вот и Кустов круто пострадал, невзирая на то, что он был чисто русским, и не из Бреста, а из-под Витебска.

Не менее опасно было оказаться из Карелии, где Рубцову наломали бока в период коллективизации. А сам Пропеллер был из Вологды, говорил с типичным вологодским «оканьем». На этих его патриотических чувствах однажды решил сыграть Саша Селин. Политэкономия он выучил плохо, и вдобавок учился в «опальной» шестой группе. Он был из Урюпинска, но на вопрос, откуда он, ответил, изображая такое же «оканье»: «Из Вологды». У Пропеллера, судя по всему, закралось недоверие. Он подозрительно прищурился и решил проверить:

— А где ты там жил?

Сашка к такому был не готов, но паузы и заминки были недопустимы, ляпнул наугад:

— На Советской, — успел смекнуть, что в любом городе должна где-то быть Советская улица. И угадал, поскольку в Вологде она — главная.

— Ну что ж ты! — перешел Рубцов на добродушно-укоризненный тон. — Из Вологды, на Советской жил, а... шестая группа! Потому и не знаешь ничего, — поворчал, вроде как воспитывая блудного сына, попавшего в дурную компанию. Но все же смягчился, трояк поставил.

Трижды кандидат

Еще одной очень колоритной фигурой в МИФИ был заведующий кафедрой физической химии Пал Петрович Митрофанов. Он был уже глубоким стариком, трижды кандидатом наук — технических, химических и биологических, и ни разу не доктором. Но больше всего он славился своей манерой общения со студентами и страш-

ными трудностями при сдаче лабораторных работ. Сдать ему все «лабы» — это была поистине эпопея. Вроде как от Сталинграда до Берлина пробиться.

В любой день и час, когда ни придешь к нему, он восседал на своем месте, окруженный толпой мучающихся и страдающих студентов. Перед ним постоянно была раскрыта его знаменитая тетрадь. А тетрадками он всегда пользовался из каких-то древнейших запасов, желтыми и рассыпающимися от ветхости, со штампом Наркомпроса. И в этих тетрадках он ставил какие-то закорючки, понятные только ему одному. При твоём появлении он поднимал глаза, спрятанные за толстенными очками, и внятно, очень медленно, произносил:

— Та-ак. К нам пришел товарищ Ша...

Полагалось подсказать конец своей фамилии: «...мба-ров!».

— Товарищ Шамбаров хочет сдать лабораторную. Товарищ Шамбаров подождет...

Ну что ж, стоишь поблизости. Ждешь, пока он не вышибет очередного страдающего, и занимаешь освободившийся стул. Получаешь вопрос — безошибочно заданный с того места, на котором тебя выгнали в прошлый раз. Отвечаешь — получаешь следующий. И так пока не споткнешься. После чего следовала другая сакраментальная фраза:

— Товарищ Шамбаров берет свою ручку, надевает на нее колпачок, забирает свой листок бумаги и уходит. Уходит, уходит, уходит... Мы — не договорились!..

Изгнаннику надо было приходиться снова, когда он выкроит время. Когда угодно, хоть завтра, но только не в этот же день. Бывало, что с каждой лабораторной к нему месяцами таскались.

А на экзаменах он собирал коллекцию отобранных шпаргалок. Причем чутье на шпоры у него было уникальное, а внешность обманчивая. Он носил сильнейшие очки, но не от близорукости, а от дальновзоркости, на чем и горели неопытные — поверх очков он видел дальние концы аудитории, как ястреб. Кого поймает, безоговорочно

выгонял. Но принимал очень лояльно. Если ты прорвался через его лабораторные, был допущен к экзамену и сумел списать, никогда дополнительными вопросами не засыпал. Редко ставил ниже четверки.

Мало того, считалось особым шиком, когда уже получил оценку, подарить ему для коллекции свои шпаргалки — тем более если изобрел какое-то новшество в этом деле. А изобретали кто во что горазд! Потому что без «шпор» выучить и сдать курс физхимии было невозможно в принципе. Получив очередной подарок, Пал Петрович лишь удовлетворенно хмыкал, благодарил и оценивал — дескать, вот это и впрямь оригинальная идея. Или сообщал, что до такого уже кто-то додумался лет 15 назад, и в его коллекции есть подобный экземпляр.

Правда, я ему не стал дарить свое изобретение, хотя и гордился им. Я купил набор разноцветных шариковых ручек и на пластмассовых гранях нацарапал иголкой весь курс физхимии. Разумеется, мельчайшим почерком и в конспективном виде, одни формулы. Повернешь ручку под определенным углом к свету — текст четко видно. Разные цвета ручек — разные разделы. Набор лежит перед тобой вместе с бумагой, открыто. Прочитал билет, вытаскиваешь нужную ручку и пишешь. На эту же ручку поглядываешь, поворачивая ее в пальцах нужной гранью. Со стороны — вообще ничего подозрительного, фиг поймешь. Но дарить целый набор ручек показалось жалко — все же ценность немалая по студенческим меркам.

Шпаргалки

Казусов со «шпорами» происходило очень много. Например, после госэкзамена по военной подготовке наш полковник вышел из аудитории в коридор. Смотрит — весь подоконник завален бумажками разных форматов и видов. Стал он копать ради любопытства и в ужасе схватился за голову. Это были шпаргалки, заполненные секретными тактико-техническими характеристиками

вооружения и другими аналогичными данными. Причем многие студенты, переписывая их на шпаргалки, аккуратно перенесли на них даже гриф «секретно».

А были дисциплины, которые никак нельзя было сдать без шпаргалок. Например, теоретическая механика. Но там был профессор, Феликс Киселев по кличке «Железный Феликс». Он жестоко списывающих отлавливал. Высматривал по большой аудитории, а как заметит подозрительное движение, сразу указывает пальцем на студента и кричит: «Стой! Замри!» или «Не двигайся!». Тот, конечно же, опешит, скиснет. А Железный Феликс уже бежит к нему и без особого труда находит улику, после чего «проигравшему» остается только идти за дверь, попрощавшись до пересдачи.

Но однажды Железный Феликс напоролся. Засек, что студент явно списывает. Как обычно, палец на него направил, раздался грозный окрик: «Стой, замри!». А у того шпаргалка была зажата в руке. Но он не растерялся. Пока профессор к нему двигался, он на глазах у всех спокойно высморкался в эту бумажку. Смачно, обильно, да и бросил ее. Феликс аж опешил. Не знает что делать — не станешь же подбирать и расклеивать слипшееся. Только и нашелся обругать студента, чтобы так по-свински не мусорил, и заставил отнести бумажку в урну.

Вспоминается и случай на экзамене по теоретической физике. Он имел такую же суровую репутацию — без шпор не сдашь, но и ловили сурово. Я в тот раз сумел списать почти все, но в одном месте в моих шпаргалках размазалась паста шариковой ручки и как раз те формулы испортила, которые мне требовались. Озираюсь, может, кто подскажет? Смотрю, по соседству девушка с нашего курса так лихо строчит, словно и впрямь знает предмет наизусть. Задаю ей шепотом свой вопрос — и в первое мгновение шалею от неожиданности. Она одним движением задирает юбку чуть ли не до пупа. Я глазами хлопаю, силюсь понять, к чему бы такая откровенность? Но следующим движением она подтягивает потуже чулок, отчего он

становится прозрачным. Только тогда различаю, что у нее исписано все бедро, вплоть до самых интересных мест.

Но в тот момент и у меня, и у нее настроение было чисто экзаменационным. Для меня формулы представлялись гораздо важнее того, на чем они написаны. Да и девушка никакого смущения не проявляла и вообще не отвлекалась, что сосед ее тело изучает, продолжала строчить свой билет. А при этом плавно выворачивала бедро, чтобы мне найти нужное место. Пододвинула поближе и по выше вторую ногу, тоже исписанную. Но я уже на первой отыскал то, что требовалось. Поблагодарил ее кивком, она снова чулок приспустила, делая свой конспект непрозрачным, и юбку на место одернула.

А когда сдавали курс реакторного материаловедения, там и шпаргалки оказывались бесполезными. Учебник — здоровенный и толстенный фолиант, сплошь заполненный таблицами со свойствами разных металлов и сплавов. Сами понимаете, запомнить это нереально. Но и шпоры делать — пришлось бы весь этот талмуд переписывать. Сдирали прямо с учебников. В аудиторию, где будут принимать экзамен, приходили утречком пораньше. С нижней стороны каждого стола вбивали по четыре больших гвоздя и загибали их друг к другу. Получалась как бы подвесная полочка, по размерам как раз такая, чтобы книга легла и держалась. Приходят преподаватели — на столах ничего, в столах ничего. А снизу под каждым столом по учебнику. Берешь билет, садишься за стол, выдвигаешь книжищу на колени и пишешь.

Хотя на этом экзамене не охотились и не зверствовали. Преподаватели тоже прекрасно понимали, что выучить все цифры и свойства невозможно, да и незачем. Если понадобится, откроешь справочник и помотришь. Все списывали, и всем отставляли четверки — поскольку хорошо знали, что ответы списаны. Если хочешь пятерку, надо было идти сдавать к заведующему кафедрой, профессору Евстюхину. Но вот он-то отличался вредностью, имел красноречивую кличку «Ж...». Мог и трояк, и двой-

ку влепить. В общем, желаешь выдрючиться и рискнуть — иди к «Ж...», флаг тебе в руки. А если без волнений и проблем достаточно четверки, спокойно иди к любому другому преподавателю.

Детективные страсти

Правила проживания в общежитии МИФИ считались довольно строгими. Категорически запрещалось употреблять спиртное, играть в азартные игры и оставлять в комнате посторонних после 23 часов — тем более противоположного пола. Надзирать за соблюдением всех этих запретов и отлавливать нарушителей был обязан оперотряд. Набирали его из самих же студентов, и люди там попадались разные. С некоторыми можно было договориться, другие «рвали и метали». Впрочем, мы их на «хороших» и «плохих» не делили и теплых чувств к ним абсолютно не испытывали. Ведь набирали в оперотряд на добровольной основе. Ну посудите сами, какой нормальный студент по собственному желанию пойдет за своим же братом вынюхивать, гоняться, хватать? Причем на общественных началах, получая за это только «моральное удовлетворение»? В опера как раз и записывались именно такие, кому доставляло моральное удовлетворение почувствовать себя «властью» или насладиться ролью сыщика.

А задавал им тон начальник оперотряда Ванчинов. Он был не студентом, а постоянным сотрудником, числился на мелкой должности в институтской охране и лаборантом на кафедре общей физики. Но фигура была примечательная. Физически он был карликом, разъезжал по контролируемой территории на мотоцикле с коляской, а шлем был слишком велик и закрывал его почти полностью — за что он заслужил кликуху «говорящая голова». Что уж там у него было с психикой, не знаю, но он на полном серьезе величал сам себя «внештатным майором КГБ» и вкладывал в розыскную работу всю могучую энергию собственных неудовлетворенных комплексов.

Стоит ли удивляться, что рейды и облавы, которые проводили опера, приобретали натуральную детективную окраску? Вломиться могли в любой момент дня и ночи — просто так, потому что они сами себе запланировали общий рейд по комнатам. Соответственно, вырабатывались меры защиты. В комнатах мы в обязательном порядке меняли замки, «забывая» сдать контрольный ключ комендантше или надежно испортив его перед сдачей. Правда, такие вещи периодически обнаруживались, и ключ все-таки заставляли сдать. Но мы, чтобы после этого не трагиться на покупку новых замков, просто менялись замками между комнатами.

Порой подкарауливали нарушителей и в других местах. Однажды во время дружеских посиделок Леха Ростовцев, уже под изрядным газом, пошел за добавкой. Набрал в сумку пустых бутылок — каждая стоила 12 копеек, и если берешь в магазине пиво «на обмен», платить надо было не 37, а 25 копеек за бутылку. Но на вахте, на выходе из корпуса, дежурили опера. Засекли, что от Лехи разит, как из пивной бочки, окликнули. Он не остановился, из общаги выскочил. Но за ним снарядили погоню. Преследуемый Леха долго бегал по студгородку. Потом понял, что его окружают, и рванул наверх по пожарной лестнице. Опера было следом полезли, но он с высоты пятого этажа стал по ним пустыми бутылками отстреливаться..

В принципе, за все такие нарушения могли наказать очень строго, вплоть до отчисления. Хотя чаще пойманные злоумышленники отделывались каким-нибудь «выговором по общежитию» или несколькими нарядами по выносу мусорных бачков вне очереди — в противном случае в МИФИ попросту не осталось бы студентов. Однако мягкие кары всегда старались компенсировать самим процессом разбирательства, сопутствующими нравами.

А первым делом нарушителя заставляли писать объяснительную записку — она становилась основным документом для расследования и дальнейших проработок. По-

этому и студенты при их написании выкручивались, как могли. Если опера попадались неопытные, не настаивали обязательно предъявить студбилет (конечно же, «забытый дома»), подписывались фамилиями типа Паровозова, Каценеленбогена, Кошковладельцева, группа и комната проживания назывались наугад — пойдй ищи потом, а найдешь — докажи.

Некоторые объяснительные становились знаменитыми, входили в «анналы» устных студенческих преданий. Так, моего друга Колю Кудрявцева взяли в три часа ночи, когда он под окнами 4-го (девичьего) корпуса пытался исполнять песни под гитару — с тем незначительным уточнением, что на гитаре он никогда в жизни играть не умел. Но был он в таком состоянии, что искренне возмутился задержанием. В штабе оперотряда решил с юридической точностью выяснить, какая вина и на каком основании ему инкриминируется. А когда уставшие спорить опера ткнули его в какой-то пункт правил проживания — о соблюдении тишины в ночное время, Коля счел дипломатически-тонким ходом написать в рифму: «Обязуюсь впредь по ночам не петь».

Володя Гегеле, задержанный в весьма перегруженном виде, сформулировал объяснительную так: «После занятий я с моим другом Леонидом Купченко зашел в кафе „Каширское“, где плотно поужинал». Эта фраза стала настоящим афоризмом, считалась перлом утонченного юмора — потому что «Каширское» было омерзительной забегаловкой, туда ходили только пить. Еды там не брал никто и никогда — она была непригодной даже для студенческих желудков.

А упомянутый Леня Купченко, когда в его комнате позже установленного срока обнаружили двух девушек, выдал не менее знаменитую объяснительную: «Около 22 часов ко мне в гости пришли моя сестра, Лидия Купченко, и некая Никоненкова. Мы с моим другом, Владимиром Гегеле, объяснили им, моей сестре Лидии Купченко и некой Никоненковой, трудные вопросы по матема-

тике. После этого моя сестра, Лидия Купченко, и некая Никоненкова выразили желание научиться играть в покер. Не в силах огорчать их, мою сестру Лидию Купченко и некую Никоненкову, своим отказом, этим мы и занимались. Любой, кто хоть раз видел этих женщин, мою сестру Лидию Купченко и некую Никоненкову, сможет подтвердить: на что-то большее рассчитывать у нас они все равно не могли».

Еще одна своеобразная история произошла с ребятами, учившимися на курс старше меня. Они засели играть в преферанс. В общаге это было дело обычное, но грозило неприятностями. Поэтому сопровождалось строжайшими мерами предосторожности. Игра всегда шла за закрытыми дверями, и не открывали никому, даже на условный стук — ведь его можно подслушать и повторить. Отпирали лишь на знакомый голос. Но тут мужики бдительность потеряли, на стук чуть-чуть приоткрыли — а опера уже наготове ждали, затаив дыхание. Сразу же, штурмом, в комнату вломилась целая орава, парни даже карты убрать не успели.

Но один из них сумел сообразить, перевернул на столе листок бумаги с расписываемой «пулей»: это ведь главное доказательство азартной игры, там черным по белому указаны ставки за вист. Опера на бумажку внимания не обратили, принялись шмонать под кроватями и по шкафам: нет ли вдобавок бутылок? Но бутылок на этот раз не было, взялись за разбирательство. Потребовали объяснительную писать. А ребята обрадовались, что серьезных улик не найдено. Отписали, что играли в подкидного дурака, и вовсе даже не на деньги.

Облава карты конфисковала, объяснительную взяла и удалилась. Но карты, конечно же, имелись в запасе другие. А те, к кому шел выигрыш, заволновались, что надо бы «пулю» дописать — до конца игры немножко оставалось. Хватились самой «пули» — ее-то и нет. В суматохе схватили первый попавшийся листок бумаги и объяснительную об игре в дурака написали на обратной стороне преферансной «пули».

Непонятный термин

На первый курс вместе с нами поступил бывший морячок по фамилии Воробьев, отставной старшина второй статьи. Очень колоритная личность, авторитетная, на все случаи жизни мог дать полезный совет. А к недотепам и оболтусам он обращался со своей любимой поговоркой: «Эх, трахнуть бы тебя клитором по башке!».

Столь сочная фраза быстро стала крылатой. Однажды мы заглянули к девчонкам в гости. Сидим, пьем чай. А Миша Житенев очень любил перед барышнями павлиний хвост распускать. Принялся расписывать, как он делал лабораторную работу — причем рисовал себя настоящим героем науки, чуть ли не открытия совершившим, преодолевая невероятные трудности и опасности:

— ...И тут меня ка-ак тр-рахнет током!

Но Игореша Крылов решил тоже блеснуть интеллектом и поправил его:

— Ну, ты скажешь тоже! Трахает клитором по башке, а током бьет!

Зависла пауза. Девичьи глаза квадратно открылись, и рты тоже — молча. А парни захрюкали в кулаки, толкая Игоря кулаками в бок. Он сообразил — что-то не то. Но что именно, понять не мог. Потом нас недоуменно расспрашивал — чем же он настолько шокировал публику? Как выяснилось, он искренне считал «клитор» каким-то военно-морским термином.

Жертвы моды

В 1970-е годы приобрести модную одежду было задачей сверхсложной. Хорошие промтовары были страшным дефицитом. Их не покупали, даже не «доставали», а «урывали». Или случайно, если в магазине вдруг выкинули и ты рядом оказался. Или у спекулянтов из-под полы.

Конечно, больше всего в такой ситуации страдали девчата. Приедет, первокурсница из глухой провинции. Где-нибудь возле ЦУМа или «Детского мира» ей покажут «с рук» красивую кофточку. Покажут мельком, в укромном уголке — а у нее глазенки разбегутся, она всю стипендию выложит. Ей суют в фирменном пакете «точно такую же», причем в спешке, побыстрее, пока менты не появились. А дома она откроет и обнаружит, что в прозрачном окошке фирменной упаковки проглядывает всего лишь клочок «такой же» ткани — а остальное набито газетами или старым тряпьем.

Ну а если что-нибудь удавалось урвать, то уже без примерок, на глазок. Хватали то, что получилось. Помнится, как-то на конкурсе самодеятельности вышли на сцену дворца культуры подруги с факультета кибернетики. Ради такого случая они надели новенькие импортные колготки. Видимо, сразу и закупили целую партию на всех знакомых. Но колготки оказались им слишком велики. Во время длиннющего номера с песнями и пританцовываниями они начали с девочек сползать, обвисая складками. Те чувствуют неладное, но и сделать ничего не могут — 800 человек на них смотрят. Красные, как в бане, от смущения. Половина в ходе пританцовываний принялась через юбки спадающие предметы туалета подтягивать — стараясь, чтобы это выглядело «незаметно», будто такие движения у них в танце предусмотрены. Другая половина не рискнула — едва номер закончился, путаясь в спустившихся колготках и в слезах с соплями, умчалась их подтягивать за кулисы.

Но не только «прекрасный пол», мужики тоже порой жертвами моды становились. Валерка Косовский приобрел однажды потрясающие заграничные туфли. Одно плохо — жали они ему немилосердно. Но менять то не пойдешь, других таких нет. Он продолжал героически ходить в этих. Набегался однажды по институту — пора была горячая, преддипломная. Сел на лавочку во дворе, классные туфли снял, ноги измученные вытя-

нул, и такое блаженство его охватило, что даже задремал. А в это время от столовой машина ехала, продуктовый пикап. Прокатилась колесом прямо по его вытянутой ноге. Хорошо хоть пикап, а не грузовик, без увечий отделался. Но он больше радовался, что туфли снял, не испортились.

А больше всех модный дефицит подвел Сашу Шарипу. Ему посчастливилось где-то купить джинсы — и не советскую или польскую подделку, а настоящие американские! Но и ему с размером не повезло, слишком узкими оказались. Он на такие мелочи плюнул. Ну и что, если узкие? Попробуй-ка найди где-нибудь подходящий размер! А для того, чтобы хоть как-то их надеть, натягивал без трусов, на голое тело. Однажды он спешил на занятия. Влетел в институт, взбегаёт наверх по парадной лестнице. А навстречу Володя Власов. Окликнул Сашку, тот и обернулся на бегу — и от резкого движения молния на джинсах у него разошлась, все хозяйство нараспашку.

Саша этого не заметил. Так и замер для разговора, одна нога на верхней ступеньке, другая на нижней. Стоят, болтают, а уже потом понимают — вокруг творится что-то не то. Зависла эдакая напряженная тишина. Люди стали останавливаться. Накапливаются и в сторону Сашки с Володей как-то странно пялятся. Ребята не могут понять, в чем дело. Так и стоят, обсуждают накопившиеся вопросы. Лишь спустя какое-то время среди остановившегося народа нашлась хладнокровная девица. Протолкалась через толпу зевак, спокойно прошла мимо парней и на ходу бросила Сашке:

— Ширинку застегни!

Затем Володя прикрывал его своей спиной, пока тот, непослушными от стыда пальцами ковырялся в штанах, приводя в надлежащий вид район ниже пояса. Но и после застегивания Саша до самого конца дня ходил по институту, прикрываясь портфелем, который держал перед собой наподобие фигового листа.

Курица

В нашем общежитии 44-я комната была чем-то вроде вечернего клуба для друзей. Там всегда было приятно посидеть, языки почесать. Жили там очень колоритные фигуры, не раз встречающиеся на страницах этих баек — Леха Ростовцев по прозвищу Змей, Шура Горячев по прозвищу Дятел, и Валерка Косовский, единственный, прозвища не имевший, но по многим параметрам стоивший их вместе взятых. Были и постоянные посетители этого салона, не менее знаменитые, Митрий Архипов и Шура Михотькин — он носил почетный титул «Дедушки русской абитуры», честно им заслуженный, поскольку поступал он в разные вузы более двадцати раз (делая каждое лето по три-четыре захода в разные институты, пока по какой-то случайности не зацепился в МИФИ). Наша 40-я комната с 44-й тоже дружила, вместе нас называли «ревущие сороковые».

Однажды наступила в этом клубе черная полоса — такое безденежье, когда оказались исчерпанными даже возможности стрелнуть у кого-нибудь рубль до стипендии. Но могучий коллективный интеллект принялся настойчиво искать выход из положения. Первой находкой стала заваливавшаяся в шкафу не пойми с каких времен бутылка подсолнечного масла. Родилась гениальная идея питаться гренками. Насобирать по общаге черствого хлеба было довольно просто — пройдишь, попросишь, и люди охотно отдавали каменеющие краюшки, засоряющие полки их шкафов и вскармливающие тараканов.

С чаем и сахаром приходилось сложнее — это все же продукты длительного хранения. Но тут выручила энергия и пронырливость Митрия Архипова. Он не поленился обойти, наверное, все комнаты. Заглядывал и к знакомым, и к незнакомым. Где-то выклянчил, где-то одолжил. Везде по чуть-чуть, по щепоточке, а в итоге набрал с очень изрядным запасом. В первый вечер, когда мы по-

жирали пробную партию поджаренных на постном масле «гренок», восторгам не было пределов. С голодухи они показались чрезвычайно вкусными. За столом шли глубоко научные рассуждения, насколько это питательно.

Потом стали вычислять с логарифмической линейкой, как выгодно будет для дальнейшего питания совсем перейти на гренки — хлеб копейки стоит, а масла вроде бы совсем мало расходуется. Правда, на второй день энтузиазма заметно поубавилось. Потому что запах и привкус несвежего постного масла неистребимо стоял у всех во рту еще со вчерашнего. А на третий день при одном лишь этом запахе Леха Ростовцев не выдержал. Едва успел добежать до сортира, чтобы наизнанку вывернуться.

Ну что ж, будущие физики снова ударились в теоретические поиски. Однако в тот раз что-то не ладилось. Все хитроумные методики выживания, рожденные в общих дискуссиях, не выдерживали практической проверки. Лопались так же быстро, как рождались на свет. А жрать-то хочется, в пузе бурчит. Оставался крайний вариант — «идти на дело». Впрочем, такой способ подкормки для общаги был тоже обычным. Он заключался в том, чтобы свистнуть на кухне, например, жарящуюся картошку, наивно оставленную без присмотра.

Картошка была самым удобным вариантом — ее при случае можно было пересыпать в другую сковородку и спокойно дожаривать на другой кухне — поди проверь, чья. А хозяйскую сковородку могли потом вернуть на место, даже с благодарственной запиской за угощение или с пожеланиями в следующий раз колбаски покрошить побольше. Хотя что там сковородка! Однажды в пятом корпусе девчонкам вздумалось сварить таз клубничного варенья — поочередно, впятером дежурили на кухне. И куда там! Стоило кому-то на мгновение отвлечься, как весь таз прямо с плиты сперли и сожрали.

Из завсегдатаев 44-й в подобных операциях отличался Митрий, самый юркий и отчаянный, а на вид совершенно неприметный и безобидный. Идет себе человек по кори-

дорам — мало ли по каким делам. А что на кухню мельком взгляд бросит — так и любой другой туда посмотрит мимоходом... Но во время очередной такой разведки по этажам беспризорной картошки он нигде не выявил. Народ обеспокоился участвовавшими налетами, стал лучше караулить свои сковородки.

Зато Митрий унюхал, что у Витьки Шамахова ребята курицу варить поставили. Добыча, что ни говори, выглядела завидной. Но и взять ее оказалось ох как нелегко! У Шамахова в комнате собирались бывшие армейцы, пограничники. Парни хозяйственные, основательные и физически крепенькие. Свою курицу они стерегли еще более бдительно, чем на службе какой-нибудь охраняемый объект. А поймают — отделают по первое число.

Митрий и прочая честная компания, подключившаяся к опасной операции, вертелись возле запримеченной кухни, как коты у пузырька с валерьянкой. Разумеется, не показывали вида, что их интересует чужая курица. Шныряли мимо, вроде как невзначай. Старались момент улучшить — если он вообще подвернется. Разработали целую систему прикрытия. В одном конце коридора покуривает Михотькин — чтобы при случае подать знак. В холле, возле телевизора — Ростовцев. У него была задача, если шамаховские ребята появятся не вовремя, окликнуть их и отвлечь разговором, выиграть хоть несколько секунд. А момент они все-таки улучили. Очередной дежурный отлучился с кухни за лавровым листом. Митрий вынырнул тут как тут. Геройски ухватил кипящую кастрюлю голыми руками — на обертывание ручек и прочие предосторожности времени не было, и — ходу! Тютелька в тютельку успел домчаться до 44-й и юркнуть вовнутрь.

Но только армейцы, обнаружив пропажу, конечно же, возмутились. Подняли по тревоге всех корешей, пошли перетряхивать комнаты. А 44-я, несомненно, попадала под подозрение. Ведь ее обитатели поблизости крутились. Кто-то даже сумел подметить, в какую сторону облач-

ко пара по коридору стелилось. Похитители прислушались сквозь двери — опасность приближается. Экстренно скрыли все следы. Курицу запихнули в шкаф, а сами прямо в одежде юркнули под одеяла и свет погасили. Посторонних, Митрия и Михотькина, спрятали под кроватями. На стук разъяренных армейцев открыл Ростовцев, изображая заспанный вид и потягиваясь — у нас, мол, давно уже легли. Потерпевшие заглянули в комнату — вроде и впрямь спят. Отправились искать в других местах. А наши героини после этого начали репу чесать — что же с курицей делать? Поскольку она оказалась еще совсем сырая. Но армейцы этот фактор тоже учли, на всех этажах выставили посты: засечь, где будут ее доваривать. И никуда не сунешься.

Кастрюлю пробовали греть, поставив на рефлектор электрического обогревателя. Ничего не вышло — вода не закипает. Но желудка бурлили, и решили попробовать так. Стали у курицы ногу отдирать — но у сырой и у вареной ее отодрать совсем не одно и то же. Тянули вместе в разные стороны, ножиками колупали, полотном от ножовки пилили. Лишь минут через 30 ампутировали. Сами при этом взмылились, курицу истерзали до неузнаваемости. Откусили кое-как, стали жевать, друг на дружку поглядывая. Кто выплюнул, когда жевать надоело, кто сумел проглотить. Но и те, кто проглотил, продолжать такую трапезу раздумали. Пришли к выводу, что питательных веществ уже приняли в себя достаточно, и их организмам пока хватит.

А вот дальше эта история покрыта тайной. Потому что легли спать — все впятером, Митрию с Михотькиным из-за армейских постов выход в коридор оказался закрыт, они тут же на полу примостились. А наутро вдруг обнаружилось, что сырую курицу все-таки сожрали. Целиком. Но не признался в этом ни один. Кто же ее слопал, до сих пор остается загадкой. Каждый из участников события, с кем мне потом приходилось встречаться, продолжал доказывать собственную непричастность и приводить доводы в пользу других.

Почем нынче трупы?

Митрий Архипов появился у нас на третьем курсе, перевелся из Рязанского пединститута. Учили и спрашивали в МИФИ строго, на первых двух курсах отсеб был очень заметным — например, в нашей группе из 25 студентов вылетели семеро. Но потом потери в какой-то мере пополнялись «допнабором» — с потерей курса переводили лучших студентов из провинциальных вузов. Вот с таким допнабором Митрий к нам и попал. Но очень быстро стал не только «своим» в нашей среде, а одной из самых известных личностей. Без него общежитие как-то даже трудно было представить.

Он вообще очень легко сходился с людьми. Для друзей готов был отдать последнее. А если у него самого ничего нет — найдет. Например, зубрим перед экзаменом, в три часа ночи надо бы чаю достать, чтоб носом не клевать. Он где-то походит, порыскает — и из-под земли достанет. Но и во всех сомнительных предприятиях и откровенных авантюрах Митрий оказывался самой активной и незаменимой фигурой. Причем проявлял очень цепкую и недюжинную деловую хватку.

В те времена частного предпринимательства в Советском Союзе еще не существовало. Но в темах студенческой болтовни оно постоянно фигурировало — особенно в те периоды, когда с наличностью было туго. Валяемся у себя в комнате или на чай к соседям забредем — и изобретаем какие-нибудь сногшибательные проекты, способные «стопроцентно» принести солидную, по нашим масштабам, прибыль. Но дальше теории такие проекты никогда не шли. Обсуждались, не отрывая задницу от кровати или сиденья стула. Но Митрий, если считал, что идея заслуживает внимания, не упускал попытки претворить ее в жизнь.

Однажды он додумался скупать по дешевке пустые бутылки и сдавать их. В те времена стеклотару от пива принимали почти в каждом магазине. Но от водки или

вина — далеко не везде и не всегда. Только в вино-водочных отделах, на обмен, «одна на одну». Существовали специальные пункты приема бутылок и банок. Но их было мало. Очень часто они красовались закрытым окошком и табличкой «нет тары». А если были открыты, возле них завивался длиннющий хвост очереди из алкашей, профессионалов-сборщиков. В общем, полдня простоишь. Ко всему прочему, штопор в общаге считался ненужной роскошью, и пробки от вина чаще всего пропихивались вовнутрь, делая бутылку непригодной к сдаче.

А Митрий подсчитал, что в одном корпусе общежития больше двухсот комнат. В студгородке — четыре корпуса. И в каждой комнате наверняка пылится по пять-десять пустых бутылок. Такое количество сдавать не повезешь — себе дороже. Значит, их можно за полцены скупить, а которые с пробками — вообще за копейки. В итоге получится очень даже неплохой бизнес. Расчеты оказались блестящими. Друзья одолжили оборотный капитал и скупили по комнатам несколько мешков посуды. В 44-й соорудили специальный станок для извлечения пробок: привязали к дверной ручке проволочную петлю, ее запускали в горлышко бутылки, зацепляли пробку и тянули, она вытаскивалась довольно легко.

В назначенный день отправили двоих разведчиков. Один занял очередь, второй вернулся и сообщил — пункт приема стеклотары работает. Для перевозки было нанято такси, багажник и салон загрузили громахующими мешками и благополучно доставили их на место. Правда, без приключений не обошлось. Стояли в очереди еще долго. А рядом с пунктом приема была пивнуха. В ней и рядом с ней, на свежем воздухе, народ распивал не только пиво, но и то, что покрепче, принесенное с собой. Митрию показалось обидным напрасно терять время в очереди. Он попытался по пивной охотиться за оставленными бутылками. Но там аналогичным бизнесом промышляли местные бабки. Митрий сперва конкурировал с ними успешно, сумел штук пять из-под их носов выхватить. А потом за очередную бутылку ухватились одновременно он и баб-

ка. Тянут каждый к себе, ругаются, чуть не подрались. Но она на подмогу созвала других таких же бабок, набросились на Митрия стаей и со скандалом изгнали самозванца со своей территории. Хотя в целом операция оказалась очень рентабельной. Ее потом несколько раз успешно повторяли, да и некоторые другие студенты начали перенимать полезный опыт.

Но Митрий успел испробовать и другие способы бизнеса, совсем уж экзотические. Однажды мы стали рассуждать о платном донорстве. Вроде бы кто-то где-то слышал, что подобным образом можно неплохо подработать. Мы-то языки почесали и забыли, а Митрий сделал себе закладку в памяти. В очередной период безденежья уверенно отправился на станцию переливания крови. Заявил, что всегда мечтал стать донором, спасти жизни больных и пострадавших. Его приняли с распростертыми объятиями. Расхваливают его благородный порыв, чуть ли не пылинки сдувают, со всеми почестями укладывают на кушетку укладывают, не забыв ее застелить чистенькой, свеженькой простынкой. Он от подобного внимания совсем расплылся, разомлел. Но в последний момент все-таки не забыл уточнить — почему они кровушку покупают?

Ему с радушными улыбками объясняют — да что вы! У нас безвозмездно! Он вскочил с кушеточки, как ошпаренный. Сорвал резиновые жгуты, которые ему уже накрутили на руку, и вон оттуда. А ему вслед несутся удивленные возгласы — дескать, куда же вы, молодой человек? А как же ваши благородные мечты и душевные порывы? Но Митрий их уже не слушал, на столь грубую лесть не поддался. Поехал искать платный донорский пункт. Все-таки нашел. Но он оказался один на всю Москву. Там стояла дикая очередь из алкашей, подрабатывающих таким способом на выпивку. Наш герой заглянул в открытое окошко, как там пропускали этот донорский конвейер — грязища несусветная, персонал в замызганных халатах, весь пол и простынки, которые никто менять даже не думает, заляпаны засохшей кровью. Тут даже Митрию не по себе стало, соваться туда он не рискнул.

А еще среди студентов ходила байка, что можно заключить договор, завещать для науки собственный труп — на скелеты и прочие учебные пособия. И по такому договору вроде бы большие деньги платят. Эту версию доводилось слышать много раз, ее пересказывали друг другу разные люди — просто так, блеснуть эрудицией и свободное время в болтовне скоротать. Но Митрий был единственным, кто счел информацию заслуживающей внимания. С серьезными намерениями поехал в анатомичку мединститута.

Заявился к служащим, сидевшим у входа, и объявляет: так и так, мол, я по делу — где тут у вас трупы покупают? Те прибалдели от подобного вопроса. Опасливо жмут плечами, переглядываются то между собой, то на него, то на телефонный аппарат. Но, видимо, так и не решили, куда им звонить: ноль-два или ноль-три? А Митрий — человек настойчивый. Продолжает выяснять: дескать, чего жметесь-то? Вы прямо скажите, трупы вам нужны или нет? Те наконец сообразили препроводить его к начальству.

Повели по длинным кафельным коридорам к какому-то профессору. А он как раз вел с группой студенток занятия в анатомичке. Спрашивает: «Вам чего, молодой человек?». Митрий отвечает: «Да так, хочу вам труп продать». Студентки — в шоке, профессор аж дар речи потерял. Потом ошалело уточняет: «Чей труп?». «Как это чей? — жмет плечами Митрий. — Мой!» При этом поясняет, что возьмет совсем недорого, сотен пять. Правда, в байках фигурировали более скромные цифры — рублей двести-триста. Но Митрий боялся продешевить. Тело единственное, другого не будет. Вот и решил заломить побольше, а если будут возражать, можно и поторгаться.

Начал рекламировать, что труп у него будет хороший, добротный. Выразил понимание, что за глаза товар только дураки берут, но он-то здесь. Предложил, что они могут хоть сейчас посмотреть, он не возражает, если надо, разденется. После этого ситуация сложилась неопределенная — то ли профессору пришлось приводить в чувство и откачивать студенток, то ли студенткам профессора.

Но факт тот, что в ходе этих взаимных приведений в чувство кто-то из них догадался, о чем идет речь. Сказал гостю, что вообще-то такого рода сделки не практикуются. «А-а-а, ну тогда извините», — спокойно развернулся Митрий и поехал домой.

Кстати, впоследствии он так и пошел не по инженерно-физической, а по «деловой» линии. Стал бизнесменом, организовал собственную фирму, проявив на этом поприще изумительные таланты.

Умейте сдавать

Приходится слышать, что в нынешние времена, если студент ни шута не знает, ему приходится компенсировать свою дурость материально, нести подношения преподавателям, и в разных вузах давно уже выработалась соответствующая такса. Нет, вот такого у нас не было. В советскую эпоху за взятку слишком строгая ответственность грозила. Да и что было взять с тогдашних студентов? Но и в те далекие годы сдача экзаменов обеспечивалась не только знаниями. Существовало особое искусство сдачи. Тут уж требовалось быть и психологом, и стратегом, и тактиком, и актером, и сам себе режиссером.

Например, мы знали, что некоторые молодые преподаватели, делающие себе карьеру, обязательно ставят на каждом экзамене по несколько двоек. Но ставят их строго в ограниченном количестве. Чтобы продемонстрировать начальству собственную строгость и принципиальность — но и показать высокий уровень своей преподавательской работы: что основная часть студентов у них прекрасно усвоила курс. Вот тут приходилось гадать и прикидывать — когда идти к такому экзаменатору? В начале экзамена? А вдруг он как раз в начале будет набирать обязательное число «бананов»? Или в конце? А вдруг он в начале не доберет нужного количества?

Важно было и выбрать правильный имидж, на каком экзамене и как себя держать. Допустим, изображать вун-

деркинда, готового даже спорить с преподавателем, отстаивая собственные взгляды. Или скромненького трудягу, просидевшего штаны над зубрежкой. И в том, и в другом случае можно было получить крупный выигрыш, но можно было и крупно нарваться. Некоторые преподаватели не терпели «выскочек», но другие не любили «серости».

Особенно трудные психологические задачи приходилось решать девчонкам. Было время, когда их в МИФИ вообще не принимали. Потом стали брать только на один факультет, кибернетики. А за несколько лет до нашего поступления начали брать и на другие факультеты, но мало, по одной-две на группу. Где-то в верхах решили, что так будет полезнее, при девушках парни будут лучше себя вести. Но такое новшество одобрялось не всеми профессорами, кое-кто сохранял уверенность, что девицам в науке не место. Поэтому им следовало учить, к каким преподавателям попадать нежелательно. Да и с другими как себя вести? Или юбочку надеть покороче, в меру кокетства подпустить, глазками похлопать? Или с кем-то подобные приемы категорически противопоказаны, нужно, наоборот, изображать из себя эдакую бесполоую швабру, прокисшую над конспектами и учебниками? Одна подруга из нашей группы так и вылетела с первого курса. Слишком понадеялась на свое женское очарование и на всех экзаменах напропалую стреляла глазками и улыбками. Дококетничалась очень быстро — на аскетичной кафедре общей физики решили, что «науке такие не нужны».

Конечно, в тактике сдачи экзаменов помогал опыт предыдущих поколений студентов. Но не всегда. Скажем, нас научил предшествующий курс, что на военной кафедре перед экзаменом обязательно нужно поставить преподавателю пузырь коньяка. Под благовидным предлогом — якобы в честь окончания курса, в благодарность за науку. Уверяли, что военные от этого никогда не отказываются, а после «презента» и экзамен пролетит, как по маслу. Но как раз наш преподаватель, подполковник Шишкин, оказался исключением — непьющим и принципиальным. Так нас взгрел за «презент», что мало не показалось.

Или еще нам старшекурсники объяснили, что на при сдаче курсового проекта по конструированию приборов и установок смотрят только листы с чертежами, которые мы намалюем. А пояснительную записку к этим чертежам никто и никогда читать не будет, там можно писать что угодно, абы страницы чем-нибудь заполнить. Мы поверили, а один парень вообще решил выдрючиться. Там указывались конструкционные материалы для всех деталей, и он указал, что болты и гайки изготовлены из мореного дуба. И даже пояснил в графе «Примечания»: «а почему из мореного, потому что эту ерунду никто не прочитает». Но как раз его-то записку и прочитали. Ржали над ней всей кафедрой, а что поставили — сами понимаете.

А для сдачи экзаменов иногда изобретали собственные, оригинальные методы. Помню, как кто-то вместо ручки взял карандаш с ластиком на конце. Ему задают вопрос, он пишет ответ, а если он оказывается неверным, тут же стирает. Когда по общим итогам ему хотели поставить тройку, он поднял скандал и начал громко возмущаться, потрясая экзаменационным листом, где не значилось ни одной ошибки.

А староста нашей группы, Витя Шамахов, очень хорошо умел разыгрывать искреннее и наивное удивление. Преподаватель ему говорит, что вот здесь он написал неправильно. На самом деле будет не так, а вот так-то. Витя изумленно ахает: «Да-а? Точно, что ли? А вот в этом случае тоже не так?». Исподволь стрелки переведет, и получается, что не преподаватель ему вопросы задает, а он преподавателю. Тот в раж войдет, все ему растолкует, что от Вити хотел услышать. Потом спохватится, что слишком долго возится с одним студентом, да и поставит троечку, а то и четверку.

У меня на первых курсах была своя тактика — почти на всех экзаменах лез отвечать «без подготовки». Заглядываешь в билет и, если только видишь, что знаешь его хотя бы на тройку, тут же вызываешься. Ведь по неписанным правилам сдачи экзаменов без подготовки положено ставить на балл выше. Если даже на дополнительных вопро-

сах поплывешь, заслуженная тройка превратится в четверку. А для стипендии больше и не надо. Помнится, когда я таким нахрапом сдал математический анализ и вышел из аудитории, удивленный профессор Малов спросил у моих одноклассников: «Он что у вас, гений или просто наглец?». Но потом такая методика сама собой прикрылась. Предметы посложнее пошли, «на ура» уже не рванешь.

А у Валеры Аверина по прозвищу Донбасс другая любимая тактика была — он на экзаменах начинал плакать, если двойку ставили. Зрелище, я вам скажу, было неординарное. Амбал «семь на восемь» вдруг заливается слезами в два ручья. Хлюпает о своем трудном детстве, голодном существовании и о том, что родители его теперь со свету сживут. И срабатывало! Хотя, скорее всего, не из-за жалости преподавателей, а из-за брезгливости. Экзаменаторы, видя столь отвратную картину, чувствовали себя явно не в своей тарелке. Вот и спешили избавиться себя от его присутствия. А то ведь еще на переэкзаменовках придется встречаться. Но он потом совсем обнаглел. Стал рыдать даже не из-за двоек, а из-за троек, вымаливая четверки. А пару раз аналогичным образом пятерки вместо четверок выклянчивал. Пользовался этим методом до четвертого курса. Пока не нарвался на уже упоминавшегося профессора Евстюхина по прозвищу «Ж...». К трагическим эмоциям он оказался совершенно невосприимчив. А сама мольба Донбасса привела его в полное недоумение:

— Вы не хотите тройку? — искренне удивился он. — Ну ладно, как хотите.

Пожал плечами и вывел в зачетке жирную двойку.

Полеты во сне и наяву

Среди самых знаменитых историй, периодически будораживших и потешавших студенческое общество, были полеты из окон общежития. На моей памяти они случались трижды.

Одна была в 4-м корпусе, там на двух верхних этажах жили девушки, а на нижних — парни. Как-то вечером моя знакомая, Надя Мироненкова, лежала у себя в кровати на пятом этаже. Соседки куда-то ушли, а она книжку читала, уже собиралась спать. Вдруг стук в дверь. Заваливается компания ребят с третьего этажа. Лыко вяжут с трудом, но кое-как объясняют, что у них нечаянно захлопнулся дверной замок. Но форточка осталась открытой, в окно залезть можно. Комната, куда им надо попасть, находится внизу, прямо под комнатой Надежды. Они стучались на четвертом этаже в такую же комнату, но там никого нет дома. Поэтому они просят об одолжении: разрешить им связать вместе простыни, они по простыням спустят из окна своего товарища. Он проникнет домой и откроет изнутри дверь.

Надежда была подруга спокойная, невозмутимая. За годы жизни в общежитии и не такого навидалась. Ладно, говорит, валяйте, мне-то какое дело? И дальше свою книжку читает. Парни содрали с кровати простынки, кое-как соорудили из них канат — примерно как в фильмах о побегах из тюрьмы. Одного из своих обвязали под мышками и отправили вниз за окошко. Остальные, четверо или пятеро, встали цепочкой и удерживают другой конец, потихоньку его опуская. Вдруг с ними что-то произошло. Выглядело это точно так же, как на соревнованиях по перетягиванию каната — если одна команда резко отпустит свою сторону. Все, кто удерживал простынки, очутились на полу. Грохнулись в кучу малу и хохочут, возьматся, выбраться из кучи пытаются.

Но Надежда решила от книжки все-таки оторваться и охладила их буйное веселье. Напомнила: а как же ваш приятель за окном? Ведь, наверное, веревка не случайно ослабла. Только тогда спохватились, потянули за свой канат и обнаружили — слишком уж легко тащится! Простынки в общежитии были старенькими, стиранными-перестиранными, и одна из них тяжести не выдержала, оборвалась. Они кинулись к окну, а их товарищ приземлился на клумбу. Сидит и чего-то мычит. Но живой и здоровый, толь-

ко задницу себе отшиб. Что подтверждает древнюю мудрость — дуракам везет.

Другой случай произошел в прямом смысле на моих глазах. Была летняя сессия, жарко, окна настезь открыты. Сидим у себя в 40-й комнате и готовимся к экзаменам. Вдруг сверху что-то большое просвистело, шмякнулось, брякнуло. Мы высунулись — но ничего вроде бы нет. Потом выяснилось, что наши соседи из 39-й комнаты отмечали сданный экзамен. А дело в том, что у нашей комнаты и двух соседних окна выходили на бетонный козырек над входом в корпус. Если очень спешишь, можно было на улицу не через дверь выйти, не в обход по лестнице, а из окна на козырек, а оттуда спуститься по железной решетке. Таким путем получалось несколько минут выиграть.

Но в тот раз наши соседи праздновали не у себя дома, а у друзей на третьем этаже. Как обычно, закупленного пива не хватило. Спешно стали снаряжать «гонца». Спихнулись, что до закрытия магазина осталось десять минут, каждая секунда на счету. Чтобы не опоздать, один из наших соседей подхватил сумки с пустыми бутылками и дунул «по кратчайшему маршруту». Через окно. Совершенно забыв, что он не у себя, а этажом выше. Правда, грохнулся в два этапа — сначала на край козырька, а потом оттуда вниз скатился. Отделался тоже сравнительно легко — двумя сломанными ребрами и вдребезги перебитыми бутылками.

Но особенно нашумело приключение в комнате Володи Гегеле. Двое его соседей, Смирнов и Демешкин по прозвищу Гигант, побывали на вечере в одном из «женских» вузов — то ли «медов», то ли «педов». Подцепили двух подруг и закрутили с ними мимолетный романчик. Уж не знаю, что они наплели своим девицам, чем приворожили их сердца. Но через некоторое время обе дамы, не имея вестей от своих возлюбленных, решили сами их отыскать. Причем они знали только имена, знали, что их кавалеры из МИФИ и живут в общежитии. Но девушки оказались очень целеустремленные и озабоченные.

Наугад прикатили в студгородок, намереваясь расспрашивать всех встречных. Хотя им повезло сразу же. Наш 2-й корпус был ближайшим к автобусной остановке, а Гиганта из-за его роста там каждый знал.

Парням они свалились как снег на голову. Никто их, собственно, не ждал, и продолжения отношений оба рыцаря вообще не планировали. Но раз уж явились гости, принять их следовало по-джентельменски. Володя Гегеле тут же отправился в кино на две серии: ясно же, что пятый — лишний. А его товарищи пошли за вином и закуской. Но при закупке явно перестарались. Набрали какой-то дешевый азербайджанский портвейн абсолютно убойного качества и в убойном количестве. В результате обе влюбленные пары слишком быстро дошли до абстрактно-философского состояния.

Гигант, благодаря своей комплекции, еще кое-как держался. Уполз с дамой в свой «отдельный» закуток, отгороженный шкафами. Хотя и там дальше разговоров за жисть дело не пошло. А Смирнов вообще скис. Подруга его тормозила-тормозила и пришла к выводу, что он ее совсем «не любит». А поскольку она и сама витала под слишком романтическим градусом, то решила порвать отношения символично, эффектно. Залезла на подоконник и говорит:

— Раз так, то я, пожалуй, пойду!

Смирнов механически кивает:

— Ну, иди, — очень рад, что его наконец-то оставят в покое.

Она и «пошла» с третьего этажа. Смирнов встrepенулся. Позвал Гиганта. Глянули вниз — подруга сидит на газоне. Вроде шевелится, только встать не может. Они у нее сверху, из окна, поинтересовались самочувствием. Ответила, что, наверное, ногу сломала. Но ребята решили быть джентльменами до конца. Позвонили с телефона вахтерши и вызвали девушке такси. Пускай с удобствами едет к себе домой, а остальное — ее дело.

Возможно, вся эта история прошла бы гладко и тихо. Но в это время из душевой к общежитию возвращался секретарь институтского комитета комсомола, Саша Ка-

лин. Полет произошел на его глазах. Он побежал в штаб оперотряда и поднял тревогу — вот, мол, до чего народ распустился, уже баб из окон выбрасывать начали.

Обоих кавалеров повязали. Опера взялись за них серьезно. Для допроса, как полагается, разъединили. Гигант еще держался на ногах, и его увели в штаб. А Володя Гегеле как раз вернулся домой и застал в комнате весьма живописную картину. На кровати сидел Смирнов, икающий и обвисший. Перед ним стоял наготове заблеваный тазик. А вокруг полуколыцком расселись опера, напряженно вслушиваясь в его слова и ожидая, когда же он все-таки проговорится, расколется. Но Смирнов, как заевшая пластинка, повторял одно и то же:

— Из нашего окна вышла баба, но мы ее не выбрасывали... из нашего окна вышла баба, но мы ее не выбрасывали... Бэ-э-э... — тут его очередной раз выворачивало в тазик, а потом он заводил снова: — Из нашего окна вышла баба, но мы ее не выбрасывали...

Появившегося Володю тоже повязали — и долго допытывались, не он ли и есть главный организатор преступления? Основной уликой сочли, что он появился лишь потом, оказался вроде как совсем ни при чем и слишком тонко изображал, будто ничего не знает. Однако его вину доказать не удалось, и операм пришлось от него отцепиться — хотя и с явным сожалением. А Гиганта со Смирновым отчислили. Когда отслужили в армии и дури немножко поубавилось, восстановились и доучивались.

Шерши ляфамов!

Помните литературную классику, которую в школе проходят? Письма Татьяны Онегину и в обратном направлении, любовные переживания Наташи Ростовской и Анны Карениной, героев и героинь Тургенева? Судя по всему, подобные произведения очень подействовали на одного из студентов МИФИ, Смирнова. Он приходился однофамильцем герою, проводившему свою барышню из окна, но

его чаще называли по прозвищу — Смирман. Хотя кто его знает — может, он не отечественной классики начитался, а Гете, «Страдания молодого Вертера»? А может, Золя или Вальтера Скотта.

Во всяком случае, Смирман совершенно замучил окружающих своими собственными любовными страданиями. Придет со свидания и начинает расписывать во всех деталях, вспоминает каждое слово, каждый поцелуй и сопутствовавшие ему ощущения. Бережно хранил использованные билеты в кино, засушенные цветочки. Да ладно бы хранил — но при каждом удобном случае лез демонстрировать товарищам эти сокровища и свое отношение к ним. А когда его роман завершился печально и подруга вышла замуж за другого, тут вообще от трогательных воспоминаний житья не стало. Мужики уже сами жалели, что она за другого вышла и многократно выслушивать историю их любви приходится не ей, а соседям по комнате. Хотя неведомую подругу вполне можно было понять — тут поспешишь выскочить за кого угодно, только бы не слышать этих постоянных романтических излияний.

Как только они возобновлялись, товарищи уже торопились удалиться, вспоминали про срочные дела, а если дома занимались, предпочитали уйти куда-нибудь к друзьям в другую комнату. Но Смирман не унимался, хватался за любых новых слушателей — и вскоре почти все досконально изучили отвергшую его девицу, подробности их печального романа. Неудивительно, что через некоторое время он вдруг получил от своей подруги трогательное письмо. Страдалец, обрадованный до небес, прибежал с ним в свою комнату, покрывая конверт поцелуями. Распечатал и принялся зачитывать вслух.

А дама его сердца сообщала, что живет с мужем плохо, он грубый, обижает ее, ревнует и денег не дает. Поэтому она, хоть и поздно, поняла, что единственной настоящей любовью в ее жизни был Смирман. С грустью вспоминала несколько памятных моментов их отношений, а в конце концов назначала свидание в такое-то время возле студгородка. Писала, что муж будет в отъезде и она не-

пременно вырвется. Влюбленный герой, захлебываясь в нахлынувших чувствах, несколько раз перечитывал полученное послание соседям по комнате. Хотя они, как авторы, и без того знали его назубок.

В назначенный день Смирман смотался в магазин, купил вина и водки. Вино — для свидания. А водку, как было принято в подобных случаях, выставил товарищам с просьбой, чтобы комната была в полном его распоряжении. Конечно же, те выразили полнейшее понимание. Водку слопали и пообещали: как только Смирман приведет гостью, они немедленно улетучатся в кино. Но в этот вечер они забавлялись другим кино. Место свидания выбрали таким образом, чтобы оно просматривалось из окна. Вид влюбленного, поглядывающего с нетерпением на часы и кидающегося навстречу то одной, то другой появившейся юбке, стоил перwokлассной комедии. Когда Смирман вернулся с разбитым сердцем и новой порцией упоительных амурных страданий, товарищи душевно его утешили: мало ли что случилось? Может, заболела или муж не пустил? Давай-ка, мол, лучше вино твое допьем, чего ему зря пропадать!

Миновала неделя или две, перепевы всколыхнувшейся любви совсем стали зашкаливать, и вот один из соседей, спустившись на первый этаж, где выкладывали почту для студентов, возвращается и говорит с деланным равнодушием:

— Тут тебе еще какое-то письмо пришло...

Влюбленный кидается коршунуном и обнаруживает — конечно же, письмо опять от «нее». Мгновенно вскрывает и торжествующе начинает всем вслух зачитывать. В начале — сетования и объяснения, что приехать не смогла, муж вернулся не вовремя, и пришлось дома сидеть. А дальше пошла уж такая лирика, что читавший ее страдалец растрогался до слез:

— А вчера ты мне во сне приснился. Будто лежу я в своей кровати, а ты опускаешься ко мне, словно ангел с неба, — тут он носом хлюпнул и продолжил соответствующим тоном: — Спускаешься ко мне, словно ан-

гел с неба, и ну меня е..., и ну меня е...! И такой инджой! И такой инджой!.. («инджой» по-английски — «наслаждение». — Прим. авт.).

Только на этом месте Смирман затормозился, перевел квадратные глаза с письма на товарищей, не способных больше сдерживаться и покотившихся в конвульсиях. Когда до него наконец-то дошло, соседи были вынуждены спасаться бегством. Зато от его дальнейших лирических излияний комната избавилась навсегда.

Впрочем, литературные и кинематографические любовные мелодрамы оказали глубокое влияние не только на Смирмана. Другой такой же «страдалец», Миша Житенев, учился в нашей группе. Тоже всех совершенно достал бесконечным устным сериалом о глубоких чувствах к особе, которую он встретил на институтском вечере, об извилистых путях ухаживаний и прочих подробностях своего вдохновенного романа. Но Мишу от этой привычки вылечил Витя Филиппов. Возлюбленная Житенева училась в балетном училище. И стоило ему только показаться в пределах слышимости, как Витя сразу заводил с кем-нибудь глубокомысленную беседу: правда ли, что балерины бреют интимную область? Начинал детально разбирать все аспекты данной проблемы. Например, если балерины выходят замуж, они с мужем пользуются разными бритвами или одной, по очереди? Выражал балеринам искреннюю жалость, обсуждая, как дерут кожу лезвия «Нева».

Житенев, уловив этот разговор, начинал накаляться и взрывался воплями: «Ироды! Пошляки! Ничего святого для вас нет!». Но Витя спокойно оглядывался, будто до сих пор не подозревал о его присутствии, и пожимал плечами: «Слушай, а ты здесь причем? Мы вроде о своем разговаривали. Мы же не встречаем, когда ты о своем говоришь. Ой, погоди! Ведь ты тоже что-то рассказывал про балерин! Ты как раз кстати! А то у нас вопрос возник, может быть, ты нам объяснишь...»

После нескольких сеансов подобной профилактики любовно-словесные поносы Мишки резко пошли на убыль.

Застолья и последствия

Анекдотических случаев по пьянке, конечно же, случилось предостаточно. Например, очень выделялся подобными подвигами Леня по прозвищу Купа. А усугубляя он частенько, причем его не останавливали даже финансовые проблемы. Личностью он был чересчур заметной, эдакая туша «далеко за сто». В студгородке его каждая собака знала, все пообщаться с ним любили за веселый нрав, он сразу становился душой любой компании. Поэтому даже с пустыми карманами ему постоянно где-нибудь обламывалось, было бы желание — а желание у Лени было всегда. Но когда зашкаливание превышало определенную норму, он имел еще одну особенность. Энергия начинала бить через край. Он принимался бегать по разным этажам, по всем знакомым, пока не залетал в какую-нибудь неприятность на собственную крупногабаритную задницу. Запираания в комнате не помогали — весовая категория у него была соответствующая, силушкой Бог не обидел, и попытка его закрыть, пока не проспится, кончалась вынесенной дверью.

А слушался он в подобном состоянии только одного человека — грузина Мелко Хуциева. Хотя причины этой покорности лежали вообще за пределами объяснимого. Мелко-то был физически слабым, хромал, но стоило ему приказать властным голосом, как Купа подчинялся беспрекословно. И вот, когда он начинал колобродить, соседи бежали за Хуциевым. Тот приходил и требовал от Лени снять и сдать ему трусы. Предварительно заводил его в чужую комнату, чтобы он не смог воспользоваться запасными предметами туалета — чужие трусы или штаны Купа по своей комплекции натянуть все равно не сумел бы. После конфискации интимного белья ему приходилось сидеть тихо, не высовываясь в коридор, или ложиться спать. Правда, случалось и так, что он начинал бегать по общежитию без трусов. Но это означало уже крайнюю степень неуправляемости, и спасательные возможности считались исчерпан-

ными. Хотя вступал в действие другой защитный фактор — все знали, что без трусов забирать его и тащить через весь студгородок опера не станут. Значит, морды им Леня не поворачивает. Ну а если обвинения ему предъявят потом, то пускай сам выкручивается на трезвую голову.

А Леха Ростовцев однажды прославился тем, что крупно погудел где-то в центре Москвы. Приехал в общагу в два часа ночи на «мерседесе» с дипломатическими номерами, причем без ботинок — в одних носках по ноябрьской погоде. Да еще и приволок с собой типа, которого сегодня назвали бы бомжом. Дипломатический «мерседес», высадив их, уехал. Пьяный бомж улегся на полу, а наутро, проспавшись, ушел. А когда продряхся Леха, то выяснилось, что он ничегошеньки не помнит. Сколько ему потом ни рассказывали о его феерическом появлении, он так и не поверил. Вплоть до окончания института утверждал, что такую несуразную чушь мы явно выдумали.

Саша Разумов, возвращаясь как-то из кабака, влез в один из последних, полупустых трамваев. А когда вагоновожатая поинтересовалась, куда ему надо, сказал:

— Езжай прямо, а там скажу, где свернуть.

Нечто подобное произошло и с компанией наших ребят, гудевших со стройотрядовской полочки. С деньгами они почувствовали истинно купеческий размах. На обратном пути вышли из метро «Каширская». Там до общежития ходило несколько автобусов, всего две остановки. Но нет, им втемяшилось непременно шикануть, снять такси. Осуществить это не получалось, вечером ни одной свободной машины не проскакивало, а ждать им было невтерпеж. Тогда возникла идея «снять автобус». Залезли в обычный рейсовый, подошедший к остановке, одни принялись «с шефом договариваться», а другие почему-то сочли, что автобус они уже «сняли», и начали пассажиров выгонять.

Самым сообразительным оказался шофер — мгновенно придумал, как ему подзаработать и скандал в салоне прекратить. Сказал, что на «снятие» автобуса согласен, но только при условии, что парни утихомирятся и не станут

препятствовать ехать «попутным» пассажирам. Маршрут-то все равно проходил мимо студгородка, а от остановки до корпуса общежития было метров 30. Автобус сделал небольшой крюк, прямо к дверям. Но зрелище было еще то! Студенты из окон общаги ошалело уставились на подруливающий автобус с пассажирами. А из окон автобуса ошалело уставились пассажиры — куда это их завезли?

А одна группа с нашего курса праздновала где-то в центре Москвы окончание летней сессии. До такой степени напраздновалась, что задумала поиграть в индейцев. Когда один из чингачгуков пополз по-пластунски по переходу через улицу Горького, то, конечно же, рядом возник милиционер. Некоторое время он осторожно приглядывался к ползущему, потом подошел и поинтересовался — что с ним? Тот приподнял голову и прошептал:

— Тс-с-с! Я на тропе войны!

Милиционер от такого ответа настолько растерялся, что даже не забрал.

Стройотряды

Очень ярким и незабываемым явлением были студенческие стройотряды. Каждое лето их отправляли на разные стройки с помпой, музыкой, торжественными митингами и речами комсомольских работников. Была особая стройотрядовская форма, довольно красивая, у каждого института — свои нашивки. О стройотрядах слагали песни, писали во всех комсомольских газетах, их показывали в кинохронике и по телевидению.

Но только все, что слагали, писали и показывали, было полнейшей собачьей чушью. Реальные стройотряды четко подразделялись на две основных категории — «шабашки», куда попасть было очень трудно, и «обязаловку», от которой еще труднее было отвертеться.

«Шабашки» ездили обычно куда-нибудь далеко — на Север, в Сибирь, и зарабатывали они очень прилично.

Но туда набирали лишь хороших специалистов с разрядами по строительным специальностям, да и то не всех, а по рекомендациям, и зарабатывали они прилично. Причем заработок зависел не столько от места работы и квалификации, сколько от командира. Командиры в «шабашках» были профессионалами своего дела, уже знали места, куда надо ехать на заработки, и отправлялись туда из года в год. Там у них было все схвачено, они знали подходы к местному начальству, все юридические тонкости. А стройотрядовское движение открывало серьезные возможности для махинаций.

Например, для студентов предполагались различные льготы, в том числе налоговые. Значит, было выгодно записать на них работу, сделанную кем-то другим — а разницу, так сказать, в долевом участии. «Под стройотряд» иногда получалось выбить дефицитные стройматериалы. Да и для «левых» работ, для приписок почва была благоприятнейшей — отряд сегодня здесь, а завтра нет. Поди проверь, кто и какой объем работ на самом деле произвел? Наконец, любой человек, сведущий в специфике строительства, знает — главное не то, что сделали, а как сумели закрыть наряды.

В «шабашках» это умели очень хорошо. Ребята там пахали, как негры, с рассвета до заката. Не задавались лишними вопросами: почему их поставили именно на эту работу? Почему вдруг бросили один объект и перекинулись на другой? Это было дело командира. Его на стройплощадке, да и вообще в отряде, зачастую подолгу не видели. Он занимался другим делом, куда более важным и вредным для здоровья. Целыми днями пил с начальством, от которого зависел заработок — от прораба до районных руководителей. Сколько он сам получал за сезон, всегда оставалось неизвестным. Да это никого и не интересовало — потому что он обеспечивал хороший заработок другим. А в шабашки брали как раз «надежных»: таких, кто удовлетворится полученной суммой и нос не будет совать куда не надо.

Профессиональный командир «шабашки» даже после защиты диплома чаще всего оставался в институте. Пристраивался сотрудником или стажером, но продолжал жить только своими стройотрядовскими проблемами. Завершив летом одну кампанию, уже в течение года начинал готовить почву для следующей. А для того, чтобы ему не мешали заниматься любимым и выгодным делом, подмазывался к руководству. Например, брал к себе в стройотряд комиссаром кого-нибудь из высокопоставленных комсомольских работников. Или вообще записывал к себе чьих-то родственников «мертвыми душами». Хотя бывало и так, что человек расстанется с МИФИ, а «шабашничать» со студентами продолжает. Так было с морячком Воробьевым, о котором я уже упоминал. Его где-то с третьего курса выгнали за неуспеваемость. Но он уже успел зарекомендовать себя хорошим командиром «шабашки». Он потом каждую весну появлялся в общежитии, набирал отряд, объявлял, куда летом поедут. Но его бойцы привозили очень солидные деньги, у него сформировался свой костяк, и попасть туда новому человеку было практически нереально.

«Обязаловка» была другого сорта. Именно она сопровождалась парадной шумихой, pompой и славословиями. Для каждого студента считалось «почетной обязанностью» хоть раз за время обучения отработать лето в стройотряде. В МИФИ эту «почетную обязанность» реализовывали после третьего курса, тут уж записывали всех поголовно, вне зависимости от желания. Комсомолец — значит, «почетно обязан». Эти отряды чаще всего ехали куда-нибудь недалеко, в Московскую область или другие регионы Нечерноземья. Тремя основными признаками «настоящего» стройотряда считались хреновая жратва, свинское жилье и работа от зари до зари. Но они и ни шута не зарабатывали.

Впрочем, и командиры в «обязаловке» были другого сорта, чем в «шабашках», из комсомольских активистов низшего и среднего звена. Им должность командира тре-

бывалась только для карьеры, чтобы по комсомольской лестнице продвинуться, зарекомендовать себя получше перед партийным и институтским руководством. Для таких командиров было главное — чтобы у него все обошлось без ЧП, и желательно, привезти с места работы какую-нибудь почетную грамоту. А строительное начальство вертело такими командирами и их отрядами как хотело. Допустим, ставило их на нерентабельные объекты, где средств недостаточно, где они уже потрачены либо разворованы — а достраивать-то надо, вот пускай и пашут студенты. Или можно было заставить их делать черную и трудоемкую работу, но не до конца. Траншеи нарыть, построить коробки зданий — и заплатить копейки. А закончит работу уже сама строительная организация или колхоз, и загребают всю смету после закрытия нарядов.

Мне в данном плане очень повезло. Наш обязаловочный стройотряд ни под один из трех пунктов «настоящего» не попал — и насчет жратвы, и насчет жилья, и насчет ненормированного рабочего дня. Нам выпало строить Московский Областной институт постоянного тока, располагавшийся недалеко от института, на Каширке. Поэтому на жилье нас определили в наш же институтский профилакторий — в прекрасные комнаты со всеми удобствами. Там же и питались на диетическом уровне. А с работой от зари до зари, несмотря на старания активиста-командира, ничего не вышло — повара профилактория менять свой распорядок отказались, а подчинялись они не комсомольскому, а медицинскому руководству. Вот и получилось, что в 8 завтрак, в 18 — уже ужин, да два часа на обед, туда и обратно. Так что жить было можно.

Но в остальном ситуация была типично «обязаловочной». На стройке, кроме нас, числилось всего трое рабочих, да и они существовали только за счет выноса материалов, которые еще не были разворованы. Все средства на строительство давным-давно были исчерпаны, и все наряды закрыты. Но закрыты с такими приписками и «неделками», что работы осталось — начать да кончить. Вот

и понадобился стройотряд, чтобы эти недоделки доделывать практически бесплатно. Когда нам всем (опять за исключением активиста-командира) стало ясно — здесь не обломится ничегошеньки, то и решили не рвать задницы.

В общем, отбывали положенные месяцы в свое удовольствие. Даже поездки на работу в «развлекуху» превратили. Добирались-то в часы пик на общественном транспорте, а нужный автобус ходил редко. Значит, всему стройотряду нудно было втиснуться в один автобус. Если он приходил заполненный битком, когда пассажиры к дверям прижаты и по окнам размазаны, такой автобус назывался у нас «спортивным» — поразмяться можно. Когда он останавливался, натужно приоткрывая двери, раздавался крик «ура». Дружной атакой в салон вколачивалось еще наши тридцать рыл. Кто-то из пассажиров пищал, кто-то ахал и пытался что-то возражать, что места уже нет совсем. Куда там! Весь стройотряд впахивался с огромным энтузиазмом.

Возле метро автобус на минутку пустел, там многие выходили. Но и в очереди на посадку уже стояло не меньше. Вот в эту самую минутку раздавалась команда: «В каре!». Это значило всему стройотряду сгруппироваться плотной и компактной массой на задней площадке. А когда машина, снова до предела набитая, добиралась до нужной остановки «Институт постоянного тока», звучал клич: «Раз-два-три-четыре-пять, кто не выходит, я не виноват! Ура!..» И вся масса тем же плотным строем бросалась на выход. Сами понимаете, какая веселая куча мала при этом получалась!

Через какое-то время автобусы, завидев наш стройотряд, вообще стали проезжать остановку возле профилактория. Останавливались и открывали двери метров через сто, выпуская пассажиров, которым надо выйти. Но к таким маневрам мы быстро приспособились. На остановке выставлялся только один дежурный, снявший стройотрядовскую куртку, а остальные прятались в кустах. Водитель, не увидев опасности, спокойно останавливался, открывал двери — и тут в автобус кидалась наша толпа.

Когда приедем на стройплощадку, начинаем рабочий день, конечно, с перекура. Пару часов повозимся на свежем воздухе — уже и на обед пора собираться. Опять в одну сторону, в другую, туда-сюда, а там уже и конец, день завершен. После ужина оттягивались в свое удовольствие в меру фантазии и наличных средств. Месячишко провалялись таким образом, а дальше студенты один за другим стали получать телеграммы о необходимости срочно приехать домой в связи с болезнями троюродных бабушек. Командир к этому времени уже и сам на все рукой махнул, отпуская безоговорочно. И растаял отряд в считанные дни.

Заработали мы сущую мелочь, рублей по сто. Но остальные наши однокурсники, работавшие в Подмосковье, потом нам завидовали. Потому что жить им пришлось в каких-то грязных школах, спать вповалку на полу, жрать такую дрянь, что из поносов не вылазили. Причем за еду у них еще и вычитали — и они не только ничего не получили, а многие даже «в минусах» остались.

Великий русский язык

Как-то наши ребята работали в стройотряде под Шатурой. Нравы там царили еще те. Это же был как раз «сто первый километр» от Москвы, куда выселяли всякого рода «неблагополучных» — отсидевших воров, хулиганов, проституток, алкоголиков. А те люди, которые там на месте родились, в результате уже с рождения получались «неблагополучными». Студентам в подобных местах порой приходилось несладко — когда местная молодежь в качестве свежего развлечения возгоралась желанием помериться силами с приезжими и начинала наведываться с кольями.

Но в тот раз ситуация оказалась иной. К ребятам повадились не добры молодцы, а красны девицы. У них там образовался острый дефицит мужского населения — одни

в армии, другие сидят, а оставшиеся так пьют, что к мужчинам их можно причислить чисто условно. Вот и кинулись оголодавшие девахи на заезжих мальчиков. Хотя сами эти девахи были настолько крутыми, что студенты к ним на «свиданки» не ходили — просто боялись.

Однако и те не сдавались, рассчитывали рано или поздно получить. Возле школы, где жил стройотряд, каждый вечер собиралась толпа местных подруг. Поддадут — и давай нарываться. Уж что только они не выделывали! И зазывали, и свистели, и соблазнить пытались, так и эдак рекламируя свои прелести. Даже норовили залезть в окна или вломиться в двери. Словом, каждую ночь кошачий концерт чуть ли не до рассвета. Причем все попытки изъяснить свои лучшие чувства девушки вели сугубо матерным языком — и невиданно чистым, без малейшей примеси литературного.

Однажды Шура Трибелев, человек очень интеллигентный, поэт, самодеятельный драматург, не выдержал очередной волны отчаянного девичьего хая. Открыл окно на втором этаже, сел на подоконник и начал подруг убеждать — дескать, ребята за день наработались, очень устали, им сейчас не до «свиданок», а завтра снова рано вставать. Поэтому у них к девочкам огромная душевная просьба: проявить элементарное человеческое сочувствие и дать им спокойно поспать.

Говорил он красноречиво, убедительно. Очень грамотным языком и строгой логикой выстраивал свои безупречные доводы. Смотрит — притихли девки, рты разинули и слушают. Ага, думает, проняло! Обрадовался, что сумел найти к ним тонкий педагогический подход, и дальше залился соловьем. А когда закончил, зависло молчание. Девушки все так же ошалело на него пялились. Потом между собой неуверенно переглянулись, одна другую локтем подталкивает и шепотом спрашивает:

— Слышь, а чего это он, тарам-твою-мать, сказал-то?

Та плечами жмет:

— А хрен его знает!

Носите каску!

Однажды в стройотряде работал парень на верхотуре, потолок заливал цементным раствором. А ведра с раствором ему снизу, через люк, на веревке подавали. Закончил он свое дело и в люк орет:

— Эй, внизу есть кто-нибудь?

Оттуда в ответ кричат:

— Не-ет!

Ну а раз нет, он без дальнейших раздумий швыряет туда тяжеленное ведерко, облепленное присохшим цементом. Естественно, прямо по чайнику ответившему. Хорошо хоть тот в каске был — только оглушило.

Общественная угроза

Один из стройотрядов МИФИ работал под Дубной, строил какой-то завод посреди лесов. Жили, как водится, по-свински, в грязных бараках по 16 рыл в одной комнате. А если отряд уезжал из Москвы в автономное существование, ему по штату полагалось иметь врача. Но отрядов то было множество — из каждого вуза десятки разъезжались. Поэтому врачей распределяли по комсомольской разрядке из мединститутов — дипломников-практикантов. Нетрудно понять, что профессиональная компетентность таких докторов была сомнительной. Зато гонора — хоть отбавляй. Врачи в стройотрядах были очень заметными фигурами и нервы народу портили изрядно: проверками, придирками, попытками всячески демонстрировать свою санитарно-гигиеническую власть.

Правда, чаще всего такие трудности были кратковременными. Врачам надоедало быть стервами, они сживались с ребятами. Нередко женское естество брало верх над профессиональным, закручивались шуры-муры, иногда и свадьбами дело кончалось. Но в тот стройотряд, о котором идет речь, выделили девушку ущербную, полудо-

раметрового роста с заметно скрюченной фигурой. Она принялась удовлетворяться особо рьяным выполнением служебных обязанностей. Один раз, неизвестно каким образом, обнаружила в еде некую «палочку». Никакого микроскопа у нее, конечно, не было. Тем не менее она «палочку» разглядела, уверенно об этом объявила и на данном основании оставила весь отряд голодным. Потом в целях профилактики холеры заставила засыпать в сортиры такое количество хлорки, что зайти туда стало вообще невозможно. Люди предпочитали бегать в кусты.

А уже под конец лета один из студентов, Саша Градобоев по кличке Маршал, обнаружил у себя на теле какие-то прыщи. Крайне опрометчиво решил показать их отрядной врачихе. Ее приговор был однозначным и суровым — сифилис. Суровым не только с точки зрения диагноза, но и принятых мер. Врачиха экстренно вызвала командира отряда Славу Фищенко и заявила, что сифилис — заболевание страшное, происшествие в отряде чрезвычайное и представляет жуткую общественную опасность. Разъяснила, что больного в подобных случаях положено отправить на принудительное лечение, а в отряде объявить чрезвычайное положение, провести экстренные профилактические меры и разъяснительную работу.

Бедного парня от врачихи даже не выпустили! Поскольку лечение «принудительное», его немедленно взяли вроде как под арест. Не дали ему ни вещи собрать, ни даже пообедать. Двух бойцов стройотряда назначили сопровождающими, чтобы он вдруг не сбежал, и под конвоем отправили в Москву, в кожвендиспансер на «реакцию Вассермана».

А отряд подняли по тревоге. Построили, объявили диагноз и приказали всему личному составу ударно перенацелиться на профилактику сифилиса. Койку, матрас, постельные принадлежности и личные вещи Маршала вынесли в лес на расстояние не менее километра от места дислокации. Не только комнату, где он жил, но и все бараки под личным наблюдением врачихи принялись мыть и обрабатывать хлорной известью. В результате туда стало

настолько же невозможно войти, как и в сортиры — кста-ти, их было велено засыпать хлорной известью повторно, и в удвоенной концентрации. Та же самая операция была проделана в столовой, на кухне, в умывалках, бытовках, курилках.

Но атмосфера в отряде продолжала нагнетаться. Регулярно, по несколько раз в день, врачаха собирала личный состав — утром, в обед, перед сном. Проводила занятия по поводу венерических заболеваний и половой распущенности. Народ озаботился. В книжных магазинах Дубны были скоропостижно раскуплены все бывшие в наличии брошюры «Сифилис и его профилактика». Их штудировали от корочки до корочки, изучая симптомы и проявления коварной болезни. Руки стали мыть концентрированным раствором йода, отчего они по локоть выглядели черными и облупленными, как после ожога.

Конвоиры, отвозившие Маршала, вернулись только через день. Доложили, что сдали его, как положено, с рук на руки. А сами «задержались». Ну понятно, дома помылись, отоспались на чистых постелях, пивка попили — зачем им спешить возвращаться? Они же при службе, трудовые дни все равно идут. Сам больной не появлялся, что подтверждало — диагноз верный, положили на лечение. Командир принялся дозваниваться комсомольскому начальству, докладывать — в отряде ЧП. У остального народа психоз нарастал. Теперь каждый вспоминал бытовые контакты с Маршалом. Кто-то спохватился, что выброшенные в лес его шмотки и простынки необходимо сжечь — ему они теперь уже без надобности, но ведь зараза!

А после продолжавшихся лекций врачахи рылись в памяти о собственных случайных связях. Сверяясь по брошюркам, исподволь осматривали и ощупывали свои тела в поисках твердых шанкров, бледных спирохет, спинной сухотки, западения носовых хрящей и других проявлений сифилиса. Комариные укусы поголовно принимались за предполагаемую сифилитическую сыпь. Подозрительно присматривались к товарищам, спавшим на соседних койках или пристроившимся рядом в туалете, — а нет ли чего

похожего у них? Врачиха стала самым популярным человеком в отряде. Лекциями бойцы уже не довольствовались, постоянно бегали к ней с вопросами — что делать и как защититься от беды. Она от гордости будто даже подросла ввысь и скрюченную осанку распрямила.

А через несколько дней приехал Маршал. Веселый, радостный. На ходу размахивал бумажкой — заключением об отрицательной «реакции Вассермана». Как выяснилось, с анализом какая-то задержка получилась, не могли найти, и два раза ездить пришлось, пока справку выписали. А когда он врачу свои прыщи показал, тот возмущенно хмыкнул: «Вы там в своем стройотряде хоть когда-нибудь моетесь?». Маршал развел руками, мол, нет — потому что негде. «Вот оно и понятно, прыщи от грязи. Помойтесь, и все пройдет». Он и задержался — помылся, опять же, отоспался, отдохнул. Но веселье исцеленного и отдохнувшего заметно поубавилось, когда обнаружилось, что его рубашки, брюки, рюкзак сожжены заботливыми руками друзей, а уцелевшее валяется в лесу, намокшее под дождями.

Зато другие вздохнули спокойно. Безуспешно отмывали черные руки от йода. Отдирали забитые окошки барраков, проветривать хлорку. В сортире вместо обрывков газет появились странички брошюр «Сифилис и его профилактика». Катастрофическая угроза эпидемии кожно-венерических заболеваний миновала...

Всесоюзная Ударная

В 1970-е годы в Советском Союзе возводился гигант автомобильной промышленности — КамАЗ в Набережных Челнах. Он был объявлен Всесоюзной Ударной Комсомольской Стройкой. Шумиха вокруг него была грандиознейшая, с самых высоких трибун Политбюро ЦК КПСС. Из разных регионов туда направляли партии строителей, каждое лето туда гнали и студенческие стройотряды.

Но мне там довелось побывать не в стройке, а в студенческой агитбригаде, мы приехали по путевке ЦК комсо-

мола и оказались в очень привилегированном положении. Нас опекал местный комсомольский штаб и даже поселил вместе с Высоцким. Да-да, с самим Владимиром Семеновичем. Конечно, не то чтобы совсем вместе, но рядом. Нас поселили в только что сданном в эксплуатацию подъезде нового дома, где вскоре должно было разместиться рабочее общежитие. А бригаду театра на Таганке поселили в соседнем подъезде этого же дома. Мы каждый день разъезжались в разные стороны, маршруты наших выступлений не пересекались, и автобусы нам подавали в разное время. Но ночевали под одной крышей, через стенку. Сейчас, задним числом, даже странным кажется, почему мы ни разу не зашли к соседям, не познакомились просто так, вечером? Но тогда подобное и в голову не приходило — казалось неудобным. Не тот уровень. А вдруг как сочтут, что мы, самодеятельность, с ними равняться надумали?..

КамАЗ и весь город Набережные Челны представлял тогда весьма своеобразное зрелище. Город выросал с нуля, из ничего. Одновременно строилось все сразу — и промышленные предприятия, и жилые дома, и объекты бытового обслуживания. А те объекты, которые уже вошли в строй, — несколько заводов, жилые кварталы, действующие магазины — были раскиданы по этой сплошной огромнейшей стройплощадке. Например, мы жили в доме, где были сданы всего два подъезда из пяти. Но их уже готовили к заселению. А поесть надо было идти через несколько строящихся кварталов, где успели пустить столовую. А если захочешь просто купить хлеба, топай в противоположную сторону и внимательно смотри по сторонам. В одном из зданий, где вовсю еще кипит работа, заметишь затерявшийся продуктовый магазинчик.

Когда нас отправляли из Москвы и инструктировали по всем возможным инстанциям, то, конечно же, ни разу не забыли напомнить, что на КамАЗе «сухой закон». Так объявляли повсюду, в комсомольских газетах взахлеб пересказывали легенду, что сами же энтузиасты строители постановили: ни капли спиртного, пока весь город с заводами не возведут. Хотя ничего нового в этом не было —

любой студенческий стройотряд на первом же собрании должен был в обязательном порядке и единогласно принять решение о «сухом законе».

Но на месте обнаружилось, что легенды несколько преувеличены, и спиртным на КамАЗе все-таки торгуют. Правда, делалось это довольно оригинально — постоянных таких торговых точек не было ни одной. Приезжал грузовик, останавливался в произвольном месте посреди улицы, и тут же, с борта, начиналась продажа. Сами напитки смотрелись более чем экзотически — полулитровая водочная бутылка, кое-как залепленная сургучом и заполненная чем-то темным и мутным. Этикетка представляла собой узенькую полоску бумаги, вырезанную из тетради в клеточку, и на пишущей машинке было напечатано единственное слово — «ПОРТВЕЙН».

Но там на подобные мелочи, как и на качество содержимого, ни малейшего внимания не обращалось. Когда на горизонте мелькала машина с бутылками, ни у кого даже вопроса не возникало, что дают. Спрашивали лишь, по сколько дают в одни руки. Вопросы, нужно или не нужно, тоже ни у кого не возникало. К машине устремлялись абсолютно все, кто очутился в радиусе видимости и слышимости. Бросалась вся работа, замирали бульдозеры и экскаваторы. За бухлом не бежали только крановщики. Они все равно не успели бы спуститься с высоты — груз расхватывали мгновенно. Но им из поднебесья, с высоты подъемных кранов, далеко было видно, и они криками оповещали свои бригады — на такой-то улице «дают».

Пиво там тоже продавали интересно. Оно было исключительно бочковое. Бочка возникала в непредсказуемом месте в непредсказуемое время, и продажа начиналась без всяких кружек, подручных банок. Поэтому каждый местный житель непременно носил с собой в кармане полиэтиленовый пакет, куда и набирал пиво, если вдруг нарывался на такую бочку. Мы его, кстати, попробовали всего один раз — даже по студенческим меркам оно показалось гнусным. Но у местных-то выбора не было...

Впрочем, относительно комсомольцев-энтузиастов легенды также оказались преувеличенными. Это мягко говоря. Конечно, там были студенческие и комсомольские молодежные отряды. Они всегда отоваривались на КамАЗе громкой славой, почетными знаменами, вымпелами. Но они составляли подавляющее меньшинство. А основная масса жителей-тире-строителей набиралась из неприкаянной лимиты всех мастей, и очень заметную долю составляли молодые правонарушители, прибывшие сюда не по путевкам райкомов, а по приговорам судов. Не по крупным преступлениям, а по таким, за которые полагалось принудительное направление на работы — хулиганство, мордобой и мелкие кражи.

По данным причинам выходить с наступлением темноты на улицы (то есть в темные кварталы новостроек) строжайше не рекомендовалось. Не только в одиночку, а даже большой компанией. Да уж какие компании, если там шли настоящие межрегиональные войны с применением арматуры и других подручных стройматериалов. Допустим, строители, приехавшие из Энской области, враждуют с выходцами из Эмской республики, то и дело ходят стенка на стенку. Те и другие заключают союзы с еще какими-нибудь братскими областями и по-братски вправляют мозги противникам.

В качестве примера местных нравов вспоминается наше выступление в летнем кинотеатре «Гренада» — их было всего два, «Гренада» и «Юность», а крытых кинотеатров еще вовсе не существовало. Нас туда привезли, смотрим — собирается народ, читает вывешенное объявление, рассаживается по рядам. Примерно половина — татары, парни все молодые, но подозрительно заматеревшие и подозрительно коротко стриженные. Мы без задней мысли прокрутили им свою программу. Восприняли хорошо, похлопали, кое-где позубоскалили.

По окончании мы раскланялись, собираем реквизит, чтобы нести в автобус. Смотрим — наша сопровождающая, девушка из КамАЗовского штаба ВЛКСМ, стоит ни жива ни мертва, вся бледная, лицо крупными капля-

ми пота покрылось. Говорит: «Ребята, какие же вы молодцы! Так хорошо выступили, что все обошлось! Понимаете, я не хотела вас заранее пугать, но этот район у нас... трудный. Мы сейчас в ЦК на постоянном контроле, для культработы нам то и дело шлют всяких артистов. А площадок для выступлений мало, поэтому мы вынуждены и сюда их возить. Здесь, в „Гренаде“, недавно знаменитый пианист выступал, так его пустыми бутылками закидали. А на прошлой неделе тут был Высоцкий. Пришлось бросить сюда всю городскую милицию. Местная публика через стены кинотеатра валом лезла, по головам друг у дружки перли, так милиция их прямо гроздьями снимала. В машины набивала, отвозила километров за 15 от города и выпускала. Ни для чего другого времени не было — машины тут же разворачивались и за новыми партиями мчались...»

Покинули мы КамАЗ очень вовремя. Приближался День Строителя. Наши стройотрядовцы, которые там оставались, потом рассказали, что на праздник в Набережных Челнах сделали послабление. Завезли огромное количество «вермута розового крепкого». Перепился весь город. Что-то из построенного за один день разнесли. Все, что не разнесли, заблевали. На улицах потом сплошь мелькали люди с битыми мордами. А в вестибюлях строительных общежитий подметали россыпи выбитых зубов и вытирали тряпками лужи кровищи.

Соперничество

Наш институт МИФИ, инженерно-физический, издавна соперничал в МФТИ — физико-техническим. Традиционно спорили и бодались, где научный уровень лучше, уровень подготовки студентов выше (вообще-то у физтехов теоретическая подготовка была глубже, а практическая — у нас). Но это соперничество проявлялось и во всех остальных областях: в комсомольской работе, в стройотрядах, в художественной самодеятельности, в спорте. Если студгородок МИФИ признали лучшим в Москве, они тут

же начинают пыжиться, чтобы нас обойти. Если их институт по каким-то показателям отметили, наши тоже спохватываются, подтягиваются, чтобы переплюнуть. Если спортивная команда МИФИ на каких-то состязаниях никакого места не заняла, но победила физтеховцев, наше руководство ее расхваливает, награждает.

И вот как-то раз два приятеля-однокурсника поступили в два института — один к нам, второй к ним. Через какое-то время связались между собой, и вздумалось им увидеться, наш первокурсник поехал в гости к ихнему, в Долгопрудный, в студгородок МФТИ. Как выяснилось, его друга поселили в общежитии в одну комнату со старшими, с пятикурсниками. Встречу, как водится, решили отметить. Набрали соответствующий запас, сели за стол. Но наотмечались очень внушительно. Наш студент совсем поплыл, где-то там в их общаге спать приткнулся. Наутро проснулся с совершенно мутной башкой. Те, с кем пили, еще дрыхнут. Он кое-как растолкал однокурсника, попрощался и потащился домой.

Хотя ему-то оказалось не хуже всех. Накеросинились так крепко, что один из пятикурсников-физтеховцев, соседей однокурсника по комнате, вообще не проснулся. Помер. Разумеется, чрезвычайное происшествие. Там у них разобрались, выяснили, что поводом к застолию стал приезд мифиста, и возмущенный ректор МФТИ прислал телегу нашему ректору Колобашкину — так и так, ваш студент такой-то и такой-то набезобразничал в моем институте, учинил пьянку с человеческой жертвой. Прошу принять строгие меры и достойно наказать виновного.

Ректор, разумеется, не сам стал этим заниматься, спустил телегу нашему декану со своей резолюцией — выяснить и эти самые меры обеспечить. В деканате нашего факультета технической физики — гром и молнии. Преступника сразу вычислили, проверили — да, было. Передали дело в факультетское бюро комсомола. Высказали пожелания исключить из комсомольских рядов, а дальше и административные выводы будут. Первокурсника вызвали на заседание факбюро. Он предстал поникший, понимает

ведь, что хана. Рассказал, как все происходило. Ему предложили в коридор выйти, пока будут совещаться. Секретарь факбюро озвучивает вышестоящее предложение: лишить комсомольского билета. А это уж был конец всему, ни в какой вуз и ни на какую приличную работу не возьмут. Но тут кто-то из членов факбюро задумался и взвесил другой аспект проблемы:

— Так он ведь физтеховца перепил...

Остальные тоже стали прикидывать, что с этой стороны вопрос несколько иначе выглядит:

— Ага! Причем пятикурсника!

Отношение к провинившемуся стало меняться, в голосах зазвучали весьма уважительные нотки:

— Надо же, наш первокурсник — ихнего пятикурсника! Тот коньки отбросил, а нашему хоть бы хны!..

Вызвали подсудимого, начали повторно расспрашивать — уже во всех подробностях. Он оживился. Видит — с ним начали совсем иначе обращаться. Расписал, как они там гуляли. В результате за исключение голосовал один секретарь. Да и то лишь из-за того, что ему было так положено, поддержать инициативу сверху. А студенту факбюро объявило всего лишь выговор, даже без занесения в учетную карточку. Да еще ходатайствовало перед деканатским начальством, что наказывать его, собственно, не за что. Он ведь в нашем студгородке «сухой закон» не нарушал? Не нарушал. Приехал на следующий день трезвый. А что выпил где-то на стороне — это не преступление. За этим в МФТИ должны были смотреть, чего они своих студентов распустили? За что же его судить-то — за то, что первокурсник оказался выносливее физтеховского пятикурсника?

А в деканате от первого порыва поостыли, послушали — действительно, таким образом дело выглядело совсем иначе. Зачем нашему факультету ЧП с исключением студента? Если это ЧП совсем не наше. Так и доложили ректору. Он прикинул и отписал своему коллеге из физтеха, что у того в студгородке плохо контроль поставлен и воспита-

тельная работа тоже. Мы-то тут при чем? У нас студенты от перепоя не умирают. Ну а первокурсник продолжал успешно учиться. На него потом пальцем показывали:

— Вот этот физтеховца вусмерть перепил!

На зимовке

В период моей учебы случилось несколько чрезвычайно холодных зим с тридцати- и сорокоградусными морозами. Отопительные трубы в студгородке вечно ремонтировались и стояли раскопанные. В таких случаях они непременно лопались, и общежитие оставалось без тепла. Температура в комнатах опускалась в «минуса», и вода, оставленная в чайнике, замерзала. Но противопожарными правилами пользоваться какими-либо нагревательными приборами категорически запрещалось. Холодно или не холодно, исключения все равно не делалось. Хотя все мы, конечно же, плевали на запреты. Поначалу покупали рефлекторы, но они стоили дорого. А по комнатам ходили санитарные комиссии, в холода комендантша специально устраивала рейды, организовывала пожарные комиссии. Обнаруженные нагревательные приборы без разговоров конфисковывались.

Ну что ж, техническая мысль студентов быстро нащупала более дешевые и эффективные системы. Из института стали таскать нихромовую проволоку для изготовления самодельных обогревателей. Но она была доступна не каждому, а лишь старшекурсникам, которые уже работали на кафедрах — выполняли учебно-исследовательскую работу или делали дипломы. Поэтому было найдено другое решение, быстро получившее всеобщее распространение. В соседнем хозяйственном магазине продавались запасные спирали для электроутюгов. Стоили они копейки, а если соединить несколько спиралей и подключить в сеть, в комнате создавался натуральный «Ташкент».

Такие приборы получили в народе название «гадюшников» — из-за змеиного вида вьющихся спиралей и змеи-

ного нрава. Неосторожных они то и дело жалили: при случайном прикосновении одежда прожигалась мгновенно. Конструкции «гадюшников» были самыми разнообразными, тут уж выдумывали кто во что горазд. Одни наматывали на кирпич. Другие сооружали мощные печи, обмотав спиралями кусок асбоцементной трубы. А в нашей комнате «гадюшник» просто висел в воздухе. Гирлянда из спиралей поднималась снизу к крючку на люстре, а потом спускалась оттуда.

Правда, при нашей конструкции отсутствовала инерция. Если кирпич или труба нагреется, они долго остаются теплыми. А у нас «гадюшник» грел только тогда, когда он включен. Зато имелся другой немаловажный плюс. Комендантша-то продолжала повальные «шмоны». В поисках обогревателей лазила и по тумбочкам, и по шкафам. Ее рейд всегда можно было услышать. Голоса в коридоре, стучат во все двери подряд, а когда у кого-то обнаружат непорядок, тут вообще шум. Да и любой студент, кто заметит появление комендантши с комиссией, сразу давал сигнал тревоги.

При первых же признаках опасности наш «гадюшник» выключался. Остывал он мгновенно, его компактно сворачивали и прятали куда-нибудь в портфель. С кирпичами и трубами было куда сложнее. Приходилось срочно срывать спираль. Хватать раскаленный кирпич, обжигаясь и дуя на пальцы, вышвыривать в форточку. Потом разыскивать его, сушить (ведь мокрый замкнет). Или использовать новый, припасенный заранее и ожидающий своей очереди в безобидной роли «подставки для сковородки».

Однажды такой период неработающего отопления случился в начале февраля, когда народ только-только съехался с зимних каникул. Морозы ударили такие, что мы целую неделю предпочитали не ходить в институт. Но это ведь было начало семестра, когда посещаемость еще особой роли не играет. А из дома все привезли массу жратвы. Опять же, с деньгами приехали. По всем комнатам с утра до вечера шли неторопливые «посиделки» — в том числе и с подогревом изнутри. Хотя из-за тех же морозов

мы в дальние магазины не выбирались. А в ближнем нарушился подвоз товаров. Там стояло одно лишь сухое вино очень кислющего сорта. Но тут уж нашли совсем простое решение. В багаже всех приехавших были банки с вареньем. Если его добавить, получались неплохие напитки. Мы даже сравнивали достоинства разных сортов, производили взаимовыгодный обмен. Допустим, если в одной комнате надоело вино с вишневым вареньем, а в другой — со смородиновым.

Комендантша, как сами понимаете, в те дни свирепствовала на полную катушку. То и дело носилась по этажам с повальными и выборочными обысками. Поэтому днем, когда она являлась на работу, более осторожные студенты свои «гадюшники» не включали. Сооружали себе на это время настоящие вигвамы из одеял. А другие, как это делали мы, сидели взаперти, прислушиваясь ко всем шумам в коридоре и не открывая ни на какой стук — только на знакомый голос.

Зато к вечеру, как только опасность исчезала, вся нагревательная техника общаги врубалась на предельную мощность, и через каждые десять-пятнадцать минут гас свет — в коридоре на щите вышибало предохранители. Тогда вилки «гадюшников» вытаскивались из розеток, и все высыпали в коридор. Возле распределительного щита собиралась толпа, и все с деланным возмущением орали: «Да сколько ж можно! Опять кто-то гадюшник врубает! Руки поотрывать за такие дела!..»

Орали и возмущались, пока предохранитель не остывал и не позволял включить себя. После этого расходились по комнатам и снова запускали нагревательные системы. Подобные процедуры повторялись с четкостью отлаженного ритуала. Стали эдакой своеобразной игрой. Народ по семь-восемь раз за вечер митинговал, изощрялся в придумывании новых виртуозных угроз нарушителям. Но «гадюшники» работали в комнатах каждого из митингующих. Каждый об этом знал — и каждый знал, что все остальные тоже об этом знают.

Отморозил

Когда морозы ударили аномальные, сорокаградусные, то нормальные студенты, как уже отмечалось, предпочитали в институт не ходить. Но это нормальные, средние студенты. А у нас был отличник, Леша Харченков — и он поперся. Мало того, поперся даже не на занятия, а на какую-то консультацию, посещение которой было совершенно не обязательным. Причем она была вечером, когда мороз до треска усилился. В институте было тепло, консультацию он отсидел. Правда, пока она продолжалась, ему по малой нужде приперло. Время позднее, домой спешил, заскочил в сортир и быстрей-быстрей. А трусы он носил не обычные «семейные», как у большинства студентов в те времена, а импортные синтетические плавочки. Они тогда только-только в моду вошли, считались «последним писком». Он в спешке еще и подмочил их.

Мы сидим с друзьями, болтаем о том о сем, вдруг появляется Леша. Бледный, посиневший — и не только от холода. Шепотом вызывает в коридор Серегу Струева и доверительно ему сообщает: я, мол, кажется, хрен себе отморозил, что делать? Серега парень солидный обстоятельный. Говорит: ну давай, покажи, посмотрим. Заходят в туалет, тот штаны спускает. А его обтянутые плавочки и впрямь заледенели. Соответственно, и его хозяйство покраснело, пятнами пошло. Леша даже боится сам взглянуть, глаза вниз опустить. Спрашивает: «Ну что там?». А Серега отвечает: «Да разве ж так разглядишь? Ты сосульку с хрена сначала обломи, а потом уж показывай!».

Потом, еле сдерживая ржачку, привел перепуганного Лешку пред лицо честной компании. Объяснил, в чем дело, и здесь уж посыпалось столько мудрых советов — на десять отмороженных хренов хватит. Одни рекомендовали пойти на кухню и подержать под краном с горячей водой. Другие, наоборот, советовали воздержаться от такого способа. Компетентно поясняли, что от резкой сме-

ны температур пострадавшее место может отвалиться. А нужно иначе — опустить в чайник, поставить его на газовую конфорку и нагревать постепенно.

Кроме того, знающие люди сошлись во мнении, что непременно надо мазать пораженный орган специальными мазями или хотя бы вазелином. Но ни мазей, ни вазелина ни у кого в помине не было, поэтому стали предлагать заменители вроде маргарина, сливочного и подсолнечного масла, зубной пасты, шампуня, гуталина, спорить об относительных достоинствах и недостатках всех этих продуктов. Наконец Митрий Архипов нашел оптимальный вариант: «Да чего там! Нужно просто намазать губной помадой! Там ведь и питательные вещества есть, и антисептические, и защитные! Сейчас сходим в 4-й корпус к девчонкам, да и попросим!». Кто-то заметил, что для обмазывания всего мужского достоинства помады потребуется много. Небось целый тюбик. Но Митрий уверенно заявил: «Так что ж, девки — не люди, что ли? Объяснить им по-человечески, неужели для такого дела не дадут свою помаду?».

А натурой он был энергичной и практичной, у него слова с делом не расходились. Уже собрался вести Лешку к девчонкам, но тот улучил момент и попросту сбежал. Чем он лечил свое обморожение, осталось тайной.

Перлы творчества

В нашем общежитии выходила стенгазета. Называлась она просто «Газета». Для прикола. Но газета была очень достойная. Ее делали великолепные художники. Каждый выпуск — как произведение искусства. Да и содержание старались подбирать такое, чтобы всем было интересно. Если от деканата или комсомольского бюро дадут какую-нибудь обязательную заметку, то художники постараются, скрасят серость такими рисунками, что посмотреть приятно. А остальное набирали из нашего же народного твор-

чества. Юморески, рассказы, шутки. Когда вывешивался очередной номер, возле «Газеты» сразу собиралась толпа. Люди в ней меняются. Один прочитает и отойдет, но другие подходят — и так пока все досконально не изучат и не ознакомятся.

Но редакция постоянно находилась в поиске, как бы сделать «Газету» еще лучше. А самым признанным юмористом считался Леня Купченко. Его шутки, рожденные походя, между делом, становились крылатыми фразами, передавались друг другу. Они и в «Газете» нередко появлялись. Вот и придумали парни из редколлегии сделать постоянную рубрику «С письменного стола Леонида Купченко», чтобы помещать там его хохмы, афоризмы, «мудрые мысли» и т. п. Пришли к нему в комнату, когда он важно восседал за пивом, рассказали о своей задумке и спрашивают: нет ли сейчас, к ближайшему номеру у него «на письменном столе» чего-нибудь достойного? Леня с невозмутимым видом порылся в настольном хламе и протянул валявшуюся там записку — «Я в туалете. Сру. Л. Купченко».

Режим

Я уже упоминал о том, что наш институт считался строго режимным. Был у нас Первый отдел, ведавший подобными вопросами. Входили и выходили из института сугубо по предъявлению студбилета, где ставился соответствующий штамп, и он служил пропуском. Впрочем, если забыл его дома, никто не расстраивался и не впечатлялся. Нужно было постоять у входа, пока появится любая группа знакомых или даже незнакомых студентов. Обращаешься к ним, и они тебе обязательно помогут. Один из них даст тебе свой студак, подождет на улице. Ты пройдешь, передашь студбилет его товарищам, и они ему обратно вынесут.

Но все мы давали подписки, с третьего курса на каждого студента оформлялся допуск к секретным документам и работам. Был и особый предмет, он назывался

«спецкурс», по противодействию иностранным разведкам. По «спецкурсу» ни экзаменов, ни зачетов не было, только лекции. И даже их не то что можно было не конспектировать, а совсем наоборот — запрещалось конспектировать и вести какие-либо записи. Но вот на эти лекции мы ходили всегда, потому что было интересно.

Преподавателей приводил начальник Первого отдела. Они были не из института, и их фамилий никогда не называли. Когда нам лектора представляли, то предупредили, что он недавно вернулся из «длительной заграничной командировки», поэтому студентов убедительно просят не шуметь и не балбесничать, побережь ему нервы. Да уж какое там шуметь! Он так захватывающе рассказывал, что мы старались дышать потише, ни слова не пропустить. Кстати, безымянный преподаватель продемонстрировал изумительную память. У нас некоторые на первую лекцию не пошли, но после наших впечатлений на вторую явились. Лектор сразу определил, что среди двухсот с лишним человек появились новые лица, и безошибочно назвал их:

— Вот вы, вы и вы... Вы с этого курса? — убедился, что это не посторонние, и начал занятие.

У него и чувство юмора оказалось своеобразное. Одна подруга на заднем ряду чего-то расхихикалась с соседкой. Преподаватель замолчал, глядя на нее. Потом как-то философски кивнул и сказал:

— Знаете, девушка, если вы и умирать будете с такой же улыбкой, я вам завидую.

После этого желание хихикать у нее как-то сразу отпало.

Виза

Вслед за мной в институт поступила моя сестра. А отец у нас был военным, его как раз перевели служить в Германию. Он пригласил сестру приехать на каникулы, прислал ей вызов. Конечно же, ей очень захотелось. В со-

ветские годы шутка ли — за границей побывать! Сестра пошла в ОВИР, а там ей говорят, что для визы нужно представить характеристику с места работы или учебы. У нее еще теплилась надежда, что объяснит все как есть, и ей разрешат. Ведь не куда-нибудь к сомнительным иностранцам хочет поехать, а к отцу.

Она отправилась в Первый отдел института. Но начальник до конца ее даже выслушать не смог. Как узнал, что характеристика ей нужна для загранпоездки, у него глаза у него на лоб полезли, очки на нос поехали, а физиономия стала резко свой цвет менять — сестра аж перепугалась, что его кондрашка хватит, что тогда делать? А он, ошарашенный такой неординарной просьбой, далеко не сразу обрел дар речи и изрек: «Да вы что, девушка, забыли, где учиться? Вам что, не известно, что МИФИ — режимное учреждение? Что это основа основ нашей ядерной науки? Запомните, девушка, пока я жив, ни один студент МИФИ за границу не ездил и не поедет!».

Вышла она в коридор, настроение совсем расквашенное. Присела на подоконнике и погрузилась в печальные раздумья. Ведь поехать ох как хочется! А мимо шел декан нашего факультета, Всеволод Павлович Конопленко. Увидел ее, оживился — ого, мол, какие люди! Спрашивает, чего загрустила и в чем проблемы? Он любил изобразить из себя эдакого отца родного. Особенно в неслужебных вопросах, не связанных со стипендиями и допусками к экзаменам. А тут обстановка была самая что ни на есть неслужебная. Июль месяц, сессия закончилась, все разъехались. В коридорах пусто и скучно, даже поговорить не с кем. Сестра наугад, по наитию, сообразила закинуть удочку:

— Да понимаете, мне просто характеристика нужна.

— Так в чем дело? — похоже, он даже обрадовался такой мелочи, которая для него выеденного яйца не стоила. — Сделай, а я подпишу.

Она воспрянула духом. Там же, на подоконнике, нашла какой-то мятый листок бумаги в клеточку. Настрочила себе характеристику — и бегом к нему в кабинет, пока

не сорвалось. Несет и гадает, аж сердце замирает — спросит он или не спросит, куда характеристика? Она-то уже сообразила, куда она предназначена, указывать не стала. Но декан не спросил, только к внешнему виду придрался. Дескать, как-то несолидно, надо бы взять листок попрличнее, на машинке отпечатать.

— Да ладно, — успокаивает сестра. — Мне и такая сойдет.

Конопленко посомневался, поколебался, однако подмахнул. Печать она в секретариате приклепнула и только тогда дописала сверху, куда характеристика предоставлена. Помчалась в ОВИР.

Там ее мятую бумажку покрутили, но к внешнему виду цепляться не стали. Прицепились к содержанию. Говорят — все хорошо, но не хватает одной обязательной фразы. Что ваше учреждение не возражает против поездки за границу. Так что поезжайте в свой институт и исправляйте. Тут сестра вообще возрадовалась, что декана не послушалась и не стала характеристику перепечатывать на машинке. Бумажка-то была написана ее рукой! Вышла и тут же, на лавочке, перед подписью втиснула нужную фразу. И съездила. А начальник Первого отдела почему-то остался жив, хотя и обещал обратное.

Гостеприимство

Что уж там говорить про поездки за границу! У нас даже самый низший персонал строго стоял на защите режимных интересов. В 1980 году в Москве была Олимпиада, понаехало публики со всех континентов. Все газеты захлебывались излияниями о советском олимпийском гостеприимстве, нерушимой дружбе и братстве с народами всех стран. Одна наша студентка понаслушалась всего этого, возбудилась братскими чувствами, и вздумалось ей тоже нерушимую дружбу укрепить. Где-то на олимпийских перекрестках она познакомилась с молодым, весьма интеллигентным негром. Прогулялись, поболтали, и она

по простоте душевной пригласила иностранца в гости к себе в общежитие. Просто так — чайку попить, показать, как она живет, с подружками познакомиться. Опять же, выдрючиться, прихвастнуть столь редкостным приятелем.

Зашли в корпус. Но бабка-вахтерша, увидев столь небывалую для МИФИ экзотику, просто ошалела. Прыгнула со своего стула, как ошпаренная. Замахала беспорядочно руками, словно открещиваясь от нечистого. Встала грудью на защиту вверенного ей корпуса. Грудью в самом прямом смысле слова, растопырившись и загородив собой проход:

— Стой! Куды?! Это что? Это что такое ты привела?!

Но ответа даже не стала дожидаться. Подхватила первое попавшееся оружие. А первым попавшимся оружием оказалась швабра. Наставила на ошеломленного негра и принялась тыкать его шваброй с криками:

— Кыш! Кыш! Уйди!..

Похоже, представитель братской Африки был очень удивлен столь необычным проявлением русского гостеприимства.

Лучевая болезнь

С диплома в МИФИ отчисляли очень редко, в отличие от первых курсов. Это нужно было чрезвычайно отличаться, чтобы так загреметь. Но иногда подобные случаи все-таки бывали.

К одному из наших дипломников приехал в гости одноклассник из глухой провинции. Понятное дело, у нашего парня перед приезжей «темнотой» нос до потолка! Он же физик! Без пяти минут инженер! Принялся пускать пузыри на предмет высокой науки — реакторов, синхротронов, анти-минус-сигма-гиперонов и прочих достижений, к которым он теперь имел некоторое отношение. Благо слушатель ему попался благодатный, доверчивый. Так и подставлял уши под лапшу.

За этими глубоко научными беседами они увлеклись. Сперва пили в общежитии, но нашему дипломнику показалось мало произведенного впечатления. Он повел гостя показывать свой институт. Для того времени корпуса МИФИ были новыми, современными, выглядели внушительно. В общем, было чем похвастаться. Но провинциал снова очень уж приятно открывал рот от изумления. Слишком почтительно поглядывал на однокашника, выбившегося в такие недостижимые сферы. Тот решил его окончательно сразить и показать ему ядерный реактор. Настоящий, действующий.

Этот реактор, учебно-исследовательский, прямо на территории МИФИ находился, он до сих пор существует и работает. Правда, для прохода туда нужен был особый вкладыш. Но в чем проблема? Наш дипломник увидел знакомого, который тоже делал диплом на реакторе. Одолжил у него вкладыш на время — дескать, нужно зайти, а мой дома, возвращаться неохота. Провел по чужому пропуску приезжего одноклассника и устроил для него полноценную экскурсию. Показал ему все устройство, где там какие стержни, где какие каналы. А напоследок завел наверх на смотровую площадку, откуда видно всю внутренность реактора. Стоишь на прозрачном толстом стекле, а под ногами у тебя толща воды в несколько метров, и фантастически красивое зрелище излучения Вавилова — Черенкова. Над активной зоной струятся таинственным светом лиловые лучи.

После экскурсии, полные впечатлений, они зашли в кафе «Каширское» — в просторечии «Пни» («пивная напротив института»). А там наполнились уже окончательно и бесповоротно. Потом дипломник еще сумел поймать такси, отправил товарища юности к родственникам, у которых тот остановился в Москве.

Но наутро, после всей мешанины влитых в себя напитков, несчастный провинциал очнулся в совершенно жутком состоянии. Такие мучения, что жизнь не мила. Что с ним было накануне, он помнил совершенно смут-

но. Окончательная «полировка» в «Каширском» вообще выпала в провал. Начал соображать, с чего ему настолько худо? Тут-то и всплыли из затуманенной памяти реактор, смотровая площадка, таинственное лиловое свечение... А у него башка раскалывается, тошнит, руки-ноги не слушаются, и с каждым движением испарина прошибает. Короче, перепугался мужик — и прямым ходом в ближайшую поликлинику.

Объясняет — так и так, лучевая болезнь! Был на ядерном реакторе и, видать, облучился. Врачиха, похоже, тоже не из опытных попалась. Иначе учуяла бы ароматы и прописала бы рассольчик или витамин «С». Но на такие вещи, как радиоактивность, полагалось реагировать незамедлительно. Она забила тревогу. Парня — на «скорую» и в больницу, а сама ухватилась за телефон. Два приятеля еще не успели прочухаться после вчерашнего, как на МИФИ уже обрушились звонки из Министерства здравоохранения по поводу чрезвычайного происшествия.

В институте ничего не могут понять, фамилия облученного нигде не значится! Но, кроме некомпетентной врачихи, к такому делу сразу и компетентные органы подключились. Суть «лучевой болезни» раскопали.

Пострадавший отделался испугом и теми процедурами, которые ему успели вкатить. Студент, одолживший пропуск, — строгим выговором и крутыми проработками. А главный виновник вместо защиты диплома пошел с очередным призывом маршировать в ряды Советской армии.

Пари

Спорили в студенчестве часто и азартно. «А спорим, что я...», «А спорим, что ты...» Пари заключались по всяким пустякам. Двое в разговоре высказали разные точки зрения, не нашли согласия, и тот, кто подозревает, что он прав, сразу пробует этим воспользоваться: «На что спорим?». Но чаще и заклад был пустяковым. Спорили на рубль, на пиво, просто на отжимания или приседания.

Существовали пари-ловушки, с заведомым подвохом. Некоторые заядлые спорщики, вроде Лехи Ростовцева, даже пытались порой таким способом поправить материальное положение в дни безденежья. Хотя удавалось это редко, если он нарвется на совершенно неопытного лопуха. Потому что мало-мальски опытный уже знал, что спорить с Лехой нельзя.

На первом курсе такие подвохи были модными в ходе ухлестываний за дамами. Например, при чаепитии с девушками с одной из них заключалось пари, что она не сможет сходить в буфет в одной туфле. А после «разбивания» при свидетелей открывалось, что условие надо понимать буквально, и «в одной туфле» предполагает отсутствие остальной одежды. Разумеется, ей после общего ржания приходилось признавать себя проигравшей. Но в подобных случаях ставки бывали и вовсе формальными, сами пари затевались только ради прикола.

А как-то раз, еще на первом курсе, мы поздно вечером спать укладывались. Вдруг шум в коридоре, стук во все двери и крики:

— Эй, смотрите на психа, смотрите на психа!

Выскакиваем — по коридору неторопливо, скрестив руки на груди, шагает парень в чем мама родила. Потом выяснилось, что он оказался чрезмерным любителем варенья. Когда соседу посылка пришла с трехлитровой банкой, поспорил, что сожрет ее в один присест. Это показалось приятелям нереальным, и с ним заключили пари. Банка передается в его распоряжение, если сумеет слопать, так тому и быть. А если нет, идет голым по всем этажам. Но многие сомневались, выполнит ли он такое условие, и спорщик тут же заключил другое пари. Если он проиграет и выполнит условие, то получит круг колбасы. Он проиграл — три литра варенья даже для любителя оказались чрезмерным количеством.

Исполнять требовалось «сегодня», и он дотянул до крайнего срока, минут без пятнадцати двенадцать, чтобы зрителей было поменьше. Но его товарищи тоже это учили

и побежали впереди, оповещая всех и вся. А пятый корпус, где жили первокурсники, был смешанным, полтора этажа занимали девицы, остальное — мужики. Однако как следует посрамить проигравшего его товарищи не смогли. Девочки-то были первокурсницы, в институте пробыли всего месяц с небольшим, к ночной жизни общаги не привыкли. В это время большинство уже лежало в постелях или готовилось ко сну. Когда шествие, стучавшее по дверям, двинулось мимо их комнат, почти никто в коридор не вышел. Лишь несколько высунулось, чтобы глянуть, в чем дело. Но выдавать интерес смущались, хихикали и сразу прятались обратно. А виновник торжества потом еще раз прошелся по всем этажам — уже одетый, с видом триумфатора демонстрируя выигранную колбасу.

Были и знаменитые, прославившиеся пари. В одном из них был привлечен в качестве свидетеля мой товарищ Эрик Алексеев. На его курсе учился некий Кузнецов по прозвищу Кузя. Один из тех отпетых оболтусов, которые без балбесничанья и околичивания груш просто перестали бы быть самим собой. Однажды у них в компании зашла речь о брезгливости, и Кузя так, к слову, сболтнул, что может по-большому хоть в своей комнате сходить — ему все едино. А рядом другой мальчик оказался, из аккуратных, интеллигентных и воспитанных. Имел неосторожность усомниться в сказанном. Его мгновенно поймали: «Спорим?..» Он пребывал в наивной уверенности, что сделать такое никак не возможно — это в его сознании не вмещалось, — и поспорил. Да еще на целую стипендию! Хотя наверняка проиграл бы и на пять рублей.

Через какое-то время Эрика будят среди ночи. Пошли, мол, ты же в свидетелях состоишь. А ответчик как раз собрался исполнить условия пари. Заходят к нему в комнату, обстановка строгая и торжественная. Идут приготовления, чтобы все чин чином. На отдельном стуле, поставленном так, чтобы лучше было видно, дергается возбужденный оппонент. Он почему-то до последней минуты был уверен, что его просто берут на пушку и на столь от-

вратительное действие Кузя не решится. На кроватях рас-саживаются свидетели. С серьезными мордами наблюдают за процессом — чтобы все было честно, без обмана.

После этого Кузя спокойно спускает штаны, усаживается посреди комнаты, пыжится и обстоятельно, тоже со строгим и серьезным видом, валит здоровенную кучу. Подтирается каким-то обрывком чужого конспекта — своих у него отродясь не было. Поднимается и показывает свое произведение всем желающим. Спрашивает: все ли честно исполнено? Свидетели единогласно подтверждают: да, выиграл. Он полез в шкаф, достал один из своих старых костюмов, постоянно валявшихся там в скомканном состоянии, сгреб этим костюмом дерьмо и понес выбрасывать.

У скептика аж челюсть отвисла от того, с какой легкостью все свершилось — и как глупо он деньги потерял. Беззвучно рот разевает, что-то пробует возразить, а что тут скажешь? Только и смог выдать: «Но... но ведь так-то и я могу...»

— Пожалуйста! — невозмутимо пожал плечами Кузя. — Никто тебе не запрещает. Но ведь я насчет тебя не спорил. Так что давай, плати...

Новогодние развлечения

Среди студентов МИФИ встречались настоящие «живые легенды». Взять хотя бы Виталика Поречного — он уже после меня учился. Невысокого роста, тихий, спокойный. Очень немногословный. Разговорить его было очень трудно. Но если получалось, можно было услышать много интересного. Про службу на границе, про Афган, про то, как его к ордену представляли и не дали, про приключения в родной ставропольской станице. Хотя и в рассказах он был очень лаконичным, сдержанным: «...Ну чего, дал я ему аккуратненько — отдыхает... Принялся за остальных...»

Авторитет он имел железнейший. Такие же, как он, вчерашние пограничники и армейцы кучковались вокруг него и слушались его беспрекословно. Словно и сейчас служили, а он был их командиром. Зеленая молодежь, пришедшая в институт со школьной скамьи, ему в рот заглядывала. Он и ценный совет мог дать, и заступиться, и выручить в трудную минуту — никогда и никому не отказывал. А не исполнить просьбу, которую он выскажет, было просто невозможно. Никому бы даже в голову не пришло чего-то не сделать, если об этом Виталька попросил.

Если кто-то из товарищей заболел, Поречный самолично брался его лечить. Для этого заставлял зимой спать с открытым окном под одной простыней, окатывал ледяной водой или вынуждал купаться в снегу. Стоит заметить, все его пациенты выздоравливали удивительно быстро — чаще всего уже после первых процедур спешили заявить о прекрасном самочувствии. А ребята из студсовета общежития приспособились использовать его в качестве отряда быстрого реагирования — если где-то ситуация слишком выходила из-под контроля и требовалось экстренное наведение порядка. Свои, институтские любители побуянить узнали его очень быстро, так что одно его появление действовало на них сугубо отрезвляюще и умиротворяюще. Если же появлялись посторонние смутьяны, проявляли нежелание его послушаться и допускали неосторожность, сравнивая его физические возможности со своими, Виталик легко доказывал им, что они совершили очень большую ошибку. После этого они предпочитали вообще обходить стороной наш корпус общежития, и чем дальше, тем лучше.

А однажды встречали очередной Новый год. В общаге это был особенный праздник. Специально рассылали приглашения, зазывали девчонок из «педов» или «медов». Ограничения для гостей любого пола отменялись, они могли оставаться хоть всю ночь. «Сухой закон» фактически тоже не действовал, никто за его соблюдением не следил и нарушителей не ловил. В «красном уголке» дискотека

почти до утра — пока последние желающие подрыгаться спать не уйдут или не отрубятся.

Ну а Поречный и его ближайшие друзья были уже люди как бы солидные, у них и невесты были настоящие, чего им со всякой мелкотой куролесить и дрыгаться? Накрыли хороший стол у себя в комнате, нарядились при параде. Приехали их девушки при лучшей косметике и бигудях. Сели по-культурному. Но только стали старый год провожать и пробовать салатика, приготовленные подружками, как стук с дверь. Прибежали ребята из студсовета. Наперебой извиняются за беспокойство, но срочно требуется Поречный.

Оказалось, что в общагу по-наглому вломилась большая компания каких-то кавказцев. Видать, услышали музыку и зарулили оттянуться на дискотеке. Кавказцы настолько крутые, что наши опера предпочли разбежаться и где-то укрыться получше, чтобы их не смогли найти и собрать. А незваные гости всю разошлись, принялись и остальных студентов с дискотеки выгонять, чтобы не мешали им с собравшимися там девушками поразвлечься в свое удовольствие.

Товарищи за столом поинтересовались у Виталика, не нужно ли помочь. Но он узнал, что кавказцев всего семеро, и отмахнулся — да ладно, сам обойдусь, скоро вернусь. Пошел на первый этаж, в «красный уголок». А глаза у него ясные, чистые. Заходит туда и спрашивает кавказцев, глядя на них этими ясными глазами: «Ребята, вам чего?». Но они, видимо, плохо понимали по-русски. Почему-то до них не дошло, что самым разумным будет вежливо извиниться и откланяться. Вздохнул Поречный — ничего не поделаешь, придется вразумлять более доходчиво. Вразумил... Потом рассказывал: «Ну чего... Поговорил с ними. Привел аргументы. Трех в больницу увезли, остальные сами уехали — очень миролюбивые, сговорчивые, все поняли...»

Но только-только он разобрался с кавказцами, сел с друзьями за стол, подложил салатика, взял в руку заботливо поданный ему стакан, как снова громыхание в дверь.

Примчались первокурсники и опять срочно просят Поречного. Глаза — квадратные, физиономии — перекошенные от страха. Он думал, что еще кого-то бить придется. Но нет. Оказалось, что теперь его разыскивали не в качестве службы «ноль-два», а «ноль-три». Эти самые первокурсники надумали встретить Новый год салютами пиротехники.

А покупных петард, которые сейчас на каждом шагу продаются, тогда еще не было. Они решили самодельные шутихи и фейерверки соорудить. Кто-то из них химией увлекался. Вспомнил нужные рецепты. На лабораторных по химии натырили необходимые реактивы, недостающие ингредиенты нашли в аптеках или еще где. Но у них что-то не заладилось, и сами они своих изделий откровенно побаивались. В качестве консультанта обратились к Володе Дивину. Он тоже отслужил на границе, хотя до уровня Поречного ему было далековато. Володя над первокурсниками свысока посмеялся: эх вы, салаги! Ну-ка, дай сюда, «ща покажу»! Небрежно, снисходительно к молокососам, принялся с высоты своего богатого школьного и пограничного опыта демонстрировать, как нужно обращаться со взрывчатыми предметами.

Продемонстрировал... Шутиха рванула у него в руках. Дым коромыслом, два пальца — напроочь, вся комната кровью забрызгана. Дивин сидит в шоке, смотрит на изуродованную руку, кровяща хлещет. А первокурсники от такой картины — на грани обморока. Потом кто-то допер за Поречным бежать. Пока носились, пока нашли, Володя много крови потерял. Виталик очень вовремя подоспел, спас ему жизнь. Одним махом перетянул руку жгутом, попутно раздавая подзатыльники глупым первокурсникам — а ну, марш звонить в «скорую помощь»! Налил Дивину полстакана, чтоб из шока вывести и напоследок сунул ему замеченный под кроватью ошметок пальца — может, еще успеют пришить.

Служба «скорой помощи» в ту ночь тоже пребывала в немалом трансе. То им Виталик позвонил и попросил

приехать за кавказцами — обстоятельно пояснил, чтобы присылали две машины, в одну могут не поместиться. Едва отвезли отмордованных гостей с солнечного юга, как медиков снова вызывают по тому же адресу и встречает их тот же Виталик. Врачи и санитары косились на него с явной опаской. Новогодняя ночь только началась, а он им уже целую палату обеспечил. Видать, прикидывали, сколько еще народу остается в общежитии и куда же их класть?

Экзотика восточная и западная

Яркие личности встречались в нашем институте не только среди парней, но и среди девушек. Одной из них была Оля Щукова. Она увлекалась новомодными теориями, причем самыми разнообразными и одновременно. А у Оли они сочетались самым причудливым образом.

По вечерам у нее порой брали верх западные учения об эмансипации женщин. Поэтому она садилась поддавать наравне с мужиками. Точнее, наравне с теми из них, кто оказывался достаточно сильным и здоровым, чтобы тягаться с ней на этом поприще. Но где-то за полночь начинали сказываться учения мудрой Индии. Оля приходила к неутешительному выводу, что от спиртного сильно загрязнились ее «чакры». А дальше вступали в действие теории совершенно загадочного происхождения. То ли индийско-русского, то ли деревенско-знахарского, то ли ее собственного. Потому что для «очистки чакр» ей непременно требовалось побегать босиком по снегу.

К этому времени полет философской мысли уже достигал такой высоты, что все несущественные мелочи отбрасывались. Например, если снег еще не выпал или успел растаять. А без снега вокруг общежития не то что босиком, а даже в обуви можно было бегать далеко не во всякой. Потому что от осеннего субботника, комсомольского, и до весеннего, ленинского (как и в другие полгода, от весеннего субботника до осеннего) там накапливались выброшен-

ные из окон окурки, огрызки, пакеты, консервные банки и битые бутылки. Все это раскисало, перемешивалось между собой, превращалось с сплошные грязевые массы и ожидало, когда будет очередной субботник и студенты все это уберут. Так что не знаю, насколько эффективно там чакры очищались. Я же все-таки не индус, не специалист в данном вопросе. Но если судить по-простому, по-русски, то после каждой чистки чакр ноги требовали капитального мытья, а то и перевязки.

Иногда случались истории еще более продвинутые. Один раз знакомые ребята засиделись в комнате у Оли допоздна, даже после очищения чакр и мытья ног. То есть было часа два ночи. Но пили-то почти без закуски, и разобрало их желание пожрать. А была весна, лягушки вовсю расквакались — дело происходило в пятом корпусе, а он стоял отдельно от студгородка. Выходил окнами на болотистые пустыри, простирившиеся до Борисовских прудов. Олю снова понесло в европейские теории. На этот раз — в кулинарные. Она принялась рассуждать о питательных свойствах лягушек и изысканной утонченности этого блюда. Нетрудно понять, что такая девушка имела у парней громадный авторитет. Подавляла их своей могучей личностью. Те гости, которые у нее постоянно отирались, смотрели на хозяйку снизу вверх. Самые дурные даже пробовали в порядке легкого флирта побегать с ней босиком — обычно до первого гвоздя или острого осколка.

Вот и сейчас спорить с ней никто не посмел. Лишь один робко заметил, что во Франции, наверное, лягушек готовят каким-то особым образом. Но употребленное количество напитков уже привело Олю на философский уровень, когда мелочи отметаются. Она небрежно отмахнулась: «Да вы, главное, наловите, а уж приготовить я сумею!». Среди ночи собралась целая экспедиция — в резиновых сапогах, с фонариками или спичками. Парни побродили по болоту, добросовестно набрали несколько полиэтиленовых пакетов лягушек и жаб. Притащили, гордо вывалили на стол. При этом земноводные, барахтав-

шиеся в общей куче, резво рванули во все стороны. Мгновенно рассредоточились по комнате, сиюминутно отыскав себе безопасные убежища.

Соседкам Оли по комнате спать в эту ночь уже не пришлось. Невзирая на их протесты, она с важным видом взяла самую большую кастрюлю с крышкой, а парни ползали на карачках, вылавливали несчастных лягушек и собирали их в кастрюлю. Оля оттащила емкость на кухню и поставила отваривать. Какой запахок пошел по коридорам — слабонервным лучше об этом не думать. Но Оля была не из брезгливых, отцедила через дуршлаг получившуюся массу — и на сковородку. В период изысканной французской трапезы ее соседкам пришлось вообще уйти из комнаты. Однако Оля и ее почитатели умяли все за милую душу. Может, кому-нибудь из них не совсем понравилось, но выказывать при хозяйке свою отсталость и предубеждения они постеснялись.

А на следующий день Оля вооружилась какими-то книгами и принялась доказывать тем же парням, что все было сделано абсолютно неправильно. Доказывала настолько авторитетно и убедительно, будто не сама предложила жрать лягушек и вызвалась их готовить. Теперь она им же прочитала нравоучительную лекцию, что у лягушек едят только задние лапки. А кишки и все прочее кушать не стоило. Объяснила и то, что их только жарят, не отваривая. И, ко всему прочему, во Франции едят не всех лягушек, а только некоторые породы, поэтому серые прыщавые земноводные Москвы парижских кулинаров наверняка не удовлетворили бы.

Всю посуду, использованную в ночном пиршестве, обитательницы Олиной комнаты наутро повыбрасывали. Но уюта и покоя они были лишены еще долго. Потому что в спешке и с пьяных глаз переловить сумели далеко не всех разбежавшихся лягушек. Те из них, кому посчастливилось уцелеть, периодически обнаруживались в самых непредвиденных местах. То из-под кровати выскочит, то из шкафа, а то и в постели пригреется.

Хаванье

У меня день рождения в августе, поэтому мне обычно не приходилось устраивать студенческих отмечаний этой даты. Каникулы, я в это время дома был, у родителей. Но уже на дипломе, после пятого курса (в МИФИ учились пять с половиной лет), я в августе оказался в Москве. Естественно, решил собрать друзей, кто тоже в столице находился.

Летнюю стипендию за два месяца сразу мы получили еще в июле, и к этому моменту с деньгами была напряженка. Но после прикидок выяснилось — обеспечить застолье можно, если закупать пиво без бутылок. Такая практика была у нас отработана — откупориваешь их прямо в магазине, сливаешь в свою емкость, а бутылки тут же сдаешь обратно. Получалось по 25 копеек за пол-литра. Это было дешевле, чем покупать в бутылках, и намного качественнее, чем брать на разлив в пивнухах — там пойло всегда было разбавленное.

Мы нашли на институтской свалке вполне исправный сосуд Дьюара. В нем когда-то хранили жидкий азот — эдакая шарообразная штуковина с горловиной и двумя ручками для переноски. Для пива он идеально подходил.

Вмещал пятнадцать литров, внутри устроен как термос, сохраняя содержимое холодненьким, а горловина узкая — не выдыхалось. Мы его еще покрасили в ярко-красный цвет покрасили и прилепили «ромашку» — знак радиоактивности. Так что и проблема с очередями решалась автоматически — когда мы заявлялись с дьюаром в магазин, народ опасливо отходил в сторонку, чтобы мы затаились и убралась поскорее.

Исходя из предполагаемого количества гостей, я добавил к дьюару пару канистр и был уверен, что на день рождения этого будет достаточно. Но первой пришла Раечка Павлючкова и поинтересовалась, куплена ли хоть какая-нибудь закуска? Такой роскоши я как-то не предусмотрел, и ресурсов на нее уже не осталось. Раечка без слов всучи-

ла мне пятерку и погнала обратно в магазин. Стал я кумекать, что на пятерку купить-то? Картошки? Так с ней возиться надо, а ребята вот-вот соберутся. Ну, хлеба, понятно. Взял килограмм колбасы по два двадцать... И тут меня осенила идея — на всю оставшуюся наличность я набрал банок с болгарскими и венгерскими овощными консервами. Горошки, салаты всякие — они стоили копейки, а получилось объемно. Когда притащил их в общежитие, взял здоровенный бак, попавший к нам неведомо какими путями, и вывернул в него содержимое всех банок. Колбасу туда же покрошил кубиками. Перемешал и назвал новое блюдо «хаваньем».

За столом мы засели не в нашей, 40-й комнате, а в 44-й. Она была более благоустроенной, там был маленький телевизорчик, работавший кое-как. Хозяев комнаты в Москве еще не было, но посвященные открывали ее ложкой, и в летние месяцы она служила «постоялым двором» для гостей, мимоходом оказавшихся в общежитии. Поначалу, с голодухи, на «хаванье» набросились довольно резво. Но потом кое-кто стал носы воротить — у нового экзотического блюда вид получился не слишком аппетитным.

А когда Мелко Хуциев заявил, что «хаванье» пахнет желудочным соком, девочки окончательно перешли на хлеб без ничего. Мнения ребят разделились. Одни сочли мнение Хуциева справедливым и прекратили употребление «хаванья». Другие уперлись — дескать, «в нем что-то есть». Правда, спорили больше из чувства противоречия, а в баке продолжали ковыряться вилками, выуживая из месива кубики колбасы. В общем, посидели, попили довольно основательно. Наступил поздний вечер, Надежде Мироненковой захотелось спать. Ее оставили, чтобы расположилась в 44-й, а сами стали расходиться.

Кто-то засобирался по домам, а у нас с Эриком Алексеевым оказалось настроение еще продолжить. Мы взяли дьюар с пивом, бак с «хаваньем» и потопали ко мне в 40-ю. Полы в коридоре были грязнущие, в летнее время уборщицы их мыть не приходили. А в августе там накопился и слой пылищи, и окурки, и всякие ошметки, бро-

шенные заезжавшими на короткое время обитателями. Проходя мимо кухни, Эрик поскользнулся на каких-то картофельных очистках. Дьюар с самым ценным мы общими усилиями сумели удержать на весу, а вот содержимое бака вывернулось прямо на пол. Шедший за нами Хуциев злорадно захихикал:

— О! Хаванье нашло свой достойный конец!

— Почему конец? — невозмутимо возразил Эрик. — Никакой не конец!

Опустился на корточки, поставил бак и добросовестно стал горстями собирать все обратно. Потом мы с ним остались вдвоем, сели за стол, налили по стаканам пиво. Но когда он зачерпнул «хаванье», на вилке оказались какие-то свисающие волосы и чужеродные лохмотья.

— Хаванье грязное, — спокойно заключил Эрик, — Его нужно помыть.

Тут же оттащил бак на кухню, поставил в раковину и начал полоскать консервно-овощную массу под краном горячей водой. Однако после такой операции всю воду сцедить не удалось, и «хаванье», кроме запаха желудочного сока, приобрело еще характерный запахок плохо вымытой посуды. А при копании вилками внизу обнаружилась хлюпающая вода с подозрительными блестками непонятно каких масел. Так что жрать это блюдо мы все-таки остереглись.

На следующий день кое-кто из ребят снова заскочил в общежитие. Пива, как ни странно, осталось в избытке. Опять посидели в 44-й, перебирая подробности вчерашнего. Конечно, центральное место в разговорах заняла история с «хаваньем», его тоже принесли — но уже чисто для демонстрации. А потом запихнули подальше в шкаф, чтобы не воняло. Но в тот раз мы сидели уже недолго, поболтали и разъехались кто куда.

Я отправился по своим делам и в общежитие вернулся лишь через день. Заглянул в 44-ю и обнаружил там Сашу Селина и Сашу Трибелева, вернувшихся из стройотряда. А когда захотел им показать остатки своего изобретения,

то к величайшему изумлению, обнаружил в шкафу пустой и чистый бак. Гадая, кто же сподобился на подвиг его отмывания, стал рассказывать им историю про «хаванье». Гляжу — что-то не то. Смеха ни малейшего. А физиономии как-то странно вытягиваются, перекашиваются, парни начинают бледнеть и эдак судорожно сглатывать спазмы...

Потом выяснилось, что они нагрязнились после нашего разезда, поздно вечером. Обосновались в «постоялом дворе» 44-й — из-за имевшихся в ней относительных удобств. Намытарившись и настрадавшись в стройотрядовской обстановке, в глухой деревенской дыре, они возрадовались от свалившихся на них благ цивилизации. Горячая вода! Телевизор! Кровати! Догадались потрясти дьюар, где еще что-то плескалось, и восторженно завопили: пиво! А когда заглянули в шкаф, вообще ощутили себя на вершине блаженства: да тут и жратва есть! И подчистую слопали все «хаванье»...

Первооткрыватель

Учился в МИФИ студент, Миша Унков, прославившийся невиданным научным открытием. Невиданным ни до него, ни после него. Разгильдяем он был редчайшим. Не только из-за того, что на занятия совсем не ходил и оттягивался чуть ли не ежедневно. Но все его собутельники, пытавшиеся балбесничать с ним наравне, вылетали из института один за другим, а он держался — отец у него был видным ученым, и Мише благодаря этому удавалось кое-как выкручиваться.

Но на 4-м курсе решили было, что и он доигрался. Там был такой предмет, как УИР — учебно-исследовательская работа. В идеале предполагалось, что студенты во время УИРа должны приобретать первые навыки самостоятельных исследований, получить какие-то свои результаты и изложить их в отчете. Каждому давали отдельную тему, выделяли научного руководителя со своей профилирующей кафедры.

На деле, разумеется, от такого идеала было далеко. Ну какие результаты могли быть у неопытных студентов? Какие исследования они смогли бы осилить? По опыту старших поколений, регулярно посещать УИР даже не рекомендовалось. Могли запрячь в качестве чернорабочего в помощь какому-нибудь дипломнику или аспиранту. Но периодически появляться перед шефом требовалось обязательно. Зафиксировать свое старание, напомнить ему о своем существовании. Показать, будто думаешь над своей темой. Передрать на страничку-другую теоретическую часть из учебника, вопросик ему задать по теме. А то и идейку какую-нибудь выдумать. Хотя бы чисто бредовую, которую он опровергнет. Но когда видели «усердие», без зачета никогда не оставляли. Сами же объяснят, что-то сделать помогут, а то и собственные результаты подбросят для отчета.

Однако Миша и здесь вообще не ходил. Его разъяренный шеф торжественно поклялся, что зачета он не получит, пока всю работу, как положено, сам не сделает. А сделать ее было уже невозможно. Тем более и тема Унксову досталась трудная. Ему предстояло отладить одну из новых, только что созданных установок и получить на ней результаты. Что она собой представляла, попробую объяснить популярно. Герметичная труба из плексигласа, в нее запускали газовую смесь. В трубе ходит поршень, может эту смесь сжимать. Подается напряжение, и через смесь должен проскочить электрический разряд. Но проскакивает он только при определенном давлении. А величина давления зависит от состава смеси. Изменилось в ней процентное соотношение газов, и давление для разряда понадобится другое.

Именно для этого был нужен поршень — давление менять. Крутишь ручку, он перемещается. И в какой-то момент должен проскочить разряд, на экране осциллографа всплеснет небольшой пик. В общем, получалось, что по самому положению поршня, как по линейке, можно определить состав смеси. Если газы будут в одном соотношении, пик проскочит при таком-то положении поршня.

Если в другом — при ином положении. Но... это теоретически. А практически установка была еще очень несовершенной, и ловить такие пики было чрезвычайно сложно.

Совершенно чистых газов не бывает, в них всегда есть какие-то примеси. Значит, и процентный состав будет чуть-чуть не такой, как ты задаешь. Ловить пик приходится не в одной точке, а на определенном промежутке. Но его и различить-то было трудно. Сигнал был слабеньким, на уровне случайных помех. Крутишь ручку туда-сюда, разрядик проскакивает, а ты его не замечаешь, где же он был, при каком положении поршня. Чтобы получить результаты на этой установке и четко поймать пик на осциллографе, нужно было неделями, а то и месяцами сидеть над ней и терпеливо, кропотливо возиться.

Но тут Миша показал, что в его жилах не зря течет кровь знаменитого ученого. На кафедре он появился всего за два дня до крайнего срока, когда требовалось получить зачет — иначе не допустят до экзаменов по другим предметам. Ему показали установку. Унксов вроде бы стал ее изучать. Полазил в ней, поковырялся. Потом включил и почти сразу же позвал сотрудников лаборатории. Заявил, что нужный пик он уже поймал. Те сначала отмахнулись, ушам не поверили. А когда все же глянули, не поверили глазам...

Дело в том, что Миша предварительно нашел дипломника, который до него возился с этой установкой. Поставил бутылку, тот упрощенно, на пальцах, растолковал — что это за хреновина и что должно получиться. Рассчитал ему по формулам, при каком положении поршня на осциллографе должен мелькнуть неуловимый пик. После этого Миша соорудил нехитрое приспособление. Обычную батарейку с двумя проводами. Батарейку он спрятал и замаскировал внутри установки, когда как будто ее изучал. Два его провода в общей массе проводов тоже оказались незаметными. Перемещаешь поршень, при нужном его положении контакт замыкается, и сигнал подается четкий и ясный.

Миша не учел только одного. Пик, который предстояло искать, по всем физическим теориям должен был составлять несколько милливольт. А в батарееке — полтора вольта. На экране так скакнуло, как просто в принципе не могло быть! Пришел шеф, сбежались сотрудники. Сами начали винт крутить, перемещая поршень. И каждый раз — есть сигнал! Да какой! Необъяснимо сильный! Шутка ли — новый физический эффект обнаружился! Побежали звать народ из других лабораторий. Заведующего кафедрой на месте никогда не было — это был знаменитый академик М. Д. Миллионщиков, в то время председатель Верховного Совета РСФСР. Но пришел его заместитель, профессор Колокольцов.

Собрались все кафедральные светила. Спорят, выдвигают рабочие гипотезы — отчего вдруг в газовой трубе мог возникнуть такой сильный разряд? Отчего он в тысячи раз усилился по сравнению с тем, каким должен быть?

Исписали самыми замысловатыми формулами и доску, и все подручные бумажки. Каждый норовит предложить свою версию. А Миша скромненько рядом вьется. Когда они совсем разошлись в хитросплетениях научной мысли, он робко напомнил о себе. Мол, а мне-то что делать? У меня ведь зачет... Зачет ему быстренько отставили и послали подальше, чтоб под ногами не путался с такой мелочью. Это же даже смешно, какой-то зачет, когда дело пахнет настоящим открытием!

А ему больше ничего и не надо было. На своем приоритете в открытии он не настаивал. Пошел себе, оставив ученую братию в эйфории успеха. Только вечером еще раз появился на кафедре. Вроде что-то забыл. Аккуратненько вынул батарееку, свои проводки отсоединил, и «эффект Унксова», как прозвали потом студенты данное физическое явление, больше никогда и нигде не наблюдался. А поймать пытались еще как! Установку долго туда-сюда гоняли — где же он? Нет, не поймали. Как появился загадочный мощный пик ниоткуда, так и исчез в никуда.

Вершины науки

«В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот достигнет ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам». Уж не помню, кто это ляпнул, Маркс или Энгельс. Но за саму цитату уверен, ее слишком часто перед нами произносили. Но, если разобраться, то выражение очень уж неточное. Надо же — «достигнет»! А куда, спрашивается, делись все случайности, подстерегающие любого «карабкающегося»? И почему не упомянута самая элементарная удача, без которой в науке никак не обойтись!

Например, Валерке Косовскому достичь «сияющих вершин» помешал обычный, вульгарный комар. Единственный и, наверное, далеко не самый злобный. Даже, скорее, такой же хронический неудачник, как сам Валерка. Косовский после диплома остался в аспирантуре и начал работать над диссертацией. Тему он получил очень перспективную — исследовать, как изменяются свойства микротвэлов по мере их облучения в реакторе. Для непосвященных поясню, что твэл — это тепловыделяющий элемент. Та самая штука в реакторе, где содержится ядерное топливо. А существуют конструкции реакторов на микротвэлах. Эдаких фигурка меньше макового зернышка. Они во множестве рассеяны в другом веществе, и каждая фигурка выделяет свою крошечную долю энергии. Но свойства всех материалов от облучения меняются. Поэтому для конструирования реакторов важно знать, до каких доз радиации твэл сохраняет допустимые качества, а при каких начинает трескаться, разрушаться и превращаться в радиационную грязь.

Взялся Валера со всем старанием. Но действующих реакторов, специально предназначенных для подобных исследований, не так много — в МИФИ, в Обнинске, в Курчатовском институте. И на всех реакторах каждый ка-

нал для облучения образцов расписан на много месяцев вперед. Косовский долго мыкался туда-сюда, пристраивая свои микротвэлы. Потом они облучались, тоже много времени прошло. Где-то не получилось, где-то получилось не совсем так, как хотелось бы, какие-то образцы оказались непригодными для дальнейших исследований.

Но он все же получил один-единственный микротвэл, где все удалось, как надо. Начал с ним работать. Тоже дело непростое. Вещица крошечная, любая операция с ней ювелирной тонкости требует. А штучка, ко всему прочему, в активной зоне побывала. Радиоактивная будь здоров. Все надо делать с соответствующими предосторожностями и применением разных хитрых приспособлений.

Возился он таким макарон месяц три. Уже вроде общая картина начала вырисовываться. Пришла пора перейти к главным исследованиям. Снять конкретные характеристики этого микротвэла. Те самые цифры, ради которых велась вся работа. А для проведения испытаний требовалось микротвэл наклеить на специальную подложку. Валерка занялся очередной ювелирной операцией. Нанес слой клея на свою драгоценную крошечную фигурьку, положил на стол перед окном, чтобы немножко подсохла, а сам пошел в коридор покурить.

Возвращается — и от картины, происходящей на его глазах, у него волосы дыбом встают. По лаборатории вьется комар. Как я уже говорил, по характеру далеко не из самых вредных. Вредный-то небось самому Косовскому на нос сел бы. А этот летит на стол и усаживается прямо на заветный микротвэл. Естественно, прилипает. Валерка бегом к нему, но пока он успел от двери до стола несколько шагов сделать, комар и сам испугался, приклеившись. Крылышками зазудел натужно, поднялся в воздух вместе с прилипшим к нему образцом — и вылетел в открытое окошко...

Вот и карабкайся в такой ситуации по «каменистым тропам», даже если действительно «не страшишься усталости»!

Диплом

Дипломы в наше время делались коллективно, вся общага помогала. Изготовление плакатов для защиты было поставлено на конвейер. Мобилизовывались лучшие художники — Эрик Алексеев, Володя Власов, Женя Шаров, Коля Кудрявцев, Володя Снитко. В феврале месяце, когда в нашем институте защищались дипломы, под это дело занимали холлы общежития на каждом этаже. В каждом трудилась своя бригада. Дипломник должен был представить только эскиз. Дальше бралась за плакаты бралась первая рабочая группа, вспомогательная. Она делала всю черновую разметку карандашом, и листы попадали к профессиональным художникам. Те прорисовывали тушью. А Эрик Алексеев, самый квалифицированный ас, доводил последние штрихи, вписывал каллиграфическим почерком буквы и цифры.

В общем, от самой долгой и трудоемкой работы дипломники были освобождены, плакаты и без них делали, как произведения искусства. А они могли использовать время, чтобы получше подготовиться к защите. Порепетировать свой доклад перед кафедральной комиссией, подучить теорию, прикинуть возможные дополнительные вопросы и заранее, про запас, поискать ответы на них. Иногда такие вопросы специально провоцировались. Например, можно было допустить в докладе какую-нибудь маленькую ошибочку, оговорочку. Члены комиссии заметят, прицепятся. А ты поправишься — дескать, ах да, «как вы сами поняли, я, конечно же, оговорился». И разовьешь это место, куда сам их навел, блестящим, заранее подготовленным научным монологом. Делали и проще. Договаривались на кафедре с каким-нибудь знакомым сотрудником, чтобы кинул тебе такой-то вопросик — вроде бы желая поймать.

Но случались и «нештатные» ситуации, форс-мажор. Помнится, я был на четвертом курсе, и вдруг часов в двенадцать ночи ко мне заявляется Леня Купченко. Говорит:

«Батько (моя кликуха была), срочная помощь нужна». Поясняет, что уже завтра у него защита, а ему надо сделать два плаката. Я удивился. Потому что знал — плакаты у него уже готовы, рисовала их лучшая бригада во главе с самим Эриком. Но когда заикнулся об этом, он возмущенно замахал руками: «Да ну их! Все напутали! Все сделано неправильно! Шеф увидел и сказал переделывать!».

Я пожал плечами — а почему он ко мне обратился? Рисовать я умел, но куда мне до наших настоящих художников? Как от земли до неба. Да и вообще смогу ли успеть за ночь сделать тушью два плаката? Но он успокоил: «Фигня, я фломастеры достал (жуткий дефицит в то время), а сделаешь, как сумеешь. Ставлю бутылку „банановки“». Для справки — «банановкой» у нас назывался банановый ликер — кубинский, 40-градусный, емкостью 0,7. Ладно, пошли к нему в комнату. Откупорил он эту «банановку», дает мне ватман, фломастеры, а для образца — великолепные листы производства Эрика. Тут-то и выясняется, что напутали, конечно же, не изготовители плакатов. Напутал сам Леня, когда делал им эскиз. Он просто-напросто умудрился на графиках перепутать местами оси «икс» и «игрек». Видимо, как раз поэтому не стал к ним соваться переделывать, а выдернул меня.

Тем временем он успокаивал мои сомнения — что качество уж ладно, как получится. Он, мол, и сам бы нарисовал, но очень устал, надо хоть немножко поспать перед защитой. Но я определенно различаю, что поспать ему действительно не мешает. Потому что он в более чем солидном переборе. Ведь в этот период каждый день кто-то защищался, и он, судя по всему, не удержался, заглянул на обывон к приятелям. Поэтому только в полночь спохватился насчет плакатов. Пока ходил и искал исполнителя, еще держался, а как со мной еще «банановки» дернул, совсем поплыл... Я уже в другом засомневался — как же он в таком состоянии завтра (уже «сегодня») защищаться будет?

Он важно кивнул: «Да, ты прав. Нужно поспать». Завинтил оставшиеся полбутылки и заплетающимся языком поучает: «Только ты это не допивай, пока не дорисуешь!»

Диплом — вещь ответственная, его надо делать на трезвую голову!» — и рухнул. Против чего я не возражал. Время-то шло, а он своей болтовней мне не давал заняться изобразительным искусством.

Но Леня, уже засыпая, вдруг встрепенулся: «Батько, срочно найди мне таблицу Менделеева, нужно ее почтить напоследок». Оказалось, что он защищается по металлловедению, но как раз о тех металлах, о которых в дипломе идет речь, ничего не ведает. Хотя, пока я бродил по сонной общаге, разыскал у первокурсников таблицу Менделеева, Леня уже храпел вовсю. Видать, изучал курс металлловедения во сне.

Ну что ж, фломастерами я намалевал быстро, часа за два. Качество — как сумел. Так он и пошел на защиту. Одни листы эриковские, хоть в рамку вставляй и на стену вешай. Другие мои, фломастерные. А с какого бодуна пошел, можно только посочувствовать. Но трояк получил, а больше ему и не требовалось.

А через два года была и моя защита. Она обошлась без приключений. Тему я знал хорошо, сам отработал ее в 7-й лаборатории. Плакаты мне сделали великолепные. Ораторскими способностями для доклада Бог не обидел. На пару дополнительных вопросов ответил. «Идите, отлично». Отстрелялся как-то очень быстро. Но вышел из аудитории, и вдруг страшнейшая усталость накатила. Просто абсолютная опустошенность. Сел покурить на подоконник, а встать сил нет...

В общаге ребята уже отмечание готовили. Это тоже было дело коллективное. Защищались по несколько человек в день. Мы сбросились, а те, кто уже защитился, или с младших курсов, в магазин сходили, стол готовили к нашему возвращению. Но на меня напала такая дикая апатия, что я... вдруг туда не пошел. Не хотелось ни с кем сейчас разговоров вести, что-то слушать, рассказывать. Хотелось только отдохнуть. От всего. Одному. Молча. Сел на случайный, первый подошедший автобус. Доехал до кинотеатра «Эльбрус» в Царицыно. Не потому что ехал туда, а тоже случайным образом. В «Эльбрусе» шла какая-то ла-

буда, но это было даже лучше. Народу не будет. Купил билет, зашел в буфет, взял пива и сидел, «отмокал».

Какой был фильм, не помню. Я его не смотрел. В зале сидел, откинувшись и расслабившись, вроде как не дремал, но и не бодрствовал. Посерединке. И только постепенно чувствовал, как силы возвращаются. Поехал в общагу. А там уже отмечание кипело вовсю. «Где ж ты шлялся?» Но опоздавших у нас в таких случаях не ждали и штрафных не подносили. Не успел — сам виноват. Плеснули в стакан: «Ну давай, за твой диплом!» Я чокнулся... Вот так заканчивалась моя студенческая жизнь. Начиналась другая. Жизнь инженера, офицера. А потом и писателя. Но об этом я еще не знал...

СВЕЖИЕ И НЕ ОЧЕНЬ НОВОСТИ

Политика, экономика, финансы

Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны. Советскую власть победили. Дело за электрификацией.

Полным ходом идет строительство демократического общества — демократы строят умные физиономии.

В стране решительно преодолены последствия культа личности и заменены на культ наличности.

Уровень жизни россиян неуклонно повышается — каждый месяц граждане покупают все более дорогие товары.

В рамках общенародного политического согласия предполагается внести некоторые изменения в государственную символику. Теперь на бело-сине-красном флаге будет изображаться пятиконечная звезда, а двуглавый орел будет держать в лапах серп и молот.

Сегодня в Кремле премьер-министр Медведев принял посла Великобритании за своего шурина.

Ряд министров и губернаторов областей освобождены от занимаемых постов в связи с переходом на другую работу. От всей души хотелось бы верить, что эта работа — на лесоповале или на рудниках.

Министр финансов России заявил, что инфляции больше не будет. Теперь она будет называться как-нибудь по-другому.

В новой редакции «Винни-Пуха» Пятачок потребовал, чтобы его теперь называли Стольничком с последующей индексацией.

По данным Центробанка, позиции рубля значительно упрочились. На сегодняшний день рубль котируется в 48 марсианских тугриков.

С весны предполагается начать индексирование пенсий. Оно будет распространяться на ту часть пенсионеров, которая сумеет пережить зиму.

Министерство культуры России пришло к выводу, что в современном обществе господствуют низкие инстинкты, и постановило поднять их на более высокий уровень.

На последней пресс-конференции западные журналисты поинтересовались, в каком состоянии у нас находится еврейский вопрос. На это им был дан исчерпывающий еврейский ответ.

Чубайс продолжает отключения электроэнергии. На это его родные умиленно поясняют, что Толя еще в детстве любил баловаться выключателями и когда-то отключил у бабушки аппарат искусственного дыхания.

Значительных успехов достигла российская горнодобывающая промышленность. С начала года она добыла три горна и пять барабанов.

Успешно идет борьба с естественными монополиями. На их базе началось создание противоестественных монополий.

Столичная мэрия решительно опровергла слухи о том, что корабль демократии тонет, поскольку крысы из Моск-

вы не только не бегут, но плодятся и размножаются в невероятных количествах.

Вчера в Доме Правительства прошел день открытых дверей. Какой хулиган их открыл, сейчас выясняется.

Парламентская хроника

Парламентский дневник — по арифметике тройка, по природоведению двойка, по русскому — три с минусом...

Государственной Думой принят в первом чтении закон сохранения энергии.

Партия «Женщины России» объявила решительную борьбу с мужчинами России.

Государственная Дума приняла закон об альтернативной службе — это будет служба знакомств.

Позавчера в парламенте открылись дебаты между директором парламентской столовой и уборщицей тетей Дусей.

Наш парламентский корреспондент передает, что депутат Дрынов внес на рассмотрение в Думу иностранный журнал с занимательными картинками.

По сообщению агентства «Интерфакс», на последнем заседании Думы депутат Коровин выразил крайнее возмущение по поводу отсутствия пуговицы на своей ширинке.

Как стало известно из неофициальных источников, депутат Тыкин выразил вотум недоверия депутату Хрюкину, якобы поймавшему на рыбалке пудового сома.

Обозреватели отмечают, что депутат Думы Кирюхин направил запрос депутату Пупину, не найдется ли у того закурить.

Сегодня в законодательной комиссии парламента состоялись слушания пикантных анекдотов.

По сообщению «Итар-ТАСС», депутат Подмахаева от партии «Женщины России» вынесла на обсуждение своей думской фракции новую кофточку депутата Лядовой.

Как сообщают информированные источники, в перерыве между заседаниями Думы депутат Троеборов выступил с обращением к депутату Дерюгину поскорее освободить кабинку туалета.

Информационные агентства передают, что в кулуарах парламента депутат Дурындин высказал импичмент депутату Гориллову, наступившему ему на ногу.

Как стало известно нашим корреспондентам, депутат Хайлов от левой оппозиции решительно потребовал отставки своей жены, наставлявшей ему рога с депутатом Дюхиным от фракции «Яблоко».

Из парламентских кругов сообщают, что депутат Мордахин принял в первом чтении надпись «Осторожно, окрашено!» на отмеченной им скамейке.

Журналистам удалось выяснить, что некоторые депутаты Думы, пользуясь служебным положением, приватизировали себе участки на Кремлевском кладбище.

На рассмотрение Государственной Думы кто-то внес законопроект о переименовании города Владимира во Владимир-Вольфович. Сейчас обозреватели гадают, кто же его внес.

Новости из-за рубежа

Новый президент США выступил с предложением снять санкции против нашей страны и установить нормальные партнерские отношения — чтобы Америка стала активным партнером, а Россия — пассивным.

Генконсульство США известило, что вход российских граждан на аттракцион «американские горки» отныне будет осуществляться только в визовом режиме.

Под флагом борьбы за социализм на острове Мадагаскар прошла крупная пьянка. В конце оной флаг был использован не по назначению.

Британское общество сочло признаком дурного тона поведение лорда Попкинса, явившегося на костюмированный бал без костюма. Вообще.

Американская полиция по борьбе с наркотиками разгромила крупную банду торговцев «белой смертью», занимающуюся поставками из России. На складах мафии было захвачено большое количество порошка «Лотос», дихлофоса и антимоля на общую сумму свыше миллиона долларов.

Научной экспедицией Норвежского Географического общества в африканских джунглях пойман настоящий динозавр. Пока что экспедиция держит его за хвост, а Норвежское Географическое общество ломает голову, где заказать стометровую клетку для животного, как доставить ее через джунгли, и вообще, на фиг нужен этот динозавр в Норвегии?

Появившаяся над Майями летающая тарелка совершила посадку и решительно опротестовала результаты

конкурса «Мисс Вселенная», поскольку на нем не была обеспечена вселенская представительность. Гуманоиды были крайне возмущены необъективностью жюри, признавшего победительницей девушку всего лишь с двумя ногами и одной головой.

Министерство культуры Украины подало в Европейский Суд на известного шовиниста Пушкина за злостную и преднамеренную клевету на национального героя гетмана Мазепу.

Украинское командование объявило, что будет строить свою армию на новых принципах. В ней не будет никакой дедовщины, а только батькивщина.

Крупная авария произошла на Днепровской ГЭС. Причиной ее послужила ошибка поставщиков, которые вместо требуемого терморегулятора прислали энергетикам терминатора.

На Чернобыльщине успешно продолжают опыты по выведению скота повышенной продуктивности — свиней с двумя и тремя туловищами, многовыменных коров, живородящих кур и двуполых кроликов, размножающихся почкованием.

Запорожские косметологи разработали для дам уникальные антицеллюлитные шаровары. Они делаются такой ширины, что под ними никакого целлюлита не видно.

Завершилась конверсия на украинских кораблестроительных заводах города Николаева. Теперь вместо мощных крейсеров и эсминцев корабели просто спускают на воду.

Блестящих результатов добились таджикские селекционеры. В результате скрещивания граната и лимона

ими получены столь необходимые в народном хозяйстве гранаты-лимонки.

В Узбекистане жители Курбаши-Бабаевского района объявили свою территорию зоной повышенной трезвости, доказав, что пьянство отдельных несознательных граждан отрицательно сказывается на урожайности мака и конопли.

Британскими учеными путем клонирования создана клетка обезьяны. Сама обезьяна из этой клетки сумеет удрасть.

В Париже прошла неделя высокой моды. На следующей неделе мода изменится и станет низкой.

Японскими специалистами создан универсальный комнатный комбайн, объединяющий пылесос с телевизором и холодильником. Теперь всю собранную грязь можно будет увидеть на цветном экране и хранить неограниченное время.

В силовых структурах

На вооружение российских подразделений химзащиты кроме радиометра, рентгенометра и дозиметра принят спидометр для определения на территории вероятного противника уровня зараженности СПИДом.

На военных учениях под Липецком мастерски поразил цель летчик Хряпов. Он заложил такой изящный вираж, что цель была просто поражена.

Чрезвычайные происшествия в Вооруженных силах. В Энском гарнизоне из части сбежал солдат с автоматом. А в Эмском гарнизоне от солдата с автоматом сбежала часть.

Проблема жилья для военнослужащих скоро будет решена. Конструкторским бюро им. Броневика Ильича разработана новая модель танка, внутри которого располагаются несколько благоустроенных квартир.

В результате проведенных реформ российская полиция полностью перешла на самообслуживание: теперь она сама совершает преступления, сама раскрывает их и успешно сажает сама себя.

В правоохранительных органах создаются первичные организации партии анархистов, которые будут действовать под девизом «Анархия — мать порядка!».

Пресс-служба МВД сообщает, что вчера на Волоколамском шоссе произошла стычка за сферы влияния между враждующими группировками мафии. Сорок подбитых при этом танков сданы в металлолом.

В г. Санкт-Петербурге правоохранительные органы задержали подпольного миллионера. Он прятался в подполье еще с 1917 года.

Значительного успеха добилась московская полиция. Она наконец-то поймала Тушинского вора.

Для вас, автомобилисты! Со следующего года на территории России вводятся ремни безопасности нового типа. Этими ремнями сотрудники ГИБДД будут драть нарушителей правил дорожного движения.

Пресс-служба государственной автоинспекции сообщает, что в результате автомобильной аварии по улице Лопухаевской серьезно пострадал кошелек одного из водителей.

На одной из московских автостоянок обнаружена адская машина. Как выяснилось, она принадлежит пенсио-

неру Сякину, ездит с адским грохотом и своим видом наводит дикий ужас на прохожих.

Службой защиты прав потребителей привлечена к ответственности продавщица хот-догов Тяпкина, продававшая не горячую, а холодную собачатину.

Чудом избежал гибели начальник таможни Верещагин. После неосторожных высказываний, что ему «за державу обидно», позвонил неизвестный доброжелатель и едва успел предупредить: «Верещагин, не заводи мотор!».

На всех барахолках отныне будет установлен строгий контроль качества, чтобы там продавалось только барахло.

Налоговая полиция привлекла к строгой ответственности муниципального чиновника Жучкина. Как выяснилось, он уже несколько лет не платил подоходный налог с получаемых взяток.

Известный предприниматель Залетаев, владелец многих промышленных и коммерческих предприятий, недавно стал еще и крупным судовладельцем. По сходной цене он купил областной суд и несколько районных.

На смену баллончикам со слезоточивым газом идет новинка — баллончики со слабительным газом. Действуют эффективно и мгновенно в радиусе 200 метров. На случай неосторожного применения против ветра прилагаются средства индивидуальной защиты — пакет стирально-го порошка и рулон туалетной бумаги.

Российскими инженерами разработано новое, сверхнадежное противоугонное устройство. Как только вы выходите из машины, оно сразу начинает выть и мгновенно сажает аккумулятор.

Наука и культура

К интересным выводам пришли сотрудники НИИ Квантовой физики. Они вывели в своем институте тараканов.

Международной этнографической экспедицией в африканских джунглях обнаружено ранее неизвестное науке племя карликов-марксиков.

При открытии котлована на улице Запорная случайно открыт горячий минеральный источник. Сейчас комиссия, созданная из светил медицины, пытается выяснить, нарзан это или пробитая по недосмотру канализация.

В Академии медицинских наук России разработана уникальная новинка — клистирная телефонная трубка. Позвонят, скажут пару ласковых — мигом обделаешься.

Философами открыто новое свойство материи — рваться.

Удивительное открытие сделал инженер Копейкин. Сделал — и все. А какое — не говорит.

На Байконуре готовится новый интересный эксперимент. После успешных полетов женщин планируется запуск в космос первого гермафродита.

В результате многолетних исследований институтом зоологии выведены ручные комары. Кусают только за руки.

Новый сорт нержавеющей стали изобрели специалисты Стакановского сталелитейного комбината. Заказчи-

ков своей продукции они из года в год уверяют: «За нами не заржавеет!».

Российский физик Непыхтелов открыл новый закон — и стал отныне физиком в законе.

Величайшую в Европе коллекцию насекомых собрал энтомолог Тюфяков. Причем все насекомые были им пойманы в собственной квартире.

Новые современные технологии освоил Московский институт по производству искусственных алмазов. Отныне он будет изготавливать фальшивые бриллианты.

В связи с повышением цен на бензин для малолитражных автомобилей разработаны удобные и компактные газовые двигатели с заправкой от газовой плиты.

Российский фонд культуры закрыт на переоценку культурных ценностей.

На киностудиях страны продолжают интенсивные съемки. Дубль за дублем здесь снимают с актрис одежду, обувь и белье.

Организованная студией «Мосфильм» кинопроба молодых исполнительниц не удалась, так как на исполнительницах оказалось пробу негде ставить.

Новая постановка состоялась в театре Ленинского комсомола. Здесь Марк Захаров по какой-то причине поставил бутылку Николаю Караченцову.

В школах вводятся уроки сексуального воспитания. Отныне в ходе опросов и бесед с детишками преподаватели смогут ликвидировать собственную безграмотность в этой области.

Телезрители возмущаются, почему их любимые рекламные ролики иногда прерываются какими-то фильмами и передачами.

В издательстве «Детская литература» вышел в свет сборник «Юмор в коротких штанишках». Муниципальный комитет по нравственности распорядился штанишки удлинить, поскольку юмор высывался из них чуть ли не наполовину.

Вчера исполнилось 18 лет театру драмы и комедии г. Урюпинска. По случаю этой даты театр удостоился поздравлений местной администрации и был взят на учет горвоенкоматом.

В цирке Шапито ассистентка иллюзиониста Дрынова направила жалобу в профсоюз и потребовала, чтобы для соблюдения техники безопасности ее пилили одноразовой пилой.

При телевизионном центре «Останкино» открылась школа, где каждый желающий сможет стать настоящей звездой. С помощью специальной диеты и упражнений ваше тело приобретет идеальную звездообразную форму.

Любопытный экземпляр медведя пойман в енисейской тайге. Ну очень любопытный, все-то ему надо знать!

Младший научный сотрудник Подкопайло выдвинут на соискание Нобелевской премии за разработку вечного двигателя. Поскольку признано, что реклама — двигатель торговли, то сутью его изобретения является вечная реклама.

На конкурсе красоты «Мисс Колыма» первое место заняла признанная местная красавица Танька-Шалава. Второе место досталось Сереньке-Тузику.

Местная хроника

Вчера около 22 часов в г. Подольске заметно ощущались несколько толчков. Жертв нет. Как выяснилось, в толчках просто засорились трубы.

Шахта «Первоапрельская» сверх плана выдала нагору тысячу тонн угля. Сейчас выясняется, как же этот уголь снять с горы.

Новую линию решило проводить руководство Чихловской области. Ее проводят от здания областной администрации через главную площадь и дальше по улицам. А зачем — никто не знает.

На Подкоморинском горно-обогатительном комбинате введено разделение труда. Его коллектив разделился на горняков и обогащающихся.

Обувная фабрика «Большевичка» вышла на уровень мировых стандартов. Она начала выпускать туфли длиной 1 стандартный метр, весом в 1 стандартный килограмм.

Интересные результаты получены российскими птицеводами путем скрещивания куриных окорочков и петушиных окорочков.

На базе бывшего совхоза «Маяк» решено организовать зверосовхоз, так как жители здесь совсем озверели.

С размахом ведут хозяйство жители села Переплюйкино. Недавно здешняя свиноферма была преобразована в свинофирму.

На выборах мэра г. Разлопатинска убедительную победу одержал кандидат Ручкин. А покупательную победу — кандидат Жучкин.

Рекордного улова добилась вчера рыболовецкая артель братьев Макухиных. Это подтверждается всеми работниками рыбнадзора, проводившими ее задержание.

В Подмоскovie широко внедряются интенсивные технологии земледелия. Теперь здесь можно собрать с гектара до тридцати центнеров минеральных удобрений.

В целях увеличения поголовья крупного рогатого скота колхозницы Мерзьяевского района приняли решение поголовно наставить рога своим мужьям.

В связи с инфляцией и ростом цен на молоко вологодские коровы потребовали увеличить вдвое их рацион питания.

Серьезных успехов добился фермер Кукуев, решивший заняться разведением кроликов. Первые восемь пар кроликов уже получили развод.

На комбинате хлебобулочных изделий № 5 произведено тестирование работников. Сейчас уже половину этих работников удалось благополучно извлечь из теста.

В Астрахани открылось совместное малое предприятие «Нептун». Здесь группа специалистов будет производить дрессировку осетровых рыб, чтобы они для нереста поднимались по Волге, Оке, Москве-реке и метали свежую икру прямо в столичных ресторанах.

В Глухоманьском районе открылась крупная звероферма по разведению голубых песцов. Все выращиваемые здесь зверьки имеют ярко выраженные гомосексуальные наклонности.

На базе вырезвителя № 8 организуется акционерное общество «Дворец наслаждений». В ближайшее время к

вырезвителью будет с одной стороны пристроен опьянитель, а с другой — похмельитель.

В связи с обилием комаров в Москве и ее окрестностях городские власти приняли решение начать их всеобщую травлю в местных газетах.

В Санкт-Петербурге открылся экспериментальный публичный дом «Домашний очаг». Здесь дама встречает клиента в засаленном халате, подает ему на стол подгоревшую картошку, часа два прорабатывает его недостатки, а в постели заявляет, что у нее болит голова. И при этом забирает всю получку.

В связи с большим выбросом в море солярки пляжи г. Новороссийска временно объявлены соляриями.

В столице прошла выставка собак и кошек. Часть собранных средств собаки и кошки решили перечислить в фонд помощи своим хозяевам.

На пустыре за селом Большие Попендрюки найден черный ящик с разбившегося самолета. Работает поисковая партия, которая пытается сейчас выяснить, разбивался ли здесь хоть когда-нибудь какой-нибудь самолет.

По данным синоптиков, ночью в Москве и Московской области дул сильный ветер и надул здоровенную лужу прямо на Красной площади.

Разное

Организовано всероссийское общество матерей-одиночек «Эх, залетные!».

Разработано экологически чистое и абсолютно не ядовитое средство от мышей и крыс — дезодорант «Мурка»,

изготовленный из натурального продукта и обладающий стойким кошачьим запахом.

Автодорожное происшествие: по улице Советская в результате наезда автомобиля «Запорожец» серьезно пострадала дорога. Пострадавшая находится в тяжелом состоянии.

На случай отключений электроэнергии для граждан начат выпуск портативных гидроэлектростанций, которые могут быть установлены в каждой квартире и вырабатывают ток при спуске унитаза.

Стихийное бедствие произошло на днях в Урюпинском районе — в здешнем пиве выпала месячная норма осадков. Есть пострадавшие.

Пудового сома поймал вчера рыболов Коптяев, причем голыми руками. Из какого окна выбросили рыбу, выяснить не удалось.

Интересных результатов добился селекционер Парнокопытин, который сумел вывести новый сорт помидоров — «театральные». Они отличаются внушительными размерами, специфическим запахом и повышенной точностью попадания.

Известный предприниматель г-н Гогоберидзе решил сменить пол на противоположный. Свое решение он объясняет тем, что настоящий джигит должен в жизни построить дом, вырастить дерево и родить сына. А у него с домом и деревом уже все в порядке.

На экзамене по географии девятиклассник Пролетов получил двойку и был бит канделябрами. Учителя поймали его на том, что он пользовался краплеными контурными картами.

Интересное предложение сделал своей учительнице Вовочка Сидоров. Без подлежащих, одни сказуемые.

Институтом косметологии разработан новый крем для загара «Гуталин», который абсолютно не требует солнечных или ультрафиолетовых ванн. Достаточно намазаться — и будете как негр!

Московскими модельерами разработана новая модель: шапка-невидимка — людей в таких шапках ходит видимо-невидимо.

В наступающем осенне-зимнем сезоне для женщин будет модным ходить без бюстгалтеров. А для мужчин — в бюстгалтерах.

На экзамене по математике студент Иванов решил уравнение с тремя неизвестными. А какие неизвестные ему помогали, никому не говорит.

В службе охраны Московского инженерно-физического института оценилась овчарка Альма. Теперь ее называют Альма-матер.

При институте иностранных языков открылись курсы иностранных язычников.

Заводом ГАЗ разработана новая модификация автомобиля — такси-самосвал, предназначенная для удобной разгрузки нагружившихся клиентов.

Новый способ крутить мозги изобрела госпожа Потряскина. Она крутит их на бигуди.

Граждане пассажиры! В связи с летним сезоном все поезда следуют измененным маршрутом — через задницу.

Новости спорта

На стадионе Лужники открылись состязания по хоккею с мячом и футболу с шайбой.

На автогонках «Формула-1» первый заезд выиграл Иван Пузырев — он первым заехал сопернику, да так, что тот до сих пор не очухался.

На основе русских народных приемов борьбы разработан национальный комплекс боевых искусств «Чебурашки-ниндзя».

Российскими исследователями неопровержимо доказано, что одним из самых древних видов спорта в нашей стране является фигурное катание, о чем свидетельствует народное выражение: «Катись ты на фиг!».

Крупные соревнования по парашютному спорту прошли в «Матросской Тишине». Отличные результаты зарегистрированы на всех парашах.

На чемпионате мира по футболу самый красивый мяч забил центрфорвард Хорхе Диас. Он забил его в задницу своему тренеру.

В Москве прошли соревнования по боксу «Золотая Перчатка». Первое место досталось предыдущему чемпиону, поскольку удара его призовой золотой перчатки не смогла выдержать ни одна челюсть.

В столице открылись соревнования по теннису на Кубок Большого Шельмы.

В совхозе «Красный богатырь» состоялось первенство по вольной борьбе. Второе место занял тракторист Чушкин, сумевший положить противника на лопатки, а пер-

вое место — комбайнер Сушкин, сумевший положить на грабли.

Рекордный беспосадочный перелет из России в Америку произвел Иван Дылдин. По пути он восемь раз перелетал из страны в страну с чемоданом краденых драгоценностей, и нигде не посадили.

На чемпионате страны по легкой атлетике первое место занял первоклассник Ваня Пукин, признанный самым легким атлетом.

В Мытищах открылись конноспортивные соревнования на кубок России. Первый кубок выпил наездник Огурцов.

На международных гонках «Париж — Дакар» успеха добился россиянин Тучкин — он угнал самую лучшую машину.

Полезные советы

Хозяйке на заметку. Не спешите выбрасывать использованные жвачки ваших детей. Собрав один-два стакана этого продукта и распарив в духовке, вы можете их использовать для добавки в пиццу или макароны, которые ваши гости не отличат от макарон с сыром.

Рецепт фирменного коктейля «Россия»: смешайте 100 г водки «Русская», 50 г водки «Сергей Есенин» и 50 г водки «Распутин». В полученную смесь добавьте 100 г водки «Горбачев» и 100 г водки «Ельцин». Тщательно взболтайте, после чего добавьте 50 г водки «Жириновский» и 150 г «Путинки». Выпейте до дна, и наутро вы в полной мере ощутите состояние современной России.

РАССКАЗИКИ СТУДЕНЧЕСКИХ ЛЕТ

Кошмар в сессию

Чаще всего студенты перед экзаменами не спят. Все не из-за того, что им не хочется. Просто дневного времени оказывается слишком мало, чтобы выучить все, что они прогуляли, пропустили мимо ушей или недоучили в течение нескольких месяцев. Но если они все-таки каким-то образом засыпают, им порой снятся кошмары.

Вот и Петю Чебурдаева перед сдачей физики сморил сон. Ему привиделась аудитория — но вроде и не аудитория. На стене висел огромный портрет Эйнштейна. А под портретом восседал профессор Кац. Но он был почему-то в черном мундире, кожаной портупее, начищенных сапогах и с кобурой на поясе. А на столе лежали хлыст и такая же черная фуражка с высокой тульей. Чеканя шаг, вошел один из кафедральных ассистентов. Выбросил в приветствии руку перед Эйнштейном, молодцевато щелкнул каблуками и доложил:

— Взяли!

— Скольких? — заинтересовался профессор.

— Одного.

— Где остальные?

— В назначенное время не явились!..

— Где взяли этого?

— У пивной палатки. Как говорится, взяли с наличными...

— Ведите! — махнул рукой шеф.

Ассистент и еще один его коллега с кафедры физики втащили самого Петю — но только он был в рваном ватнике, перебинтованный, окровавленный. Сотрудники Каца цепко удерживали его, заломив руки за спину. А про-

фессор вдруг расплылся в улыбке и заговорил — почему-то с немецким акцентом:

— Ого! Какая птица нам попалась! Я уже польгода хотел повидаться с фаами. Но ви были софшершенно неулофимы! Так мастерски ускользаль со всех лекций! — оценив вид Пети, он участливо вздохнул. — О, я вижу, мои люди немношко перестарались!.. Но ничефо... ничефо... Теперь фсе будет карашо... Ми не ест такие садисты, как кафедра математики... От фас требуется только одно: немношко отвечать на интересующие нас вопросы!..

— Но я ничего не знаю! — отбрехнулся тот.

— Найн, не отказывайтесь! — голос Каца стал вкрадчивым. — Если ви будете отвечайт, вас ждет стипуха, шнапс, молеко, яйка, или, как фсе это у вас говорят, «мэни бьютифул герлз»...

— Я ничего не знаю, — уже твердо и уверенно объявил Петя.

— Найн-найн, — продолжал убеждать профессор. — Ничего нового ми у вас не спросим! Фсе это ми давно знаем! Но хотим услышать от вас! Ну что ж, начнем, мой юный друк? Итак, что ви знаете о теории поля?

— Спросите самого Поля! — огрызнулся студент.

— Не морочьте моя голофа! — Кац начал выходить из себя, но сдержался и грустно вздохнул. — Эх, месье Поль, месье Поль!.. Ладно. Опишите мне схемы молекулярных связей!

— Каких еще связей? У меня нет никаких связей! — вполне искренне возразил Петя.

— А что ви знаете о функции Эйлера в фашей работе?

— Не знаю я никакого Эйлера! Кончайте скорее! Все равно я вам ничего не скажу!

— Ха! Скорее! — захихикал Кац. — Когда ви в последний раз видели Сафельева? — и он ткнул студенту под нос учебник Савельева «Общая физика».

— Савельева? В первый раз слышу!

— И ви думаете, что я поферю этот наивный отговорка? — скривился профессор, немного подумал и решил зайти с другой стороны. — О! По ваш прическа видно, что

ви недавно бить на военный кафедра? Как там поживает мой друг, майор Пронин?

— А? Пронин? Хорошо. Он уже подполковник.

— Ах, подполькофник! Узнаю его школа — молодой челофек не хочет гофорить! Ладно! Если ви не хотель гофорить, можете мольчать! Но только покажите пальцем вот здесь, на этот схема. Сориентируйтесь. Ось «икс», ось «игрек»... Где здесь ЦЕНТР? Так что ви хотите мне показать?

— Во что! Ха-ха-ха! — студент, уже поняв, что терять ему абсолютно нечего, выкрутил пальцами фигу.

— Мой юный друг хочет шутить! — вспыхнул Кац и перешел на крик: — Отфечать быстро! Кто с тобой работаль в семестре?

Вот тут Петя растерялся. Наугад кивнул на правого из державших его ассистентов:

— Он?

— Нет!

— Тогда он? — студент кивнул на левого.

— Нет!

— Вы? — догадался Петя.

— Ха-ха-ха! Молодой челофек начал гофорить! — рассмеялся профессор, очень довольный. что раскрутил его хоть на один правильный ответ. — А теперь сказать мне, кто вам даль вот это? — он извлек за кончик шпаргалку, размотавшуюся длинной «гармошкой», и помахал перед лицом Пети.

— Это? В первый раз вижу! Это не мое! — немедленно отрекся тот.

— Это нашли в ваш карман! Отпираться бесполезно!

— Хорошо, — сник студент. — Отпустите меня. Я все скажу...

Довольный профессор сделал знак ассистентам. Но едва они выпустили руки своей жертвы, как Петя молниеносным движением выхватил у профессора шпаргалку и запихнул к себе в рот.

— Взять его! — орал профессор, но шпаргалка уже была пережевана и мгновенно проглочена. Кац брезгливо сделал знак. — Увести! В деканат! Только там умеют разговаривать с такими сфиньями!

Студента потащили. По дороге он пытался сопротивляться и выкрикивать:

— Нас много! В каждой группе!.. На каждом курсе!.. На каждом факультете!.. В каждом институте!.. Везде!.. Мы все такие!

А профессор обессиленно опустился на стул и ворчал:

— Ферфлюхте швайн! О, майн гот!.. Аллес капут!.. Нихт ферштейн!.. Ха-ха-ха! Каково, а?..

Любовь к науке

На кафедре математики сидел профессор Иванов, углубившись к какие-то сложнейшие выкладки и расчеты. Но окончательно углубиться туда у него никак не получалось. Потому что рядом крутился студент и отвлекал полет его творческой мысли на обычную, серую, институтскую суету.

— Ну, Иван Иванович, примите экзамен! Ну пожалуйста! Ну назначьте мне дополнительное время для пересдачи! Иван Иванович! У меня стипендия горит. В кармане — ни гроша. Три дня не ел, ночами не сплю — математику читаю, — попытался он подольститься.

— Вот и прекрасно, — в полной мере одобрил профессор. — Читайте математику!.. Это обогащает ум, укрепляет здоровье и придает нам новые духовные силы. Читайте!.. А принять не могу — извините, я занят... Вывожу новую теорему, которая разобьет все представления о четверичном распылении гамма-функций комплексного переменного.

— Но, Иван Иванович... — опять стал канючить студент.

— Никаких «но»! — было похоже, что профессор действительно увлекся и возвращаться на грешную землю ради таких мелочей отнюдь не намеревался. Принялся поучать: — Каждый человек, если он считает себя мыслящим и культурным, должен узнать истинное лицо четверичного распыления гамма-функций комплексного пере-

менного. И лишь тогда я смогу из божественной области математики перейти в лоно мирской жизни, отдохнуть от трудов и... принять у вас экзамен...

Очевидно, он мог говорить на эту тему еще очень долго и очень вдохновенно, но в этот момент в кабинет вприхнула очаровательная дочка Ивана Ивановича. Бросила с ходу:

— Здравствуй, папа!

Студент попытался воспользоваться тем, что он замолчал, и снова вставить свое:

— Но ведь стипендия! У меня денег нет!

— Кстати, у меня — тоже... — охотно подхватил профессор. — Ах, что значат эти презренные деньги в сравнении с математикой! Читайте математику — и вы всегда будете сыты, согреты и здоровы...

Но девушка с большим интересом посмотрела на студента, и в ее лице он неожиданно обрел союзницу.

— Ах, папочка... Прими, пожалуйста, у него экзамен...

— Доченька, золотце мое, ты же знаешь, как я занят... — начал оправдываться Иван Иванович.

Однако слабые места своего отца она, конечно же, изучила превосходно.

— Папочка, посмотри, как этот молодой человек горит любовью... к математике. И если ты не сможешь принять в ближайшие дни у него экзамен — он сгорит... совсем!

— Ах, дочка, наука всегда требует к себе... жертв, — философски развел руками отец. — Дорогая моя, я же не могу разорваться! Меня ждут мои гамма-функции комплексных переменных! Не могу же я столько времени тратить впустую...

Дочка выслушала и тем не менее сдаваться была не намерена:

— Но ведь он тоже не может тратить столько времени... впустую. Его... его тоже ждут... эти самые, функции... каких-либо переменных... Ты только посмотри, как он любит!.. математику...

— О!.. Всем сердцем и душой! — принялся подыгрывать студент, даже взялся цитировать что-то эдакое, подходящее к случаю: — Далеко простирает математика руки свои в дела человечьи...

— Верно! — согласился Иван Иванович. — У математики — длинные руки. Но экзамен принять не могу!

Но дочка надела на него еще более настырно и выразительно посмотрела на молодого человека:

— Ну, папочка, посмотри: как он любит... математику. Он читает ее везде, каждый день. Он даже в воскресенье, в три часа... будет на скамейке в парке... читать математику... Правда?

— Правда, — смекнул студент, в полной мере оценив и математические, и прочие перспективы своей защитницы. — В воскресенье в три.

Это подхлестнуло ее адвокатское вдохновение, и она трогательно приникла к отцу:

— Ну, пожалуйста, папочка...

Такой прием сработал уже безотказно. Профессор тоже расчувствовался, отодвинул свои выкладки и начал протирать затуманившиеся очки:

— Ну и молодежь сейчас пошла! Живи, читай математику!.. Хотя бы на скамейке... в парке... А я, в своей молодости, математику в трамвае учил! Ну, хорошо... Делаю вам поблажку!.. Но в мое время такого не было... Помню, был у нас профессор... Так он, когда открывал третичное распыление гамма-функций комплексных переменных, никому не делал поблажек... Вот, даже я... кхе, кхе... один мой друг, когда завалил экзамен, профессор не сделал ему поблажки! Хотя... этот мой друг притворился... то есть... кхе, кхе... он не притворялся, а — именно любил... математику!..

— Ну и как же вы... то есть ваш друг выкрутился? — обрадованный студент счел нужным подхватить разговор — пока тот вдруг не передумал.

— О!.. Он был тогда молод, красив... Он снискал... то есть добился расположения дочери профессора... А уж она и упростила своего папу принять экзамен...

— Ну и что? — заинтересовался его юный собеседник.

— А — ничего... Как видите, любовь к математике — великое дело... Плод любви — налицо... — он ласково прижал к себе дочь, но спохватился и указал на лежащую перед ним грудой расчетов. — Да, вот он, налицо. Ну, ладно... Зайдите завтра, в пять...

— Значит, в воскресенье — в три?.. — шепнул студент в сторону девушки.

— Что вы сказали? — вскинулся Иван Иванович.

— Ничего. Завтра — в пять... И вы правы! Любовь — великая сила! Даже если она — к математике!.. — воодушевленный студент выскочил из кабинета.

— Папа, ты — гений! — похвалила дочка, наградила профессора чмоканием в лысину и тоже побежала по каким-то делам. А Иван Иванович глянул на свои исписанные бумаги, сгреб их в папку и задумчиво усмехнулся:

— Гений — не гений... Но в комплексных переменных... кое-что понимаю! Такие вот гамма-функции! Ну, и хрен с ней, с математикой! Хотя внуков теперь могу предположить... с все большей вероятностью...

Долголетие

В кавказских горах, на живописной дороге между двумя селениями, петляющей среди величественных скал и бездонных обрывов, встретились два седобородых старца.

— Салям-алейкум, Мухтар! — обрадовался один из них.

— Алейкум-ас-салям, Хуссейн! — не менее радостно отозвался второй. — О, как ты молодо выглядишь, да тебе больше ста лет и не дашь!

— Ох, подхалим ты, Мухтар. Не надо, не вспоминай, а то ишь, загнул, сто лет... Как подумаешь, сразу кровь начинает играть, как у молодого жеребца.

— А почему и не вспомнить? Ты спешишь куда-нибудь?

— Нет.

— Ну, и я — нет. Давай посидим, покурим...

— Что ты, Мухтар, не курю. Сто тридцать лет курил, а вчера бросил. Говорят, вредно.

— Кто говорит? — удивленно вскинулся его собеседник. — Покажи мне этого человека, и я проучу его, как проучил сто лет назад того безбородого обманщика, чтоб его дэв разорвал!

— Брось, не горячись! — стал его успокаивать Хуссейн. — Верю, что горяч ты, как сто лет назад.

Но тот уже разошелся:

— Вредно... вредно... А что вредного? Я, конечно, не говорю про эти новые шайтановы штучки — «Кенты», «Данхилы», «Парламенты», чтоб их дэв сожрал! Курить их будешь — последний бешмет заложишь — вот это вредно! А «Беломор» — почему вредно? Очень даже не вредно...

— Да тут, понимаешь, — начал объяснять Хуссейн, — врач говорит, лучше выпить, чем закурить. Только и спасаюсь теперь. Как курить захочешь, придешь домой, выпьешь бутылочку вина — и от сердца отлегло... А ты не бросил еще? Тоже, говорят, вредно...

— Нет, недавно пришлось, — вспомнил Мухтар. — На свадьбе был. Товарищ женился: ему — сто тридцать, ей — девяносто...

— Послушай, куда ему такая молодая! — ахнул собеседник. — Уйдет от него...

— Не уйдет. Любят они друг друга. Такой красивый любовь!

— Да, не то, что внизу, в городе... — понял его Хуссейн и пояснил: — Вот племянник женился. Пышная свадьба была, вино — рекой! Гости — к утру разошлись. А молодые — к вечеру...

— Я вот тоже недавно в городе был, — подхватил тему Мухтар. — Пристал ко мне один тип из газеты, тысячу каджей ему на голову. «Дедушка, — говорит, как сумел сто пятьдесят лет прожить?» А я и говорю ему: «Э, дорогой, когда ты родился, микробов уже открыли?». «Открыли», — говорит. «А когда я родился, еще никаких микробов не было». Правильно говорю? Какой тут жизнь!

— Правильно говоришь. Там внизу то и дело как откроют какой-нибудь вирус, так болеть начинают все... А обратно закрыть — никто не догадается... Какой тут жизнь!..

— Да там и жить-то не захочешь... Вот недавно был там в больнице...

— В больнице? — несказанно удивился Хуссейн. — Ты ли это, Мухтар?..

— К правнуку заходил... Там, в больнице, врач подошел к одному больному и говорит: «Сестра, дайте кислородную подушку!». А — она: «Э, перед смертью — не надышишься». Чтоб ею дэв позавтракал!.. Какой тут жизнь!..

— Да уж, какой! Там, видно, специально делают, что жить не захочешь... Журнал есть такой, «Здоровье» называется, — исчадие шайтана. Всю жизнь из тебя высосет...

— Это как же? — заинтересовался Мухтар.

— А так... Почитаешь — жить не захочешь!..

— Почему?

— Написано там, что ничего — нельзя. Чай пить — вредно, кофе — вредно, резиновую обувь носить — вредно, собаку держать — вредно, мясо есть — вредно, телевизор смотреть — вредно, сидеть — вредно, ходить — вредно...

— А лежать?

— И лежать вредно...

— Остается — таблетки глотать?

— Таблетки — тоже вредно... Это — вредно, то — вредно... Пить — вредно... Курить — вредно... Есть — вредно! Спать — вредно! Лежать — вредно! Бежать — вредно! Ходить — вредно! Стоять — вредно!.. Жить — вредно! Какой тут жизнь... А картинки какие в том журнале!

— Ой, картинки всякие бывают! Я, когда в городе был, зашел в кафе... А там мало что на еду смотреть противно, так еще на стене плакат висит... На самом видном месте — печень алкоголика в разрезе и палочки Коха на ногах у большой мухи... Какой там жизнь!

— Да, какой там жизнь! — согласился Хуссейн и вдруг опасно дернул товарища за рукав. — Ой, смотри, твой прадед идет! Увидит, что куришь, уши оборвет.

— И правда оборвет, по привычке... — спохватился Мухтар, поспешно загасив папиросу. — Когда он молодым был, — все было, но табака — еще нет...

Из-за поворота дороги показался третий старец, еще более древний, чем двое друзей. Увидел их соколиным взором и сразу взялся поучать:

— Вах-вах-вах! Расселись, джигиты! Вот молодежь пошла, я в ваши годы... Какие же вы джигиты, если сидите, болтаете, как бабы... А в магазин — пиво привезли...

— Пиво привезли? — молодежато вскинулись оба. — Неужели к нам в горы машина из города доехать сумела?

— Пойдем, Мухтар, пиво пить!

— Пойдем, Хуссейн! Асса!

Два приятеля резво устремились к магазину. Прадед угнаться за ними все-таки не мог, но добродушно напутствовал вслед:

— Идите, пострелы, идите... На мою долю бутылок пять возьмите. Ох, песок сыпется, а то бы и я сплясал. Асса!

Курсовой проект

(Написано в соавторстве с Николаем Кудрявцевым)

На кафедре конструирования приборов и установок шел обычный рабочий день. В коридорах института прозвенел звонок, и преподаватель посмотрел на часы. Сейчас будут приходить студенты со своими курсовыми проектами. Как обычно, станут показывать сплошные ошибки, доказывать, что это вовсе и не ошибки, а мелкие случайности. А когда все прегрешения неоспоримо вскроются, начнут упрашивать, чтобы им все-таки поставили зачет и допустили к защите, скрепляя эти просьбы честнейшими студенческими словами исправить ляпы в ближайшие полчаса — а если не получится, то в ближайшие полгода.

Дверь приоткрылась и в большом зале, заставленном рядами чертежных кульманов, обозначился первый на се-

годня претендент на отлуп. Поприветствовать он решил с откровенным подобоострастием:

— Здравствуйте, профессор!

— Здравствуйте. Я еще не профессор, я уже — доцент, — не без гордости уточнил преподаватель и начал с дежурной фразы: — Ну, что там у вас?

Студент торжествующе развернул исчерченный лист ватмана, очевидно, рассчитывая на похвалу. Но удостоился не похвалы, а более чем скептической гримасы:

— Да-а! И родилась черепаха!

— Совершенно точно! — студент опять попробовал подольститься. — Медленно, но верно!

— Что медленно, это да, — согласился преподаватель. — Но, к сожалению, далеко не верно! Что это у вас тут изображено?

Студент набрался духа и приподнятым голосом изрек:

— Машина времени!

Но должного впечатления это не произвело. Преподаватель только сухо кивнул:

— Та-ак, машина вре... Простите, машина чего?

— Времени! Машина времени!.. Это мое собственное изобретение!

Однако доцент был старым, опытным. За время своей практики он и не такого наслушался. Поэтому лишь хмыкнул и деловито взялся проверять проект на соответствие нормам конструирования приборов и установок:

— Ну-ну... изобретатель! Машина, говоришь? А двигатель вы какой выбрали?

— Вечный, разумеется.

Тут-то преподаватель и поймал его:

— Вечный... а почему не по ГОСТу?

— А в ГОСТе такого нет...

— Э, молодой человек, — нравоучительно поднял палец доцент. — В ГОСТе все есть. Ну ладно, свое изобретение вы будете отстаивать на защите. Если сумеете. А лично я вам советую посмотреть по ГОСТу 4-12-75-бис и справочник Федоренко и Шошина... А зачем вы здесь такую большую шайбу приспособили?

— Это не шайба, а летающая тарелка в разрезе...

— Если в разрезе, заштриховать надо! — отметил преподаватель очевидную ошибку.

— Заштрихую, обязательно заштрихую! — засуетился студент.

— Заштрихуйте... та-ак... а это что такое?

— Черная дыра.

— Черная дыра?! Уж сказали бы, на худой конец, черное отверстие! И зачем же вам нужно это... черное отверстие?

— Отходы сбрасывать... туда...

— Ах, отходы! — пренебрежительно скривился преподаватель. — Обычно для этого мы используем стандартное пятнадцатиградусное эвольвентное фау-зацепление с обратной гномостереографической связью.

— Гномо... какой? — открыл рот студент.

— Гномостереографической. Посмотрите по ГОСТу... И вот здесь что-то не ясно...

— А здесь у меня разрез А-А.

— Я вижу только а-а. А где разрез?

— Заштриховать забыл...

— То-то и оно. Одно забыл, другое забыл. А это что за баночка?

— Этот сосуд...

— Сосут пиво, милейший. А это, на худой конец, резервуар. Так зачем этот... резервуар?

— В нем сидит демон Максвелла. Ну, знаете, из курса физики? Демон, которого Максвелл придумал для доказательства своей теории? А у меня он заведует вторым началом термодинамики и вот этой кнопочкой... — силась спасти уже явно катастрофическое положение, студент засуетился, показывая на чертеже пальцем, где у него что расположено, и даже демонстративно нажал на нарисованную кнопочку. Хотя спасти курсовой проект было уже поздно. Преподаватель сделал свои выводы и подводил итоги:

— В общем, молодой человек, не будет у вас работать ни кнопочка, ни демон...

— Почему?
— Потому что вы будете ему мало платить...
— Почему это мало? — не понял студент.
— В целях удешевления конструкции, — объяснил преподаватель прописную истину. — Машина тоже работать не будет!..
— Но почему?
— Хотя бы потому, что у меня нет времени возиться с вашими ошибками и недоработками!
— Но ведь она уже работает! Кнопочку-то я уже нажал! Мы с вами — за миллион лет до нашей эры!
Однако доцент знал студентов как облупленных и попытки выкручиваться решительно отmel:
— Не морочьте мне голову! — он глянул через открытое окно и заключил: — А времени у меня действительно нет. Вон ко мне бегут другие студенты.
Студент тоже глянул и обомлел:
— Профессор, это не студенты!
— Не морочьте мне го... — отмахнулся преподаватель, но из-за окна разнеслись воинственные вопли, влетела стрела и вонзилась ему в спину. Он рухнул прямо на ватманский лист курсового проекта.
— Профессор! Профессор! — в панике склонился над ним студент. — А как же мой зачет?
Но сбить его с толку оказалось невозможно. На последнем издыхании преподаватель твердо заключил:
— Когда все исправите... по ГОСТу... тогда и приходите.

Лабораторная

В институтской лаборатории, сверкающей никелем и экранами новейших приборов, сидела молоденькая аспирантка и занималась одновременно двумя делами. На обложке глянцевого журнала она внимательно изучала глянцевую мускулатуру Арнольда Шварценеггера, а при этом, зажав возле уха мобильник, вела телефонную беседу.

— ...Нет, милый, не смогу. У меня сейчас кретинические дни. Завтра заседание кафедры, послезавтра конференция. Сегодня? Вообще-то надо подумать. Но сейчас студенты должны прийти. У меня с ними лабораторная по клонированию. Я тебе позже перезвоню... — она убрала в сумочку мобильник, с сожалением отложила Шварценеггера, перевернув журнал, чтобы никто больше на него не засматривался. Наклонилась к дисплею компьютера, вглядываясь, как выглядит ее отражение, и обратилась к пожилой лаборантке, хлебавшей в углу чай с сушками.

— Марь Иванна, пришли студенты?

— А куда ж они на фиг денутся, Алла Петровна? — философски рассудила та.

— Ну так запускайте. Сначала их, потом оборудование.

Марь Иванна не спеша убрала сушки с блюдцем в сейф, украшенный знаками радиоактивности, и в лабораторию ввалилась гурьба отроков и отроковиц, по инерции продолжающих свою коридорную болтовню.

— Кстати, вчера Юрика встретил. Он просил тебя позвонить... — сообщал низенький очкастый студент накрашенной девице в ярком топике.

— Да я и сама собиралась, только не помню, куда же я его телефон записала? Кажется, все обыскала!

Аспирантка поморщилась:

— Все-все-все! Попрошу не отвлекаться! Я же вам говорила, что наша наука требует внимания и сосредоточенности. Вон и Марь Иванна вам подтвердит!

— Ну дык конечно! — охотно заворчала ее помощница. — А то, понимаешь, суют не туды, жмут не сюды, оно и получается!

Когда вся группа расселась по местам возле лабораторных установок, Алла Петровна раскрыла пухлую разработку, стараясь придать себе строгий вид:

— Проверим, как вы подготовились. Итак — какие задачи решает инженерное клонирование?

— Сложные! — с ходу ответил студент, которого она подняла.

Аспирантка глянула в разработку, как там написано, и удовлетворенно кивнула:

— Верно, — после этого задала вопрос следующему по списку: — А вы расскажите описание установки.

— Установка для лабораторного клонирования состоит из лабораторного клонизатора, лабораторного программизатора, всяческих проводочков и всяческих шпинделечков.

— Ну-у! — не совсем уверенно возразила Алла Петровна. — Вы забыли еще всяческие кнопочки, всяческие лампочки, всяческие винтики и всяческие шпунтики. Правильно я говорю, Марь Иванна?

— Дык конечно, — согласилась лаборантка. — Кака ж установка без кнопочков и шпунтиков!

— Вот видите, и Марь Иванна подтверждает! Потверже надо учить, потверже! Ну а вы? — спросила она третьего студента. — Что такое база данных?

— Это такая база, которая дает.

— Хорошо. А что такое цена деления?

— Ну... рублей тридцать-сорок... — прикинул очкастый, которому достался вопрос.

Аспирантка засомневалась и снова прибегла к арбитражу специалистки:

— Правильно, Марь Иванна?

— А че ж неправильно? Я б больше и не дала.

Пролистав раздел «Теоретическая подготовка», аспирантка открыла следующий:

— Теперь перейдем непосредственно к нашей лабораторной. Вопрос к вам: цель работы?

Но долговязая девица в прыщах и пирсингах оказалась готовой — у нее на коленях была раскрыта точно такая же разработка, как у Аллы Петровны. Заглянув туда, она бойко затараторила:

— Цель работы по практическом клонированию — дать студентам практические навыки по практическому клонированию и получению из исходной субстанции практических клонов.

— Правильно. Марь Иванна, заправьте, пожалуйста, исходную субстанцию, — лаборантка, кряхтя, поднялась. Извлекла большой бак и стала заливать в горловины всех установок сомнительного вида мутную бурду.

— А вы расскажите порядок проведения работы, — подняла аспирантка следующего по очереди студента. Прыщаво-пирсинговая соседка успела подсунуть ему нужную страницу пособия, поэтому порядок работы он тоже знал назубок:

— Первое. Изучить настоящую разработку. Второе — зарисовать схему установки. Третье — получить у преподавателя или лаборанта код ДНК клонируемого объекта. И четвертое — провести вышеуказанную работу и сделать выводы.

— Кстати, а что такое код ДНК? — решила придраться Алла Петровна.

Но студент оказался опытным, не укусишь:

— Это то, что получают у преподавателя или лаборанта.

— Правильно, — вынуждена была она отступить. — Марь Иванна, все у вас получили?

— А чаво ж не все? Получать — оно дело нехитрое.

Аспирантка перелистнула последнюю страницу и зацепила последнюю студентку, ту самую, в ярком топике:

— А на вашу долю остались правила техники безопасности...

Однако вопросы безопасности та представляла отлично:

— Нельзя брать руками оголенные концы.

— Ну хорошо. Включайте установки. Если что непонятно, Марь Иванна покажет... — защелкали кнопочки и шпинделечки, замигали лампочки. А студентка в топике попутно продолжала выяснение своих личных проблем:

— Слушай, а ты не знаешь телефон Юрика? А то я куда-то записала и не помню, куда. Ну все обыскала...

Но аспирантка услышала и пресекала посторонние разговоры:

— Я же просила вас не отвлекаться! Наша наука требует внимания и сосредоточенности! Правильно я говорю, Марь Иванна?

— Дык ясный хрен! А то, понимаешь, крутуют не туды, вертуют не сюды, оно и выходит!

Ну а пока установки входили в требуемый режим и взбалтывали мутную бурду, Алла Петровна решила хоть в чем-то просветить студенческие умы:

— Для тех, кто отсутствовал на лекции или присутствовал с плеером, я хотела бы повторить, что главное — это расшифровать информацию, которая записана в молекуле ДНК. Но поскольку она там записана не по-русски, мы это студентам не поручаем. Мы вам даем готовые образцы информации...

— Вот эти циферки, что ли? — уточнила прыщавая.

— Совершенно верно, вот эти циферки. Сейчас вы их аккуратненько введете в программизатор. Соответственно, клонизатор начнет клонировать другие молекулки, которые вы запрограммировали.

— А что такое, когда красная лампочка загорелась?

— Марь Иванна, что такое, когда красная лампочка загорелась? — встревожилась аспирантка.

— А то и значить — процесс завершен.

— Ну конечно, такие вещи знать надо! — облегченно вздохнула Алла Петровна. — Процесс завершен. Откройте и проверьте, что у вас получилось.

Когда откинули крышку, там лежал полудохлый заяц. Аспирантка сверила с ответами и подтвердила, что в установке № 3 должен получиться заяц. Потом стали загораться красные лампочки на других установках, и из них поочередно извлекали мышей, крыс, морских свинок. Все уже бодро переписывали из учебника выводы, Алла Петровна в журнале ставила им галочки, что лабораторная выполнена и сдана. Но у одной студентки, у той самой подруги в топике, приборы продолжали натужно гудеть и перемигиваться. Наконец процесс завершился и у нее. А когда установку открыли, студентка отшатнулась в ужасе:

— Ой, а это что?

— Да! Марь Иванна, а это что? — ахнула Алла Петровна. Перед ними на приборном столике хлопала глазами натуральная человеческая голова.

— Дык мене почем знать? — рассудила лаборантка, — Ишо одна кака-нибудь жертва науки!

— Нет-нет, ну причем здесь жертвы? — возмутилась аспирантка и обратилась непосредственно к голове: — Вы, собственно, кто такой?

— Юрик.

— Юрик? Какой еще Юрик? — она сверила по ответам, — Установка № 17, должна быть овечка Долли.

— Не-е, я не Долли, я Юрик, — подтвердила голова.

— Ничего не пойму. Почему не Долли, а Юрик? Давайте проверим, — аспирантка склонилась над тетрадкой студентки, сопоставляя ее записи со своими. — Вы эти цифры вводили? Ага, тут, вроде, правильно... А вот эти цифры откуда?

— Ой! — девочка чуть не выпрыгнула из топики, — Так вот куда я Юриков телефон записала!

— А я вас предупреждала! Наша наука требует внимания и сосредоточенности! — подняла палец Алла Петровна. — Правильно я говорю, Марь Иванна?

— Ну дык конечно! А то, понимаешь, тыркаются не туды, пыркаются не сюды, оно и результат!

— Да мне-то что делать с таким результатом? — озадачилась девица, и лаборантка хмыкнула:

— Что ж, коли он знакомый твой, то так и быть, забирай.

Студентка разочарованно оглядела голову. Заглянула, нет ли чего-нибудь ниже, под приборным столиком, и замотала головой:

— Куда же он мне такой-то? Если бы еще все остальное получилось...

— А вот чтоб все остальное получалось, надо учиться, учиться и еще раз учиться! — заключила Алла Петровна.

— Еще раз? — поникла студентка.

— А как же? Придете переделывать на следующей неделе.

Зазвенел звонок, и гурьба студентов наперегонки выкатилась вон. Марь Иванна, вооружившись тряпкой и шваброй, взялась безжалостно сгребать лабораторных зайцев

и мышей в тот же бак, где еще бултыхалась исходная субстанция. А аспирантка еще разок, повнимательнее, оглядела голову. Потом перевернула свой журнал с глянцевого кинозвездной мускулатурой. О чем-то задумалась. Быстро-быстро взялась листать какие-то учебники и справочники. После чего решительно извлекла мобильник.

— Нет, милый, к сожалению, сегодня у нас тоже не получится. Дела-дела...

Скомкав и завершив разговор, она нетерпеливо схватилась за трубку внутреннего телефона:

— Алло, центральная информатека? Это беспокоят с кафедры инженерного клонирования. Тут у нас обозначилась чрезвычайно важная работа и необходима ваша помощь. Какая? Надо подобрать ряд данных по Арнольду Шварценеггеру. Какие? Первое — номер телефона, который на него зарегистрирован. Поймите — это очень-очень важно, пробейте по экстренной линии. Но номера телефона, как показывают наши эксперименты, еще не достаточно. Еще надо рост, вес, размер в плечах, размер в поясе и размер в ниже пояса. Да? Спасибо-спасибо, я сейчас приду!

Окрылившись полученным ответом, она нагнулась над зеркальной шкалой амперметра, подновляя косметику, и упорхнула. И только на установке № 17 осталась сиротливо торчать клонированная голова и напомнила о себе:

— Э, я че-то не понял, а я как же?

— А как звать-то тебя? — участливо подошла к нему лаборантка.

— Юрик...

Марь Иванна взяла голову, задумчиво подержала в руке и вздохнула:

— Бедный Юрик! — и отправила в бак.

БЕЗ ПРАВА НА ОТМАЗКУ

(Контрразведповесть)

Все имена, фамилии, отчества, названия учреждений и клички котов по понятным причинам изменены.

Глава 1. Преступление и указание

Или грудь в крестах, или банный лист
к заднице.

Русская народная мудрость

Портрет Дзержинского на стене кабинета своим острым, пронизывающим взглядом настойчиво пытался залезть под кофточку Марьяны Голопупенко — агента украинской Службы Безпеки, сидевшей напротив полковника Ломового. Она закинула ногу на ногу, и полковник невольно отвлекся, мысленно сравнивая ее коленки с коленками управленческой буфетчицы Фроси. Потом спросил:

— Так на чем мы остановились?

— А хиба ж я останавливалась? — искренне удивилась Марьяна, тараторившая без умолку. Пытаясь дать ушам хоть маленькую передышку, Ломовой предложил ей закурить.

— Ни, я свои. А то у вас в ФСБ ще пидсунут якусь дурь, шоб вызнаты вси наши тайны...

Полковник хотел уточнить, что для этого украинским агентам дури не требуется, у них и без того хватает. Но промолчал, поскольку дивчина могла его неправильно понять. А Марьяна рылась в сумочке. Явно хвастаясь своей разведывательной экипировкой, выудила портативную зажигалку и портативную пачку сигарет «Славутич».

Ломовой тоже закурил и подошел к окну. На Лубянской площади шла обычная лубяная жизнь. Прохожие прохаживались. У «Детского мира» дети мирились с мыслью, что больше им сегодня ничего не обломится. Машины портили воздух и нервы владельцев. А возле памятника жертвам репрессий опять торчала в пикете коммунистическая активистка Разорваева, очередной раз прикатившая из своей Рязани протестовать против расстрела Ежова и убийства Троцкого.

— Давайте разберемся вместе, по порядку, — предложил Ломовой.

— Давайте! — радостно согласилась разведчица. — А то в вашем кабинете шось ниякого порядку не мае! Все ти бумаги со стола треба выкинуты, якусь вазочку поставиты, повиситы гарненьки занавесочки...

Чтобы не повеситься самому вместо гарненьких занавесочек, полковник поспешил перехватить инициативу:

— Итак, вы говорили, что ориентировка к вам в Киев пришла из-за границы?

— Ага ж, по линии Интерполу. Сообщилы, шо к нам поихав некий граф, Влад Тепеш, вин же Дракула...

— Ишь ты, Дракула! — имя показалось Ломовому знакомым. — Под артиста, что ли, кликуху взял?

— Ни, вин не артист, — покачала головой украинка. — По документам — профессор истории чи археологии.

— Ну, милочка! Мало ли что по документам! — покровительственно улыбнулся полковник. — По документам и наш Исаев Штирлицем значился. А какие дела висят за этим профессором?

— А в том-то и дило, шо ничего не ясно! Тильки було сказано, що особльво опасный.

— Так вы бы запросили, выяснили.

— Ну а мы шо зробылы? Ориентировка прийшла из Америки. Запросылы Америку, а там кажут, шо ничего не знают, бо вони такую ж ориентировку получили из Англии. Мы в Англию — а нам отвечают, шо до них данные на того Тепеша прислалы из Венгрии. Звъязалысь з Венгри-

ей — а им ту ориентировку дали из Ватикану. А в Ватикан переслалы из Румынии. А бильше у нас грошив не було, шоб по всим странам запросы рассылалы. Мы, як всегда, началы позычаты гроши у ЦРУ. Воны нам никола не откажут, дают, скильки попросымо. Але на цей раз як казалы им, шо гроши нам нужны, шоб з ихним Тепешем разобраться, воны шось сразу зажалыся и нычого не дали! Осталысь без грошив, даже командыровочных мени дали зовсим малэнько, тильки на дорогу...

Дальнейшие слезные жалобы на безденежье украинских спецслужб Ломовой постарался закруглить и вернуться к сути:

— Получается, эта ориентировка за ним с давних времен ходит?

— Ще з яких давних! Из Ватикану ее триста шестьдесят рокив назад видправлялы!

— Надо же, как в Европе паршиво почта работает! У нас и то обычно за год доходит, — посочувствовал полковник. — Ну а что показало наблюдение в Киеве?

— Показало ему, як пройты на Хрещатык. Для слежки за тим профессором наше начальство назначило капитана Гарбуза и лейтенанта Гимнюка. Все наши им дуже завидовалы! Бо вин устроив рок-фестиваль на Лысой Гори, и ой лышечко, шо ж там творылося! Мы скрытою камерою знымалы, и я сама бачила! — глаза ее разгоряченно заблестели, и она перешла на доверительный шепот: — Представляете, там пять тысяч народу зовсим голымы скакалы! А як попрыгалы, тай поплясалы, така групповуха началась, шо який там «Калигула»!

Полковник невольно отвлекся, мысленно сравнивая фрагменты из «Калигулы» с фрагментами недавно найденного взрывного устройства. Сказал лишь:

— Понятно...

— Да ни! Даже хто с кем, и то не понятно! Воны там все перепуталыся, як макароны, тай слиплыся в якись одын комок!

— Ну и как, вы сумели привлечь этого профессора?

— А за що привлечь? Вин в кадр не попав.

— Значит, он не из кадровых? А ваше наблюдение что рассказало?

— Гарбуз с Гимнюком? Нычого вони не рассказали! А мы ж их так чекали, так ждали, шоб рассказали, як воно там у них було, на Лысой Гори! Але вони исчезли.

— Как исчезли?

— А хто их знае? Мож, загулялы. Мож, баб там соби подчипылы. Тильки вони зовсим на работу не прыйшылы. Ось тогда мени и назначылы на це дило замисто них. Кажут: «Марьяна, выручай! Бильше в управлении никого свободных нема! Лито на двори, вси в Крым поихалы собираты компромат на москалив!».

— Ну а каких-нибудь других происшествий в это время у вас не отмечалось?

— А як же! У майора Крутивуса день рожденья отмечався. Ще булы массовы беспорядки на Сорочиньской ярмарке. Еще нова секта образовалась, в порушенной церкви, якомусь Вию молятся. А на хутори близ Диканьки у коваля Вакулы контрабанду знайшлы — модельну обувь привозыв из Санкт-Питербурха.

— Так выходит, этот Тепеш с контрабандой связан?

— Мож, с контра-бандой, а мож, и с самой бандой. Я ж ничего выясныты не успела. Бо оказалось, шо вин у нас в Киеве тильки проездом, а направляется до вас в Москву по приглашенью ваших москальских ученых, — она заерзала на стуле, устраиваясь поудобнее, и полковник невольно отвлекся, мысленно сравнивая ее таз с тем тазом, в котором супруга обычно варит варенье.

Но в этот момент зазвонил телефон, и Ломовой услышал в трубке голос генерала Свистоплясова:

— Эта украинка еще у тебя?

— У меня. А куда она на фиг с Лубянки денется?

— В общем, наверху... то есть, на самом верху, выше нашего с тобой чердака, решили, что с ее информацией надо серьезно разобратся. У тебя есть предложения, кого можно выделить?

— Так точно. Я уже вызвал майора Хрякова. Он сейчас свободен, знаком с нашей гостьей, и взаимодействие у него получится самое тесное.

Трубка замолчала, и стало слышно, как шевелятся генеральские мысли.

Василий Хряков считался одним из лучших агентов ФСБ. Год назад он прославился, когда в одиночку сумел ликвидировать межнациональный конфликт в Чуфырии, перепоив обе враждующие стороны. Много утекло с той поры — тот утек, этот утек, а на счету майора прибавилось еще несколько блестящих успехов. По сигналу, поступившему от московского школьника Вольки, он повязал некоего старика Хоттабыча, засланного знаменитым террористом Хаттабом. А во время недавней командировки за границу набил морду самому Джеймсу Бонду — благо тот уже по возрасту не смог дать сдачи.

Генерал взвесил все доводы, перевел вес в килограммы, и телефон удовлетворенно кивнул:

— Согласен. Действуйте. О ходе докладывать лично мне, — после чего трубка загудела, но уже не голосом генерала, а своим собственным.

— Вот все и решилось, — обрадовал Ломовой Марьяну. — Как вы слышали, к вам будет прикомандирован ваш знакомый майор Хряков.

Но разведчица этому известию отнюдь не обрадовалась:

— Знакомый? Да лучше б я его вовик не знала!

Полковник вспомнил, что в операции по замирению Чуфырии они были противниками, и майор, кажется, оставил украинке не только приятные воспоминания. Примирительно заметил:

— Ну-у, в разведке всегда так, постоянных друзей и врагов в нашей работе не бывает.

— Ось и вин так же казав! — запальчиво подхватила Марьяна. — А сам, промежду прочим, пидставыв мене, як останню дуру!

— Вот видите, какого профессионала мы вам выделяем! — дипломатично схитрил Ломовой. — Если он даже вас обставить сумел! А сейчас-то вы будете в одной команде, и он точно так же сможет оставлять в дураках ваших врагов.

— И то верно, — поморщила лобик разведчица. — Колы по-хорошему и колы гадостей не строит, то вин хлопец гарный...

— Вот и отлично. Ну а теперь расскажите дальше, как же вы этого профессора упустили?

— Да нияк я его не упустила! Як поручили мени за ним проследыты, вин уже в Москву собрався. Я теж командыровку соби оформыла, курыцю на дорогу зварыла, приехала вечером на вокзал. И той профессор Тепеш був на вокзали, сам наблюдав, як в багаж грузят його ящики...

— Ящики?

— Ага, вельки таки! По бумагам — археологичне оборудование.

— Ну, милочка, — снисходительно скривился полковник, — по бумагам вон у нас один тип объявил себя потомком Пушкина и Арины Родионовны, а теперь претендует на село Михайловское.

— А мени звидкиль знаты? Я почикала, со сторонки понаблюдала. Бачу, профессор садытся в вагон. Я теж в вагон сила, тильки в друге купе. Попыла чаю, зыла курыцю, тай спаты легла. Але ничь така кошмарна выпала! Зовсим не выпалась. В вагони духота! И сны якись странные снилися. Представляете, будто капитан Гарбуз, той самый, що пропав, до мене обниматысь лизе! А на мене словно такой сон напав, що даже и неохота з ним любытысь. Я ему кажу — видчипысь, дурный, а вин не слухае, лизе! Я ему знов кажу: видчипысь — а вин лизе, ще зубом цыкае так странно! Ну тоды я его як брыкнула ногой по сраци, вин ажно з моей полки звалывся. Тильки пятку зашибла — ось подывытесь, до сих пор больть, — дивчина принялась демонстрировать полковнику пострадавшую пятку, и он невольню

отвлекся, мысленно сравнивая ее ступню со следом, обнаруженным в пору пограничной юности на контрольно-следовой полосе.

— А как брыкнула его, то и сон с меня слетив. Дывляюсь в окно — вже Конотоп, границя. Я специально встала, вышла, и профессор був на мисти. И нашим таможенникам документы предъявляв, и вашим москалям. Я и пишла спаты дали. Проснулася — вже день був, купе у його закрыто, и проводнык казав, шо профессор не выходыв. А до Москвы приихалы, его и немае!

— Пойдите, а как же ящики?

— В том-то и дило, шо его встречалы! И зовсим не удивилысь, шо его нема! Сталы ти ящики разгружаты, буд-то так и треба!

— А кто его встречал?

— Якись чорни.

— Кавказцы?

— Яки кавказци! Да кавказци рядом з ными — снегурочки! Негры. Два негра и одна негра. Така эффектна, як из рекламы! Вона командовала, а ти, шо разгружалы, вообще страхолудыны, даже не чорни, а серые чи зеленые, очи мутные, ходят, як роботы, — не иначе наширялысь...

— Думаете — связано с наркотиками?

— Да ничего я не думаю! У мене ж задание не думаты, а за профессором наблюдать! Пошукала его, нигде не знайшла. Стала звониты начальству в Киев. Але забыла, шо я в роуминге. Тильки-тильки начала рассказываты, даже до посадки в вагон не дошла, и у мене на телефони гроши кинчильсь. Ну и шо мени робыты? Профессора немае, грошив мало, а мое задание никто не отменяв. Тогда я и пишла до вас на Лубянку, шоб помоглы.

Полковник хотел было изречь прописную истину: что прийти в трудную минуту на Лубянку — долг каждого честного человека. Но вовремя вспомнил, что для иностранных разведчиков дело может обстоять несколько иначе. В ожидании Хрякова предложил гостье чувствовать себя как дома и выпить кофе. Достал из шкафа свою

гордость — подаренный в Америке кофейный сервиз на шесть персон нон грата. Марьяна обрадовалась, непринужденно потянулась:

— Як дома? О це гарно. А де тут у вас подмытысь можно, бо я ж з дороги?

Ломовой невольно отвлекся, неуверенно поглядывая то на графин, то на кран с водой, и мысленно сравнивая эти варианты. А когда перевел глаза напротив, в дверях стоял майор Хряков. Он любил возникать неожиданно и как бы ниоткуда. Особенно в дни получки. Но сегодня был не день получки, и Василий риторически уточнил:

— Вызывали?

Однако в следующее мгновение он разглядел гостью и расплылся до ушей:

— Ого, Марьяночка! Какими судьбами?!

— Васыль! — в свою очередь подскочила она. — А я ж о тебе так часто думала, так часто вспоминала! Сижу, бывало, и думаю — де ж вин зараз? Шо вин там робыт? Шоб вин лопнув, гад такой, шоб ему вси кишки перевернуло тай повывлазыло!..

Майор дружески чмокнул ее в щечку, она проанализировала ситуацию и решила ответить тем же. Минут через пятнадцать полковник деликатно покашлял и почихал, чтобы завершали обмен любезностями:

— Ты уж извини, что выдернули из отпуска. Наверное, от каких-то дел отвлекли...

— Да нет, ерунда. Просто валялся и телевизор смотрел, а у него все равно звук не работает.

— Словом, новое задание. Надо разобраться с неким профессором Тепешем по кличке Вракула...

— Дракула, — поправила украинка.

— Вот-вот, Дракула. Он побывал в Киеве, натворил там шут знает что. А потом приехал к нам. Хотя вообще неизвестно, приехал он или не приехал, потому что он исчез. Словом, дело совершенно запутанное, как раз в твоём вкусе. Вот, сотрудница Службы Безпеки обратилась к нам за помощью.

— Что, им помогать? — искренне удивился Хряков. — Пускай они сперва в Донбассе утихомирятся. Или какие-нибудь новые веяния?

— Ни, — затараторила Марьяна. — Ты неправильно поняв. Той профессор був тильки в Києви, в Донбасси его не було. В Донбасс мы без него, сами йиздылы. Мы там с капитаном Незабудько пишлы до окопа, шоб полюбытись. Я в окоп полизла, а капитану Незабудько ваши «еноты» задныцю прострелилы. Бо вин голову в окоп засунув, а ваши москали глупые, решили, шо це у него морда такая...

Ломовой поспешил выступить в роли миротворца:

— Ну, ничего страшного, бывает! Заживет у вашего возлюбленного.

— Да який возлюбленный! Нашо вин мени со стреленной задныцей! — отмахнулась Марьяна, покосившись на Хрякова. А Ломовой воспользовался тем, что она при молкла, начал пояснять майору:

— Судя по тому, что она рассказала, очень похоже, что этот професор раскручивает у них подготовку к какому-нибудь новому «майдану». А после этого он поехал к нам. Смекаешь?

— Вполне, — посерьезнел Хряков. — Значит, совместная операция?

— Почему совместная? — Ломовой посмотрел на него выразительно — чтобы все выражения, которые при девушках не говорят, передать взглядом. — Они с этим делом не справились.

— Ясно. Нос утереть.

— Шо? — насторожилась гостья.

— Ничего, Марьяночка. Ты где-то носик запачкала, вытереть нужно, — майор любезно протянул ей платок.

— Ой, дякую! — поблагодарила она и густо высморкалась. А полковник еще раз воспользовался возникшей паузой и решил, что общения с украинскими разведчицами для него на сегодняшний день уже достаточно.

— В общем, суть ты уяснил. А более подробно тебе обо всем расскажет гражданка...

— Не гражданка, а лейтенантша Голопупенко! — строго одернула она.

— Вот-вот, лейтенантша Голопупенко. Что-нибудь еще тебе нужно?

— Кроме Марьянки-то? Да ничего особенного. Как обычно. Во-первых, позвоните жене и поставьте в известность, что я на задании, — он покосился на формы напарницы. — Думаю, суток на двое — на трое. Не меньше.

Полковник кивнул. Он знал эту особенность работы майора и внутренне уже готовил себя к нелегкому разговору с его благоверной.

— А во-вторых, патроны для маузера.

Эту особенность в ФСБ тоже знали — Хряков всегда пользовался пистолетом, которым когда-то наградили его деда-чекиста и который Вася, еще будучи пионером, спонерил у любимого дедушки. Знали и то, как мастерски обращается майор со своим оружием, навскидку выбивая двадцать девять из тридцати зубов одним ударом рукоятки.

— Патроны в Музее Революции еще есть, я договорюсь, чтобы тебе дали, — пометил себе Ломовой.

Возле дверей Марьяна нагнулась поправить ремешок босоножки, юбочка задралась, и полковник невольно отвлекся, мысленно сравнивая ее пистолет «ТТ», бережно засунутый в трусы, с маузером Хрякова. А когда пришел в себя, в кабинете их уже не было. Василий любил исчезать неожиданно и как бы в никуда, особенно от начальства. А о местонахождении украинки свидетельствовал ее тараторящий по коридорам голос, снова пересказывающий всю цепочку событий — но только рассказ она почему-то начала не с ориентировки Интерпола, а с подробностей оргии на Лысой Горе.

Информационные агентства передают:

«...Целая серия загадочных явлений и исчезновений людей прокатилась по Украине. Обозреватели гадают, что это — последствия прошлой революции или начало новой?..»

Глава 2. Наука и жизнь

В тихом омуте черт ногу сломит.

Русская народная мудрость

В археологических кругах у Хрякова имелись кое-какие знакомства. Несколько лет назад ему довелось разбираться с проблемами раскопок на территории Кремля, когда там раскопали компромат на всех кремлевских руководителей, начиная с Ивана Калиты. Он вспомнил кандидата наук Эдика Мочалкина, с которым они тогда съели пуд соли, по пьяни перепутав с сахаром. Потом Эдик обращался к нему за консультациями, пытаясь по двум черепкам, обнаруженным на свалке истории, расследовать убийство хана Мамаю. А теперь консультация специалиста явно требовалась майору. Но в институте имени Археологии, где работал Мочалкин, могли оказаться глаза, уши или какие-нибудь другие органы противника, поэтому его по телефону попросили удрать пораньше и нагрели к нему домой.

Ученый встретил их со всем археологическим радушием, угостил ископаемым вином трехтысячелетней выдержки и сообщил, что пишет на этот предмет докторскую диссертацию:

— Представляете — на амфоре было написано «Хиосское», а на самом деле обычная бормотуха, вы сами можете убедиться. Значит, еще древние греки подделками спиртного занимались!

Услышав, по какому поводу они пришли, он очень удивился:

— Кто, профессор Тепеш? Да куда он исчезал! Его референтша уже месяц у нас околачивается — такая знойная негритянка, что от зноя сразу раздеться хочется. А сам Тепеш приехал сегодня и при мне звонил нашему шефу, доктору Афедронову.

Марьяна и Василий переглянулись.

— А в каком отеле он остановился?

— Ну, брат, спроси чего полегче — например, где останавливались Ольговичи или Мономашичи после разборки друг с дружкой. А где Тепеш — откуда мне знать? Он вообще мужик с прибабахом и в отелях никогда не живет — говорят, из-за аллергии на ночных портье. Поэтому устраивается где-то самостоятельно в меру своего прибабаха. Вот и сегодня речь шла только о размещении его багажа. Афедронов потом перезванивал и договаривался, чтобы его ящики разрешили временно складировать в запасниках Исторического Музея.

— Только ящики? — насторожился майор. — Так может, это вовсе и не он звонил?

— Точно он. Если бы не он, а она, голос в трубке был бы женский.

— Я имею в виду — другой он, не Тепеш?

— Да брось, ни перед кем другим Афедронов так не лебезил бы. И к тому же сегодня вечером Тепеш устраивает банкет в Доме Ученых, куда пригласил весь цвет науки от член-корреспондентов до просто членов и просто корреспондентов.

— Во как! А профессор-то он настоящий или липовый?

— Во всяком случае, не дубовый. Конечно, его документов я не проверял и трудов его почему-то нигде не встречал, но настоящего специалиста и так видно. И о прошлых веках, и о позапрошлых такие подробности рассказывает, будто сам там жил. Бывало, как начнет описывать жен Синея Бороды или рыцарей Крутого Стула, так просто заслушаешься.

— И к нам его пригласили из-за этих выдающихся знаний?

— Эх, чего-чего, а знаний у нас и своих хватает, — грустно вздохнул Эдик. — Не хватает того, чем их оплачивать. А Тепеш, ко всему прочему, богат, как Крезиды. У него свои фонды учреждены, по всему миру разные научные программы финансирует. На Гаити — по реанимации покойников. На Ближнем Востоке — по восстановлению храма Ваал-Зебуба. В Германии — по изучению памятни-

ков горы Брокен. Ну а у нас вдруг заинтересовался раскопками под Рязанью, когда там нашли череп рогатого человека.

— Убийство, что ли?

— Скорее самоубийство. Сам себя забодал десять тысяч лет назад.

— А, ну тогда ладно, срок давности преступления все равно вышел. И чего дальше?

— Дальше, ясное дело, наше руководство во главе с Афедроновым ухватилось за него с ручками, ножками и огуречиком, и он взялся те работы спонсировать. Все, кто на этой теме сидел или подсиживал, жили, как у дочки Рокфеллера за пазухой. А теперь там какой-то доисторический алтарь раскопали, вот он и примчался. Потому что, как выяснилось, наличие этого алтаря он давно предполагал и считает находку величайшим открытием всех времен.

— Значит, и банкет по этому поводу?

— Для кого как. Для большинства — по тому поводу, что он весь банкет оплачивает.

— Послушай, — задумался майор, — а ты случайно туда не собираешься?

— Собираюсь. Но не случайно, а целенаправленно. К Мышкиной, секретарше Афедронова, специально подмазался. Она баба с комплексами, и как раз мучилась проблемой, правильно ли идти на званый ужин в открытом платье, или лучше его закрыть на замок-молнию. Вот я за подсказку и урвал билетик, хоть пожрать на халяву. Жена-то опять в экспедиции, в тайге, письмо прислала в полном восторге, что они там соплезубого тигра поймали. Ну а мне каково третий месяц одну сухую науку грызть?

— А нам с Марьянкой не поможешь туда попасть? Ведь твой билет и отксерить можно.

— Нет проблем. На таких мероприятиях все равно половина друг друга не знает, а жратвы там на всех хватит.

— Вот и отлично, — подмигнул майор напарнице. — А там и посмотришь, твой это профессор или какой другой.

— Ага, — согласилась она. — Тильки мени треба десь подмытысь, бо я ж з дороги.

— Это успеется, — пресек отвлеченные темы Хряков, оглядывая ее наряд. — А вот переодеться нам с тобой и в самом деле не мешает. Эдик, ты говоришь, жена в экспедиции? Одолжи что-нибудь подходящее, моей даме конспирацию прикрыть.

Мочалкин выудил из шкафа туфли, довольно откровенное вечернее платье, и окрылившаяся разведчица упорхнула примерять. Вскоре из ванной донесся ее голос:

— А це ничего, шо задныцю видно?

— Ничего страшного, — авторитетно пояснил майор. — Глубокие декольте сейчас в моде.

— Я не про декольте! Просто на заду шов лопнул...

Хряков поспешил заверить, что это тоже не смертельно, но пока лучше переодеться обратно. Оставив Эдика разминаться своей диссертацией, они распрощались с ним до вечера.

* * *

Следующие несколько часов Василий и Марьяна болтались по всей Москве, как неопознанный объект в проруби. Первым делом Хряков потащил подругу к бывшей сослуживице, которая еще в должности следователя славилась умением шить дела и сроки любых размеров из материала заказчика. Теперь на ее двери висело объявление: «Даю уроки кройки и шитья. Если нужно кого-нибудь покрыть или пришить — пожалуйста!».

Сослуживица встрече обрадовалась и взялась немедленно устранить аварийную ситуацию, занявшись обшивкой кормовых отсеков дивчины. При этом проявила себя и впрямь высококлассной портнихой — болтая за работой с Хряковым об общих знакомых, ухитрилась всадить всего две или три булавки в места, для булавок не предназначенные. Нашелся у нее и готовый костюм для Василия, почему-то не востребованный заказчиком, но вполне подходящий майору — такой, чтобы в нем мать родная не узнала.

А деньги брать она категорически отказалась, вспомнив их совместную операцию в Минске, когда они похитили секретные тактико-технические характеристики трактора «Беларусь». В тот раз в трудную финансовую минуту Хряков выручил ее целой кучей белорусских зайчиков, наловленных в ближайшем лесу.

Потом Василий и украинка заскочили в управление, где имелся отличный цветной ксерокс, конфискованный у изготовителей фальшивых фантиков. Сделали копии приглачительных билетов, а заодно и подкрепились. Марьяна совершенно очаровала буфетчицу Фросю, научив ее новому рецепту блинов, по которому комом получается не первый блин, а второй, третий и четвертый. А Фрося приглашала ее непременно заглядывать завтра, когда старые бутерброды съедят, и она нарежет свежих. После этого Хряков предложил заглянуть в Исторический музей.

— Ой, Василь, дуже не люблю я по тим музеям шляться, — скривилась разведчица. — Пидемо лучше в ГУМ, чи на базар.

— Я бы рад, Марьяночка, — развел руками Василий. — Но, к сожалению, образ мышления противника не всегда совпадает с нашим, и профессор Тепеш завез свой багаж не на базар, а в музей.

Вблизи Красной площади было людно. Майор слышал, будто в последнее время там творятся чудеса и мощи Ленина исцеляют страждущих от детской болезни левизны в коммунизме, политической слепоты и хромающего классового сознания. Поэтому туда брели вереницы паломников — босых, в рубищах пиджаков и галстуков, посыпающих головы пеплом газеты «Правда». Здесь же околачивалась в пикете рязанская активистка Разорваева, требующая, чтобы к саркофагу Ильича приделали выдвигной ящик и вождя можно было выдвигать в президенты.

Посетив на минутку Музей Революции, майор по одному из ордеров, сохранившихся в архивах Лубянки с революционных времен, получил пачку патронов для маузера. Заодно изучил на чучеле буржуя, как и где должен

сидеть сюртук, подобный его нынешнему наряду, и они направились в Исторический.

Начальник охраны подтвердил, что утром в запасники завезли несколько ящиков, числящихся за институтом имени Археологии. Что в ящиках должно находиться ценное и бесценное оборудование, что они снабжены надлежащими надписями «Руками не хапать», и вскрывать их сотрудникам музея категорически запрещено под угрозой лишения премий и детородных частей. Василий на всякий случай проверил систему сигнализации на благонадежность и отсутствие родственников за границей. Уточнил, кто из охранников будет дежурить ночью, и договорился с ними о взаимодействии на случай нужды, большой или маленькой. Затем глянул, в какую сторону указывают стрелки часов, и констатировал:

— Ну что ж, Марьяна, пора и нам, как говорится, с кондачка на бал.

* * *

На двери висела табличка «Дом Ученых закрыт на спецобслуживание», а изнутри доносились звуки музыки и вопли уборщиц, требующих вытирать ноги. Появился Эдик Мочалкин, сверкая лысиной и начищенными ботинками. Василий, вернув ему подлинник пригласительного, попросил придумать для них с Марьяной какую-нибудь подходящую легенду, и Эдик рассказал им средневековую легенду о Тристане и Изольде.

В большом зале, где висел плакат «Учиться, учиться и еще раз переучиваться», официантки метали икру на столики а-ля фуршет и раскладывали столовые приборы — амперметры, вольтметры, реостаты. Здесь собралась элита всех отечественных наук — точных и неточных, гуманитарных и бюджетных, естественных и протиестественных. Царила атмосфера напряженного научного поиска, какое бы блюдо еще попробовать, и кропотливых исследований содержимого бокалов. Профессора Тепеша еще не было, и, как принято в ученом обществе, в каж-

дом углу возникали свои микросимпозиумы и микроконференции.

Пользуясь этим, Василий с Марьяной перетекали от группы к группе, стараясь нигде подолгу не мозолить глаза. У одного столика обсуждали важные открытия, сделанные в Институте ядерной физики — там в изотопной лаборатории открыты новый ресторан и два магазина. Рядом шел разговор об успехах арктической экспедиции, которая открыла восемь островов, прежде закрытых военным ведомством. Экономисты спорили, являются ли весы буфетчицы орудием производства, а если нет, то почему они дают прибавочную стоимость? Медики описывали недавнюю уникальную операцию по прозрению слепой кишки. А химики, вооружившись ручками и бумагой, увлеченно доказывали, что какао, которое им подали, принадлежит к простым окислам и имеет формулу «Кака-О».

Были приглашены и представители прессы, прессуясь то к одному, то к другому кружку. Вертявая телевизионщица с канала «Хрен-TV» брала интервью у какого-то изобретателя, создавшего настоящую машину времени, при правильной настройке показывающую, который час. А оператор, жужжа камерой, снимал себе подругу на вечер. Вращаясь в этих научных кругах и водоворотах, майор и Марьяна потеряли своего провожатого, не без труда разыскав его в группе историков, рассматривающих теорию о происхождении сицилийской Коза Ностры из злого города Козельска.

Василий попросил показать тех, кто непосредственно работает с Тепешем, и Мочалкин, конспиративно промолчав набитым ртом, потащил их в центр зала, где верховодил доктор Афедронов, гордый, как призрак коммунизма, которому дали побродить по Европе. Имя господина Тепеша слетало у него через слово, а остальные слетающие слова оказывались его собственным именем. В этой двойной системе он ворочал перед собравшимися неотесанные глыбы замыслов, неструганые доски проектов и некондиционную штукатурку планов.

Намекал, что он, как культурный и цивилизованный ученый, ожидает теперь для своей темы финансовых потоков с валютными берегами, поэтому желающим уже пора подлизываться. Рядом отиралась его заместительница доцент Гугина — женщина в самом соку, пролитом на платье. Отирая этот сок и тщательно припудривая пятна на подмоченной репутации, она рассуждала, что с точки зрения диалектики их открытие, переворачивающее всю науку, должно бы перевернуть и иерархию в руководстве Академии наук. А секретарша Мышкина — из тех, по которым можно проверять часы и теорию Дарвина, заглядывала шефу в рот с вниманием стоматолога и аккуратно записывала каждый изданный им звук, вплоть до отрыжки. В непривычной обстановке она жутко комплексовала и украдкой стала уточнять у Эдика, правильно ли закусывать шампанское огурцом, или его после первой не закусывают?

Впрочем, слушатели возле Афедророва долго не задерживались, и Хряков вскоре тоже почувствовал, что в больших дозах эти излияния вызывают какие-то неясные позывы в области желудка. Пришлось ретироваться, к немалому разочарованию Мышкиной, уже записавшей их на прием к своему начальнику. Василий и Марьяна от нечего делать послушали споры насчет клонирования — допустимо ли пересаживать человеку сердце свиньи, или это приведет к повышению уровня свинства в человечестве. Потом перешли к группе, обсуждавшей недавние наблюдения астрономов, которые в обеденный перерыв наблюдали происходившее в женском душе.

За окнами уже изрядно потемнело, а собравшиеся изрядно потеплели. Какой-то видный, а еще лучше слышный ученый после водки потребовал себе бутылку «Лидии», и его жена Лидия тут же полезла в бутылку. Старичок-профессор, пытаясь поцеловать даме ручку, случайно засунул себе два пальца в рот. А в туалете столпы науки устроили настоящее столпотворение, и там шло бурное выяснение, какой же это туалет — мужской, женский или общественный? Но тут от двери донесся шум приветствий, и, обер-

нувшись вместе со всеми, майор и украинка увидели вошедших.

— Он? — шепнул Хряков.

— А як же! Вин. Хиба ж я его не узнаю!

И в самом деле, перепутать с кем-то такую рожу было трудновато. Возраст графа Тепеша был совершенно неопределенным — по физиономии ему можно было дать и пятьдесят, и семьдесят лет строгого режима. Крючковатый нос вызывал ассоциации с проблемами ближневосточного урегулирования, а крупные зубы — со старыми советскими карикатурами на хищников империализма. Глаза пронизывали насквозь не хуже портрета Дзержинского. Проходя мимо представителей спецслужб, он так кольнул их взглядом, что Марьяна ойкнула, словно у портнихи, а Василий почувствовал, что у него на спине мурашки устроили целый муравейник.

Одет был профессор торжественно и старомодно — накрахмаленная манишка фрака напоминала заботливо подвязанный слюнявчик, а черная крылатка и впрямь смахивала на крылья с изменяющейся стреловидностью. Свиту его составляли несколько негров, папуасов, индусов и других развивающихся и завивающихся стран. Из них выделялась великолепная черная референтша. Впечатление она производила такое, что ее даже в одежде можно было снимать в фильмах только 18+. Самую мужественную и самую подогретую публику негритянка настолько загипнотизировала, что она, как магнитом, потянулась к референтше, забыв и своих жен, и даже начальство.

Но навстречу Тепешу уже спешил Афедронов с распростертыми помощницами. Теперь он в основном помалкивал, важно снял очки и начал заниматься очковтирательством. А иностранец неожиданно зычным басом пророкотал, что рад приветствовать русских собратьев. Тонко скаламбурил о том, что он привык вести дела широко, и соединение широты его возможностей с загадочной широтой русской души уже дало отличные результаты. Но для того, чтобы сделанное открытие, которое станет поворотным пунктом всей мировой истории, по-

лучило по-настоящему широкую, мировую дорогу, он намерен на месте раскопок под Рязанью организовать грандиозную современную презентацию. Настоящее археологическое шоу.

Лицо профессора прорезалось гримасой, видимо, изображавшей улыбку, и он пояснил, что человек он деловой и дело у него никогда не расходится со словами, для презентации он уже позаботился найти лучший сценарий и подобрать прекрасного режиссера. Кивнул в сторону референтши, и она ослепительно осклабилась вырезом платья. Так что усомниться в ее режиссерской прекрасности уже никто не посмел бы.

Правда, подобные перспективы в большей степени возбудили Афедророва и его коллектив. Остальные лишь почтительно ждали, когда же гость с такими возможностями закончит. Едва это произошло, Тепеша сразу облепили представители других отраслей науки, сияясь заинтересовать собственными проектами. Светила из Академии медицинских наук рекламировали целый букет своих изобретений — опытную модель многоцветного шприца, новый вид градусника — ставящийся не под мышку, а под кошку, а также антимонольный пластырь, который наклеивается на лицо, чтобы не мозолить глаза. Сотрудники вычислительного центра расписывали созданный ими компьютер, лучше и экономичнее японского, поскольку он вообще не требует электропитания и работает на дровах. Но всем им мешала телевизионщица, лезущая брать у Тепеша интервью насчет финансирования трансляции предстоящего шоу. Хряков тронул Марьяну за руку, потому что ничего другого тронуть в тесноте не получалось:

— Пойдем отсюда.

— Як пидемо? Профессор же здесь, та и я ще морожено не йила.

— Вот пока он здесь и пока они будут жевать сопли с мороженым, мы с тобой смогаемся в Исторический музей и посмотрим, что там у него в ящиках...

Они вышли в ночь. А оттуда на улицу.

Информационные агентства передают:

«...В Москву прибыл с визитом известный американский ученый профессор Тепеш. Он намерен лично возглавить археологические работы в районе Рязани, где при раскопках обнаружен хорошо сохранившийся древний алтарь, а главное — обещал спонсировать эти работы. На банкете, состоявшемся в Доме Ученых, г-н Тепеш заявил, что данное открытие сулит просто феноменальные результаты...»

Глава 3. Ленин в восемнадцатом бреду

Под лежачий камень башка не бежит.

Русская народная мудрость

Часы били полночь. Полночь вырывалась и отбрыкивалась. К крайнему удивлению Василия, на его условный стук, три раза рукой и два головой, в музее никто не откликнулся. Благо Марьяна порылась в сумочке и, явно хвастаясь украинской разведывательной экипировкой, нашла там портативную связку отмычек. Вся охрана почему-то спала, причем всерьез и надолго. На любые попытки разбудить ее отвечала лишь мычанием, настолько нечленораздельным, что даже нельзя было понять, на какой из неразделенных членов посылают будящего.

— Ну и ладно, без них даже свободнее можно действовать, — сплюнул майор.

Прихватив ключи у храпящего начальника охраны и вырубив храпящую сигнализацию, они направились в подвалы запасников. Здесь в тусклом свете дежурных и дневальных лампочек громоздились стеллажи с пауками, паутиной и экспонатами. Хряков и Голопупенко миновали экспозицию каменного века с горами каменных рубил, топоров, ножей, кастрюль и холодильников. Тут же покоился скелет первобытного человека и его паспорт, удостоверяющий происхождение от обезьяны по кличке Анфиска.

В следующем помещении под запыленными стеклами витрин можно было разглядеть шапку Мономаха и две его

кепки, сапоги Емельяна и Аллы Пугачевых, шлем Спартака с автографом и спартаковской эмблемой. В углу были свалены ошейники и будки псов-рыцарей. Висели доспехи дурацкого вида — наверное, принадлежавшие Ивану-дураку, а рядом была свалена куча сабель и пик, и Хряков отметил себе, что надо будет поинтересоваться, есть ли у музея разрешение на хранение оружия.

Пройдя дальше, они попали в собрание предметов, обнаруженных при раскопках египетской финансовой пирамиды. Здесь лежала и мумия, в которую превратили президента компании обманутые вкладчики. С соседнего стеллажа скалилась еще одна мумия — то ли его подружка, то ли просто помещенная на пару к земляку. Василий обратил внимание, что некоторые древние талисманы вдруг начали светиться, и Марьяна зябко передернулась:

— Да кто его знает, мабуть на батарейках? Лучше идемо ящики шукаты, бо на мене ти мумии шось нехорошо плятятся...

Дальше коридор загромождала половецкая каменная баба, серьезно пострадавшая от каких-то половецких бабников, за ней стояла изумительная древнегреческая статуя, только без рук, без ног, без головы и без туловища. А миновав их, разведчица воскликнула:

— Ось вони!

Видимо, в этом подвале хранились предметы то ли революционной, то ли контрреволюционной экспозиции. Валялись цепи, потерянные пролетариатом, после чего ему стало терять вообще нечего. Пылится скомканный носовой платок от носового орудия «Авроры». У стены сиротливо приткнулась загнанная кляча истории, явно нуждающаяся в чистке, кормежке и реставрации. А между ними на полу приткнулись полдюжины одинаковых продолговатых ящиков в человеческий рост с вычурными бронзовыми замками. Замки Василий открыл в несколько приемов — сначала самбо, потом каратэ. Но все ящики, обитые изнутри черным бархатом, оказались пустыми.

— Ничого! — ахнула разведчица.

— Да уж, ничего себе! — согласился майор.

— Так шо ж воны их до Москвы везлы?

— Вот именно! Что-то ведь в них везли! — раздосадовался и Хряков. — Придется теперь все здесь обыскивать.

Он принялся систематически осматривать и обнюхивать каждый квадратный сантиметр, однако улов оказался небогатым. На полу между ящиками обнаружилась какая-то скомканная квитанция, да Марьяна, порывшись в римской погребальной урне для мусора, нашла там вчерашнюю газету «Из рук в брюки».

— Значит так, — принял решение Василий. — Мальчики направо, девочки налево. То есть ты обыскивай вон те помещения, а я — эти. Ящики большие, груза было много, не так-то легко спрятать! Вот только знать бы — что именно?

Направившись в выбранном направлении, он детально обследовал комнату с украшениями в зверином стиле из скифского захоронения, где вместе с царем захоронили его жену и тещу — очевидно, кровные враги покойного царя. Уважительно полюбовался на скифский щит и меч — эмблему скифских чекистов. Потом, чуть не провалившись в темноте в старинную долговую яму, Хряков попал в реставрационные мастерские. Обошел со всех сторон чучело боярина Шуйского, подпорченное молью и псарями Ивана Грозного. С особым вниманием облазил готовящуюся экспозицию, посвященную истории науки, где были представлены пифагоровы штаны с дыркой между катетами, консервированные яблоки Ньютона, ванна Архимеда, в которой он открыл, что дерьмо не тонет. Полистал дневники Колумба с двойками по географии за то, что путал Америку с Индией. Но ничего подозрительного не было.

Поплутав по переходам и закоулкам, он снова очутился возле входа в запасники. И тут услышал женский голос, определенно не принадлежавший Марьяне, потому что лопотал не по-украински и даже не по-русски. В одном из кабинетов администрации дверь оказалась приоткрытой, и смуглая девица, пикантно задрапированная од-

ними лишь полуистлевшими бинтами, присела на краешек стола и болтала по телефону. Василий затаил дыхание, но половицы затаить скрипение отказались. Незнакомка зыркнула в его сторону раскосыми глазами, сразу оборвала разговор и изящной походкой манекенщицы направилась к нему.

Поняв, что обнаружен, майор достал удостоверение, намереваясь объяснить причины своего ночного появления в музее. Но девицу удостоверение почему-то не заинтересовало. Она игриво улыбнулась и поманила Василия пальчиком за собой. Пошла она обратно в глубины запасников, так что им все равно было по пути. Хряков двинулся следом. Подумал, что она может дать нужную информацию, однако подруга то ли действительно не понимала по-русски, то ли выдрючивалась, и на все вопросы отвечала лишь томными кошачьими взглядами.

Она свернула в зал с египетскими древностями и снова поманила к себе, кокетливо выставляя из-под бинтов смуглые подробности. Майор решил наконец выяснить, чего же она от него хочет, и шагнул за ней. Но сразу понял — здесь что-то не так. И профессионально определил, что именно. На прежних местах не было мумий. А поскольку Марьяне они вряд ли понадобились, это значило, что поблизости есть еще кто-то.

Он мгновенно переключил себя в состояние повышенной готовности, и, как выяснилось, вовремя. Пожалуй, даже не слухом, а чувством заднего обзора ощутил за спиной движение и успел отскочить, оборачиваясь. Из-за двери на него прыгнул жилистый тип с доисторическим топором, чем-то похожий на знакомку — то ли раскосыми глазами, то ли бинтами на чреслах.

Топор Василий сумел выбить, но на ногах не устоял, и они покатались по полу. Хряков прикинул, что надо бы дать этому хмырю маузером по сопатке, но сзади на него кинулась девица и начала душить. Хватка ее изящных пальчиков оказалась отнюдь не девичьей, перед глазами поплыли круги, эллипсы, параболы и прочая фигня из школьного курса геометрии. Майор из последних сил отбивался на два фронта, как бы зажатый внутри бутербро-

да. К счастью, шум услышала Марьяна. Догадалась прибежать и накинулась на душительницу:

— Ах ты ж, сучка така! Ты чего на моего Василя залила! Я ж тебе задам!

Она принялась охаживать незнакомку своей сумкой со всем увесистым содержимым украинской разведывательной экипировки. Та отпустила Хрякова и с писком метнулась наутек. Майор освободившейся рукой выхватил пистолет и рукояткой нанес удар от всей души. Повидимому, на душе накопилось слишком много, так как от удара голова нападавшего отвалилась совсем, продолжая при этом выкрикивать ругательства не по-нашему.

Между тем Марьяна устремилась было за девицей. Но из темноты на нее выпрыгнул скелет и залязгал зубами. Она заверещала и взвыла, как противоугонная сигнализация, удирая прочь. Скелет попытался поймать ее за платье и вцепился в нижнюю кромку декольте. Она рванулась, злополучный шов опять лопнул, и костлявые пальца провалились в пустоту, скользнув по нулевому меридиану между западным и восточным полушариями.

Чтобы отвлечь нового врага от напарницы, Василий, все еще валяющийся на полу, швырнул в него первым попавшимся предметом. Этим предметом оказалась отлетевшая голова незнакомца, а скелет ловко, по-вратарски, поймал ее и хотел зафутболить обратно. Однако в тесном пространстве коридора не рассчитал движения, зацепился ногой за каменную бабу и грохнулся, рассыпавшись по косточкам.

В музее творилось уже не пойми что. Каменная половецкая баба визжала по-бабьи и по-половецки, загнанная кляча истории надсадно ржала, скифские звери совсем озверели, сцепившись между собой, банки с консервированными яблоками лопались, устроив засор в архимедовой ванне, а чучело боярина Шуйского азартно прыгало и гремело спартаковским шлемом: «Бум-бум, бум-бум-бум, бум-бум-бум-бум, Спартак!».

Василий крикнул Марьяне: «Дуй за мной!». Она подула во всю мощь своей грудной клетки и грудных желез,

чтобы ему бежалось быстрее, а он уже неся в погоню за девицей, единственной свидетельницей, способной хоть как-то объяснить происходящее. Сперва направление четко указывали следы босых ног на подвальной пыли, а потом стали попадаться обрывки гнилых бинтов, свалившиеся от бега. Ориентируясь по ним, Хряков выскочил из музея и увидел очередной длинный бинт, размотавшийся в сторону Красной площади.

Украинка где-то отстала, ковыляя на высоких каблуках, поэтому майор продолжал преследование один. Вскоре он заметил девицу, которая во все лопатки, грабли и ходули удирала через площадь прямо к Кремлевскому кладбищу. Василий знал, что это место пользуется дурной славой. Поговаривали, будто там водятся призраки, по ночам жутко воют, пугают кремлевскую администрацию и мешают проведению реформ. А неопытных ночных милиционеров, опрометчиво забредающих туда по нужде, иногда утром находят репрессированными. Но могли ли подобные слухи остановить майора Хрякова?

При перепрыгивании через цепь ограждения с девицы свалился последний бинт, но теперь это не имело особого значения — ее смуглую спину и смуглую ниже спины он уже цепко держал в поле зрения. К удивлению Василия, в столь поздний час на кладбище они оказались не одни. Среди могил тусовались какие-то старички-ветераны в старомодных костюмах и старомодных орденах. Наверное, перепутали время суток по причине склероза. Чем-то их лица показались майору знакомыми, однако момент был неподходящим, чтобы отвлекаться по пустякам и вспоминать, где он их видел.

Зато беглянка, оценив ситуацию, ринулась прямо в группу этих ветеранов, проскочила между ними и скрылась за их спинами. Василий метнулся было следом, но один из старичков, усатый и попыхивающий трубкой с запахом «Герцеговины Флор», заслонил ему дорогу с рассерженным видом:

— Этта шьто такое?! Ви шьто сибэ пазваляете? — принялся выговаривать он с грузинским акцентом, сердито сверкая глазками. Отпихнуть старого орденоносца и по-

слать куда следовало показалось Василию не совсем удобным, и он сунул тому под нос свое удостоверение:

— Ша, папаша! Я из органов. Преследую, между прочим, опасную иностранную диверсантку.

— Из органов? — сменил тон раскипятившийся старичок, посмотрел на него с оценивающим прищуром и почему-то обратился к остальным ветеранам. — Маладэц! Вот такими и должны быть настоящие работники наших органов! Дэлать свае дэло, нэвзирая на лица! И на ваши, и даже на мае!

А Хрякова, растерянно озирающегося, куда же подевалась незнакомка, он ласково потрепал по плечу:

— Бэги, джигит! Паймай ее! В мавзалея она побежала!

— Спасибо, батя, — бросил майор, срываясь с места.

Вход в мавзолей действительно оказался приоткрыт, и в пыли он заметил знакомые босые отпечатки. Уже торжествуя удачу, он кинулся вовнутрь, но его ждало жестокое разочарование. Следы обрывались у самой ленинской гробницы, а преследуемая исчезла, будто испарилась. Правда, Василий отметил одну странность. В обнимку с Ильичом лежала какая-то высохшая мумия, похожая на виденную в музее, разве что ничем не обернутая. Но изменения экспозиции мавзолея в его компетенцию никак не входили. Хряков погадал, кто это может быть, Крупская или Инесса Арманд, и побрел обратно.

Уже светало, и старичков на кладбище тоже не оказалось. А вернувшись к музею, он застал одинокую Марьяну, жмущуюся спиной к дверям и обеими руками силящуюся соединить на седалищных частях лопнувшее платье. Она укоризненно спросила:

— Де ж ты був?

— В мавзолее.

— Ну и як там Ленин?

— Да как обычно. В гробу я его видел.

— А тут, промежду прочим, ящики увезлы.

— Как? Кто увез?

— А ти ж самые, с зелеными рожами. А за рулем негры булы.

— Что ж ты за ними не последовала?

— Так куды ж я послিদую з голой задныцей? — возмутилась она, кивая себе за спину.

— Хоть номера записала?

— Як же я запышу, колы у мене руки заняты? Да и нашо номера? Там негры за рулем! Хиба в Москве машину з неграмы найты буде трудно?

Хряков выразительно посмотрел на нее, но промолчал. На всякий случай набрал по мобильнику дежурного по управлению. Передал, что надо бы найти машину неизвестной марки с неизвестными номерами и с неграми за рулем. Выслушал то, что и сам он думал по этому поводу, и примерно в таких же выражениях. Потом вздохнул:

— Ладно. Там в музее вроде телекамера есть. Теперь хоть физиономии этих зеленых получим.

Однако и тут их подстерегал полный прокол. Грузчиков с неадекватными лицами камера почему-то вообще не зафиксировала. На видеозаписи ящики выплывали из музея как бы сами собой, по воздуху...

Информационные агентства передают:

«...Очередные беззакония российских спецслужб!!! Проявив явно нездоровый интерес к багажу всемирно известного ученого г-на Тепеша, представители ФСБ устроили налет на Исторический музей и учинили там настоящий погром... Не остановились они и перед осквернением мавзолея... Прогрессивная общественность возмущена. Спрашивается — до каких пор?..»

Глава 4. «Таймс» уполномочен заявить

На всякий роток не скинешь порток.

Русская народная мудрость

После бессонной ночи Хряков освежался бодрящей головомойкой. Полковник Ломовой метал громы, молнии, град, засухи, селевые потоки, эпидемии и нашествия саранчи. И возразить ему, по большому счету, было нечего.

Позвонив из музея в начальству и доложив о случившемся, Василий и Марьяна ринулись к Эдику Мочалкину, которого разбудили в совершенно антинаучном виде. Благо Василий догадался захватить с собой пару бутылок пива, и в результате отмачивания ископаемый из-под одеяла товарищ сумел промычать, что окончания банкета не помнит. А профессор Тепеш ушел то ли по-английски, то ли по-хамски — не попрощавшись. Кажется, это произошло после какого-то телефонного звонка.

Когда же Василий высказал предположение, не собирается ли иностранец в своих ящиках вывезти за рубеж бесценную рязанскую находку, Эдик даже в таком состоянии оказался способен смеяться:

— Да этот алтарь тонн двадцать весит! Кстати, многие у нас сомневаются, представляет ли он вообще какую-нибудь ценность, кроме той, которую вбухал в него Тепеш. Бульжник — он и есть бульжник...

Вернув ему одолженные вещи и пожелав успешной реанимации, они помчались в Дом Ученых. Но и там узнали лишь то, что банкет завершился вполне прилично. Морды и посуду побили в пределах допустимой усушки и утруски за грудки, и в туалетах вовсе даже не блевали, а только в вестибюле. А счет господин Тепеш оплатил сполна золотыми дукатами по курсу ММВБ.

Когда возвратились на Лубянку, стало известно, что разыскиваемую машину с неграми все-таки засекали в Южном порту. Там серолицые провожающие перегрузили ящики на теплоход «Президент Ельцин», отчаливший в круиз по Оке и Волге. Поднятая на ноги и на уши опергруппа нагрянула на судно под видом рыбнадзора — якобы получить от пассажиров на водку и проверить, не везут ли они из Москвы в Астрахань осетрину и черную икру.

Владелицей загадочного багажа оказалась ослепительная негритянка, на которой было надето слишком мало, чтобы можно было толком разглядеть что-нибудь еще. Она одна с ящиками занимала восемь кают и пояснила, будто ее друзья задержались в российской столице, разучивая песню «Подмосковные вечера», и нагонят

в дороге. А сами ящики позволила проверить без всяких возражений, поскольку те были совершенно пустыми — она сообщила о своем намерении собирать туда русский фольклор. Подозрительным показалось только поведение служебных овчарок. Обнюхивать груз они категорически отказались, жалобно скулили и просились на ручки к оперативникам.

И вот теперь полковник бушевал, как вихрь-антитеррор. Возможно, в другом раскладе одной лишь головомойкой дело не обошлось бы, но когда речь зашла о том, чтобы оторвать и сушиться повесить, Ломовой все же постеснялся присутствия Марьяны.

— Это же надо, такого натворить! И всего вдвоем! И всего за один день! — он громыхнул об стол пачкой свежих газет.

Аршинные заголовки еще и погромче полковника кричали о преследованиях, которым подвергся со стороны ФСБ известный американский ученый профессор Тепеш. Вся зарубежная пресса со ссылками на агентства «Интерфакс» и «Постфакинг» сообщала о наглой слежке и провокациях российских спецслужб, о несанкционированных обысках, о варварском налете на Исторический музей и насилиях над мирными мумиями, скелетами первобытных людей и каменными бабами.

— Откуда они об этом узнали? — удивился Хряков. — Ведь там никого вроде не было.

— Это ты меня спрашиваешь? — чуть не разрыдался Ломовой. — Меня там тем более не было. Зато там, к сожалению, были вы. И вот полюбуйте, к чему это привело!

В сердцах он включил телевизор. Уже вся мировая общественность выражала возмущение по поводу нарушения прав археологов в России. В области международных сношений наших дипломатов опять сношали. Телекомпании развернули ожесточенную телекампанию протеста, отменили все развлекательные передачи и нон-стопом транслировали ток-шоу, где неопровержимо доказывалось, что от рук российских спецслужб погибли такие видные ученые, как Сократ, Джордано Бруно и доктор Фауст.

Возбужденные политики тут же начали мериться, у кого рейтинг длиннее. Явлинский провозглашал, что в России наступает фашистская диктатура, поскольку сотрудники ФСБ уже сейчас учатся стрелять в «яблочко». Зюганов уверенно цитировал Маяковского: «С Лениным в башке и с Зюганом в руке...» «Единая Россия» на все вопросы корреспондентов показывала только свою эмблему с медведем и заявляла, что будет в любом случае поддерживать президента, оказывать ему медвежьи услуги. Олигархи с перепугу прикидывались олигофренами, а Чубайс заверил: «Да что я, рыжий, что ли?» — и в панике отключил электроэнергию в собственном доме. Но официальный Кремль пока хранил молчание, и корреспонденты тщетно тыкались микрофонами в его стены и башни.

— Кстати, а кто к Ленину египетскую мумию подложил? — с убитым вздохом поинтересовался полковник.

— Да я-то тут причем? — огрызнулся Василий. — Что я, виноват, если он к себе девок по ночам водит?

— Между прочим, и из музея звонили. Они там после ваших походов переучет устроили и обнаружили пропажу. Исчез древний манускрипт, в свое время конфискованный у графа Калиостро, и еще какой-то доисторический нож.

— Нож? Который? Может, я его где-то и видел?

— Бронзовый. С рукояткой в виде фаллического символа.

— Это как — фаллического символа?

— Ну это значит... — полковник покосился на Марьяну и перешел на шепот.

— Так бы и сказали, что хреновый. Так чего ж из-за всякой хреновины шум поднимать?

— Дело в том, что ему пять тысяч лет.

— Ну тем более, старье такое.

— Но он, говорят, ритуальный. Им когда-то людей на алтарях резали.

— Вещдок, значит? Это уже другое дело! Тогда надо искать, кому потребовалось скрыть улики.

— Да как тут искать-то! — схватился за голову полковник. — Куда уж дальше-то плыть после такого скандала!

Но тут на помощь Василию ринулась Марьяна:

— Так що ж, все бросить? Що ж я, зазря до вашей Моквы йихала, зазря ничь не спала, з тими шкелетами рубылася? Ишь ты, який умный знайшовся! Ни, це не выйде! Я у вас тут наведу порядок! О ци бумаги со стола выброситы треба, занавесочки гарные повиситы...

Несчастный полковник заметался под двойным напором средств массовой информации и массивных средств напиральной украинки. Почувствовав себя под угрозой полного уничтожения в собственном логове, он запросил пощады:

— Теперь уже все равно не мне решать. Пойдем к начальству...

Однако реакция генерала Свистоплясова оказалась совсем другой.

— Получается, ничего подозрительного вы так и не обнаружили?

— Ничего.

— И тем не менее такой хай поднялся?

— Поднялся.

— Значит, здорово вы кому-то хвост прищемили. То есть действуете в правильном направлении. Вот и действуйте!

Выйдя из его кабинета, Ломовой проглотил тубик «Рексоны» от пота. Спросил:

— Да, кстати, а в этом правильном направлении хоть какие-нибудь зацепки у нас есть?

— Есть, но слабенькие, — Василий достал из кармана смятую бумажку. — Рядом с ящиками валялась. Квитанция мобильной связи, оплата за телефон. А еще мы там нашли газету...

— Це я знайшла! — гордо уточнила Марьяна.

— Ага, лейтенантша Голопупенко наша. «Из рук в брюки», газета бесплатных объявлений. Вчерашняя. Следовательно, попала туда вместе с ящиками или после них.

— Погоди, раз у тебя есть квитанция мобильного, по номеру пробить можно.

— Уже отдавал ребятам, — махнул рукой Хряков. — Номер совершенно непробиваемый. Откуда-то с Гаити. И с какой-то мощной защитой. У любого, кто по нему звонит, сразу садится электропитание и отсасываются все деньги со счета.

— Значит, полный ноль?

— Нет, есть одна мысль. Если сопоставить эти две вещицы, квитанцию и газету? Может, кто-нибудь оттуда, из музейных запасников, по объявлениям названивал?

— Ой, Василь! — восхищенно ахнула разведчица. — Який ты вумный! Прямо як Пуаро! Не зря ты прошлый раз даже мене обставыв!

— А что, это идея, — согласился полковник. — Тем более что других идей у нас все равно нет. Сейчас распряжусь, чтобы нашли и принесли этот номер газеты...

— Не треба. Як же вони ее знайдут тай принесут, колы вона у мене в сумки? — снисходительно разъяснила Марьяна. — Там дуже цікави объявы про гомосексуалистив бувають, ось я и взяла почитаты.

Вернувшись в свой кабинет, Ломовой предложил им располагаться, как дома. Украинка этому очень обрадовалась, сбросила босоножки и стала мыть ноги под краном.

Портрет Дзержинского на стене своим пронизывающим взглядом тут же полез ей под юбку, и полковник невольно отвлекся, мысленно сравнивая ее мелькающие прелести с прелестями деревенской жизни. А когда вернулся в рабочее настроение, она уже укладывалась спать на его служебном диване. Василий заботливо прикрыл ее парадным мундиром начальника, чтобы не смущала портрет и не мешала им сосредоточиться, а полковник взвесил на руке объемистую газету:

— Ну что, все подряд обзванивать будем?

— Давайте сначала полистаем и логически прикинем, что именно могло интересовать эту шарашку.

— Давай. Сначала тут деловые объявления идут. Вот например — «Организация продает кирпич. Если нужно, можем поискать и второй кирпич».

— Ну это вряд ли. Зачем им кирпичи?

— Может, это? «Для создания совместного предприятия требуется партнер-немец. Профиль — перец, колбаса».

— Он не немец, а то ли венгр, то ли румын. А гражданство США.

— «Лучший поставщик обеспечивает оптовые и розничные поставки в угол». Не то?.. «Производится отпущение грехов со складов в Москве»... «Институт воздухоплавания предлагает в широком ассортименте воздушные плавки»...

— Нет, пожалуй, не то. Его референтша месяц тут околачивалась и все такие дела давно обстряпала бы.

В раздумьях они закурили и прогулялись к окну, за которым шла обычная площадная жизнь, а у памятника жертвам репрессий опять околачивалась в пикете коммунистическая активистка Разорваева, протестуя против попытки ФСБ дискредитировать Ленина путем подкладывания компрометирующих египтянок. Ломовой предположил:

— А может, им внезапно что-нибудь купить потребовалось? Вот смотри, дальше тут как раз идут товары народного потребления. «Продается водка „Столичная“. Одной бутылки хватит для устойчивого отравления ста лиц обоего пола»... «Трехкамерный холодильник на одну общую и две одиночных камеры»... «Русский поп-корн из натуральных поп и корн»... «Продаются трусы семейные на семью из трех-четырех человек»...

Но и эти варианты один за другим отбрасывались после беглого обсуждения.

— О — трудоустройство! Какие-нибудь специалисты им могли понадобиться? По-моему, могли... «Организации срочно требуется переводчик с русского на швейцарский счета»... «Требуется сиделка для отсидки за больную»... «Ищу работу. Забыл, где она находится»... «Предприятию требуется главбух и главтрах»...

Майор уже в третий раз ставил кофейник в неудобное положение. Табачный дым в кабинете сгущался тучами, из которых начинали накрапывать капли никотина, и в самом деле способные убить лошадь. Марьяна сладко похрапывала, и в такт ее храпа мелодично позвякивали ордена на полковничьем мундире, убаюкивая и ее, и Василия, и Ломового. А убаюканный полковник помаленьку клевал носом рассыпавшиеся окурки и в свою очередь убаюкивал и себя, и украинку, и Хрякова, монотонно бубня уже все подряд:

— Раздел бытовых услуг... «Очаровательные девушки выедут на дом к состоятельным клиентам, а крепкие юноши — к несостоятельным»... «Телевизионные спутниковые антенны бесплатно — вы оплачиваете только спутник и его запуск»... «Вывожу клопов и тараканов на путь истинный»... «Служба доставки быстро и надежно доставит вам на дом любые неприятности»...

— Давайте дальше я, — Василий перехватил газету, как знамя, выпавшее из слабеющей руки начальника. — Знакомства... «Одинокая интеллигентная дама познакомится с солидным человеком без вредных привычек спрашивать о возрасте и экономить деньги»... «Выйду замуж за первого встречного. Встреча — на Эльбе»... «Эффективный темпераментный маньяк ищет спутницу жизни до следующего полнолуния»... «Убежденный холостяк познакомится со сварливой, неопрятной и некультурной женщиной для укрепления своих убеждений»... Да нет, зачем ему все это? У него и баб, и мужиков без всяких объятий полно.

— А дальше что там?

— Дальше животные. «Сбежала собака. Нашедшего просят дать ей за это по заднице»... «Продам щенков, вздумавших со мной конкурировать. Недорого»... «Найдена собака, водолаз, окрас черный в синем акваланге»... Нет, вряд ли он животных любит — на теплоходе-то собака как себя вели!

— Слушай, давай сделаем в этой рекламе рекламную паузу. Пусть мозги на место вправятся.

Чтобы отвлечься, полковник включил телевизор. Но лучше бы он этого не делал, потому что скандал продолжал разрастаться, и телеканализация воняла вовсю. Радио «Свобода» уже объявило среди своих корреспондентов набор добровольцев для отправки в горячие точки Российской Академии наук, обещая им высокие гонорары посмертно. Экстренно собравшаяся Парламентская ассамблея Совета Европы требовала ввести России санкции по самые гланды. «Эхо Москвы» добросовестно откликалось эхом совсем не из Москвы. Служба общественных связей ФСБ реагировала на нападки достаточно сдержанно и показала любопытствующим брифинг с маслом.

А канал «Хрен-TV» между тем транслировал пресс-конференцию со светилами научных кругов, которые старательно изображали из себя пострадавших — благо после банкета, с научными кругами под глазами, это было нетрудно. Доктор Афедронов заявлял, что он, как культурный и цивилизованный ученый, конечно же, подаст в суд, как только господин Тепеш оплатит ему адвокатов. Доцент Гугина разглядывала свое отражение в объективе и тщательно припудривала краску гнева, которую слишком уж густо наложили телевизионщики. Авторитетно доказывала, что с точки зрения диалектики этот суд будет и судом истории, которая в лице ее шефа уже вынесла спецслужбам суровый приговор. А секретарша Мышкина тыкала в камеру свои блокноты и вопила, что у нее все записано. В непривычной обстановке она жутко комплексовала и украдкой уточняла у телевизионщиков, достаточно ли она ругает эфэсбэшников палачами и варварами, или лучше будет полить их матом?

Полковник сунул уши в стакан с водой, предохраняя их от увядания, и обреченно щелкнул тумблером:

— Давай лучше продолжим. Раздел «Разное»... «Молодая пара предлагает обмен семейным эротическим видео и вышлет фильм, как их затрахала теща»... «Опытный репетитор отрепетирует с абитуриентами провал на экзаменах»... «Школа японских боевых искусств объявляет набор учащих по классу хакайки»...

Но телевизионные кошмары успели проникнуть в сон Марьяны. Она застонала, завозилась, пытаясь их отогнать, и скинула мундир, упавший на пол с грохотом всех орденов. Разведчица открыла глаза, широко зевнула, демонстрируя пломбы с запасными шифрами, аккумуляторными батарейками и цианистыми ампулами, и решила, что пора вставать:

— А де тут у вас подмытысь можно? Бо я ж з дороги, тай писля такой ночи...

— Марьяночка, ты гений! — подпрыгнул Хряков. — Вот оно! Этот профессор, он ведь тоже с дороги! Значит, и ему надо было где-то умыться, отдохнуть! А Мочалкин говорил, что он в отелях принципиально не останавливается...

— Точно! — сразу понял его Ломовой, листая газету. — Раздел «Жилплощадь»!.. «Меняю однокомнатную квартиру на десятом этаже и дойную корову на равноценную квартиру без коровы»... «Семья военнослужащего снимет часового, чистоту и порядок гарантируем»... «Продается дом с участком и участковым»...

— Диктуйте телефоны! Марьяна, дай ручку! Да не свою! То есть свою, но не правую, а шариковую!..

— Вот и еще — «Сдается дом, требующий ремонта. Все требует и требует, совсем достал»...

Уже через пятнадцать минут было установлено, что старый дом в районе Царицыно вчера сняли какие-то негры и заплатили за месяц вперед золотыми дукатами по курсу ММВБ.

— Вот он и попался! Айда, Марьяна! — поднялся майор.

— Только ты вот что, — опасливо покосился Ломовой на них и на выключенный телевизор. — Прежде чем меры принимать, все же разберись, в чем дело-то и за что его привлечь можно?

— Ладно, сначала разберусь, — пообещал Хряков и передернул затвор маузера. Разведчица покопалась под юбкой, и в трусах у нее тоже лязгнуло.

— И я теж з ним разберусь! — грозно скривилась она, и полковник невольно отвлекся, мысленно сравнивая ее губы с губой, на которой сидел в армии. А когда пришел

в себя, ни Марьяны, ни Василия в кабинете уже не было. Майор любил исчезать неожиданно и как бы в никуда. Тем более — с дамой.

Когда они спускались по лестнице, вслед раздались отчаянные крики, и они увидели, как за ними, теряя шлепанцы, несется запыхавшаяся буфетчица Фрося.

— Куда же вы без обеда-то? Да ведь и без завтрака! И поужинать небось негде будет! — она сунула Хрякову сверток с сосисками и бутербродами, заслужив благодарный поцелуй в щечку, зарделась, умильно всхлипнула и долго махала им из проходной кухонным полотенцем.

Информационные агентства передают:

«...Продолжается скандал по поводу налета российских спецслужб на Исторический музей. Руководство института им. Археологии пообещало, что этого дела так не оставит и виновные дорого ответят. Сейчас идут консультации с юристами, насколько дорого надо ответить виновным...»

Глава 5. Улицы набитых фонарей

Язык до Магадана доведет.
Русская народная мудрость

На подходах к Царицынскому парку Хряков наметанным взглядом засек девчонку лет до шестнадцати в маечке а-ля-улю с поджелудочной вентиляцией, которая следовала за ними. Но когда майор обернулся, она сделала вид, будто кормит уток. В самой атмосфере парка чувствовалась гнетущая, незримая опасность сесть на окрашенную скамейку. Стены старинного замка нависали мрачно и давяще, как тяжелое похмелье. Стояла мертвая тишина и почему-то не падала. Даже птицы не пели, потому что голуби и вороны вообще редко поют. Майор обернулся еще раз и снова заметил ту же девчонку, которая теперь старательно сделала вид, будто кормит муравьев.

Миновав парк, Василий издалека увидел, что в луже валяется пьяный бомж. Хряков узнал стажера Петю Залетова. Не поднимая лица из грязи, он пробулькал:

— По показаниям соседей, объект с несколькими сопровождающими прибыл рано утром. Днем из дома не выходили. Какие будут дальнейшие приказания?

— Никаких. Дальше будем наблюдать сами. Возвращайся в резерв полковника.

— Есть! — козырнул стажер и, распространяя шлейф перегара, нетвердой походкой пополз прочь.

Одноэтажный дом через дорогу тоже чем-то смахивал на старого бомжа. Фундамент разошелся, как фундамент марксизма. Штукатурка отстала от жизни, и потрескавшиеся, почерневшие стены напоминали о проблемах кариеса. Косяки перекосило то ли сикось-накось, то ли накось-сикось. Двери давно уже никто не мазал дегтем, а закрытые ставнями и бельмами грязи окна не хотели смотреть на такое безобразие. Марьяна оценивающе оглядела лужу, освобожденную стажером:

— Нам теж сюда ложиться?

— Нет, с одной и той же точки наблюдение вести нецелесообразно. Пойдем сядем вон там на травке, за кустиками, и займемся фросиными бутербродами. Пусть все думают, что мы едим.

Когда расположились, Хряков сообщил:

— Между прочим, за нами тоже приставлен хвост, — и указал на хвостик девчоночьей прически, мелькающий по соседству с видом, будто она кормит колорадских жуков.

— Да? Так треба ее шарahnуты десь за углом! — возмутилась разведчица и деловито полезла под юбку за оружием.

— Фу, Марьяна! Я ведь, кажется, уже тебе объяснял, что разведчику так грубо работать нельзя. Тем более на своей территории. К тому же она несовершеннолетняя. Может быть, даже вообще не следит, а подсматривает, чем будут заниматься в кустах взрослые дядя и тетя.

— А когда мы будемо этим заниматься?

— Видно будет.

— Ни, як видно, то стыдно. А я ж дивчина стеснительна! Давай, як буде темно, — явно хвастаясь української розведувальної екіпіровкою, она достала из сумки портативную косметику и принялась подновлять макияж.

Солнце заходило на посадку где-то в районе Домодедово. Тени деревьев удлинялись, вытягивались на цыпочках и переплетались в неприличных позах. Марьяну и Василия все настойчивее атаковали комары, и майору приходилось отгонять их, угрожая пистолетом. Тогда комары решили, что безопаснее приставать к девчонкам, и теперь их преследовательнице на самом деле пришлось кормить местных насекомых. Хотя она оказалась на редкость терпеливой, старательно делала вид, будто любит садо-мазо и пожирание заживо доставляет ей истинное удовольствие.

Небо темнело, и на нем комариными укусами одна за другой высыпали звезды. Старый дом не подавал признаков жизни, и Василий забеспокоился, не пора ли ему делать искусственное дыхание. Но вдруг с разъявленного дырами чердака выпорхнула стая летучих мышей. Странная девчонка тут же метнулась в кусты — видать, прихватило с испуга. А мыши попищали между собой в ультразвуковом диапазоне, с удовольствием полакомились насосавшимися крови комарами, совершили над парком прощальный круг и унеслись куда-то в сторону Москва-реки.

— Слухай, мы так собі зады застудимо, — озботилась напарница. — А в том доми, мабуть, и нема никого? Той бомж був такий п'яний, що мог и ошибитись.

— Да, — допустил Хряков. — Кажется, Залетов немножко увлекся маскировкой. Ну так пойдём проверим, кто нам мешаёт?

Заглядывание в замочную скважину подтвердило предположение о царящих в доме позабытости и позаброшенности с молодых юных лет. Василий попросил у Марьяны ее портативные отмычки, а она, кроме отмычек, не без хвастовства за свою Службу Безпеки выудила портативный фонарик. Внутри комнаты выглядели необитаемыми, как остров Робинзона Крузо. Было крайне непохоже, что-

бы сегодня здесь кто-то жил. Так же как вчера, позавчера или год назад. Паутину, затягивающую углы, вполне можно было спутать с тюлевыми занавесками, а тюлевые занавески на окнах — с паутиной. Пол по обилию половых щелей напоминал журнал «Пентхауз», а пыль на нем слежалась такими слоями, что даже не оставляла следов.

— Казалы, шо за целый мисяць упрочено! А раз упрочено, то должны же прийты ночеваты! — рассудила разведчица.

— Тоже логично, — согласился Хряков. — Можно за саду устроить.

— Тильки сперва тут треба прибраться. А то не сидиты же в засади в такой грязище!

В захламленном чулане она отыскала тряпку и ведро, а кухонный кран, недовольно пофыркав и поплевавшись, все же выдал струю воды. Разведчица, решительно разувшись и зачем-то подоткнув без того короткую юбочку, бодро зашуровала своими орудиями труда, стараясь по сильнее шлепать по лужам и держаться подоткнутой частью в сторону майора.

Вскоре одна из комнат приобрела вполне товарный вид, Василию даже удалось завести висевшие на стене часы с какашкой. Только электричество не работало. Однако Марьяна восторженно заявила, что для засады так оно и лучше, и торжественно зажгла найденные при уборке свечи — кажется, противогеморроидальные.

— Эх, — вздохнул майор, с тоской оглядев получившуюся уютную картину. — Жаль, не сообразили что-нибудь прихватить по дороге. И фросины припасы кончились. Может, ту девчонку сгонять? Небось она где-то рядом околачивается.

— Ось еще! К яким-то вертыхвосткам обращаться! — презрительно скривилась Марьяна, окончательно вошедшая в роль хозяйки.

Пояснила, что ее батькившина экипирует своих агентов на все случаи жизни самыми современными разработками секретных лабораторий. Сияя от гордости, достала из сумочки портативную четверть самогона и портатив-

ный шмат сала. А когда в доме отыскалась любимая емкость Хрякова, граненый стакан, и его удалось отмыть, майор философски заметил, что в их нелегкой службе тоже бывают приятные стороны. Он дипломатично поднял тост за Богдана Хмельницкого.

— Ни, за него пыты не буду, — отказалась напарница. — У нас в Служби Безпеки на политинформации казало, шо вин був не жовто-блакитным, а просто блакитным, по-вашему голубым, потому и отдался москальскому царю.

— Ну вы же сейчас голубых цените, их права по-европейски защищаете, даже революции из-за этого устраиваете, — напомнил майор. — Да и в Раде у вас, в правительстве, разве не они самые голосистые?

— Да, це правильно, — принялась анализировать информацию Марьяна. — Тоды и правда, можно выпиты...

Угощая напарника, она продолжала по-простому, по-засадному, хлопотать по хозяйству. Протерев еще разок поверхность кожаного дивана, присела на него, и на лице проступила печать озабоченности.

— А як ты думаешь, Василь, чем бы нам таким заняться, щоб не заснуты? — спросила она, в глубоких раздумьях поглаживая бедра.

— Можно, — согласился майор, пересаживаясь поближе. Она тут же прижалась к нему и доверительно шепнула:

— Я вже вся влажная...

— Где это ты промокла? Небось облилась, когда полы мыла? — забеспокоился Хряков.

— Ага. Тильки не облилась, а взопрела вид пота...

— Ну так снимай быстрее все мокрое, а то еще простудишься! — он с готовностью взялся помогать.

Ее бюст, освобожденный от именного жовто-блакитного лифчика, напоминал рекламу йогурта — там было много белого, густого и с клубничинами. А пока Василий расстегивал подмышечную кобуру, дивчина избавилась от своего последнего покрова, пистолета «ТТ», и по комнате поплыли волнующие запахи оружейной смазки. Они уже

полезли друг дружке в места не столь отдаленные, но в этот момент из темного угла отчетливо донеслось постороннее хмыканье.

Оба вскочили, прикрывая компетентные органы. Точнее, попытались вскочить. Потому что Василий дернулся к маузеру, переложенному в карман снятых штанов. А Марьяна в панике ухватилась за первую попавшуюся одежду, которой оказался неснятый галстук на шее майора, и силилась каким-то образом натянуть его на оба своих йогуртовых холма. В результате Хряков полузадушено хрипел и бился, не в состоянии дотянуться до оружия.

— Да вы не волнуйтесь, я зла не причиню, — услышали они надтреснутый голосок и разглядели странное мохнатое существо, сидящее на сундуке и болтающее ножками.

— Ты кто такой? — ошалело спросил майор и подозрительно покосился на бутыль. Но выпил он всего один стакан, а в качестве напитков разбирался безошибочно, сразу определяя на вкус наличие ядов, нитратов или левой продукции. Сейчас ничего этого явно не употреблялось.

— Да я-то — Домовой здешний. Стало быть, при деле, на своем посту, — укоризненно покачало головкой существо. — А вот вам, граждане чекисты, и впрямь не мешало бы делом заняться, чем расслабляться не ко времени. Догнать надо и поймать этих гадов, покуда беды не натворили.

— Откуда же ты знаешь, за кем мы охотимся?

— Как будто трудно догадаться, если здесь был сам Дракула.

— Так он здесь был?

— А как же! С целеной бандой подручных своих. День проспали в подвале да в сундуках, а перед самым вашим приходом они и упорхнули. Так что плохо работаете, граждане чекисты.

— Ну, знаешь, плохо или хорошо, это мы как-нибудь и без домовых разберемся! — обиделся Василий.

Он наконец-то сообразил снять ошейник и, освободившись, стал надевать брюки. Марьяна тоже решила

одеться и целомудренно набросила на себя отвоеванный галстук.

— Ха! Разберетесь! У них под носом Дракула безнаказанно разгуливает, а они самогоны распивают да милуются!

— Ну и что такого? Разгуливать у нас никому не запрещено, сейчас не тридцать седьмой. Между прочим, пока его даже привлечь не за что.

— Как не за что? — искренне удивился Домовой. — Да он же — нечисть самая натуральная!

— Насчет нечисти — такой статьи в кодексе нет. Не совершенство законодательной базы. У нас в самых верхах знаешь сколько разных нечистых окопалось — и на руку, и на другие места? И фиг подкопаешься.

— Но он — колдун и чернокнижник.

— А это тем более не запрещено. Любую рекламную газету открой — колдунов, как мух в учебнике биологии. И чернокнижники, и белокнижники, и те, кто отродясь никаких книг в руках не держал.

— Да ведь Дракула нечистому поклоняется. А приехал он, чтобы на каком-то древнем алтаре моления организовать и своего хозяина вызвать!

— Опять не по нашей части. У нас свобода совести в Конституции записана, и молиться можно хоть собственным глюкам. А за малейшие преследования по религиозному признаку вся мировая общественность знаешь с чем нас смешает?

— Так он же хочет вызвать дьявола, чтобы тот захватил власть над миром!

— Что-что? — сразу насторожился Хряков. — Над всем миром? То есть и в России тоже?

— А как же!

— А вот это, браток, уже статья. И как раз по нашему ведомству. Двести семьдесят восьмая, «Насильственный захват власти...». Ну-ка, ну-ка, рассказывай...

— Да я уж все и рассказал. Теперь вы принимайте меры. Только трудновато вам с ним будет сладить.

— Ты имеешь в виду его шайку? А сколько их всего?

— Всех-то я и не знаю. Те, что здесь с ним были, — это вампиры. Они по ночам действуют, а днем спят в темных местах или в специальных ящиках, которые с собой возят.

— Еще какие-то негры его сопровождали. И другие были, с серо-зелеными мордами.

— Негры — колдуны. А серо-зеленые — зомби, грубая рабочая сила. А еще я подслушал, он отсюда перезванивался, вызывал разных гоблинов, троллей, ундинов. Короче, вся мировая нечисть собирается. Но они ж не только количеством, они и колдовством сильны. Им человека облапошить — что два пальца обкрутить.

— Да, это мы уже и на себе уже испытали. Тут нам и впрямь квалификации не хватает. Слушай, а ведь ты вроде тоже из нечисти будешь?

— Темнота! — возмутилось существо. — Домовые — не нечисть, а нежить, это совсем разные вещи. Оно и видно, что ни шута вы в таких делах не разбираетесь!

— Ну извини, ошибся. Я хотел спросить, с какой стати ты, если нежить, не ему, а нам помогаешь?

— Да что ж я — не русский, что ли? — вскинулся Домовой. — Как же энтэ можно-то, супротив родины?

— Вот именно это я и хотел уточнить, — кивнул майор. — Ну а раз так, то и давай к нам консультантом, поможешь обезвредить преступников.

— Не получится, — сразу сник тот. — Мы ведь — существа домашние, только на своей территории обитать можем.

— Тогда порекомендуй, к кому еще можно обратиться.

— Даже и затрудняюсь, — озадачился Домовой, почесывая лапкой в своих лохматках. — Вот разве что к ведьмам...

— А ты их знаешь?

— А то нет! Тута в Царицынском парке самое ихнее место, каждое полнолуние слетаются. Ох и смазливые, стервы, гладкие! Я уж сколько раз подкатывался, чтобы заманить какую-нибудь да полапать чуток. Да куда там, даже и не глядят при моих-то скромных достоинствах!

— Так чего ж нам, полнолуния тут дожидаться? — с нотками ревности встряла Марьяна, занятая выбором оптимального варианта ношения галстука и перекидывая его то на правую, то на левую возвышенность.

— Зачем дожидаться? Зайдите в центр народной медицины «Знахарка», там они все и работают. Заведующая ихняя — Эльвира Федоровна Чучкина. Она самая главная ведьма и есть. Но только с ними лучше ухо остро держать — ох и бедо-овые!

Василий поблагодарил за информацию, а Домовой вдруг замаялся, смущенно потупив глазенки:

— Слышь, начальник, а это правда, что у вас стукачей поощрять положено?

— Это раньше было. А теперь с финансами туго, больше на энтузиазме.

— Да я не насчет финансов. Много ли мне, старому, надо? А вот ежели б с квартирным вопросом помогли, а? У меня-то сами видели какая развалюха. Снесут скоро. Да и пустует, а Домовому разве можно без жильцов? — он печально ткнул себя в бок. — И так вон одна аура осталась.

— Ну не знаю... квартирные-то сложности сейчас тоже в другую плоскость перешли.

— Так это же для людей сложности! А для нас вон какой выбор! Сколько домов новых строят, в каждой столько квартир, и все без домовых!

— Тогда не понимаю, в чем же проблема?

— А в том, что выехать я отсюда не могу без посторонней помощи! У нас ведь тоже свои правила, свои законы. Ты не смотри, что бардак здесь такой — это по объективным причинам общего развала и кризиса. А так-то я — Домовой справный, хозяйственный. Сегодня вот увидел, как баба твоя уборку делает — и так, понимаешь, защемило, так к настоящему делу потянуло...

Марьяна польщено порозовела всеми причиндалами, и Василий, оценив новизну их оттенков, махнул рукой:

— Ладно, если смогу — помогу.

— Сможешь, сможешь! — обрадованно засуетилось существо. — Надо поставить под печку старый башмак — это мне вместо транспорта. Башмак я в чулане уже при-смотрел, сейчас тебе покажу, машина — зверь! А потом надо вроде как зеленый свет дать. Сказать: «Дедушко-Домовой, поезжай со мной, идем в новую хату, будем жить богато!». Вот и все.

— А, ну это сделаем! — согласился майор. — Только вот что еще — эта банда с Дракулой сюда вернется?

— Нет. Я слышал, какой-то пароход догонять полетели.

— А заплатили за мисяць! Ото ж и доказательство, шо дило нечисто! — важно заключила разведчица.

Василий оглядел диван, стол, количество оставшегося самогона и принял решение:

— Сделаем так. Медицинский центр ночью все равно не работает, поэтому мы побудем здесь до утра. А к тебе будет еще одна просьба. Ты пугать умеешь?

— Обижает, начальник! — развел лапками Домовой. — Если чужих — то завсегда.

— Так вот, возле дома должна околачиваться одна на-стырная девчонка.

— Ага, видал. Подглядывала через щелки в ставнях.

— Вот ее пугани, пожалуйста, чтоб отвязалась.

— А можно, я ей грабли подложу? — захихикал оживившийся Домовой. — Ох и люблю я такие шуточки!

— Подложи. Но только чтобы не сильно, а так, для острастки.

— Будет сделано, начальник! Да я для тебя что угодно! — заверил тот и пошебуршал куда-то выслуживаться.

Исполнив заказанный ритуал с башмаком и понаде-явшись, что выглядел при этом не совсем идиотом, майор наполнил стаканы и вернулся на диван к напарнице.

— Ой, шось я переволновалась, даже жарко стало! — пожаловалась она и начала томными движениями снимать галстук. Но надевать его Хряков на этот раз не стал и штаны с маузером положил поближе. А когда он и сам прилег поближе, на Марьяну вдруг нашло задумчивое на-строение:

— А ты ось скажи, Васыль! Як же ваша Россия зможе с нашею Україною урегулювати проблему Донбасса?

— Сможе, — уверенно кивнул майор. — Например, так же, как я сейчас тебя урегулирую.

Информационные агентства передают:

«...Российские спецслужбы дошли до настоящего предела. Похоже, скандал с налетом на Исторический музей ничему их не научил, и они в своем мракобесии упрямо продолжают травлю научных кругов. Как выяснилось, багаж всемирно известного ученого г-на Тепеша подвергся обыску еще и на теплоходе по пути в Рязань! Все правозащитники приведены в боевую готовность. В Думу внесен соответствующий запрос. Г-н Тепеш заявил, что уверен в достойном наказании виновных. А если оно будет недостойным, то он поставит на ноги не только правозащитников, но и правонападающих...»

Глава 6. Стильные духом

Не в коня карма.

Русская народная мудрость

Товарищество с ограниченной уголовной ответственностью «Знахарка» занимало пять этажей в таком шикарном здании из стекла и бидона, что здесь, видать, и впрямь не обошлось без колдовства с налоговыми и муниципальными органами. Задержавшись в богатом вестибюле, Василий и Марьяна изучили поэтажные схемы кабинетов и информацию о предоставляемых услугах.

Центр предлагал лечение народными заговорами и народными интригами, обещая избавить от всех недугов, комплексов и проблем, куда потратить деньги. Производилось анонимное лечение алкоголизма и венерических болезней с сообщением по месту работы и жительства лучшими анонимщиками. Опытные специалисты готовы были избавить желающих от лишнего веса в общест-

ве, осуществляли предупреждение беременности о неполном служебном соответствии, пластические финансовые операции по изменению юридического лица, предлагали для граждан с физическими недостатками лекарства с химическими недостатками. А какое-то светило нанайской народной медицины лечило от всех болезней с помощью медвежьего жира — только медведя нужно было принести с собой, причем жирного.

Пройдя в приемную, напарники невольно переглянулись. В регистратуре восседала та самая вчерашняя девчонка и, сняв телефонную трубку, оживленно чесала язык, покусанный комарами. Только теперь она была в белом халатике, таком коротеньком, что он мог прикрывать требуемые части лишь постольку, поскольку там и прикрывать-то было еще нечего. Хряков в подобной ситуации предпочел перейти в наступление:

— А вам не кажется, что мы где-то встречались?

— Нет. Мы не могли встречаться, потому что я шла на встречу, а следом, — ничуть не смутилась девчонка. — И вообще это, наверное, была не я, а моя сестра-близнец, нас часто путают.

Она перехватила взгляд майора на свои расчески и поспешила добавить:

— Кстати, и среди комаров тоже ведь бывают близнецы.

— Ага, и среди граблей тоже, — согласился Василий, рассматривая синяк у нее на лбу.

— А вы, собственно, к кому? — начала наглеть девчонка и выбрала для этого профессионально-неприступный вид.

— Пока не к тебе. К Эльвире Федоровне.

— А вы к ней записаны? Если нет, то могу записать только на ноябрь месяц.

— Нет, это она у нас записана, — не выдержал майор и ткнул ей под носик удостоверение. — На сейчас. А то, боюсь, до ноября вы можете сильно заскучать.

— Хорошо, я сейчас у нее узнаю, — девчонка поняла, что перегнула палку, которая оказывается о двух концах.

Постаралась сделать кислую мину при плохой игре. — Может быть, она найдет возможность вас принять.

— Найдет, найдет, — вежливо заверил Хряков. — Иначе мне придется искать возможность ее принять. В моем кабинете.

Юная регистраторша важно удалилась, старательно демонстрируя профессиональное влияние собственным достоинством, а Василий и Марьяна расположились поудобнее в креслах. Ждать пришлось довольно долго, и они невольно вслушивались в обрывки разговоров, доносящиеся из соседних кабинетов. За ближайшей дверью какая-то женщина жаловалась, что муж ее совсем перестал любить, и просила рецепт приворотного зелья.

— Это несложно, — консультировали ее. — Соберите свою мочу, пот, ушную серу. Испеките пирог...

— Но я не умею печь пироги.

— Ну так сварите щи...

— Я не умею варить щи.

— Но хоть что-то вы умеете готовить? Вот туда и добавьте свои выделения.

— Да ведь от того, что я готовлю, его и без таких добавок выворачивает!

В другом кабинете принимал астролог, и мужской голос уточнял у него:

— Если я по гороскопу Телец, какую мне искать спутницу жизни?

— Телку.

А неподалеку некая Лидия Ивановна изгоняла из кого-то бесов. Бесы громко протестовали против незаконного выселения, отказывались выходить без своих адвокатов и угрожали подать в суд за моральный ущерб. Марьяне захотелось сходить в туалет. Но, едва заглянув туда, она пробкой выскочила обратно. Потому что там посетителей врачевали уринотерапией, и разведчица предпочла уйти несолоно хлебавши.

Наконец появилась девчонка и с видом судьбы, выносящего вердикт из избы, объявила, что Эльвира Федоровна их примет, пригласив следовать за собой. Вела она их

какими-то сложными и запутанными путями, по всему зданию, то ли желая продемонстрировать незваным гостям владения своей начальницы, то ли желая продемонстрировать их самим всему персоналу. Для удобства посетителей двери кабинетов были сделаны стеклянными, чтобы можно было видеть, занято там или нет. Поэтому Василий и его напарница в полной мере смогли изучить кипучую жизнь медицинского центра.

Миновали большой зал, где группа энтузиастов обучалась коллективному очумению по методу Чумака, потом комнату гипнотизера, внушавшего клиенту, что тот должен заплатить вдвое больше, чем по прейскуранту. Вступили на территорию косметического отделения, где блаженствующим тетенькам накладывали маски зайчиков, микки-маусов и бармалеев. Нескольким молодым людям симпатичная женщина-косметолог, то ли соломенная блондинка, то ли соломенная вдова, предлагала из-под полы образцы пирсингов и татуировок — подняла полу халата и показывала то, что имеется на ней. При этом одна из посетительниц выбрала татуировку «Не забуду мать родную», а ее приятель уточнял, нельзя ли ему вместо пирсинга сделать херсинг.

В парилке сосредоточенно парились любители спаривания, в солярии кого-то мазали соляжкой, а здоровенная рыжая дамища делала пожилому мужчине эротический массаж, растирая его порнографическими открытками. Их сопровождающая всю дорогу корчила из себя взрослую и прямо вся измучилась в этих корчах.

Она отчаянно старалась изображать профессиональное равнодушие и дышать ровно при виде голых мужиков, скромно опуская глаза ниже пояса. Остановилась поболтать у стоматологического кабинета, в котором производилось удаление зубов традиционными народными средствами — медсестра стерилизовала свинчатки, а крутой мордovorот разминал кулаки. Потом провела их мимо лаборатории иглоукалывания, где кого-то сажали на кактус. Другой гражданочкой, уже прошедшей эту процедуру, занималась миниатюрная чернявая гадалка. Задумчиво

пыхтя сигаретой, поочередно выдергивала из нее иголки и рассуждала, «любит — не любит».

Мельком проскочив совершенно темную комнату, девчонка авторитетно пояснила, что там идет спиритический сеанс одновременной игры в ящик. Но экскурсия, видимо, подошла к концу, и они попали в апартаменты заведующей. Стены ее кабинета были увешаны фотографиями передовиков и передовиц из бульварных газет, диаграммами и пентаграммами роста показателей, там и тут красовались бесчисленные патенты и диплом «Мастер Золотые Руки», выданный какой-то Соньке Золотой Ручке.

Эльвира Федоровна была женщиной в теле и в ярком сарафанчике, кое-как обтягивающем это тело. Впрочем, она оказалась действительно занята. У нее скандалила посетительница, гневно задирая юбку и показывая что-то похожее на меховые брюки. А заведующая рассыпалась в извинениях и объясняла, что той вместо новейшего средства для депиляции дали по ошибке новейшее средство от облысения. Уверяла, что с этим возмутительным случаем она разберется лично. Виновных строго накажет рублем, а то и двумя, а потерпевшая может хоть сегодня оплатить повторный курс и пройти его без очереди. В несколько этапов разъяренную пациентку удалось укротить и выпроводить, порекомендовав ей хороший салон для стрижки собак. После чего Эльвира Федоровна переключила свое внимание на представителей спецслужб:

— Итак, что вам угодно?

— Видите ли, наши органы в данный момент нуждаются в некоторой оккультной помощи.

— О, ну разумеется! Оккультиatina — это наш профиль. А также анфас и другой профиль. Мы всегда готовы оказать любым органам, организмам и организациям самую полноценную помощь по самым полным ценам. Люсенька, ты ведь познакомила гостей с нашими возможностями и прейскурантами? — тут она заметила фингал на лбу девчонки и всплеснула руками: — Ой, да кто же это тебя так изувековечил?

Та исподтишка глянула на Хрякова, но ябедничать не стала:

— А, ерунда! Я ведь обожаю садо-мазо.

— Оно и ладно, что смазал, но только ты уж будь по-разборчивее с такими обожателями!

Между тем ее кабинет постепенно превращался в бабинет. Кроме девчонки, пристроившейся в уголке и обгрызающей ногти для маникюра, одна за другой начали появляться другие сотрудницы. Сначала под каким-то предлогом заскочили могучая рыжая массажистка и гадалка, жгучая брюнетка со жгучей сигаретой в зубах. Следом за ними, как бы для полного комплекта женских мастей, влетела жизнерадостная блондинка из косметического кабинета, весело поблескивая пирсингами и на ходу запахивая татуировки на груди. Потом втиснулась запыхавшаяся пожилая Лидия Ивановна с первого этажа — кажется, шатенка, так как ее шатало от усталости.

Василий решил не ожидать, когда по таким же случайностям соберется весь персонал «Знахарки». Пока в кабинете еще оставалось место для них с Марьяной, решил взять быка за рагу:

— Возможности-то мы осмотрели. Но только гаданиями на рюмашках в нашей работе заниматься не положено. В данный момент нам требуются настоящие ведьмы.

Эльвира Федоровна так расхохоталась, что все ее пышное тело раскатилось мелкими вибрациями, грозящими выплеснуться из сарафана:

— Вы это в смысле комплимента или оскорбления?

— Нет, в смысле приглашения к сотрудничеству.

Она опять завибрировала в неутраченных конвульсиях, но Василий заметил, что вторила ей только блондинка, подобострастно подзвывая пирсинговыми колечками — да и то сфальшивив в нескольких звяках. А остальные выглядели крайне озадаченно. Заведующая, когда амплитуда колебаний под сарафаном несколько поуменьшилась, попыталась и им передать шуточный настрой:

— Слыхали, девочки, нас уже в сексотки вербуют!

— Ну а що тут такого? — попыталась польстить Марьяна. — По-моему, вы еще достаточно сексотопильны.

— Да нет, — внес поправку майор. — Никто вас не вербует. Только, по-моему, еще какой-то великий поэт говорил: «Сексотом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». А сейчас уж больно серьезное дело. Вы ведь, наверное, слышали про некоего профессора Тепеша?

— Как же тут не слышать, если об этом по всем телеканалам трубят!

— Вот мы и хотим, чтобы он трубил не в каналах, а там, где положено.

Эльвира Федоровна явно была женщиной умной. Задумчиво поморщившись, она тоже сочла за лучшее тоже сменить тон на серьезный:

— Молодой человек, у меня, между прочим, солидная фирма. И публика очень солидная. А солидная публика в наше время, чтоб вы знали, обычно имеет наклонности к либерастизму. Вот и подумайте, что станет с моей репутацией, если я буду ввязываться в скандальные истории, подобные вашей? Кто из деловых людей и ледей тогда ко мне пойдет и какую клиентуру я смогу расклиентить?

— Давайте не будем Муму топить и поговорим начистоту. Кто такой этот Тепеш, вы знаете лучше моего. Так почему же помочь не хотите?

— Ну, нам-то кое-что знать лучше других по работе положено, — аккуратно выкрутилась заведующая. — Что и позволяет нам удерживаться от опрометчивых шагов. И удерживать других, если они дорожат своей кармой.

— Короче — держи карму шире. Что ж, ладно. Пойдем, Марьяна. Не хотят, так и пусть с ними! Как-нибудь сами справимся.

Собравшиеся сотрудницы впитывали весь разговор с плохо скрытым удивлением, а косметолог даже что-то записывала прямо на руке между татуировками «Хэви металл» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». При последних словах Василия они вообще вылупились на него,

будто на рок-звезду, звезданувшуюся им на головы. Косметолог кинулась к заведующей демонстрировать свои записи. Но та отодвинула ее на потом и остановила уходящих ироничным вопросом:

— И вы что, серьезно считаете, будто сумеете справиться с самим Дракулой?

— Считать я таких гавриков по осени привык. Для годовой отчетности, — отрезал Василий, семь раз отмерив взглядом присутствующих. Эльвира Федоровна аж снова вся завибрировала — на этот раз от изумления:

— Да вы хоть представляете, о каких материях идет речь?

— Ну в тканях-то я не очень секу, — пожал плечами майор. — Но вообще предпочитаю грубую вязку. Хотя можно и тонкую. Это уж как получится повязать.

В коридоре их настигла девчонка Люська, несшаяся, обгоняя от усердия собственный халатик. Обратна она вела их другим путем, более коротким. Да и саму себя тоже вела по-другому, даже ни разу не нахамила. А на майора поглядывала так уважительно, словно он был новым учителем, задавшим вдруг на дом стихи Баркова. Когда же добрались до выхода, неожиданно зашептала с видом заговорщицы:

— А хотите, я вам сама средство приготовлю от вампиров? Я ведь хорошистка, и в химии разбираюсь. Вон Машке из девятого «А» даже противозачаточное приготовила, чтобы она от своего Вовика не понесла какую-нибудь чушь на экзаменах...

— Приготовь лучше что-нибудь твоей сестре-близнецу, — посоветовал Хряков. — От раздвоения личности.

Вернувшись в управление, майор и Марьяна узнали, что рано утром на теплоходе «Президент Ельцин» профессор Тепеш благополучно прибыл в Рязань. Сам он тотчас куда-то исчез, но его подручные и подножные уже развели в городе чрезвычайно буйную деятельность.

— Пора и нам в дорогу, — пришел к выводу Василий. — А то, знаешь, летом в Москве такая тоска!..

Информационные агентства передают:

«...Дело о безобразиях российских спецслужб по отношению к представителям мировой науки войдет в Книгу Рекордов Гиннеса по количеству судебных исков, которые намерены предъявить правозащитные, научные и общественные организации. Сам же господин Тепеш благополучно прибыл в Рязань. На средства своего благотворительного фонда он намерен не только вести здесь дальнейшие научные работы, но и оказать значительную помощь городу. В частности, начата акция „Донор“, которая поможет местным гражданам решить материальные проблемы. На встрече с городскими властями г-н Тепеш сделал еще ряд предложений, вызвавших немалый интерес...»

Глава 7. Кошмар на улице Неувязов

На безрыбье и рак — поза.
Русская народная мудрость

Чтобы не ударить в грязь крыльцом перед представительницей сопредельной державы, Василий взял билеты на электропоезд повышенной комфортности — с еще не выбитыми стеклами и не вспоротыми сиденьями. Теперь за стеклами вагона расстилалась российская глубинка, углубляясь все глубже и глубже. На полях начиналась уборочная страда, и уборщицы страдали животами. Во многих деревнях вовсю шел покос, все избы уже покосило, а жители ходили косые. В других хозяйствах разворачивалась молотьба, и бригады хлеборобов успешно молотили друг дружку.

Марьяна сладко похрапывала на плече Хрякова, периодически взбивая его кулаками, чтобы было помягче. Оказалось, что этим же поездом возвращалась к себе в Рязань коммунистическая активистка Разорваева, и теперь она ходила из вагона в вагон, протестуя против оппортунизма железнодорожников, почему-то отказавшихся остановить состав и объявить забастовку.

Впрочем, агитировать ей приходилось как бы на базаре, потому что и вместе с ней, и навстречу ей перемещались толпы представителей мелкого, среднего и ниже среднего бизнеса, предлагая пассажирам то туалетный ароматизатор, создающий ароматы настоящего общественного туалета, то суперклей, гарантированно склеивающий пальцы любого, кто рискнет им воспользоваться, то презервативы «Дирол», хорошо предохраняющие от каприеса.

Но Василий не обращал внимания на эти преходящие и уходящие соблазны. Ностальгически прильнув к окну, он дышал полной грудью, которой притиснулась к нему Марьяна, как и ее подмышками. Задумчиво смотрел на родные просторы и двоюродные долины с кленами опавшими и стоящими, качаясь, тонкими рябинами. Там на каком-то скотном дворе бык крыл телку матом, а доярки в целях повышения поголовья рогатого скота наставляли рога мужьям. Вовсю дымили заводы — по-видимому, у рабочих был перекур. Проносились мимо будки стрелочников, с виноватым видом собирающихся ехать на стрелку. А на одном из полустанков железнодорожники весело курочили бронепоезд, стоящий на запасном пути.

Но уже близко была Рязань, и майор стал будить напарницу, чтобы не опоздала на работу. На перроне Хряков заметил лейтенанта Шуляткина из местного отделения ФСБ. Тот встретил Василия хлебом-солью, потому что не успел купить других продуктов, а украинке преподнес изумительный букет, подобранный с тонким вкусом в виде пароля.

— Я уж вас ждал-ждал, даже волноваться начал, — обрадованно сыпал он, провожая их к своей машине и отключая от педали газа самодельное противоугонное устройство из толовой шашки и взрывателя. — А то у нас тут такое творится, что аж крыша едет!

Василий невольно огляделся. Кажется, крыши действительно ехали — в направлении, противоположном движению их автомобиля. Но все остальное выглядело вроде нормально. Бабки на площади торговали лопухами с

собственных огородов и жвачкой «Буржуйская» со вкусом ананасов и рябчиков. Молодежь баловалась легким флиртом, переходящим в легкое поведение. Наркоманы просили милостыню, уверяя, что у них сегодня макового зернышка во рту не было. А с автобусной остановки вели пойманного карманника, пытавшегося прикарманить один из автобусов.

Однако дальше и впрямь начали попадаться необычные явления. Из ресторана «Ока» вывалилась группа небритых мужиков и неумытых женщин, окруженных пляшущими цыганами. Швейцар сложился аж в четыре с половиной раза, с почтением подавая посетителям их равные штормовки. И опасливо поджимался, как бы за свои же чаевые не огрести по чайнику, поскольку один из мужчин громко скандалил, что вместо заказанного поросенка с хреном ему подали холощеного.

— Археологи гудят, — пояснил Шуляткин. — Им этот профессор такие премии выдал, что они вытрезвитель на неделю заарендовали.

Тут же обозначилась уже знакомая вертлявая телевизионщица с канала «Хрен-TV» — она сунулась было к археологам взять интервью, но ее не поняли и вместо интервью чуть не дали по морде. А ее оператор, жужжа камерой, снимал свою кепку, заброшенную компанией на дерево.

Наконец археологические крики с ископаемыми матюгами стихли позади. Но неподалеку от рязанского кремля машина уткнулась в длинный хвост завывающей очереди, перекрывшей уличное движение.

— А це шо? Чи який дефіцит выкинулы? — забеспокоилась Марьяна.

— Нет. Это у нас открылась передвижная станция переливания крови, — насупился лейтенант и тормознул возле столба с объявлением. — Вон почитайте, весь город такими оклеен.

В тексте сообщалось, что благотворительный фонд профессора Тепеша из любви и к ближним, и к дальним проводит акцию «Донор», призванную одним махом по-

мочь всем нуждающимся — как тем, кто нуждается в крови, так и тем, кто нуждается в наличности.

— И что, столько энтузиастов? — изумился Хряков.

— Ага, а знаете, сколько там платят?! — вздохнул лейтенант. — Причем валютой и не отходя от койки.

Очередь растянулась на километры, ее занимали на всю родню до седьмого колена и восьмого бедра, а делегаты, откомандированные с рабочих мест, ругались за право обозначать собой целые коллективы. Осиротевшая скупка металлов тщетно зазывала желающих подзаработать и соглашалась принимать даже провода и кабели, протянутые к собственной скупочной конторе. Но куда ей было тягаться с новыми конкурентами!

— Значит так, — распорядился майор. — Надо бы эту шарашку как-нибудь аккуратненько пришарахнуть. Без шума, без нарушений их благотворительных прав — направи на них налоговиков, санэпидемстанцию, пожарную инспекцию, энергонадзор, РОНО, общество охраны животных от памятников старины — по очереди...

— Не получится, — развел руками Шуляткин. — Потому что все они уже в очереди. А то и без очереди пролезли, используя служебное положение. Да я бы и сам туда пошел, если бы не приказали вас встретить, а теперь-то, пожалуй, уже поздно, не достоинься.

Василию вдруг попала на глаза коммунистическая активистка Разорваева, очутившаяся тут как тут и устроившая пикет, протестуя против выкачивания крови из трудового народа.

— Во, а если через этих попробовать?

— Да что вы! Вся их парторганизация стоит где-то в первых рядах, организовано, в порядке партийной мобилизации — чтобы собрать средства на выборы своему кандидату.

— А куда же смотрят городские власти?

Шуляткин рассказал, что местных руководителей профессор Тепеш совершенно очаровал, согласившись признать город своим побратимом, а то и побочным племянником. Пообещал успешно порешить транспортную и

жилищную проблемы, построить для города новую гидроэлектростанцию, в которой будет крутить турбины гидрокапитала, и выдвинул проект создания здесь свободной экономической зоны особого внимания. А пока в порядке гуманитарной помощи он на речке, где бабы стирают грань между городом и деревней, установил стиральную машину «Дэво» новейшей модели. Так что власти от него без ума и позволяют делать все, что ему хочется, а если не хочется, то и не делать.

— А где он обосновался, выяснили?

— Наверное, в лагере у археологов. Но точно не знаю, потому что наши ребята проехать туда не смогли — что-то там с дорогой, и все время не туда попадают. Зато выяснили, где он должен быть сегодня вечером — на конкурсе.

— На каком конкурсе?

— О, это у нас еще одна сенсация! — заважничал Шуляткин и, чтобы продемонстрировать такую достопримечательность, нарочно сделал крюк к дому культуры «Монтажник».

Рядом с бледненькими афишками, скромно зазывающими посетителей на кинофильм «Багдадский ВОХР» и лекцию «Есть ли жизнь на Марксе» красовалась огромная, мигающая неонами реклама. Оповещала, что под эгидой Тепешевского фонда сегодня состоятся конкурсы красоты «Мисс Открытие», «Миссис Открытие», а также «Дочки-Матери», «Внучки-Бабушки», «Мисс Бюст» и «Обнаженная Мисс». В качестве и количестве участниц приглашались все желающие, а победительницам обещались призы, сюрпризы, сервизы, круизы, капризы и антрепризы с работой на иностранной фирме.

— Для нас ты, надеюсь, проход обеспечишь?

Лейтенант почему-то растерялся:

— А что, и вы хотите посмотреть? Вообще-то пару билетов мы кое-как урвали... Но дело в том, что моя супруга тоже решила поучаствовать, и хотелось хотя бы поболеть за нее...

— Нет, это нам не подходит. Нам с Марьянкой сейчас болеть никак нельзя. Не время нынче сопли распус-

кать. Нам бы как-нибудь безболезненно, поконспиративнее просочиться.

— А, так вам по службе? — расплылся Шуляткин в облегченной улыбке. — Да по службе это запросто!

Лейтенант сообщил, что у него здесь под сценой имеется прекрасный пункт наблюдения, которым он уже дважды пользовался — когда в доме культуры проходило собрание кружка «Юный экстремист» и когда приезжало с гастролями стриптиз-шоу из Верхних Кулебак. Чрезвычайно обрадованный согласием на такой вариант, он с ветерком и носом по ветру домчал гостей до отеля «Русская малина», где для них был заказан двухместный номер со всеми удобствами на имя супружеской пары Фейс.

* * *

Получить свой бронированный номер оказалось не так-то просто, потому что лобовую броню администратора едва удалось прошибить. Эта броня оказалась не просто старой, а очень старой закалки. Для подтверждения супружества администратор непременно требовал предъявить обручальные кольца. Хорошо хоть у Марьяны в украинской разведывательной экипировке отыскались портативные наручники, и их кольца сошли за обручальные. Но информация насчет всех удобств явно поступила из непроверенного источника. Уже в вестибюле обращал внимание плакат, что завтра с 10 до 16 часов будет отключено электричество в связи с отключкой электрика. А в номере на двери туалета обнаружился еще один плакат — «Унитаз не работает. Администрация унитаза».

Василий открыл окошко, впуская свежий воздух и свежих мух взамен передохших. Обследовал широкую кровать, придя к выводу, что она двуспальная — переспать на ней можно было раза два. На неосторожные прикосновения кровать реагировала визгами и конвульсиями, и майор констатировал:

— Тут, пожалуй, любовью не позанимаешься.

Марьяна тоже потрогала и согласилась:

— Да, не позанимаешься. Придется просто так трахаться.

Хряков привычно проверил стол на наличие жучков, вытащив двух древоточцев, и заметил, что надо бы перекусить. Пока Марьяна перекусывала какой-то провод, он выложил черствую буханку и пачку соли, преподнесенные радушным лейтенантом. Начал разбирать собственную экипировку — две бутылки водки, очередной сверток фросиных бутербродов и граненый стакан, который заботливо вручил на дорогу полковник.

— Ну шо, а план действий у тебе е?

Василий еще разок обшарил сумку и сообщил, что никакого плана нет.

— А у мене е! — гордо сообщила она. — Тильки шо придумала! Ось послухай. Як у них на конкурс приглашают усих желающих, то и я могу участвовать! Я там, конечно, победу... чи побежду... в общем, побеждаю, получаю контракт в ту фирму и попадаю прямо в иху банду! Ну як?

— Сомнительно что-то...

— Шо сомнительно? Шо я там перше мисто займу? — грозно вскинулась Марьяна

— Да нет, — поспешил смягчить Василий. — Просто они тебя уже видели и узнать могут.

— Ну так и що, шо бачилы? Як же вони мене узнают, колы я тогда була в чужом платъи тай в других туфлях? А зараз пидкрашуся побильше, прическу другу соби зроблю, так и кто ж мене узнае?

Хряков уже давно и прочно успел уяснить, что спорить с женщинами по вопросам красоты и их гениальных озарений — это все равно что метать бисер против ветра. Поэтому скрепя сердце вынужден был признать, что раз уж она собирается выиграть, то и план получается выигрышный.

— Ось и давно бы так! А пока у нас время е, давай лучше порепетируемо, як я на том конкурси побеждаты буду, — разведчица быстренько избавилась от внеконкурсных предметов обмундирования и предстала в своем жовто-блакитном неглиже. — Бачишь — я даже смогу нашу Украину представляты! Ну и як я выгляжу?

— В общем — нормально. Только, наверное, пистолет из трусов лучше вынуть.

— Це правильно, а то подумают, шо я жюри угрожаю. И ще мени подмытысь треба, бо я ж з дороги.

Она подхватила гостиничное вафельное полотенце с крошками чьих-то недоеденных вафель, нашла в своей экипировке портативное мыло с портативной мочалкой, и с видом триумфаторши, готовой заткнуть всех за пояс вместо пистолета, направилась в ванную. Правда, тут ей пришлось несколько охладить свои амбиции, потому что кран горячей воды украшало заботливое разъяснение «Да идите вы в баню!».

Марьяна слегка призадумалась, неуверенно уточняя у Василия, должны ли победительницы конкурсов закалять свои организмы или наоборот, оберегать их от холода? Но потом вспомнила книгу украинского классика Николая Островского «Як закалялися заліззяки», взяла себя в руки и обеими руками затолкала под душ.

А Хряков от нечего делать решил до конца обследовать номер. Он помнил, что у стен тоже могут быть уши, и наметанным взглядом быстро обнаружил одно, с любопытством высунутое из-за занавески. Позвал Марьяну, и, обрадованная предлогом прекратить закалку стали, она тут же выскочила, обвязав на себе полотенце небрежным санузлом. Василий поманил ее к себе, и украинка игриво заулыбалась:

— Ты шо, вже соскучився? Тильки я зараз холодная!

Ушко сразу выставилось сильнее, наподобие локатора, и майор, ловко ухватив за него, вытащил на солнышко все ту же девчонку из центра народной медицины. Она привычно попыталась было сделать вид, что просто кормила тараканов. Но тараканы этой версии не подтвердили и, выдернутые вместе с ней из-за занавески, разбежались с очной ставки кто куда.

— Эй, ухо-то отпустите! У меня, между прочим, не день рождения, и вы мне подарков не дарили! — запротестовала девчонка, а едва хватка ослабла, сделала попытку шурнуть куда-то вслед за тараканами. Но не тут-то было.

— Ишь, подарочек найшовся! — перекрыла ей путь бегства Марьяна, подмяла неравенством весовых категорий и пристегнула к спинке кровати своими наручниками.

— Во класс! С наручниками мне еще ни разу не приходилось! — восхитилась та, оценивающе оглядывая Василия, кровать и разгоряченную разведчицу, потерявшую в схватке полотенце и прикрытую только вафельными крошками. Невинно уточнила: — А мы как, будем заниматься сексом втроем или по очереди? Если по очереди, то чур я вторая — мне сначала подзавестись нужно, да и штаны снять.

— Ось я зараз тобі зниму штаны! — взорвалась украинка. — Васыль, дай мени ремня!

— Но тогда без штанов окажусь я, а не она.

— Так это же здорово! — захлопала в ладоши пленница. — А то даже неудобно получается, твоя напарница голая, а мы с тобой еще одетые. Дай ей ремень, я просто обожаю садо-мазо и давно мечтала познакомиться с этим способом.

— По-моему, для начала нам пора познакомиться с тобой, — потребовал Хряков.

— Так мы же знакомы. Люся я, Люся Чучкина.

— А мене Марьяна зовут, — протянула ей руку разведчица, собирая с себя налипшие крошки и пробуя их на вкус.

— Так ты — дочка Эльвиры Федоровны?

— Нет, она моя тетя.

— Ну и на кого ты работаешь?

— Я не работаю, я еще учусь.

— А на кого ты учишься?

— Еще не решила. Может — на следователя, может — на фотомодель. А на каникулах подрабатываю у тети.

— Ага, подрабатываешь шпионажем. А как ты узнала, где мы остановились?

— Ну, это пара пустяков, — заважничала девчонка. — Я же все-таки ведьма.

— Значит, сознаешься в связях с международной нечистью?

— Ни в чем я не сознаюсь. И вообще, чего вы ко мне пристали?

— Мы пристали? По-моему, это ты к нам пристала. Давай-ка выкладывай начистоту, с чем пожаловала?

— Треба обыскаты ту шпионку, — грозно нахмурилась Марьяна. — Ось и подывимось, с чим она пожаловала.

Правда, и на глаз было видно, что под сквознячковой майкой вряд ли можно что-то спрятать, кроме подростковых прыщей. Зато раздутые карманы джинсов, похоже, заменяли ей дорожный баул, бюро забытых вещей, аптечку, косметичку, химичку, физичку и мусорную корзину средней величины. Торжествующая украинка, невзирая на пiski протеста и щекотки, принялась выгребать оттуда какие-то баночки с пузырьками, целую кучу странного вида медальонов и подвесок, тяжелую лошадиную подкову...

— Ого, да тут целый арсенал! Холодне оружие! Тай химическе — ось напысано «яд»!

— И вовсе не оружие. Подкова — это оберег от нечисти. А то, где «яд», — средство от вампиров.

— От комаров, — прочитал этикетку Хряков.

— Ну правильно! Но ведь и те, и другие — кровососущие, — пояснила Люська. — Поэтому я репеллент от комаров заговорила еще и от вампиров.

— Ага, значит это ты не нам, а вампирам зубы заговариваешь?

— Ну не верите, и не надо! — обиделась девчонка. — Я могу вообще замкнуться в себе и даже объявить голодовку. И в знак протеста кишки у меня начнут так урчать, что сюда люди сбегутся, и вам стыдно будет, потому что у меня, между прочим, на обед была только вчерашняя жвачка.

Василий предложил ей заткнуться бутербродами и сосисками, а Марьяне напомнил, что времени у них вприцену, и пора уже начинать притираться. Люська какое-то время сосредоточенно жевала, и в промежутке между майкой и джинсами было видно, как продвигаются по окрестностям пупка проглоченные куски. Но когда там слегка поднабилося и утрамбовалось, она быстро пришла в

комфортное состояние, осмелела и принялась авторитетно подавать советы собирающейся конкурсантке:

— Между прочим, по вопросам красоты у меня все девчонки консультируются. Вон Галка из десятого «Д» попросила подобрать ей стойкую краску для волос, и я подобрала — уже полгода ничем отмыть не может.

Сперва Марьяна просто отмахивалась от нее, как от надоедливой рекламы. Однако вскоре оценила, что девчонка является все-таки более тонким знатоком женских секретов, чем Хряков, — если в талии, то раза в три потоньше. Стала прислушиваться к ее рекомендациям, как лучше подкрасить веки, чтобы не выглядеть вековушкой, как правильнее подпудрить мозги и как поэlegantнее подвернуть белье, чтобы замаскировать пятна оружейной смазки.

— Так, кажешь, косичек заплетаты не треба?

— Если на голове, то не стоит, — критически прищуривалась Люська. — Лучше сделать хвост, как у меня. Потому что все кобели норовят под хвост заглянуть, а под хвостом ты вся и есть.

Разведчица шагала к зеркалу, а разошедшаяся консультантша снова ее регулировала:

— Стоп, как ты ходишь! Так ходят не топ-модели, а городской транспорт! Тяни носок...

— Васыль, дай мени носок, — послушно внимала украинка.

— Живот втяни, словно хочешь сесть в набитый автобус. А заднее место подожми посильнее — представляй, что тебе вставили клизму, и нужно удержать ее в себе. На лице при этом изобрази улыбку Джоконды...

— А як та Джоконда після клизми лыбиться?

Для пущего усиления красоты девчонка предложила какие-то специальные ведьминские средства из своих баночек, но от этого Марьяна решительно отказалась, чтобы не отстранили от состязаний за применение допинга. Воспользовалась только репеллентом, которым побрызгала под мышками за отсутствием дезодоранта. Прихора-

шивательная эпопея подошла к завершению, и напарники засобирались уходить.

— Эй, а я как же? — задергалась на цепочке наручников Люська. — Меня тоже с собой возьмите!

— Ага, тебе взяты, як ты вси наши планы разузнала! Шоб ты рассказала своим хозяевам, а воны мени баллы занизят! Дурных немає! — отрезала украинка, а Хряков добавил:

— Посиди, отдохни. Глядишь, и вспомнишь на досуге, зачем же ты все-таки сюда залезла. А если будет скучно, можешь порнуху посмотреть — как мухи и тараканы совокупаются.

— А если я в туалет захочу? — насупилась девчонка.

Но Василий успокоил, что туалет все равно не работает, и запер за собой дверь.

Информационные агентства передают:

«...Продолжает раскручиваться скандал с нездоровым интересом ФСБ к научным кругам. Похоже, российские власти опять намерены выгородить виновных. Но вряд ли у них что-нибудь получится... Однако подлинные ученые оказываются выше этой мелкой возни. В городе Рязани и ее окрестностях по инициативе профессора Тепеша готовится грандиозная презентация сделанного археологами открытия. Первым мероприятием в рамках этой программы станет конкурс красоты, который пройдет сегодня в доме культуры „Монтажник“. Заказ билетов на сайте...»

Глава 8. Вавилонская баня

Смешно дураку, что враг начеку.

Русская народная мудрость

Задолго до дома культуры «Монтажник» начали попадаться граждане, выпрашивающие лишние билетки, и Василий отдал им использованные билеты на поезд, которые были сейчас совершенно лишними. Возле входа соби-

ралась толпа жаждущих зрелищ — и можно даже без хлеба. А рядом околачивалась в пикете коммунистическая активистка Разорваева, протестуя против эксплуатации женского тела иностранным капиталом.

В назначенном месте, возле таблички «Дому культуры срочно требуется культура», майора и Марьяну поджидал лейтенант Шуляткин с супругой, похожей на луч света в темном царстве — такой же длинной, прямой и тощей. Сразу чувствовалось, что она женщина самостоятельная и самодержательная, так как муж при ней держался ниже травы. Василий через его голову обратился к Шуляткиной с просьбой взять украинку под покровительство и помочь записаться на конкурс. Дамы смерили друг дружку расстрельными взглядами, но обе пришли к выводу, что соперница угрозы не представляет, расцвели приветливыми улыбочками и вполне дружески отправились к месту регистрации кандидаток. А мужчины пожелали им ни пуха ни пера и пошли к черту, нарисованному мальчишками на стене за углом.

Шуляткин проводил майора мимо служебного входа, куда толкались люди со служебными удостоверениями, и показал удобную пожарную лестницу, по которой лезли в дом культуры пожарные. Оглянувшись, нет ли за ними слежки, они от души помочились, и лейтенант передал схему заднего прохода за сцену, выполненную симпатическими чернилами с несколькими симпатичными кляксами. Потом Хряков ухватился за лестницу и полез на рожон.

Проникнув в здание, он сунулся было в артистическую уборную, где сидели на унитазах несколько артистов, миновал канцелярию со снующими канцелярскими крысами. По ошибке чуть не влетел в спортзал, заполненный массой конкурсанток, которые как раз наряжались, снимая наряды, и колготились, путаясь в колготках. Пришлось долго блуждать за кулисами среди всяких закулисных махинаций, пока он не нашел нужную дверцу, заваленную декорациями к балету «Лабудино озеро». Спустился вниз и огляделся. В разошедшей сцене, под которой он очутился, зияли такие щели, что впору было провалиться любому спектаклю, и Василий прильнул к ним, как к амбраурам.

На сцене был протянут плакат с цитатой Максима Горького «В человеке должно быть все прекрасно — и морда, и душа, и особенно тело». Рядом красовалась огромная реклама фонда профессора Тепеша, а к ней сбоку-припеку старались примазаться рекламы других спонсоров — резинонадувного комбината, банка «Непер-инвест», мехового салона «Дед Мазай и Зайцев» и пункта обмена валюты на стеклотару. Зал был набит до отказа давать показания, даже в проходах яблоку было негде упасть, и падали только огрызки.

Наверное, в этот день в дом культуры собрались представители всех сословий, от новых русских до старых евреев, всех классов, от пролетариата до первого «Б», и всех прослоек, перемешавшихся в слоеный пирог. Малыши сосали долгоиграющие леденцы «Санта-Барбарис», обменивались фантиками по рыночному курсу и заключали пари — правда ли, что тети будут совсем голые? Подростки старались подрасти, чтобы лучше было видно, а люди зрелого возраста уже созрели и орали, что пора начинать.

Работники телевидения разворачивали свои телекамеры с телепарашами. Оператор снимал пробы с мороженого, а вертящаяся телевизионщица с канала «Хрен-TV» брала интервью у духового оркестра местного гарнизона, который собирался с духом. Хряков подоспел как раз к началу светопрествления — в зале погас свет, и теперь только софиты изливали яркие софизмы.

Прозвенел третий звонок, за ним четвертый, пятый, шестой, пошел на фиг занавес, и на сцене появились ведущие — все та же великолепная негритянка и секретарша Мышкина. Зал встретил их восторженно, приняв за первых конкурсанток, и тут же разделился во мнениях. Половина утверждала, что черная лучше, а другая половина — что все равно надо болеть за русских. Мышкина близоручко копошилась в своих блокнотах, сияясь разобрать, что у нее на сегодня записано, а негритянка ослепительно оскалилась разрезами на бедрах и стала представлять жюри.

Председателем был, разумеется, профессор Тепеш, но он своей рожой не афишировал и восседал в отдельной

ложе, ответив на бурные овации лишь сверканием глаз из темных глубин. Доктор Афедронов говорил, что он, как культурный и цивилизованный ученый, может только приветствовать союз красоты и науки. Доцент Гугина, тщательно припудрив физиономию и физиологию, игриво доказывала, что с точки зрения диалектики каждая женщина — это открытие, был бы талантливый научный руководитель и источники финансирования. Директриса дома культуры демонстрировала на лице приветливую улыбку, нарисованную губной помадой, и орала на публику, чтоб кончали базар и не задерживали мероприятие. И только представитель мэрии помалкивал в тряпочку, так как у него был насморк.

Между тем секретарша Мышкина наконец-то разобралась в своих записях, оркестр заиграл туш, и на сцену пошли тушующиеся претендентки. Сперва Хрякову были видны только застревающие в щелях каблуки и сыплющаяся в глаза труха. Но тут его кто-то дернул за рукав, и, обернувшись, он, к величайшему изумлению, обнаружил Люську Чучкину:

— Ты как здесь оказалась? А как же наручники, замки?

— Да ну, это пустяки, я же все-таки ведьма, — самодовольно отмахнулась она. — Айда лучше вон туда, оттуда удобнее подсматривать.

Она потащила майора к рампе, из которой было выломано несколько фонарей, и на их местах остались аккуратные окошки. По сцене маршировали представительницы слабого и неслабого пола, наглядно демонстрируя, что если россиянкам порой нечего одеть, зато еще есть что раздеть. В глазах рябило от купальников и хлебальников разной степени изношенности.

Секретарша Мышкина сверялась с записями и выпускала их целыми стадами голов по пятнадцать и несколько поменьше умов. Позволяла немножко покрутиться и потрясти телесами членов жюри, после чего решительно заявляла, что время их приема истекло, и профессионально выпроваживала, освобождая пространство для следую-

щих. В непривычной обстановке она жутко комплексовала и украдкой уточняла у негритянки, правильно ли она держит себя перед публикой, или лучше держать не себя, а микрофон.

Оркестр играл «Миллион, миллион алых рож», и зрители активно болели за своих, размахивая транспарантами. Строители бурно поддерживали какую-то Ньюрку, железнодорожники — Клавку-Пакгауз, оркестранты — женщину-военнослужащую сержанта Кирибееву, школьники — своих одноклассниц, а воспитанники детсада — воспитательницу тетю Таню.

В очередной группе Василий и Люська по жовто-блakitным цветам разглядели Марьяну и тоже посвистели и поулюлюкали за нее, чтобы она не чувствовала себя одинокой. А рядом с ней упирался из тужель в прическу стройный луч лейтенантши Шуляткиной, перечеркнутый в двух местах узенькими перемычками импортного бикини с нарочно не снятым ценником. Обе держались как лучшие подружки и подбадривали одна другую участливыми взглядами — дескать, не каждой ведь дано быть красавицей.

Шоу было организовано с размахом, и между одиначными комплектами прелестей и парными наборами дочек-матерей была сделана пауза, в которой выступала популярная столичная группа «Довлеющий рок» с дергающимися подтанцовками, подпойками и подстилками. А перед пикантными контрастами молодящихся бабушек и взрослящихся внушек демонстрировал свое искусство знаменитый ансамбль ложечников из села Подмухино, где мужики в расшитых рубахах выстукивали сложнейшие мелодии деревянными ложками по лбу своим детям и домочадцам.

Возникали и накладки — например, заминка, по какому разряду пускать нескольких беременных конкурсанток? Как «Миссис» или уже как «Дочки-матери»? Но поскольку некоторые из них утверждали, будто они еще «Мисс», а насчет дочек или сыночек вопрос оставался спорным, негритянка перекинулась какими-то знаками с

Тепешем и привела их в восторг новостью, что профессор учредил для них отдельный конкурс.

Потом всех претенденток вызвали на сцену. Василий всерьез забеспокоился, что она просто обвалится, и счел нужным предупредить об этом свою спутницу, за которую, хочешь или не хочешь, чувствовал себя в ответе. Но Люська лишь понимающе кивнула и бойко принялась заговаривать несущие балки на повышение коэффициентов прочности, проявив при этом весьма глубокие познания в области физики. Майор впервые глянул на нее уважительно:

— Ты, наверное, круглая отличница?

— Нет, я не круглая, потому что не хочу полнеть, — пояснила Люська. — И не отличница, а хорошистка. Мне все время на балл за подсказки снижают.

— Значит, товарищам помогаешь?

— Да нет, учителям подсказываю, а им это почему-то не нравится.

Тем временем черная ведущая лукаво оскалилась белизной расстегнувшихся пуговиц и объявила, что учредители приготовили собравшимся маленький сюрприз. Потому что марафон красоты продолжается! Конкурсы «Мисс Бюст» и «Обнаженная Мисс» станут следующими турами предыдущих состязаний. После некоторых колебаний нравственно-безнравственного характера процентов десять участниц сошло с дистанции и со сцены, уменьшив опасность ее обвала. Зато остальные восприняли информацию с крайним энтузиазмом. Принялись наперегонки избавляться от последних тряпочек и настолько спешили, что оба объявленных конкурса сами собой объединились в один.

В женской толпе, из которой во все стороны разлетались нижнебельевые и верхнебельевые принадлежности, Василий разглядел, что лейтенантша Голопупенко и лейтенантша Шуляткина тоже остались. Они перекинулись дружескими улыбками, предлагающими сопернице воспользоваться возможностью и не мешать более достойным. Но, убедившись в полной непонятливости друг дружки,

начали решительно оголяться, перекидываясь скептическими взглядами на открывающиеся виды конкурентки.

Однако сюрпризы, преподнесенные негритянской, еще не кончились. Пока конкурсантки разбирались с кучей сброшенных туалетов, отцепляя свои одежки от чужих застежек и свои застежки от чужих босоножек, она обратилась к залу и сообщила, что в связи с освобождением некоторого количества стоячих мест в шеренгах объявляется дополнительный набор. Прежние красавицы, прошедшие первые туры, завопили было, что это нечестно, но на сцену уже устремились десятка два разохотившихся зрительниц, на ходу приводя свои бюсты и миссы в требуемый вид.

Одна при этом отбивалась скалкой от пытающегося ее удержать мужа. Кричала, что сам он от нее постоянно бегаёт налево, так что и нечего на посторонних пялиться, пусть лучше теперь посторонние пялятся на нее. Другую, упирающуюся, силой выталкивал муж, поучая, что она ничем не хуже выставленных телок, так пусть хоть какую пользу в дом приносит. Соблазна посверкать собой не выдержала даже вертлявая телевизионщица с канала «Хрен-TV» и побежала демонстрировать свою брюшную прессу, а заодно брать интервью у ведущих и ведомых. А оператор, жужжа камерой, снимал ее белье, сброшенное впопыхах на его аппаратуру.

Не обошлось без новых скандальных инцидентов. Воспользовавшись суматохой, в зал прорвалась коммунистическая активистка Разорваева и начала протестовать против нарушений морального комплекса строителя коммунизма. Не ощутив поддержки среди зрителей, она тоже полезла на сцену, чтобы призвать участниц к забастовке. Но поскользнулась на распущенных мужиками слюнях и грохнулась, демонстрируя под юбкой красные байковые панталоны.

Директриса дома культуры уже схватилась за микрофон, чтобы орать насчет прекращения базара, и тут вдруг впервые подал свой зычный бас сам профессор Тепеш. Что он там рывкнул из темноты, никто разобрал в об-

щем хае. Но на всякий случай все зааплодировали, а к Разорваевой откуда-то подскочили двое негров. Объявили себя ее братьями по классу, попросили объяснить им русское слово «эмпириокритицизм» и тихо-мирно увели за кулисы.

На сцене уже смешались, как в большой общей бане, все мисс, миссис, дочери, матери, внучки, бабушки и дополнительные мисс-в-положении. Секретарша Мышкина, получив инструкции от черной напарницы, увела их за собой, чтобы снова записать на прием к своему руководству. Занавес закрылся, и домкультуровская директриса расцвела всеми слоями губной помады, так как паузу на этот раз заполнила домкультуровская секция художественной гимнастики. Она очень художественно изобразила гимн науке и ее спонсорам и завершила выступление композицией «Ученый и красавица» на мотив скульптуры «Рабочий и колхозница».

Занавес снова разошелся по швам, и за ним оказался спущен киноэкран, перед которым был оборудован как бы филиал поликлиники — стояли весы, ростомер, штанга с таблицей окулиста, аппаратура отоларинголога, столик невропатолога с молотками и гвоздодерами и еще какая-то медицинская мебелировка, вплоть до стоматологического и гинекологического кресел. Возле каждого пункта с важным врачебным видом расположились лица и морды из свиты Тепеша — индусы, папуасы и прочие представители научного интернационала.

И опять пошли конкурсантки, сверкая всеми цветами всех частей тела. Секретарша Мышкина, тычась в записи, едва успевала запускать и выпускать очередные группы. А негритянка, сама взмыленная и разоблачившаяся до алого кожного бикини, вооружилась жезлом регулировщика и ловко регулировала участниц. Мгновенно перемещала от одного специалиста к другому, где их деловито обмеряли, осматривали, обвешивали и обсчитывали. Киноэкран превратился вдруг в огромный дисплей, где высвечивались цифровые показатели каждой кандидатуры, по каким-то непонятным методикам суммировались,

умножались, делились, возводились в степени, и зрители могли зреть в квадратный корень, представляющий итоговые данные.

Оркестр играл на нервах, грудные дети орали, видя недоступные им груди, а болельщики с новой силой поддерживали своих. Коллектив пекарни кричал, что в их претендентке красоты пуда на два больше, чем в остальных. Работники молокозавода доказывали, будто их молочные железы самые качественные. Воспитанники детсада пищали, что у их тети Тани попа все равно лучше. Оператор снимал стрессы из карманной фляжки. А вертлявая телевизионщица, даже занимаясь зубоскальством у стоматолога и зевоскальством у гинеколога, ухитрялась попутно брать интервью у других претенденток, которые дружно заверяли, что русские женщины оправдают оказанное им доверие и докажут, что они устроены так же, как люди.

В промежутке между выпускаемыми на сцену партиями и фракциями подводились промежуточные итоги. Доктор Афедронов говорил, что он, как культурный и цивилизованный ученый, видит огромные перспективы у превращения красоты в точную науку. Доцент Гугина тщательно припудривала краску смущения и доказывала, что с точки зрения диалектики женская нагота должна возбуждать и умы тоже, а значит, вести к новым свершениям. Директриса дома культуры орала на публику, которая уже теряла терпение и выходила из себя его искать, чтобы кончали базар и не задерживали умных рассуждений. А представитель мэрии продолжал помалкивать в тряпочку, потому что еще не просморкался.

Некоторых участниц отсеивали. Но, как подметили майор и Люська, отшивали только тетенок совсем уж слабоэффектных или сильнодефектных. Впрочем, и их не оставляли без утешительных призов. Одним вручали бесплатные путевки в кожвендиспансер, другим — заграничные книжки-раскраски для душевнобольных, третьим — сертификаты на земельные участки на ближайшем кладбище.

В перерыве выступил домкультуровский хоровой кружок небольшого диаметра, и директриса снова умильно цвела, как отсыревшие обои. А потом секретарша Мышкина погнала новые стада. В непривычной обстановке она жутко комплексовала и украдкой уточняла у ближайшего папуаса: правильно ли, что сама она остается совсем одетой, или лучше ей все же снять очки?

У Василия уже голова шла кругом от сплошного конвейера дамских секретов, открытых к показу без всяких купюр, за исключением тех, которыми самые ушлые конкурсантки пытались подмазать обмеряющий персонал.

— А в принципе, ничего особенного, — принялась философствовать Люська. — У мужчин бывают штуки гораздо интереснее. Хотя, конечно, о вкусах не спорят. Например, Ритка из одиннадцатого «К» и Дашка из девятого «З» предпочитают с девчонками. Говорят, что можно на противозачаточном сэкономить и мороженого купить. Но мне такой способ не нравится, потому что не люблю быть подлизой. И вообще мужики меня сильнее заводят. Вот когда мы с классом в лес ездили, меня Петька так завел в глухомань, что мы совсем заблудились, и потом вся школа про наш блуд говорила...

Хрякову начало казаться, что он и сам заблудился в настоящем лесу с дремучими кронами причесок, разнокалиберными стволами туловищ, корневищами ног и прочей колышущейся флорой и снующей туда-сюда фауной. Он уже сомневался, получится ли без ауканья отыскать свою напарницу, лишившуюся национальных опознавательных знаков, однако Марьяна обнаружилась в последней партии.

Они с Шуляткиной, как настоящие подруги, шли ровень. Если после весов, силомера и измерения объема бедер украинка одаривала соперницу снисходительными улыбочками, то после ростомера, ухогорлоноса и обмеров талии Шуляткина отвечала не менее выразительными фунтами любезности. Удалились они, свысока утешая друг дружку, что для некоторых главное не победа, а участие. Но их показатели на экране после каких-то хитрых

обсчетов и манипуляций дали совершенно одинаковые результаты.

На этом занавес закрылся, и неугомонная негритянка, задорно сверкнув потеками пота, объявила суперигру — конкурс «Мисс Рентген», на котором можно будет оценить красоту не только внешних, но и внутренних органов претенденток. А директриса ДК опять расплылась от умиления пятнами губной помады, поскольку для заполнения паузы вышел кружить головы домкультуровский хоровод.

Выглядел он весьма живописно, так как половина девиц оказалась участницами конкурса и успела набросить только кокошники. А вторая половина ощутила явный недостаток внимания публики. Во время всего танца исходила завистью, а перед раскланиванием не выдержала и начала выпрыгивать из сарафанов, перемешиваясь с подружками. Секретарша Мышкина хотела возмутиться, что они уже лишние и у нее не записаны. Но разобраться в своих записях и выставить самозванок не успела. Ее черная коллега сделала вид, будто все нормально, и подала сигнал тушить свет.

Теперь участницы проходили чередой в темноте, так что было слышно только шлепанье ног и раскатанных губ. Периодически эти звуки прерывались нервным повизгиванием, когда ту или иную девицу щекотали светящиеся во мраке глаза профессора Тепеша. Конкурсантки задерживались в кабине с аппаратурой, и экран соблазнительно демонстрировал их кости, печенки, легкие и нелегкие. Сперва это внесло некоторое разнообразие. Василий с любопытством изучал разные формы мослов и аппендиксов, гадая, которые из них красивее и почему? Но патологоанатомию он знал слабовато, и для него все скелеты были на один оскал. Его спутнице тоже быстро надоело, и она разочарованно зевнула:

— Да ну, ерунда все это. В учебниках и то интереснее, потому что цветное, и можно садомазохизмом позаниматься — учителей вопросами поизводить. Ты лучше расскажи, вы уже придумали, что с Дракулой делать?

— Вообще-то мы еще не решили, что делать с тобой, — напомнил майор.

— Как это — что? — искренне удивилась она. — Похвалить и сказать, что я умница. Можно и в пример поставить — ведь я же за вас.

— Ничего себе — за нас! То-то твоя тетушка нас на фиг послала!

— И меня тоже. То есть на фиг-то она послала вас, а меня послала за вами. Понимаешь, тетя Эля — она хорошая, но только недостаточно продвинутая. Ей и хочется, и колется, и маточка опустилась — боится против Дракулы идти. Вот и послала меня, чтобы следила за событиями, но чтобы сама ни во что не вмешивалась, не ввязывалась, не вклеивалась, не ввинчивалась, не втрескивалась, не вбухивалась и не вяпывалась. Но только не по душе мне это, чтоб и рыбку съесть, и удовольствия не получить. Что же я, должна спокойно наблюдать со стороны, как Дракула вас слопают?

— Отсосет он, а не слопают! — нахмурился майор.

— Вот-вот, сначала отсосет все соки, а потом закусит.

— Предположим, все же выкусит. Майора Хрякова знаешь сколько гаденышей слопать пыталось? Так что, глядишь, и этого на диету посажу. Передачками питаться или землю жрать.

— Вот и я, как тебя увидела в нашем центре, то же самое подумала! — горячо подхватила Люська. — Думаю — а вдруг не слопают? А вдруг получится его одолеть?.. Кстати, а вон и наши.

Действительно, два скелета на экране дружно держались рядышком, и черепушки поглядывали одна на другую с искренним участием к ущемленным и обиженным. Отличить их тоже не составляло труда, так как лейтенантша Шуляткина в рентгеновском изображении представляла как бы длинную прямую кишку, и методом исключения широкие тазовые кости оставались на долю лейтенантши Голопупенко.

А потом зажегся свет. Оркестр заиграл мазурку в честь присутствующих в зале мазуриков, кого-то еще из

конкурсанток утешительно отсеяли, а оставшихся вызвали на сцену для раздачи слонов. Василий подумал, что такой тяжести никакие доски и заклинания точно не выдержат. Но, к счастью, нужного количества слонов в Рязани не нашлось. Их заменили надувными, к которым прилагались букеты цветов — почему-то пластмассовых и как будто накуроченных из кладбищенских венков.

Начали вручать призы побочных спонсоров — домкультуровские грамоты для малограмотных, комплекты лифчиков производства лифтостроительного завода и несколько иномарок от клуба филателистов. Вручались и призы зрительских симпатий — ключи от квартир, принадлежащих симпатизирующим зрителям.

А когда дошла очередь до главных наград и все претендентки уже мазали себе слюной под глазами, чтобы изображать счастливое изумление, негритянка лукаво ухмыльнулась, выдержала эффектную предынфарктную паузу и объявила, что победила дружба. Конкурсантки бурно захлопали ошарашенными глазами и начали агрессивно озираться, где же эта незнакомая стерва? Вертлявая телевизионщица, даже не прикрыв своих телоканалов, тут же метнулась к жюри брать интервью. Но о его содержании оставалось гадать с сурдопереводом, потому что и члены жюри лишь ошеломленно открывали рты.

Тогда негритянка невозмутимо пояснила, что профессору Тепешу понравились все участницы, и он всех их признает победительницами. Решение оказалось единогласным, так как жюри, облегченно вздохнув, принялось в один голос подтверждать то же самое. Все победительницы спешно подновляли высохшую слюну под глазами и в счастливом изумлении прижимали ладошки к щекам. А черная референтша продолжала, что в качестве главного приза они приглашаются участвовать во всемирно-историческом и всемирно-археологическом шоу, и могут хоть сейчас подписать контракты. Но только давиться, кусаться и топтать друг дружку при этом не нужно, так как бумаги много и на всех хватит.

Оркестр торжественно выдувал последнее пиво, зрители потянулись на выход из положения, на сцене началось всеобщее разбирательство «кто крайняя?», а директриса дома культуры сразу назначила себя ответственной и уже толкалась среди победительниц, оглушая их криками, чтобы кончали базар и не задерживали очередь.

— Ты смотри, что творят! — возмущенно ахнула Люська. Показала, как рядом со столом секретарши Мышкиной, к которой выстраивались осчастливленные красавицы, примостились подручные Дракулы. Поясняли каждой из них, что для приема на работу нужно сдать анализ крови. А вместо ватки просили прижимать проколотый пальчик к листу контракта рядом со своей подписью. Продублировать ее отпечатком на случай неразборчивости.

— Срочно предупреди своих, пусть не колются! А то мигом под влияние попадут! — теребила майора девчонка.

— Ага, значит — кровью повязать хотят? — понял Хряков. Он высунул из суфлерской будки собственную и попытался поймать пятки Марьяны.

Но она только захихикала: «Ой, хто це там щекочется?» — и подалась в сторону. Поэтому вместо нее Василий ухватил тонкую ногу лейтенантши Шуляткиной, испугавшись, что она может оторваться, как хвост ящерицы. К счастью, Шуляткина охотно нагнулась посмотреть, какие поклонники к ней уже лезут. Заинтригованно согласилась выйти в коридор, и майор с облегчением услышал голос Марьяны:

— Мы ось за цей гражданочкой стоимо, шо з родынкoй, зараз вернемось...

Они встретились возле декораций, куда выскочили распаренные дамы, кокетливо прикрываясь букетами и грамотами. Но едва Шуляткина поняла, что ее намерены не поздравлять с победой, а лишить заслуженных победных лавров, она из изящного луча света превратилась в длинный оголенный провод, начавший шипеть и искрить всеми оголенностями. Заявила, что это ущемление ее самостоятельности и саморешательности, и даже тиран-муж не позволяет себе так ею распоряжаться. И вообще

она уже не маленькая даже без каблучков, как-нибудь сама решит, под чье влияние попадать. Глядя на нее, заколебалась и Марьяна, но Василий вовремя напомнил:

— А тебе, как разведчице, вообще не положено оставлять врагу отпечатков пальцев.

Но Шуляткина сделала вывод, что наконец-то получила шанс утратить амбиции соперницы, и переубедить ее оказалось уже невозможно:

— Ну а я у вас ни в службе, ни в дружбе не состою. Так что и нечего на меня давить. Счастливо оставаться, дорогая! И не расстраивайся, не всем же везет в этой жизни! — она победно удалилась, поставив в споре пятую точку и гордо виляя ее извилинами. Хряков предложил поискать лейтенанта, но Марьяна засомневалась, стоит ли ей идти неодетой, так как в коридорах могут быть сквозняки. Договорились встретиться на улице.

Позвав Люську, подслушивающую из-за декораций, майор двинулся на выход. Из кабинета директрисы доносились голоса с гаитянским акцентом. Подкравшись, они увидели, как под картиной «Бурлаки на „волгах“» развесила уши коммунистическая активистка Разорваева. А те же негры втолковывали ей, что являются представителями угнетенных народов и американский профессор их, конечно же, эксплуатирует. Упрашивали поехать с ними и научить, как правильно организовать классовую и внеклассную борьбу. Здесь же очутилась черная референтша и разворачивала перед активисткой самые блестящие от трудового пота перспективы угнетенного тела:

— С вами мы разрушим до основания весь мир насилия и построим наш, новый — проклятьем заклеянный мир голодных и рабов!

Василий с Люськой незаметно проскользнули мимо них в фойе, где оркестр собирал свои трубы, тарелки и прочую посуду. Оператор, жужжа камерой, снимал их с довольствия. А вертлявая телевизионщица с канала «Хрен-TV» уже привела себя в допустимый для показа вид и брала интервью у одной из победительниц, то есть у самой себя. В толпе счастливых мужей, поджидающих свои доли, четвертины и девяностопроцентные доли, око-

лачивался Шуляткин. Но на предупреждения Василия он лишь обреченно махнул рукой:

— Бесплезно. Скажет, что я тиран, солдафон, ущемляю ее самостоятельность и саморазвивательность и еще мешаю этому самому...

— Свободе личности и наличности, — ностальгически вздохнул Хряков, сразу вспомнив родной уют собственного семейного очага.

— Правильно! — удивленно вылупилсЯ лейтенант. — Видать, не зря о вас легенды ходят, будто вы все обо всех знаете!

Информационные агентства передают:

«...В Рязани под эгидой благотворительного фонда профессора Тепеша прошел конкурс красоты „Мисс Открытие“, призванный обеспечить дружбу и нерушимый союз красоты и науки. И действительно, победила дружба! О, это было нечто феноменальное! Такой дружбы, такой красоты и такой науки наверняка еще никто в глаза не видел! Господин Тепеш заявил, что конкурс был лишь предварительным этапом в ряду организуемых им торжеств. Вскоре в окрестностях Рязани, на месте открытия древнего алтаря, состоится финальное шоу. Но, как стало известно из неофициальных источников, к рязанским мероприятиям тоже начали проявлять интерес российские спецслужбы. Ну что ж, конечно, для тех, для кого нет ничего святого — ни долларов, ни евро, ни мирового общественного мнения...»

Глава 9. Седьмая дуля

За одного битого два года дают.

Русская народная мудрость

В ожидании Марьяны Люська задалась вопросом: пригодится ли в качестве улики пыль и паутина, которую они собрали под сценой? Василий пояснил, что в их рабо-

те пускать пыль не положено, и они стали помогать друг дружке отряхнуть прах со своих ног и выше ног. Очищая ее майку и джинсы, Хряков поинтересовался, почему современные девушки выставляют пупок наружу.

— А как, интересно, выставлять его вовнутрь? — удивилась Чучкина. — Кстати, ты можешь не стесняться и выколачивать посильнее, я ведь обожаю садо-мазо.

— А я и не стесняюсь. Просто руку зашиб об подкову в твоём кармане.

За этим глубокомысленным занятием их застала Марьяна, выплывшая, как грозовая туча, после утраты заслуженных лавров, укропов и петрушек победительницы. Девчонка чуть не оказалась в роли громоотвода:

— О так, Васыль! Налупы ей, шоб знала! А ну расскажуй, як ты с-пид аресту убигла? Дай-ко и я добавлю, покажу, як по сраци зимуют!

— Да ладно, она все равно несовершеннолетняя, и на нее амнистия распространяется, — разрядил ситуацию майор. — Пойдем лучше в гостиницу и подумаем, что же нам дальше делать.

— Я считаю так, — тут же встряла Люська. — Сначала надо будет поужинать. Потом почистить зубы. А потом лечь спать. За меня вы можете не беспокоиться, кровать там широкая, и я тоже помещусь, могу даже с краю. Вы, кстати, во сне не храпите? А то, например, Ирка из десятого «Л» так храпит, что ее даже байкеры на свои слеты не берут, потому что она им мотоциклы заглушает...

Но дослушать эту поучительную историю им не удалось, так как с противоположной стороны улицы вдруг окликнули:

— Марьяна!

— Ой, да то ж наши! — ахнула разведчица. — Капытан Гарбуз тай лейтенант Гимнюк! Ти, шо в Києви исчезлы! Эй, а вы звидкиль тут взялыся!

— А мы за тебе болилы! Иды ж до нас и дай тебе поздравиты, бо ты на том конкурси самой гарной була! Колы б по-честному, всих бы там победыла!

Василию их физиономии показались чем-то подозрительными. Он вообще не любил людей с зелеными лицами, тем более у одного было оторвано ухо, а у другого провалился нос. А Люська встревоженно запищала, что они не отбрасывают тень на плетень. Майор крикнул напарнице, чтоб поостереглась. Украинка остановилась, стала разбираться в мыслях: кого же ей остерегаться? Но двое сослуживцев с лицами укропного цвета умело спровоцировали:

— Ага, москали тебе нарочно засуживалы! А цей москальский майор с дивчинкой тоби помишалы, победу у тебе укралы!

Марьяна мгновенно перенастроила сбившиеся мысли в привычную сторону, пыхнула на Хрякова фунтом презрения и пудом гнева, решительно шагнула от него на дорогу, к землякам. А в следующее мгновение из-за угла вывернул длинный черный лимузин, в котором Василий успел разглядеть негров и коммунистическую активистку Разорваеву, протестующую против засилья иномарок. Машина тормознула, странные хмыри втокнули туда Марьяну, вскочили сами, и лимузин рванул во все покрышки.

Василий кинулся следом, но след до цели не долетел. Он побежал, вытаскивая маузер, а автомобиль, заметив оружие, резво увеличил скорость, и через заднее стекло ему показали кукиш. Майор прицелился, однако стрелять поостерегся, чтобы случайно не задеть прохожих толчком от отдачи. Да и фигу уже убрали в карман, так что попасть в нее вряд ли получилось бы.

На бегу он пробовал поймать тачку, но когда поймал, то оказалось, что бежать с тачкой еще труднее, и пришлось ее бросить. Лимузин давно скрылся с глаз долой и исчез за клубами пыли, поднятой Василием. Он уже думал, что все потеряно, как вдруг его догнал автобус, набитый вооруженными спецназовцами, и из него почему-то восторженно махала Люська. А командир, уравнив скорость, чтобы не отставать от несущегося Хрякова, доложил:

— Товарищ майор, по вашему приказанию...

Приказания Василий вроде бы не помнил, но это было дело поправимое. Прыгнув на ходу в гостеприимно распахнутую дверцу, он начал недостающее приказание отдавать:

— Давай вперед, за иномаркой черного цвета и бензинового запаха...

— Ага, знаю, — кивнул старший, — Ваша заместительница все сообщила.

Хряков вопросительно глянул на Люську, и та скромно пояснила:

— Я просто показала твое удостоверение и передала твой приказ.

Он сунулся в пустой карман, не находя там не то что удостоверения, а даже приличных слов. А девчонка, возвращая документ, важно хмыкнула:

— Ну я же все-таки ведьма!

Командир группы быстрого реагирования оказался старым знакомым Василия капитаном Горлохватом. Он год назад помогал Хрякову в операции по поиску клада, зарытого видеопиратами на необитаемом острове посреди Оки. Майор порадовался, что хоть в этом ему повезло и в трудную минуту нашелся такой надежный товарищ по оружию и безоружному мордобою. У капитана встреча тоже вызвала наплыв приятных воспоминаний:

— Эх, а сколько мы тогда с вами рыл своротили! Я своим и говорю — ну, орелики, если с майором Хряковым, то дело будет стоящее!

— Да у тебя и бойцы прежние? — оглянулся Василий на спецназовцев, узнавая знакомые маски.

— В основном — старая гвардия! Хотя есть и салаги, еще порохом не занюхивали.

Мимо мелькали вывески — «Обман валюты»... «Спербанк»... «Прячечная»...

— Не уйдут? — вглядывался в темноту майор.

— На таком лимузине и по такой дороге далеко не уйдут! — успокоил Горлохват и приказал шоферу: — Ну-ка поддай газу!

Шофер поддал, и присутствующие заткнули носы, проклиная изобретателей горохового супа. Вывески замелькали быстрее — «Овощи-хрюкты»... «Аресторан»... «Хазино»... Когда вылетели на шоссе, впереди замаячил лимузин, старающийся оторваться по полной программе.

— Я же говорил — от нас не уйдут на своих ногах! — оживился капитан, засучивая рукава бронезиленита.

Расстояние сокращалось с каждым тудыть его в качель, и Хряков уже начал инструктировать бойцов, кого из находящихся в машине бить не нужно. Но едва они миновали старое кладбище, сбоку на дорогу высыпала группа каких-то бомжей с харями синдромного цвета. А когда их попытались объехать на кривой, один решил поиграть в камикадзе и сиганул прямо на капот, размазавшись словом ливера по ветровому стеклу и забрызгав его пятнами ветрянки. Шофер тормознул, сияясь запустить дворники, а странные психи уже лезли со всех сторон в психическую атаку.

— Засада! — догадался Хряков, и, гремя огнем, сверкая блеском стали, спецназовцы посыпались наружу.

Пошла классическая месиловка, мочиловка и молотиловка. Первых нападающих автоматные очереди разнесли в клочки по закоулочкам, и из закоулочков завоняло еще и похлеще, чем от горохового супа. Но за ними угрожающе надвигались следующие, поэтому схватка перешла в рукопашную, ногопашную, а местами и носопашную, когда получившие свое враги пахали носами асфальт. Горлохват, прикладывая прикладом очередного противника, очень удивился:

— Да это же Валет, которого в прошлой разборке пришили! — а когда вломил по первое ребро следующему, отметил: — А вот и Дырявый, которого Валет пришил! Ну ничего, у нас-то понадежнее получится!

— Это зомби, зомби! — старалась объяснить Люська.

Впрочем, спецназовцам не было особой разницы, кого метелить. Они лихо демонстрировали приемы боевого и трудового самбо. Как на показухе, перешибали пополам подставленные мослы, мочили кулаками так, что вылета-

ли моченые глазные яблоки, и ударами ботинок проламывали грудные клетки, выпуская на волю томящихся там червей.

Хряков расстрелял всю обойму и охаживал врагов маузером по сопаткам, периодически отчищая с рукоятки налипшие сопатки. А Люська путалась под ногами у обеих сторон, как правой, так и левой. Она пробовала колдовать, но ее заклинания заклинило, талисманы лезущую нечисть тоже не останавливали, и сработала из них только подкова, которой она огрела ближайшего зомби по лысине.

Откуда-то из-за темных лесов на гром побоища начали слетаться вороны. Заранее рассаживались на ветвях и авторитетно обсуждали между собой методики диетического питания — дескать, лучше триста лет питаться падалью, чем один раз напиться. Нечисть пыталась кусаться, ломая зубы о бронежилеты. Протягивала руки к горлу, после чего протягивала ноги. Корчилась, отбрасывая коньки, на которых не умела кататься, и давала дуба, хоть мелкого, но до фига.

В какой-то момент Василий обнаружил, что отбивается спина к спине с неким полуразложившимся гражданином, и швырнул его через спину, отчего гражданин развалился на части, развалившие рикошетом еще двоих нападающих. Потом заметил, что в беде оказалась Люська. Она традиционным девичьим приемом шарахнула противника ногой по мужскому достоинству, но все это достоинство попросту отлетело, а он, словно и не замечая изменения пола, повалил ее на землю и подмял под себя, возбужденно оскалив пасть. Хряков вовремя подскочил и отбил у него охоту скалиться вместе с пастью. Но рубилка уже подходила к концу — спецназовцы вырубали последних нечистиков, а те, кому противников больше не хватило, по инерции ломали груды кирпичей, сложенных на обочине.

Участок шоссе напоминал анатомический театр юного зрителя, в репертуаре которого были представлены тела и ошметки в самом широком ассортименте.

— Салаги! Кишка тонка на спецназ-то лезть! — сплюнул Горлохват, отчищая с ботинка прилипшую кишку. — Ну что, подбирать будем?

— Ни в коем случае! — запротестовала Люська. — Это опасно!

— И то верно, потом кабину не отмоешь. Тогда по машинам!

Пробуксовав колесами по зловонному месиву, они понеслись дальше.

— Ну что, маленько размялись? — задорно подмигнул капитан своим бойцам. По их дружному разгоряченному реву стало ясно, что похитителям, если получится их догнать, смогут позавидовать только самые тупые любители острых ощущений. Люська среди спецназовцев была уже совсем за свою и оказывала квалифицированную медицинскую помощь, заговаривая ссадины от трупного яда, столбняка, бешенства и гусарского насморка. Шофер выжимал из машины все соки, и Василий всматривался вперед:

— Наверное, далеко оторвались!

— Ничего, поймаем, я им еще не то оторву! — пообещал Горлохват. — Деваться им все равно некуда. Посты по трассе оповещены, а поворот здесь подходящий только один — как раз к лагерю археологов.

Но шофер начал проявлять беспокойство, потому что нужный поворот как сквозь шоссе провалился. А в дополнение и рации совсем отбились от рук. Вступать в связь с патрульно-постовой службой отказывались и на все вызовы вызывающим хором насвистывали легкомысленные песенки.

— Проскочил небось! Салага, тебе не баранку, а барану хвост крутить! — буркнул капитан, разглядев впереди несанкционированное на карте скопище домов. — Айда к населенному пункту, у населения спросим!

А когда подъехали поближе, у них аж маски на лоб полезли. Потому что перед ними на чистом русском дорожном знаке было написано: «Рязань».

— Может, эти гады во время драки машину нам вернули? — предположил Хряков.

— Да нет, — уверенно отверг шофер. — Махались-то возле самого города, а потом еще сколько от города отмахали?

— Опять та же самая дурацкая история! — удрученно махнул Горлохват.

— Какая еще история?

— А еще до вашего приезда. Как сообщили нам из Москвы, чтоб поинтересовались археологами, мы уже пробовали в ихний лагерь проехать. По карте всего километров тридцать, а мы тряслись два часа. И тоже вроде никуда не сворачивали, а приехали обратно.

И тут девочка Люська выругалась так, что у автоматов покраснели мушки.

— Все понятно. Просто этот козел дороги заблокировал!

Дальнейшие розыскные мероприятия ничего путного разыскать так и не смогли. Сориентировавшись, что опять очутились рядом с кладбищем, поехали туда. Однако никаких трупов и даже трупных пятен там уже не обнаружилось. Покрытие было совершенно чистым, словно его успели подтереть туалетной бумагой. И лишь располовиненные кирпичи и обожравшиеся вороны, с сытой отрывжкой улетающие в свои леса, обозначали место недавней баталии. А когда вернулись в город и запросили посты ГИБДД, не замечали ли они какой-нибудь нечисти, то выяснилось, что постовые видели только зеленых чертей. Но этих чертей они хорошо знали и готовы были ругаться за их полную благонадежность.

Информационные агентства передают:

«...В окрестностях Рязани прошла какая-то секретная операция российских спецслужб. Подробности пока не сообщаются. Но очевидцы слышали сильную стрельбу в районе кладбища, видели возвращавшихся спецназовцев, причем некоторые из них были перевязаны. Вполне можно предположить, что это — очередная провокация, направленная против гостя нашей страны профессора Тепеша и мировой науки, которую он представляет...»

Глава 10. Там, где пехота не пройдет...

Напугал ежа голой правдой!
Русская народная мудрость

После потасовки с зомби костюм Хрякова приобрел вид половой, а то и бесполой тряпки, и Горлохват выделил ему комплект камуфляжной формы из своих запасов. Люська тут же заявила, что в форме он выглядит даже более мужественно, чем Вовка из одиннадцатого «М», по которому все девчонки сохнут и от усушки вес сбрасывают. Заинтересовалась, почему этот цвет считается защитным.

— Потому что он позволяет замаскироваться в строю людей, одетых в такую же форму, — объяснил Василий.

Сама для себя она попыталась выклянчить бронези-лет, чтобы выглядеть настоящим бронеподроском, но для нее не нашлось подходящего размера. Капитан подбросил их на верхнюю ступеньку гостиницы и распрощался до утра, пожелав приятных и полезных сновидений с самым крутым мордобоем. К счастью, бдительный администратор уже смотрел свои сны, и в них Люське удалось без вопросов сойти за супругу Фейс, а ее подкове — за обручальное кольцо.

В номере все осталось по-прежнему — продукты на столе, набедренное полотенце со следами оружейной смазки, наручники и засохшие от несчастной любви мухи — видать, переусердствовавшие с усушкой и сбрасыванием веса. Не было теперь в номере только Марьяны... Василий закурил и ушел в себя. Но там было слишком тоскливо, и он вернулся обратно. Зато Люська теперь чувствовала себя полноправной хозяйкой. Непринужденно скинула кроссовки, по степени потрепанности напоминающие крысовки, и расстегнула джинсики, позволяя им рухнуть под тяжестью собственных карманов. Деловито уточнила:

— Я люблю без ничего спать. А ты?

— Нет, я без ничего не люблю. Я люблю с кроватью, простыней, подушкой и одеялом.

Она согласилась, что это тоже неплохо, и начала разбирать постель на составные части:

— Кстати, голых мужчин я уже много раз видела, так что ты можешь не стесняться и раздеваться, я с удовольствием посмотрю еще.

Хряков скептически покосился на ее тактико-технические характеристики:

— Да понимаешь, я вообще-то не педофил. Между прочим, статья такая есть — связь с лицом, не достигшим совершеннолетия.

— Так зачем же обязательно с лицом? — удивилась Люська. — С другими местами гораздо приятнее. И ко всему прочему, я тоже не педофилка. Не люблю с педагогами, уж больно они нудные...

Она повертелась перед зеркалом, стараясь посильнее выпятить бугорки под майкой, и подседа к нему за стол, чтобы с близкого расстояния он тоже смог их разглядеть. Василий вспомнил, что надо бы замочить червячка:

— Только боюсь, как бы колбаса и сосиски не испортились.

— Ничего, я умею снимать порчу, — успокоила девчонка и принялась сосредоточенно болтать заклинания голыми ногами. Когда майор налил себе стакан водки, она небрежно бросила:

— Мне половинку! А то вон Юлька из девятого «Е» как-то целый стакан выпила, и у нее на следующий день голова болела. Ну и правильно, зачем же головой бутылки бить?

Правда, с выпивкой у них получилось все наоборот — Василий опрокинул в себя стакан и начал по привычке занюхивать рукавом, а девчонка с понтом понюхала водку и шустро взялась закусывать. Но сосиска снова навела ее на нескромные ассоциации:

— Знаешь, у нас некоторые девчонки оральный секс предпочитают — недавно так орала, что полиция прибежала. А я вот еще не совсем определилась, но наверное,

больше садо-мазо люблю. Просто обожаю учителей доводить, чтобы они на стенки лезли и на меня бросались. А твоя жена в какой позиции получает наибольшее удовлетворение?

— Когда стоит руки в боки и воспитывает мужа.

— Да? Я так еще не пробовала. Расскажи поподробнее.

— Да ну тебя, и без того тошно! — отмахнулся Хряков. — Я вот переживаю, как же у нас Марьянку-то увели!

— Вообще-то она репеллентом от вампиров брызгалась, так что пока ее жизнь вне опасности, — рассудила Люська и заверила, что всеми силами постарается заменить ему напарницу: — В принципе, у меня все то же самое есть, кроме желто-голубого лифчика и пистолета в трусах. Но ночью можно и без них обойтись, а завтра что-нибудь придумаем.

— Да, днем, глядишь, и получится туда проехать.

— Это вряд ли, — утешила девчонка. — Если уж Дракула дороги заколдовал, то теперь ему хоть хрен на голове чеши.

— А ты не умеешь такие штуки расколдовывать?

— Ты что, серьезно обо мне такого мнения? — польщенно заулыбалась она. — Да нет, куда мне! Я против Дракулы — это все равно что наша физичка против Эйнштейна. Чтобы с ним тягаться, посильнее моего специалист нужен.

— Вот то-то и оно! — сник майор. — А где ж его взять, этого специалиста, если даже твоя тетушка на нейтральной полосе окопалась?

— Да если честно, специалист-то есть. Ведь тут, под Рязанью, бабушка Ганна живет...

— Твоя бабушка?

— Не родная. Тетя моей тети. Но она-то будет посильнее и тети Эли, да и всех наших, вместе взятых.

— Так в чем же дело? Отведешь к ней?

— Тебя-то я, конечно, отвела бы. Она меня любит, вряд ли откажет. Но только живет она как раз неподалеку от тех же самых раскопок! Все говорила, что там места уж очень привольные, магические.

— Значит, и к ней тоже не попадешь? Ну и ситуевина! Какая-то замкнутая задница получается! Слушай, а мы же сегодня видели, как вороны и туда, и сюда свободно летали?

— Так это птицы! — попробовала растолковать Люська. — А заморочки на людей рассчитаны. Животных-то как можно заморочить, если они не умом, а инстинктом ориентируются? Вот, допустим, кошки, они же с любого расстояния свой дом находят... — она вдруг осеклась, помолчала и радостно запрыгала на стуле, словно один из тараканов наконец-то догадался залезть ей в трусишки. — Придумала! Я полечу к бабушке Ганне и скажу, чтобы прислала за тобой своего кота!

— Как это — полетишь? — Хряков с подозрением глянул на ее стакан. Но водки там вроде бы вообще не убавилось, а говорила она настолько серьезно, что даже забыла про свои домогательства.

— Как-как, на метелке! Я ведь все-таки ведьма. Нужное средство у меня есть. Ну а бабушкин кот тебя через любые заморочки проведет, уж он-то с направления не собьется.

— Погоди-погоди, — Василий почувствовал, что переварить весь пакет предложений он, пожалуй, не в состоянии. — Если ты действительно сумеешь туда попасть, так может, проще сделаем, без котов? Пусть твоя бабуля снимет эти самые блокировки, а мы и нагрянем со спецназом?

— Ладно, я спрошу. А если и у нее не получится, тогда остается кот.

— И когда ты смогла бы... э-э-э, вылететь?

Люська с тоской посмотрела на распахнутую кровать, на так и не распахнувшиеся брюки Хрякова, и очень похоже, что ее тянуло соврать. Но то ли чувство долга взяло верх над основным инстинктом, то ли она решила, что путь к сердцу майора правильнее искать через служебные интересы. Поэтому грустно вздохнула:

— Если лететь, то лучше сейчас. А то после третьих пехухов стартовое время кончится. Только ты поищи какой-нибудь подходящий транспорт — швабру, метлу, щетку...

Василий потыкался по гостинице и на всякий случай прихватил из закутка уборщицы все имевшиеся там орудия труда вместе с ведрами и тряпками. А когда вернулся, Люська расхаживала по номеру уже в натуральном трудно-воспитуемом виде и авторитетно начала давать указания:

— Ты потом прихвати мои вещи. А то нам полагается летать в чем мама родила...

Обследовав средства передвижения, она выбрала одну швабру:

— У этой древко почище и заноз нет. Мне же верхом на ней ехать — и ходи потом по поликлиникам! А на венике летать интересно, но очень уж щекотно...

— Послушай, а как же ты через эти блокировки проскочишь?

— Так я же не в пространстве, а в астрале полечу, там я разрешенный коридор всегда найду! Теоретически могла бы и тебя прихватить, но боюсь, расшибемся, взлетный вес слишком большой.

Хряков заподозрил, что весь сюжет с ведьминым полетом затеян в качестве очередных заигрываний. Уж больно нахально она выставляла причинно-следственные места и елозила по древку, проверяя удобство швабры. Майор демонстративно отвернулся к окну, закурил и занялся изучением мушиных останков. А Люська, натирая свою юную сущность мазями из карманных складов, улеглась на кровать и принялась томно постанывать, явно стараясь привлечь внимание. Поняв, что это не действует, сменила тактику и попросила натереть ей спинку:

— Я же сама там не достану.

Василий неуверенно повозил снадобьем по хребту и пересчитал ребра.

— Ага, хорошо! А теперь пониже!

— Что, и там надо?

— А как же! Не подмажешь — не поедешь.

У Хрякова возникло желание крепенько отшлепать то, что ему подставляли. Остановило лишь нежелание выслушивать очередные рассуждения насчет садо-мазо. Но ко-

гда Люська снова попыталась симулировать сладкие стоны, майор не выдержал:

— Так ты чего, летать собралась или улетать? Давай-ка или переходи от тела к делу, или можешь заниматься своим колдунизмом одна, а я ложусь спать. Тоже один.

Угроза подействовала, и Люська мигом завершила свою бодиартподготовку. Как заправский джигит, оседлала швабру, уже без всяких намеков на флирт помахала Хрякову ручкой, а потом вдруг взвихрилась в воздух и каким-то непостижимым образом вылетела в форточку...

* * *

Утро выдалось еще мудренее вечера. События разворачивались то к лесу передом, к добрым молодцам задом, то, наоборот, к добрым молодцам задом, к лесу передом. На донесение майора, посланное на три буквы ФСБ, пришла директива с автографом генерала Свистоплясова, в которой Хрякову передавалось руководство совместной операцией и привет от буфетчицы Фроси. В его распоряжение выделялись все местные силы правопорядка и его слабости.

Василий, назначив капитана Горлохвата своим заместителем на случай пребывания в туалете, развил бурную деятельность. Позвонил, чтобы ему прислали вертолет. Потом начали прибывать контингенты из полиции, которым пообещали по-фронтовому засчитать день за три. Местное начальство прислало всех, кого смогло, — участковых, автоинспекторов, сотрудниц отдела по защите от несовершеннолетних, паспортисток, секретарш. Собрав всех подчиненных, майор пересчитал, сколько у него штыков, сабель и пилоч для ногтей, поставил перед каждым задачу и несколько примеров, и проинструктировал, чтобы в случае чего брали живыми или наличными.

В полдень на площади перед домом культуры «Монтажник» собиралась в путь-дорогу вся толпа, навербованная профессором Тепешем или примазавшаяся к нему. Стояли несколько автобусов, и в них набивались вчераш-

ние победительницы конкурса, давясь, ругаясь, застревая в дверях и требуя уступать места людям старшего и младшего возраста. Беременные просили пропускать их вперед, а им остроумно отвечали, что эдак и каждая может отовариться и без очереди лезть. Директриса дома культуры, назначившая себя старшей, орала, чтобы кончали базар и не задерживали посадку. И только представитель мэрии помалкивал в тряпочку, которой вытирал пот.

За автобусами приткнулась машина телевизионщиков. Вертлявая ведущая брала в продуктовой палатке интервью на дорожку, а оператор, жужжа камерой, снимал пенки с местного пива. В отдельном микроавтобусе ехала группа «Довлеющий рок». Бригада подтанцовок, засучив рукава лифчиков и штанишек, дружно грузила туда аппаратуру и пребывающих в отключке музыкантов. А во главе колонны стоял лимузин. До боли знакомый Хрякову. Тот самый, который вчера обставил их, как молчащих ягнят, а теперь поджидающий руководство. Оно околачивалось рядом и тащилось от собственной значимости.

Профессор Афедронов рассуждал, что он, как культурный и цивилизованный ученый, доволен столь четкой организацией. Доцент Гугина изучала себя в автомобильном зеркале, тщательно припудривала мешки под глазами для пушшего молодого энтузиазма и горячо доказывала, что с точки зрения диалектики ее шеф, едущий на переднем сиденье головной машины, будет как бы вести за собой весь коллектив к новым свершениям. А секретарша Мышкина считала всех по головам и заменяющим их предметам, уточняя по своим записям порядок следования. В непривычной обстановке она жутко комплексовала и украдкой уточняла у шоферов, правильно ли она взяла с собой столько вещей, или подставку от фикуса лучше выложить.

На тротуаре толпились зеваки, которые по каким-то причинам не выспались. Многих красавиц провожали мужья, родители, дети и внуки, давали им последние наставления хорошо кушать, не шалить и слушаться старших.

Кое-где происходили душераздирающие сцены прощания. Одна дама изо всех сил лупила благоверного скалкой в качестве предоплаты за похождения в ее отсутствие. Другую ее муж силой запихивал в автобус, поучая, что от нее не убудет, а деньги за участие в шоу в доме очень даже пригодятся.

А у соседнего автобуса лейтенант Шуляткин на коленях умолял супругу одуматься и не бросать его на произвол обстоятельств и местоимений. Но жена возвышалась над ним, как луч света в темном царстве, размышляющий, как бы преломиться и втиснуться в салон. Перешагнув через падшего мужа, вразумила его, что она уже не девочка, имеет право хоть на какую-то самостоятельность и самодостаточность. А он всю жизнь слишком мало ее ценил, судя по размерам полочки, и низводил до уровня домашней прислуги, обязанной каждый день смотреть, как он моет полы и стирает белье. Поэтому Шуляткин может не беспокоиться, на развод она подаст сама, когда найдет своему лучу царство посветлее и переформирует жилплощадь.

По первому варианту операции предполагалось попытаться выманить Дракулу в город, задержав здесь его подопечных. В скверике разместились засада спецназовцев, замаскировавшихся под детишек, играющих в войнушку. А чтобы обеспечить эту самую задержку, Хряков выслал на площадь инспекторов ГИБДД, которые начали цепляться к техническому состоянию машин, изучать права водителей на самоопределение и требовать дышать в трубочки выхлопными газами. Но им предъявили справки об уплате взяток самым высокопоставленным чиновникам, и они вынуждены были удалиться, взяв под козырек по тысяче.

— Тьфу, салаги! Небось не знают, с какого конца автомат в задницу засовывают! — ругнулся Горлохвват. Однако более решительные действия майор ему пока запретил во избежание ненужных жертв — потому что нужные жертвы так и не показались. Колонна двинулась с места в карьеру — лимузин с учеными, автобусы с неучеными, музы-

канты, телевизионщики, а в хвосте пристроилась и передвижная станция переливания крови, за которой бежали все, кто не успел заработать свои кровные.

— У меня аж руки чешутся! — застонал вслед капитан, и Хряков дал ему таблетку «Супрастина». Теперь он ввел в действие план «Перемат». Несколько полицейских машин двинулись за колонной, стараясь не упускать ее из поля внимания и вынимания, а вертолет должен был прикрывать их сверху на случай дождя. Спецназовцы остались в резерве и, разложив автоматы, тренировались в неполной разборке друг с другом. Вся операция проводилась в режиме строгого радиомолчания, так как радио опять почему-то замолчало и работать не хотело.

Однако результаты снова оказались нулевыми без палочки. Первым вернулся вертолет — едва он миновал городскую черту оседлости и очутился над лесом, как что-то случилось с навигационными приборами, и он потерял сексуальную ориентацию. А через какое-то время возвратилась ни с чем и наземная бригада слежения. Доложили, что добросовестно не спускали глаз с объекта, но только их вдруг отвлекло непонятного вида лохматое существо с жезлом регулировщика. Пока возмущенные сотрудники ГИБДД доставали свои жезлы и мигалки, чтобы уличить его в самозванстве, существо резво исчезло в кустах. Колонна тоже успела куда-то исчезнуть. Полиция попыталась ее догнать, но заехала совсем не в ту степь, хотя никакой степи под Рязанью отродясь не бывало и быть не могло...

* * *

Василий возвращался в гостиницу разбитым и морально, и аморально. Все складывалось ни в пиджак, ни в Красную армию. Задница, в которой он очутился, продолжала углубляться и углупляться. Опять противник оставил его с носом и разносом от начальства, и в довершение всех бед даже этот разнос не удалось как следует разобрать из-за плохой слышимости. Видимо, глюкнул мобильник — при попытках перезвонить трубка отвечала

явными глюками. Сперва издевалась: «Абонент временно недоволен», потом перешла на «Осторожно, двери закрываются, следующая станция „Лубянка“». Наконец в трубке что-то мерзко захихикало, и она вышла из строя без решения.

Из машины Хряков попросил его высадить, решил пройтись, хоть проветриться вечерним воздухом от дневных безобразий. очередной раз попытался реанимировать мобильник и вроде бы уловил звон. Но оказалось, что телефон все-таки сдох, уже окоченел. А звонил колокол. Неподалеку майор увидел храм, оттуда потянулись старушки с вечерней службы. О религии Василий до сих пор как-то не особо задумывался, за исключением исламского экстремизма, похищенных икон и прочих явлений, с которыми приходилось сталкиваться по службе. Все его знания в данной области исчерпывались информацией от жены, щедро делившейся содержимым телепередач и бесед с подругами. О пасхальных куличах, знаках зодиака, реинкарнации, крещенских купаниях, харе-кришне и тантра-йоге, перемешанных между собой. От родителей слышал, что они его окрестили тайком от бабушки-чекиста. Но дедушка не был бы чекистом, если бы не узнал, отругал их за плохую конспирацию, однако поступок одобрил, глубокомысленно заметив: «Мало ли что?».

Сейчас Василий почему-то вспомнил его слова. Сейчас-то как раз было «мало ли что». Он чувствовал, что совсем запутался в этой чертовщине — и где он мог найти поддержку, правильный совет? Хряков решительно шагнул в храм. Служба завершилась, но священник оказался занят. Перед ним оказалась целая толпа — видимо, таких же, как майор, нуждающихся в душевных советах. Василий присел в сторонке на лавочку, подождать, когда он освободится. Но заметил вдруг среди собравшихся Шульткина, другого супруга, побитого скалкой, нескольких железнодорожников, переживающих за Клавку-Пакгауз, детишек, ноющих про уехавшую тетю Таню. При внимательном изучении Василий определил, что и все ос-

тальные имеют близкое отношение к увезенным конкурсанткам. А молодежавый батюшка в модном подряснике от Юдашкина проникновенно втолковывал им:

— Нет, ну что вы! Не слушайте всяких фанатиков и не беспокойтесь. Времена сейчас другие, не какой-нибудь «Домострой». Человеческое естество — от Бога, почему бы и не показать его? Вы же знаете, что такие вещи давно уже благословляют и папа римский, и греческий патриарх, лютеранские епископши в подобных шоу сами участвуют, а вера-то у нас одна. Да, у нас еще есть некоторые священнослужители, упорствующие в старых заблуждениях. Но надо ведь разделять веру от предрассудков! А вот осуждать — большой грех! И подозревать — грех! Недавно многие прихожане тоже сомневались и опасались, можно ли сдавать кровь... ха-ха-ха... иностранному профессору? А что получилось? И вчера, и сегодня у нас рекордные пожертвования! Вот вам и иностранный профессор, а помог благому делу! Давайте-ка лучше помолимся о ваших близких, о их начальствующих и успехе их предприятия! Только вы купите свечки, пока лавка еще не закрылась...

Желание советоваться у Хрякова почему-то испарилось. Он повернулся на выход. В свечной лавке возле дверей бабулька и в самом деле собиралась закрываться, убирала товары. Но Василий неожиданно сам для себя остановился возле нее:

— У вас можно крестик купить?

— Золотой, с камушками? — сразу оживилась она. — Или серебряный? А цепочку какую?

Майор ее явно разочаровал:

— Да нет. Мне самый простой, самый обычный. И шнурочек.

* * *

В вестибюле гостиницы Хрякова встретил администратор. Невзирая на свою старую закалку, он был переполошен до такой степени, что Василий решил — или отель захватили какие-нибудь новые зомби, или наконец-то нагрянула комиссия из санэпидемстанции. Но администра-

тор, задыхаясь от справедливого негодования, принялся рассказывать о злодейском похищении всех ведер и метелок уборщицы. Утром он видел, как за Хряковым заезжал Горлохват, и специально ждал майора, считая, что он-то сумеет принять должные меры. Василий был совсем измучен, но согласился провести расследование, если администрация окажет ему необходимое содействие — даст горячую воду, починит унитаз и отвяжется на фиг до лучших времен.

Но перед дверью своего номера он вдруг обнаружил, что и здесь его поджидают. Кот. Обычный беспородный котяра. Он внимательно оглядел майора и, кажется, остался доволен первым впечатлением. Учтиво мякнул, потершись в ногах, лапкой с коготками зацепил штанину и потянул, как бы приглашая следовать за собой. Тут уж сомневаться не приходилось: если его планы пошли под хвост каким-нибудь родственникам необычного гостя, то Люськин вполне удался.

Окрыленный новыми надеждами, он попросил кота минутку обождать, и тот понимающе кивнул, занявшись собственным вылизыванием. Хряков запихнул в сумку разбросанную одежду девчонки вперемежку с ее баночками и талисманами. Сунул туда же запасные обоймы с запасной бутылкой. Хотел кинуть и несъеденный бутерброд, но, поразмыслив, завернул его в обрывок газеты, чтоб Люськины трусы с бутербродом не пачкали друг дружку.

На радостях он даже выполнил обещание администратору и по горячим следам брызнувшей из крана горячей воды отыскал большую часть похищенного инвентаря в своей ванной. Тот захлебнулся восхищением от такого высокого профессионализма, обещал в знак признательности больше не спрашивать обручальных колец. Но Хряков с очень искренней скромностью заверил его, что дело не стоит благодарности. А когда администратор умиленно понес ведра и метелки в осиротевший без них чулан, Василий воспользовался телефоном в его кабинете. Попытался дозвониться до Шуляткина, но мобильный и домашний не отвечали, как партизаны на допросе. А дежурный по

местному управлению сообщил, что лейтенант взял двухнедельный загул по семейным обстоятельствам.

Хряков набрал номер Горлохвата, и капитан, к счастью, отозвался. Василий рассказал, что планы несколько изменились и он попытается пробраться в леса один. Кот, отиравшийся рядом, при этом недовольно фыркнул, и майор деликатно поправился:

— То есть, в смысле, не один, а с... одним надежным провожатым. Передай эту информацию полковнику Ломовому, и ждите от меня известий.

Повесив трубку, Василий нагнулся и почесал за ухом своего связного:

— Все, приятель, я готов!

Потом, немного подумав, взял со стола администратора пустой конверт, написал и запечатал заявление: «Если не вернусь, прошу считать меня беспартийным».

Информационные агентства передают:

«...Подтвердились предположения, что действия силовых структур в Рязани нацелены против известного американского ученого господина Тепеша, так много сделавшего для города и для всей отечественной и мировой науки! Сегодня, когда колонна машин с участниками предстоящего шоу направилась в расположение археологического лагеря, за ней была устроена наглая слежка...»

Глава 11. Игра в четыре лапы

Чем дальше влез, тем больше дрожь.

Русская народная мудрость

Шумел камыш. Деревья гнулись. А ночка темная была. Они отмахали километров десять, и на полянке Василий решил сделать перекур. Подумал, как бы окликнуть кота, бежавшего впереди, но едва остановился, тот тоже вернулся и уселся поближе на случай, если его захотят погладить.

— Ишь ты, какой умный! — похвалил майор. — Вот еще знать бы, как тебя зовут...

— Тезки будем, — ответил котяра.

За последние дни Хряков уже зарекся чему-либо удивляться, но тут все же не удержался:

— Ух! Вот не знал, что коты разговаривают!

— Ну и что тут такого особенного? По-моему, законом это не возбраняется, — с нотками обиды хмыкнул Васька.

— Да нет, я ничего, — сгладил бестактность майор. — Просто ни разу не слышал.

— Ну мало ли! Может, мы просто такие уж неразговорчивые.

— А-а, понятно. А почему, если не секрет?

— Так чего ж зря балаболить? Язык, между прочим, — это средство передачи информации, а не жужжания в ушах.

— Но ведь бывают, наверное, и ситуации, когда это имело бы смысл?

— А вы что, стали бы нас слушать? — иронически прищурился Васька. — По-моему, вы и друг дружку почти не слушаете. И вообще, тут песню ночью запоешь, и то недовольны, вот и прикинь, как люди стали бы относиться к котам, которые лезут со своим мнением?

Хряков вынужден был согласиться с его правотой.

— А сейчас, получается, ты имел важную причину, чтобы заговорить?

— Ну разумеется. Сейчас как раз тот редкий случай, когда и коты могут выслушать с должным вниманием и уважением. Да и вообще, вдруг понадобится тебя предупредить об опасности, а ты вместо того, чтобы отреагировать, начнешь делать квадратные глаза и выяснять, разговаривают коты или нет? — он неодобрительно покосился на пачку сигарет в руках майора. — Кстати, а ты слышал, что натошак курить вредно? А я, между прочим, со вчерашней ночи только водички из лужи похлебать успел...

— Да и я ведь тоже со всей этой суматохой пожрать забыл.

— Вот видишь, значит, могут коты и люди в трудную минуту найти общий язык. Конечно, я мог бы побегать, половить мышей, тут их хватает, но не знаю, насколько ты свободен от предрассудков по части питания.

— Нет, зачем же мышей? — понял намек Василий. — У меня вроде что-то еще было.

Отыскав последний фросин бутерброд, он хотел честно разломить его пополам, но кот его остановил:

— погоди. Ведь от перемены... этих самых... чего-то там не меняется? Так, может, лучше делить не на правую и левую половины, а на верхнюю и нижнюю?

В целях налаживания дальнейших контактов Хряков пошел навстречу пожеланиям трудящихся четвероногих и стал жевать хлеб, отдав коту колбасу. Газетную обертку хотел было выбросить, но решил не засорять природу и сунул в карман, вовремя вспомнив об отсутствии туалетной бумаги.

— М-м-м... А колбаска-то ничего, — проурчал набитым ртом Васька. — Не совсем свежая, но сорт определенно неплохой. Где брал такую?

— На работе дали.

— Эдак жить можно, когда на работе колбасу дают. Колбаса у вас приличная. А сама-то работа как, нравится?

— Как тебе сказать? Работа интересная. Во всяком случае, не соскучишься. Вот представь, всего пять дней назад я спокойно лежал на диване, смотрел телевизор и размышлял — стоит ли вызвать мастера починить звук, или не стоит, чтобы не слушать всякой ерунды и не нарушать душевный покой...

— М-м, вот это очень правильная мысль. А диван у тебя какой? Мягкий?

— Вполне. Как раз для душевного покоя. Но потом один телефонный звонок, и в результате я уже успел встретить двух старых друзей, нажить массу новых врагов, учинить международный скандал, познакомиться с домовыми, ведьмами, подраться с зомби, а теперь вот с котом ученым иду в гости к бабе Яге.

— Она больше любит, чтобы ее Ганной звали, — поправил Васька и смущенно потупился. — А я, если честно сказать, нигде и не учился. Даже писать толком не умею. Из простых мы...

Они отправились дальше. Иногда кот подсвечивал глазами ямы на тропинке и расспрашивал, правда ли, что на их брата собираются распространить подоходный налог и отбирать в казну 13 процентов позаимствованной у хозяев сметаны? Лес жил своей ночной жизнью. Где-то насвистывали соловьи-разбойники, вдали подвывали тамбовские волки. В другой стороне лоси наставляли друг друга рога и свинячили кабаны, а в терновнике пели на все лады поющие в терновнике. Хряков безуспешно пытался определить направление по звездам, вглядываясь в свои погоны. Но когда чиркнул зажигалкой, кот предупредил:

— Ты со светом-то поосторожней, а то и засветиться недолго.

— А разве тут поблизости кто-то есть?

— Людей нет. Но леса-то у нас — мещерские. Заповедные...

— Что, нечисть водится?

— Это с кем как. С одними водится, с другими нет. Но в город я, кстати, еле прошел. Так и шастанут! Причем не наши, не местные. Наших-то я знаю, и они меня знают. А эти — чужаки какие-то, и откуда только поналезли! Рогатые, дикие, такой цапнет — и мяу сказать не успеешь. Поначалу-то думал — чего тут особенного, в город и обратно смотаться? Если между нами, то я ведь туда частенько по кошкам бегаю. А вчера таких страхов натерпелся!..

— Сейчас-то не вяпаемся? Что-то я не соображу, куда мы идем...

— К лешему.

— Чего ругаешься?

— Нет, я в буквальном смысле. Он-то мне вчера по старой дружбе и помог добраться. Глядишь, и сейчас нас проведет. Да и вообще, я подумал, что тебе имеет смысл с ним повидаться, поразузнать о здешних делах. Он, леший-то, конечно, мужик с заскоками. В другое время и сам не

прочь покуражиться, заблудить да попугать посторонних, вроде тебя. Но только сейчас и ему не до шуток, — кот вдруг насторожился, сделал знак, и Василий метнулся за ним в кусты.

Едва залегли, как навстречу по тропинке протопали какие-то темные громадины. Впрочем, особой бдительностью они не отличались. Шумели, пытели, как сто китайцев, и с хрустом ломились сквозь елки и палки. А бедный Васька аж зажал лапками нос от нахлынувшей сортирной вони.

— Видал? Легки на помине! — фыркнул он, когда чудовища удалились. — Но здесь теперь еще и покруче встречаются...

Они забрались в самую чащу, и на прогалине, где шелестели могучие стоеросовые дубы и чурки неотесанные, увидели косматого, заросшего бородой верзилу в драной телогрейке, застегнутой не на ту сторону.

— Вот товарищ из Москвы прибыл, — важно представил кот и, выдержав многозначительную паузу, пояснил: — Из органов. Разобраться, значит, что в наших лесах творится.

— А вы... э-э-э... — неуверенно оглядел незнакомца Хряков.

— Да чаво уж, лешак я здешний! — тяжело вздохнул тот, а Васька принялся доверительным тоном подзуживать:

— Ты Расскажи, Расскажи, что мне вчера рассказывал...

— А чаво тутa рассказывать, сам бы и рассказал, — махнул Леший ручищей, похожей на разлапистую корягу.

— Я — животное частное, субъективное. А ты все же — должностное лицо, — настаивал кот и подмигнул майору, подсказывая нужный тон.

— Эх, да какое там должностное, когда уж и в своем лесу не хозяин!

— Как же так? — понял котячью подсказку майор и нахмурился построже: — А я всегда считал, что за должный порядок в лесу несет полную ответственность лесник... то есть леший.

— А разве ж я не нес? И порубщиков застращать, и туристов в болото завести разве ж когда ленился? Всегда на лучшем счету был! А теперича какой уж тут порядок с этими чужими?!

— Так зачем же вы их к себе пустили?

— Ладно, гражданин начальник, чаво уж теперь скрывать, пиши! Так и пиши прям в протокол! Не то што пустили, а сами ж себе энтих идолов на горб посадили! Поначалу-то ихние представители по-хорошему подъехали. Дескать, выгоним всех людей, перекроем дороги и проживем, ну прям как в сказке — ни тебе костров, ни загрязнения среды, ни шума. А мы што ж? Мы — народ лесной, темный, ветки-то и развесили. А как спохватилися — уже и поздно. Поналезло каких-от троллей, гоблинов, оборотней, вурдалаков — мать мою в корень! Наглые, грубые, дурные, похлеще любых туристов. Орут, гадят на каждой поляне, деревья ломают без счета...

— Эх, дядя, — пожалел его Хряков. — Тебе годков-то сколько?

— Да уж тысяча сто семьдесят два стукнуло. С самим Ильей Муромцем встречался! Он меня лично соизволил палицей пожаловать по кумполу! И ведь так, понимаешь, задорно, так душевно, до сих пор вспомнить приятно. А от князь Олег Иваныча Рязанского благодарность получил с занесением в летопись — энтю за то, што татар заблудил. Нонче-то, конечно, почет и уважение не те стали. Да ить тож, ежели разобраться, жил не так уж и плохо. Вот в партию зеленых вступил кандидатом...

— Вот то-то и оно! Тысяча сто семьдесят два года прожил, кандидат в партию, а ума-то и не нажил! Разве можно верить всяким проходимцам?

— Да ить больно складно у них на словах выходило, — почесал он в косматых лохмах. — А теперича и не знаешь, куды лешаку податься? Какой уж тут почет, когды вообще за нелюдей не считают? Помыкают, как хотят, гоняют куды хотят! В болото лезть заставляют пиявок для их собирать — энтю с моим-то радикулитом! Я им про совесть заикнулся, дык ржут, окаянные — «рус Иван, знай свое ме-

сто!». И то легко еще отделался. Водяному вон морду набили, бесенят болотных пораспугали, мою лешачиху едва не насильничали — хорошо хоть науку старую не забыла, сумела глаза отвести, а заместо себя дерево с дуплом подсунула. Я уж ее с лесовухами к свояку отправил в Муромские леса, от греха подале. А самому, видать, пропадать придется...

— Ну вот еще! Здоровый дядя, а пропадать собираешься!

— Толку-то, што здоровый. А их свора цельная, как тута сладишь?

— В одиночку-то конечно. Но ты же сам про Водяного говорил, про свояка — а может, и другая родня имеется?..

— Родни как не быть! Леса-то все от одних корней разрастались. А в каждом лесу свой лешак обязан быть.

— Вот и покумекал бы с ними. Им ведь тоже нелегко придется, когда эти чужаки распозлаться начнут.

— Дык... ты пойми, начальник, уж больно силен он, энтот Дракула.

— Так ведь и Наполеон силен был. И Карл какой-то там по счету. Ну а остальных, кто там еще был за тысячу сто семьдесят два года, тебе лучше знать.

— Знаешь што, самому-то мне не с руки решать. Как бы опять не обмишуриться! Пойдем-ка к Водяному сходим, он где-то тут неподалеку околачивался. Токо ты ему про морду битую не упоминай. Гордый он, дык чево зазря евоную самолюбю травить...

— Чего ж, пойдём, — согласился майор. — А потом ты нас к дому бабы Ганны проводи, ладно?

По дороге он обратил внимание, что Леший становится то повыше ростом, то пониже, а когда проходили молодые посадки, вообще сравнялся с Василием.

— Энто у нас свойство такое, — пояснил он, — Рост, значитца, должен деревьям соответствовать.

Чувствовалась близость воды. Где-то на болоте глухари вели свое ток-шоу, из зарослей взлетали селезни с селезенками, а совсем неподалеку квакали квакеры. Когда выбрались на косогор над заросшей протокой, внизу на бе-

регу обозначилась фигура хмыря, несвежей спецовкой и засаленной кепкой смахивающего на водопроводчика. Рядом с ним белела в лунном свете сомнительного вида полуголая бабенка, ниже пояса задрапированная чем-то блестящим.

— Я к Водяному-то не пойду, мы сырости не любим, — неодобрительно шепнул кот. — В кустах подожду. А с русалкой ты поосторожней. У них, правда, брачный сезон прошел, сейчас они не агрессивные, но все-таки...

По мере приближения Водяной все больше напоминал водопроводчика — как распространяемым характерным запахом, так и характерными мучениями от жестокой похмельюги. Потасканная русалка с опухшей от нездорового образа жизни физиономией пыталась к нему ласться обвислыми телесами. Но ластилась скорее по обязанности — чтобы он имел возможность материть ее и хоть немножко разряжаться.

— Нинка, а куда ты одеколон дела, что на пляже нашли? — мрачно канючил он.

— Как куда? Сам же вчера и вылакал, даже мне не оставил.

— Вчера, вчера... Так и сегодня поискать надо. Может, хоть на пиво...

— Да ведь послали уже Ньюску с Наташкой. Но вряд ли много найдут, день-то будний...

— Здорово, соседюшко, — окликнул Леший, уменьшаясь до уровня прибрежных ракушек. — А я вот товарища привел, из Москвы к нам прислали.

Русалка-Нинка стыдливо ойкнула и плюхнулась в воду.

— Но ты, осторожнее! — рассердился Водяной, недовольно отряхиваясь. — Брызжешься, как морская корова!

— А вы, значит, Водяной будете? — Хряков уже освоился с необычным окружением и действовал вполне привычно.

— Был Водяной, да весь вышел, — сплюнул тот и отвернулся, чтобы не был замечен свежий фингал. — Теперь уж и не знаю, кто...

Из протоки, прислушиваясь к разговору, с любопытством вынырнула обвешанная водорослями русалкина голова. Потом она высунулась побольше, так что груди всплыли и заколыхались на поверхности двумя вздутыми пузырями, и начала хрипло кокетничать:

— А у вас, случаем, закурить не будет? А то мои все подмокли...

Василий оценил состояние обоих, и ключ к взаимопониманию нашелся сам собой:

— Вообще-то я искал, где бы поужинать. Да вот в чем беда — поллитра есть, а закуси нет...

— Ой, да это же мы мигом! Да вы располагайтесь, в ногах правды нет, — сразу засуетилась его собеседница и булькнула куда-то в глубину. Не успел Хряков развести костер, как она уже вытащила здоровенную рыбку.

— Если можно, еще одну. Мне для товарища, — попросил майор, и в кустах благодарно мрыкнуло.

— Да хоть десять! Для хорошего человека не жалко! — с готовностью нырнула она, словно радушная хозяйка, бегающая на кухню за добавкой.

А Водяной, тоже чрезвычайно оживившийся, даже не сделал ей замечания за новые фонтаны брызг и бочком передвинулся поближе. Правда, Хрякову и коту пришлось довольствоваться закуской. Впопыхах Василий забыл в гостинице стакан, а хозяева приложились из горла. Подцепить после них дизентерию или другую речную инфекцию майору как-то не улыбалось. Поэтому он сделал вид, будто ему вовсе и не хочется, а его собутыльники отнюдь не обиделись, что им больше достанется.

В целом же их история мало отличалась от злоключений Лешего. На радостях отпускающего синдрома Водяной ностальгически вспоминал прошлые времена, сотрудничество с речниками, соцсоревнование с рыбаками и удовольствия подглядывания за купальщицами.

— А недавно подослали ко мне какую-то Лорелею. Честь по чести уважила, коньячку привезла целый ящик, и давай меня просвещать — мол, и достоинство твое уни-

жают, права нарушают, всякое дерьмо да отходы во владения сбрасывают. И уж такие сладкие песни напевала, какое у нас благосостояние будет вместо нынешнего. А сама-то красивая, стерва, культурная, и глазами блазнит, и подливает да подливает...

— А ты и рад! — съязвила Нинка, но Водяной грозно зыркнул на нее, и она мгновенно осеклась.

— А что я сказала? То, что рад ты был культурному обхождению. Только все равно шлюха она, и больше ничего!

— То-то и оно, что ничего. Так и обошла своим обхождением. А как прочухался, то уже вроде и я не я, и река не моя.

— Это точно! Что хотят, то творят! — встряла возмущенная русалка. — Вот позавчера поплыла я на свой любимый плес. Уж такая луна хорошая была, ясная, теплая! Поваляюсь, думаю, позагораю, а то и обломится фраера какого залучить, пощекотать за стакашку. Так представляете — не пустили! Оказывается, там место уже ундинки ихние облюбовали! А меня гонят — мол, проваливай, здесь частная собственность, и всяким оборванкам — это мне, получается — вход запрещен. И еще потешаются: «Здесь только для белых!». А я что, синяя, что ли? Чай, не утопленница!

Обращаясь за подтверждением к гостю, она высунулась ниже ватерлинии и игриво отколупнула с живота присохшую тину:

— Вот вы, к примеру, как меня находите? Уж, наверное, не какая-то там ундинокка худосочная — все при мне. И хвост, и плавники...

Кот предостерегающе завозился в кустах. Но Василий и без этого вряд ли соблазнился бы на ее подмоченную репутацию, поскольку здесь уже дело пахло не только дизентерией.

— А чего, — продолжала Нинка. — Раз вы угостили, то и отблагодарить можно, хорошего-то человека чего ж не обслужить?

— Цыц ты! — одернул ее Леший. — И не мешайся своим бабьим хвостом в мужицкие разговоры! Начальник-то по делу пришел.

— Что-то я только не пойму, — выразительно глянул Хряков на грязную протоку. — Ты по должности водяной какой-нибудь реки или только этого... водоема?

— Этого? — от обиды у Водяного чуть водка обратно не полезла. — Да этой луже по штату вообще водяного не положено! Просто укрылся там, откуда еще не гонят. А водяной я тут самый главный, Окский! Одному лишь Волжскому подчиняюсь, а уж он — только царю морскому...

— Ну извини, не знал. Я же по внешнему виду сужу, — невинно улыбнулся майор. — А у вас, выходит, субординация? И тебе, как понимаю, подчиняются водяные притоков Оки?

— А как же! Москворецкий только кочевряжится. Заявляет, что раз Москва — порт пяти морей, то, наоборот, ему все пять морских царей должны подчиняться. А остальные-то вполне признают. И на ледоход, и на ледостав подарки шлют — рыбки там, икорки лягушачьей, бутылочек пустых, в зависимости от достатка...

— А интересно бы подсчитать, — Хряков начал рассуждать как будто сам с собой, — сколько же притоков у Оки? А ведь у притоков тоже есть притоки... Это ж сколько водяных вместе получится? Ого-го... Да и того же Волжского взять — что ж ему, за державу не обидно?

Водяной задумчиво потер свой фингал, а потом спросил шепотом:

— А вас точно из Москвы прислали?

— Точно. Вот и газету могу дать, почти свежая, — он вытащил сохранный обрывок бутербродной обертки. — Возьми, почитай своим, что президент про борьбу с терроризмом сказал...

В это время из воды вынырнули еще две русалки помоложе, с тремя пустыми бутылками, двумя пивными банками и извиняющимися рожицами. Но, к немалому удивлению обеих, вместо нагоня Водяной встретил их горделивой и молодцеватой усмешкой:

— Во, видали, бездельницы — в самой Москве обо мне помнят! Не кого-нибудь, а большого начальника прислали! Выходит, еще что-нибудь да значу! Стоит она, Москва, и стоять будет! И нас не забыла, не бросила в беде!..

Информационные агентства передают:

«...Странные вещи продолжают твориться под Рязанью. Несколько групп любопытных граждан, попытавшихся на своих машинах проехать к лагерю археологов, чтобы без билетов подглядывать за предстоящим шоу, не смогли этого сделать. Все сообщают одно и то же — что ехали прямо по шоссе, нужного поворота почему-то не обнаружили. И хотя двигались, никуда не сворачивая, в результате приехали обратно в Рязань. По-видимому, к этому тоже причастны спецслужбы. Во всяком случае, все матерят именно их...»

Глава 12. Трое в доме, не считая кота

Одна голова хорошо, а с туловищем лучше.

Русская народная мудрость

Уже утро засветило в глаз, когда Василий и кот Васька, распрощавшись с Водяным и Лешим и договорившись о дальнейших действиях, вышли на поляну, где стояла ветхая избушка на ящиках из-под куриных окорочков. Навстречу с радостными криками бросилась какая-то боконогая деревенская девчонка в платочке и сарафанчике, и только когда она повисла на майоре, как нераскрытое дело, он в содержимом сарафана узнал Люську Чучкину. А опрятная улыбающаяся старушка пригласила его в дом:

— Ну заходи, заходи, служивый. Ну-ка поворотись, сынку, дай-ка я погляжу на тебя... И впрямь молодец, коли сумел дойти.

Кота такое неравномерное внимание слегка покорибило, и Хряков счел нужным воздать ему должное:

— Это Ваське вашему спасибо, его заслуга.

Но у бабки с Васькой, похоже, имелись личные счеты, и она отреагировала весьма сдержанно:

— И то ладно, хоть какая польза от этого дармоеда. А то мышей совсем не ловит, токмо сметану промышлять мастак!

Кот выразительно глянул на майора, призывая его в свидетели насчет отсутствия справедливости в этой жизни. С видом неизвестного солдата, не ожидающего почестей и наград, гордо шмыгнул в темный чулан, где Василий заметил рассохшуюся ступу с полустертым бортовым номером.

Изба, похоже, была памятником какого-то древнего зодчества, потому что построена была без единого гвоздя — на соплях. Все здесь дышало седой стариной, подкрашенной под молодую. На стене ходили ходики и тикали тикалки. Стояли широкие лавки с фамилиями лавочников. Между ними примостился дубовый шкаф, изготовленный явными дубами, и высилась большая русская печь с большим, типично русским поддувалом. В красном от стеснения углу желтели старые фотографии усатых мужчин и безусых женщин. А во дворе приютилась деревянная расписная уборная с резным наличником на очке.

— Мы уж думали, куда же ты подевался? — рассказывала бабка. — Люська вона даже на поиски лететь намыливалась, да токмо я мыло-то у ней отобрала. Куды, говорю, девчонке ночью по лесу шататься, коли нонче и мне, старухе, туды соваться боязно? Она в рев — пропал, дескать, и мы на бобах остались. Ну да я ей на этих бобах погадала — сама, мол, смотри, вроде, живой ишо...

Василий принялся разгружать из сумки люськины вещи, и баба Ганна удовлетворенно кивнула:

— Вот оно сразу видно человека сурьезного, обстоятельного! Хочь и чужое добро, а все одно сберег. А ты-то, вертихвостка, примчалася чуть свет голяком, как ишо не простудилася!

— Она мне сказала, что так положено — летать в чем мать родила, — подозрительно покосился на хихикающую девчонку майор.

— Правильно сказала. Токмо не сказала, што ведьмы-то в сорочке рождаются. Эх, молодежь пошла — одно лишь на уме, как мужиков смушшать! — с головой выдала старуха юную родственницу.

— Сорочки у меня нет, дома я и без нее обхожусь. А в служебную поездку я ее и по давню не стала брать. И потом, я же спешила! — отмахнулась Люська и начала отчитываться майору по службе: — В общем, я сделала все, как ты сказал, но расколдовать дороги даже бабушка Ганна не сумела, очень уж сильная магия...

— Замолкни, фулюганка, — строго оборвала хозяйка. — Энтэ дома вас пораспустила тетка твоя, а здеся ты мне традиций не нарушай. А по закону нужно сперва добра молодца накормить, напоить, баньку истопить, а потом уж о деле говорить! Банька, кстати, уже затоплена — там как раз воду прорвало...

Люська тут же воспылала энтузиазмом потереть ему спинку:

— Ты же мне тер, теперь моя очередь!

Но на защиту майора выступила бабка:

— Отстань, охальница! Не мешай служивому человеку помыться с устатку. И воопче мала ишо взрослым людем мозги крутить!

— А мозги-то зачем? — искренне удивилась та. — Другие штуки интереснее.

— А до шуток титьки ишо не доросли!

— Нет, доросли, доросли, я сама в зеркале видела! И, между прочим, в старые времена в моем возрасте замуж выдавали! А в нашей школе Наташка из девятого «Ж» уже три аборта делала и еще идти собирается, потому что это очень удобно, освобождение от школы получить.

— В стары времена в твоём возрасте драли, как сидорову козу! А Наташке твоей ужэ три раза дегтем бы ворота намазали!

— Зачем дегтем? — заинтересовалась Люська. — Это вместо вазелина, что ли? Или для пикантности? Я такого способа не знаю.

— Вот оно и видно, что слишком много ишо не знаешь! Плохо тебя учили! Тетку твою я сама учила, и она у меня по струночке ходила, потому как сидеть не могла. А она тебя избаловала, из рук распустила. Гляди, дождеси у меня, что и тебя поучу, вздую как следовает!

— Ой, вздуй, бабулечка! — захлопала в ладоши девчонка. — Я ведь обожаю садо-мазо!

— А я тебя без сада и без мазы хворостиной вздую! Ужо я из тебя сделаю примерную!

— Нет, примерную не надо, примерной я быть не люблю! — не на шутку испугалась Люська, и старуха тут же усадила ее за прялку, накрутив мотки пряжи на руки, а заодно и на ноги, чтобы не сбежала.

В бане пару явно не хватало, но зато стоило залезть на полки, как они угрожали обвалиться, и сразу в пот бросало. Василий с наслаждением смыл с себя дорожную грязь, пыль и колдобины. А когда вернулся в дом, стол уже ломился от ветхости на треснувших ножках. Бабка расставляла пироги с грибами, заливные языки за зубами, подала пышный каравай хлеба, завернутый в вышитую ширинку от брюк, и бутыль мутной, как слеза, жидкости. Но особенно умилило внимание Люськи. Она, как оказалось, запомнила его привычки, торжественно поставив перед ним граненый стакан и какую-то старинную народную приправу для посыпания рукава — чтоб вкуснее было занюхивать.

После первой Василий поинтересовался, обычным способом получается такой напиток или тоже с помощью некоего колдовства.

— Нет, в этом деле лучше без новшеств, — расплылась польщенная баба Ганна. — Я по старинке делаю, как положено. А то вон у Маньки-кривой, подружки моей, внучок шибко умный сыскался. Давай, мол, аппарат с программным управлением сделаю и с интелехтом искусственным, штоб мыслящий был и сам соображал, что и как ему делать. А этот мыслящий аппарат додумался до того, что он законы нарушает, да и пошел сдаваться в полицию...

После третьей, как повелось на Руси, разговор стал переходить в более деловое русло:

— Нелегкое энто дело, с Дракулой-то тягаться. Уж на что я пыжилась-пыжилась, чуть на старости лет пупки не надорвала, а с евоными заклинаниями так и не сладила.

— Ага, и я тоже пыжиться помогала, и тоже чуть не надорвала, — подтвердила Люська и хотела было представить ненадорванный пупок, но вспомнила, что она в сарафане, а не в майке. — Бабуля, а может, какой-нибудь хитрый способ имеется, чтоб его одолеть? Ну, например, как с Кашеем?

— Чего с Кашеем? С Кашеем-то как раз ничего хитрого! У него ить смерть в яйце была. А как дали ему по энтим самым... словом, ниже поясу, он и окочурился. А у Дракулы защита посильнее будет.

— Это точно, — согласился Хряков. — Защита у него хоть куда — и адвокаты, и пресса. Я только следить пытался — и то скандал на весь мир.

— Ага, проблема известная, — с пониманием кивнула бабка. — Вот, помнится, Иван-дурак в свое время Чудо-Юдо отоварил. Дык его тож потом чуть с дерьмом не смешали, обвинили в юдофобстве.

— Ну неужели никаких средств не вспомнишь, бабулечка? — теребила Люська.

— Вспомнить-то могу, да все как-то сомнительно. Солнечный свет вампиров убивает...

— Это Василий как раз умеет, чтобы за ушко да на солнышко, со мной у него такое очень четко получилось. Только ведь Дракула днем нигде не появляется.

— Потому и не появляется. А ночью попробуй с им совладай! Верное средство от любой нечисти — святая вода. Но я ее в своем доме не держу, мне энто по должности не положено. А взять негде — он ить хитрый, дороги таким макарном перекрыл, штоб в энту зону ни единой церкви не попало. Ишо от вампиров чеснок и осиновые колья помогают.

— Во! Чеснок-то у нас есть, а осин в лесу полно! — обрадовалась девчонка.

— Дык чеснок — энто токмо для самозащиты. А с колом супроть такой шоблы рази попрешь? Да и энти-то все средства больше рядовых вампиров касаются. А такого, как Дракула, то ли возьмет, то ли нет?..

— Мне надо, чтобы наверняка, — расстроился Василий.

— Ну бабушка, — взмолилась и Люська. — У тебя же такой опыт! Тетя говорила, что ты даже Василису Премудрую перемудрила...

— Ну, энто на каждого мудреца достаточно простоты, а уж на ту просвистушку Василису тем более. А к Дракуле даже подобраться — и то не знаю как. Околдует запросто! Но ты не кручинься, служивый. Кой-чево я все ж придумала.

— Правда? А что придумала? — со всей ответственностью задергалась девчонка.

— А придумала я, што надо бы тебе, служивый, консультацию устроить. У специалиста, который поболее моего в энтих делах понимает.

— Легко сказать. Только где ж такого найти? — вздохнул Хряков.

— Знаю я одного. Сильно ученый, на борьбе с колдовством да нечистью не токмо собаку, а, считай, цельную свору съел. Кстати, и с Дракулой уже дело имел. Правда, больно далеко энто человек нонче обитает, и сама я тебя связать с им не сумею. Но ночью кой-кого вызову в подмогу, и все организуем. А пока ты отдыхай и не забивай себе буйну голову лишними вопросами...

Василий наслаждался покоем, окунувшись в деревенскую патриархальную жизнь с элементами матриархата. Бабка хлопотала по хозяйству: сперва собирала антоновские яблоки с дерева, посаженного еще атаманом Антоновым, потом достала бутылку постного масла и принялась жарить на нем чепуху. Люська тоже усиленно изображала из себя деревенскую. Путаясь в длинном сарафане с чужого бедра, носилась туда-сюда. То с умным видом пялилась за пальцами, то взялась квасить капусту, расквасив

несколько банок, то дразнила гусей, метала бисер перед свиньями и даже героически пыталась подоить козу, пока старуха не рассердилась и не крикнула ей, что козла можно бы и не мучить.

При виде всего этого у Хрякова тоже раззуделось плечо и размахнулась рука почесать зудящее место. Он попросил у старухи топор, чтобы наломать ей дров. Но она возразила, что, по всем правилам, попаренных в бане, накормленных и напоенных добрых молодцев положено укладывать спать. Постелила ему на одной из лавок, и сон пришел сразу, резво примчавшись на запах бабкиного напитка.

* * *

Проснулся Василий от скрипа половицы. А половицей усиленно скрипела у него под ухом Люська. В доме царил полутьма, мешаясь с полусветом. С печи разносился храп старухи. А Люська в сермяжной, как правда, рубахе, и столь же неприглядной на вид — кажется, тоже бабкиной, маялась от нефиг делать. Найдя подходящую половицу, выдавливала из нее ушераздирающие звуки, косясь на майора. Заметив, что желаемый эффект у нее получился, она невинно извинилась за нечаянный шум и тут же нечаянно подсела к нему на лавку, постаравшись плюхнуться потяжелее и на освещенное луной место.

— Бабушка легла пораньше, чтобы в полночь поколдовать, а мне вот не спится, — пояснила она, придав физиономии самое что ни на есть мечтательное выражение. — Все думаю, а какая жизнь у людей будет, когда мы победим?

Василий спросонья стал вспоминать, как в кинофильмах положено отвечать на подобные вопросы:

— Я считаю — та, которая еще впереди...

— И я так считаю! — с восторгом подхватила она. — А как ты думаешь, когда-нибудь наступит на земле справедливость?

— Наступит, — уверенно кивнул Хряков. — На кого-нибудь да наступит.

Она помолчала в позе романтической задумчивости, подергав рубаху, чтобы съехала и поромантичнее открыла плечико. А потом спросила:

— Слушай, у тебя совесть есть? Говоришь о справедливости, а одеяло на себя одного натянул! А у меня, между прочим, ноги замерзли!

Дальнейшие ощущения оказались несколько бодрящими, так как лодыжки Люськи напоминали две порции мороженого, внезапно засунутого под одеяло. Когда они стали интенсивно елозить, выискивая места потеплее, то казалось, что это мороженое вовсю тает, растекаясь по всей постели.

— Да ты и впрямь замерзла! Вон какие мурашки! — посочувствовал Василий. — У тебя что, под рубашкой ничего нет, что ли?

— Между прочим, это не мурашки, а мой бюст. А под рубашкой сейчас пол и, кажется, твои ботинки. Потому что бабулина рубаха кусачая, почти как сама бабуля, и я ее уже сняла, — деловито разъяснила девчонка, устраиваясь поудобнее и задвинув майора чуть ли не в стенку.

Успешно завершив свое пихание и устраивание, она поинтересовалась:

— Кстати, давно хотела спросить, а ты во Франции был?

— Был.

— Во здорово! Тогда научи, что это такое — французский поцелуй?

Хряков понял, что добровольно отвязаться она не намерена. Пресекая дальнейшие пододеяльные поползновения, он решительно перевернулся на другой бок, к стенке, и начал объяснять:

— Ну, в общем, надо представить, что ты — француз. А перед тобой — жареная лягушка...

Информационные агентства передают:

«...Прогрессивная общественность не на шутку озабочена тем, что российские спецслужбы, несмотря на все протесты, продолжают навязчивые преследования знаме-

нитого ученого господина Тепеша и проявляют настыр-ный интерес к его благородным начинаниям. Если интриги солдафонов и мракобесов вовремя не пресечь, они не остановятся даже перед тем, чтобы сорвать презентацию великого научного открытия. И уж во всяком случае сделают все, чтобы отравить людям радость чистого научного творчества. В связи с этим прогрессивная общественность решительно заявляет...»

Глава 13. Кому не спится в ночь глухую...

С миру по нитке — голому катушка.
Русская народная мудрость

Окончательно и бесповоротно Василий пробудился уже глубокой ночью. Поначалу он решил, что в доме пожар, поскольку кот Васька носился по избе с ором пожарной сирены и вращал глазами наподобие мигалки. Но пока майор приходил в себя из приснившейся Москвы, пока вспоминал, где тут «ноль-один», а где «ноль-ноль», он успел разобраться, что никакого пожара нет. Просто из печи вываливались клубы дыма, а из дыма одна за другой вываливались сотрудницы центра медицины «Знахарка». И одна из них, видимо, нечаянно задела кота своей метелкой.

Первыми, с визгом тормозя пятками по рассохшимся половицам, выскочили рыжая массажистка и чернявая гадалка. Обе были в одинаково заспанных ночнушках, одна потягивалась мощными рыжими подмышками и подру-башками, а другая широко зевала, рискуя проглотить неизменную сигарету.

Следующей прибыла Эльвира Федоровна верхом на пылесосе «Ракета», со вкусом подобранным под цвет педикюра и кое-как обтягивающей ее объемы кружевной комбинации. А жизнерадостная блондинка из косметического кабинета, у которой часть пирсингов с татуировками оказалась скрыта баннным полотенцем, примчалась с мокрыми волосами на длинной щетке для мытья. Она переда-

ла извинения Лидии Ивановны, которая не смогла прилететь из-за технических неполадок — кажется, ей придется менять вестибулярный аппарат.

Но встречать их любезностями бабушка Ганна отнюдь не спешила и с ходу атаковала заведующую:

— Вы чего добру молодцу в помощи отказали? Али так можно? Али тому я вас учила?

Эльвира Федоровна робко залепетала, что у нее фирма, престиж, клиентура, но этим только подлила масла в огонь. Или скорее бензина, потому что бабка взорвалась с очень даже изрядным тротиловым эквивалентом:

— Ага, значит, моя фирма с краю? Ох, говорила я тебе, Элька, што это все деньги, деньги вас портют! Ну ладно там облапошить кого по случаю, сундучок-другой золотишка на черный день собрать. А большие-то деньги, оне никогда до добра не доводят! Вот оно и видно, што совесть по рыночному курсу спустила! Видать, мало я вас драла! Ну да это дело поправимое! Ой, смотри у меня, Элька! Аль забыла мою хворостину-то? Я ить не посмотрю, што начальством работаешь, так вздую по месту работы, што ты энтим местом и в кресле своем заседать не сможешь!..

Заведующая занервничала и задрожала, вибрируя под комбинацией наподобие глянцевого желе. Стала незаметно передвигаться, чтобы прикрыть пышные тылы кем-нибудь из подчиненных. Но те тоже предпочитали благоразумно пятиться задним умом. А нервничали еще и похлеще своей начальницы. Дюжая массажистка, которую звали Таня, тряслась всеми бицепсами, трицепсами и ягодичепами. Блондинка Клава от страха покраснела, как Третий Интернационал, вытатуированный у нее на плече в комплекте с Лениным, Марксом, Энгельсом и их бородатыми цитатами. А брюнетка Марина, наоборот, побледнела и выглядела натуральной блондинкой.

Василий на всякий случай пошарил под одеялом и под подушкой: не завалилось ли там некстати какой-нибудь Люськи? Но под подушкой обнаружил только маузер, а под одеялом — самого себя. А Люська, уже одетая,

оказывается, дипломатично приткнулась в уголке. Чтобы и бабке не попасть под руку, и не выступать против тетушки. Оттуда она с огромным интересом наблюдала за схваткой гигантов, крутя в кармане древнеримский жест пальцем вниз.

— Я же ничего не имела против, — оправдывалась Эльвира Федоровна. — Просто шансы на успех показались мне сомнительными, а риск слишком большим...

— Вот я тебя и перехрещу по одному месту, штоб впредь не казалось! И штоб ты не энтим местом, а головою думала! Небось голова тебе не токмо для того дана, штоб на парикмахренов транжириться да рожи умные строить! Вот и подумала б, што с фирмой твоей будет и куды твои прибыли пойдут, коли Дракула верх возьмет да нечистого вызовет!

— Ну мы же еще не знали, что зашло так далеко!

— А хотя б и не знали — дык што ж, не русские, што ль?!

Демордализованный женский контингент отступал по всему фронту в надежде обрести за спиной и пониже оной какую-нибудь безопасную твердь стены или печки. Заведующая совсем упала духом. А когда, пятясь, споткнулась о свой пылесос, упала не только духом, а еще и телом и затравленно вибрировала под крики бабки, что она — падшая женщина. Пятящаяся массажистка чуть не обвалила печку могучими спинными мышцами. Клава ударилась в панику и набила шишку рядом с индийской татуированной точкой на лбу. А гадалка Марина чуть не устроила настоящий пожар, поскольку с перепугу вспомнила детство, пряча сигарету за спину, и нечаянно на нее села, так что дым повалил из уже не от печки, а от нее.

Благо Люська не растерялась и, прикинувшись шлангом, бросилась тушить. В избе запахло тушеными рубашками, а в нейлоне остался большой круглый иллюминатор, открывающий весьма своеобразные пейзажи. Бабка ехидно орала, что на воре и исподнее горит, и вообще, мол, теперь-то хорошо видно, какие они прожженные мошенницы. Эльвира Федоровна пробовала подняться, прикрывая заднюю часть пылесосом. А Клава оказывала себе

первую косметическую помощь, делая на шишку примочки из собственной мокрой прически.

Василий подумал, не пора ли и ему встать, но вылезать перед дамами в трусах казалось неудобным, а если их снять, то получалось еще неудобнее, и его могли неправильно понять. Он хотел было и дальше притворяться, что ему все это снится, но заведующая, беспомощно озираясь в поисках смягчающих обстоятельств или предметов, заметила его наострившиеся уши. Ухватилась за майора, как за спасательный круг с прощальными автографами экипажа «Титаника».

Она, а за ней и ее компаньонки обрадованно принялись желать Хрякову доброго утра, то есть доброго вечера, то есть добрых двух часов ночи. Кинулись наперебой расспрашивать, как он живет и может ли. Массажистка предлагала свои услуги, чтобы растереть и забыть, гадалка интересовалась, не подать ли ему кофейную гущу в постель. Косметолог Клава выражала готовность умыться и причесать так, чтобы он выглядел младше на две ступени в звании. А заведующая самолично подала брюки, отряхнув с них налипшую отрицательную энергию. Впрочем, даже при этих манипуляциях они старались особо не нагибаться и не подставлять в сторону бабки уязвимых мишеней.

Старуха еще немного побушевала, чтоб амнистия медом не казалась. А когда выдала всем сестрам по мозгам, сочла возможным завершить разбор полетов и перейти к прениям. Но ее гости уже взопрели и поэтому выразили полную готовность единогласно поддерживать и одобрять. Она объяснила, что требуется произвести какой-то ритуал повышенной категории сложности, для чего она их, собственно, и вызвала.

— Одной из вас надо будет щас обратно стонять в Москву и к завтраму достать кое-какие штуковины.

Лететь вызвалась жизнерадостная Клава, которую, оказывается, в постели ждал дружок по имени Никита. Пожалуй, по времени он должен был уже заждаться ее возвращения из ванной, откуда ее экстренно вызвали, и ей в любом случае требовалось отлучиться к нему. Кроме

того, она хотела дома полечить свою набитую шишку, чтобы не выглядеть душой набитой.

— Вот и записуй, што нам будет нужно, — согласилась бабка.

Правда, Эльвира Федоровна не взяла рецептурных бланков, но косметолог легко вышла из положения и отыскала для записи свободное место у себя на ноге между татуировками черепов и дня святого Валентина. Старушка взялась диктовать:

— Корень мандрагоры...

— Корень квадратный или кубический? — уточнила та.

— Ядреный. Ишо веревку повешенного...

— Ага, это я прямо сейчас Никиту попрошу. Он йог, даже на моих пирсингах лежать может, так чего ему стоит ради меня минут на пять повеситься?! Бельевая подойдет?

— Пойдет. Ишо нужно философских камней парочку...

— Из почек или из мочевого пузыря?

— Без разницы. Главное, штоб из философа... — еще бабушке Ганне требовались дырка от бублика, от мертвого осла уши, цвет морской волны, дикая орхидея, знак Зорро и полтора фунта диаминотриметилбутановой кислоты. — И штоб завтра в полночь была тута передо мной, как глист перед травой!

Марина попросила ее попутно прихватить пару блоков сигарет «Лайка-Страйк», Татьяна — ее любимый эспандер для дельтовидных и дельтоневидных мышц, а заведующая поставила на коленке под рецептом свою подпись и поручила передать Лидии Ивановне, чтобы пока ее замещала.

— Так может, на завтра и остальных наших позвать? — деловито предложила Клава. — Правда, Лидия Ивановна вряд ли успеет починиться, а других я могу притащить...

— Не стоит, — прикинула бабка. — Чего здеся лишним толкаться? Да и прокормить таку ораву — энто ж не шутка! Ниче, мы и впятером управимся.

— Вшестером, бабушка, вшестером, — полезла в дела Люська, удостоверившись, что это уже безопасно. — Уж на что Сашка из девятого «Д» меня ненавидит, но и она говорит, что я — настоящая ведьма.

Старуха дала жару расслабившейся было печи, оттуда опять повалил дым столбом с дорожным знаком одностороннего движения, Клава попрощалась и вылетела в трубу не хуже любой обанкротившейся фирмы.

Люська засуетилась ставить чай. В заварном чайничке устроила крутую заваруху, подала воняльные булочки и принялась раздувать самовар высоким дамским сапогом на платформе. Выглядела при этом такой невинной панишкой, словно это вовсе и не она, а гипотетическая сестра-близнец совсем недавно приставала к Василию и пыталась ему доказывать, что деревенская лавка совсем даже не тесная, и в старину такие лавки предназначались не на одного, а на двоих — только кому-то надо лежать сверху, а кому-то снизу.

Бабка между тем рассказывала о событиях в своем лесу — как соседка-медведица уже месяц не отдает одолженную сковородку, а лисица принесла мужу неведому зверушку в подоле. Гости расспрашивали Хрякова об исчезнувшей напарнице и задним числом напоминали, как опасно женщине садиться в машину к незнакомым вампирам. Марьяну все очень жалели и обещали ей в своем медицинском центре устроить полный курс реабилитации, прижизненной или посмертной, и по любым статьям уголовного кодекса.

Но особо расслаживаться за чаем баба Ганна не позволила. Едва забрызжал рассвет, она выдала дамам в качестве одежды какие-то ветхие обноски и погнала в лес, собирать по росе необходимые травы. Велела найти ей разрыв-траву, обрыв-траву, облом-траву и оттяг-траву. Идти почему-то требовалось обязательно босиком, поэтому Эльвира Федоровна зябко вибрировала, опасливо поджимая холеные ступни и стараясь, чтобы их посинение не нарушило гармонию с цветом педикюра. Марина сосредоточенно пытала сигаретой, пытаясь попадать миниатюрными ножками в могучие следы Татьяны, вдавливавшие в землю любые сучки и задоринки. Только Люська резвилась без удержу, разбрыкивая росу так, будто специально задалась целью орошения всех окрестных лугов и всех окрестных родственниц.

Правда, и сама бабка после их ухода не предавалась праздности. Подоила постояльца на предмет непредвиденных расходов, задала скотине перцу и пошла поливать огород отборной руганью. Василию показалось неудобно сидеть без дела на хозяйских хлебах, на которые он сел по недосмотру. Поэтому он вызвался помочь бабке окапывать яблони и вырыл возле каждой окопы полного профиля.

Женщины вернулись к полудню, разругавшиеся от свежего воздуха и свежих сплетен, и очень довольные, так как кроме заказанных трав набрали полную корзину подберезовиков, подосиновиков и подгузников. За обедом Люське все же попеняли за чересчур освежающие оросительные процедуры, однако ей все упреки были как с гуся роса, и она тут же перевела разговор на очередную душещипательную историю, как Эмма и Колька из девятого «П» щипались в душе.

Но досказать ей так и не удалось. Чтобы отдохнуть после одной бессонной ночи и набраться сил перед следующей, старуха объявила тихий час, и пришлось перейти на шепот. Эльвиру Федоровну, Татьяну и Марину бабка отправила спать на сеновал. А Люську из-за ее принципиальной несовместимости с тихими часами отослали обеспечивать для предстоящего ритуала еще какие-то ритуальные услуги. Так что и Василию удалось без помех вздремнуть, хоть и недолго. Возвратился со шленок кот Васька и принес ему кусок бересты — донесение от Лешего. Майор повертел его так и эдак, и, не обнаружив никаких знаков, спросил:

— Здесь что, какая-то тайнопись?

— Какая там тайнопись, если он и явнописью писать не умеет, — фыркнул кот. — Да и чего тут писать, когда и так все ясно? А на словах передали, что сейчас осваивают правила конспирации и стараются выучить это слово. И еще они наводят нужные контакты.

— Эх, вот и мне бы один контакт навести, — задумался Василий, глядя на бересту. — Слушай, а ты не мог бы еще разок сбежать в город и отнести записку капитану Горлохвату из спецназа?

— Нет, вот это не получится, — возразил Васька и стал загибать когти: — Во-первых, они в центре базируются, пока туда доберешься, сто раз от мальчишек огребешь. Во-вторых, у спецназа собаки. А в-третьих, твой капитан меня не знает, и я отнюдь не уверен, что он примет незнакомого кота в своем кабинете и встретит с распростертыми объятиями.

— Пожалуй, ты прав, — вынужден был согласиться Хряков. — Ну а Лешего сможешь повидать? Скажи ему, пусть он и его подчиненные постараются разведать, что в лагере археологов делается и как там Марьяна Голопупенко. Ее легко узнать по украинскому языку — длинный такой, розовый...

— Лешему-то скажу, мне не трудно. Кстати, а колбасы у тебя точно не осталось?

— Нет, — смутился майор, вспомнив прописную истину, что подчиненный должен быть накормлен. — Но я сейчас поищу что-нибудь...

— Не трудись, — грустно вздохнул Васька. — Дохлый номер. Бабка так прячет, что даже и мне не найти.

— А чего она на тебя сердится? Говорит, ты мышей не ловишь?

— Так как же их ловить, если они мне на лапу дают? Вот и теперь придется к ним обращаться. Если им подфартило чего стащить — накормят...

Он, кажется, не прочь был еще поворчать, но тут зевнула проснувшаяся старуха, и кот шустро нырнул под лавку, имея какие-то свои причины не особо мозолить ей глаза. Ловко спрыгнув с печи, бабка проделала несколько физических и метафизических упражнений и гаркнула: «Па-а-а-а-а-а-а!». На сеновал она откомандировала петуха и велела покуракеть над ухом, а если не поможет, разрешила ему прикинуться жареным и клевать куда нужно.

Полным ходом началась подготовка к вечернему колдовству, для чего кухня была наскоро переоборудована в ведьмину кухню. В горшках и кастрюльках что-то бурлило, шипело, плевалось, сморкалось и харкалось. Возле большого котла, от которого приятно пахивало нача-

лом термоядерной реакции, хлопотали Татьяна и Марина, обвязавшись кухонными фартуками. Но массажистка обвязалась спереди по причине короткой рубашки, а гадалка сзади по причине дыры в рубашке. Они следили, чтоб варево не убежало, окриками и угрозами загоняя обратно. Татьяна колола дрова об колено и выжимала одной левой двухпудовые чугуны до последней капли. А Марина задумчиво тянула сигарету за хвост дыма, сверялась с египетской кулинарной «Книгой мертвых» и снимала пробы, добавляя по вкусу специи или соленое словцо.

Эльвира Федоровна и бабушка Ганна больше варили собственными котелками. Они обложились кучей справочников, листая справки о нетрудоспособности и освобождении от физкультуры, тасовали крапленые географические карты, изучали календари садовода и огородника за прошлые века и с помощью калькулятора вычисляли поправки для каких-то заклинаний. Василию объяснили, что ему перед ритуалом нужно поститься, и он заступил на пост у дверей чулана. А Люська бегала туда-сюда и большой поварешкой мешала всем окружающим.

Когда стемнело, бабкина печь, чуть не подавившись, выплюнула вернувшуюся Клаву, перегруженную мешками, пакетами и свежими новостями. На этот раз она уже успела привести себя в приличный вид — вместо банного полотенца нарядилась в такой пеньюарчик, чтобы можно было разглядеть ее образцы пирсингов с татуировками, а шишку на лбу подкрасила под натуральный соломенный цвет волос. Клава облобызалась с подружками и раздавала все заказы, со смехом рассказывая, как уговаривала вешаться своего Никиту и как его потом откачивала. Потом, сверяясь с тайными записями, которые она сделала между татуировками «Добро пожаловать» и «Без дела не вынимай, без славы не вкладывай», принялась жизнерадостно ябедничать Эльвире Федоровне о недостатках и безобразиях, творящихся без нее на работе у Лидии Ивановны.

Тем временем приготовления подходили к концу. Кота Ваську выслали стоять на шухере, а ведьмы стали ритуально прихорашиваться. Люську, несмотря на отчаянные

протесты насчет кусачести и немолодежного фасона, бабка опять заставила надеть свою домотканую, домоштопанную и домозаношенную рубаху. Настроение девчонки заметно скисло, поскольку в таком наряде у нее было видно куда меньше, чем у остальных. А майора женщины начали инструктировать, что сейчас его пошлют в некое другое место и немножко другое время.

— То есть, как это — пошлют? — нахмурился Хряков.

— Да ты не сумлевайся, служивый! — успокаивала баба Ганна. — Ты сам-то останисся здесь, но одновременно как бы будешь и тама...

Люська, моментально позабыв личную обиду, тут же взялась растолковывать ему принципы корпускулярно-волнового дуализма. Эльвира Федоровна перебивала ее, дополняя принципами дуализма Инь и Ян. Василий успокоился, потому что примерно таким же образом ему обычно объясняли в техническом отделе принципы действия самонаводящейся канцелярской кнопки для подкладывания на вражеские стулья или инфракрасного микрофона для подслушивания в темноте. Небрежно махнул рукой:

— Да это все понятно. Вы только скажите, где и когда нажимать.

Ведьмы облегченно загомонили — дескать, ничего и никого ему жать не нужно, все сделается в автоматическом режиме. А он просто переместится в пространстве и времени, сможет там побеседовать с крупным специалистом по нечисти. А когда захочет возвратиться, достаточно просто сплунуть.

— Спросишь магистра Себастьяна Гроссшайзе, это он самый и есть, — уважительно продиктовала бабка. — Запомнил имя? Шибко ученый человек, знающий, душевный. Словом — настоящий антиллигент старого склада, — и старушка почему-то несколько раз повторила, чтобы майор действовал там, куда его пошлют, по велениям совети и чтобы делал то, что его русская душа подскажет.

С помощью обрезка бельевой веревки — видимо, как раз той, которой пользовался дружок Клавы, — женщины

выложили на полу круг. Зельем из котла, распространявшим ароматы пермских фиалок и фосгена, Василию побрызгали за ушами и под мышками. Поставили его вовнутрь фигуры, а потом принялись тем же варевом поливать друг дружку, ежась и весело повизгивая от текущего за шиворот кипятка. Встали в кружок с внешней стороны веревки и под руководством бабы Ганны завели нечто вроде аэробики, синхронно прыгая, приплясывая и выделывая гимнастические упражнения под какой-то забойный речитатив.

Хряков с большим интересом смотрел на то, как дрыгаются дамы, и на то, что дрыгается у дам. Но старуха поддала еще ковшик на пол и поставила дымовую завесу. Некоторое время еще можно было различить глянцевые вибрации Эльвиры Федоровны, огонек сигареты Марины и его отблески на пирсингах Клаввы, но туман сгущался, и стало совсем скучно. И вдруг майор почувствовал, как куда-то проваливается и стремительно несется, словно его подхватила мощная струя невидимого спущенного унитаза...

Информационные агентства передают:

«...В Москве перед Домом Правительства прошла демонстрация, организованная правозащитными организациями. Демонстранты скандировали лозунги: „Руки прочь от науки!“, „Руки прочь от профессора Тепеша!“...»

Глава 14. Визит к динозавру

Незванный гость хуже Чичерина.

Русская народная мудрость

Очутился Василий в сумрачном подвале, который явно не знал не то что евроремонта, а даже таджикоремонта. Кроме него, в подвале находились трое. Белокурая пухленькая красотка, слишком легко задрапированная

собственной распущенной прической, занималась какой-то странной физкультурой, болталась и извивалась, подвешенная на цепях. Видимо, без других предметов одежды ей было холодно в сыром подzemелье, и кряжистый верзила в маске пытался ее согреть раскаленными щипцами. Но знаки внимания с его стороны девицу почему-то раздражали, и она верещала не по-русски: «Да вы че, совсем обалдели?». А третий тип в плаще с капюшоном записывал ее выкрики в протокол, восседая за письменным столом под большим портретом Торквемады и транспарантом «Спасибо папе римскому за наше счастливое детство!».

Все трое настолько увлеклись своими занятиями, что даже не обратили внимания на появление постороннего. Но тут у мордоворота случилась заминка. Он, видимо, засомневался, достаточно ли разогрелись его щипцы, и стал проверять их температуру с помощью поплевывания и шипения. Хряков решил воспользоваться паузой и, перекрывая шипение, громко спросил, кто из них троих является магистром Себастьяном Гроссшайзе.

Реакция на его слова оказалась не совсем адекватной. Верзила открыл рот, но ничего не сказал, а выронил свой инструмент. Девица, и без того кое-как державшаяся на цыпочках, заверещала пуще прежнего. От грохнувшегося рядом горячего металла подпрыгнула, поджимая ноги. Закачалась на цепях, как на качелях, увесисто врезалась в ошалевшего здоровяка и сшибла его прямо на столик с разложенными крючьями и иглами. А третий хмырь спрятался под свой капюшон, как улитка, и бормотал что-то на невразумительной латыни. Этот язык майор знал недостаточно и разобрал лишь слово «матер», придя к выводу, что тот ругается.

— Да успокойтесь, я не грабитель, — предъявил он удостоверение. — Майор Хряков из разведуправления ФСБ. Меня к вам прислали для консультации.

Спрятавшийся человек неуверенно высунул из-под капюшона сначала глаза, потом нос, чтобы можно было нацепить очки, досконально изучил документ и облегченно улыбнулся:

— Здравствуйте, коллега. Так вы из России? А я уж думал, опять какая-нибудь потусторонняя фигня померещилась. Позвольте представиться, магистр Себастьян Гроссшайзе — ваш покорный слуга. Чему обязан?

— Да мне вас порекомендовали как известного специалиста по нечисти. А конкретно меня интересует граф Дракула.

— Дракула? Как же, как же, помню, — оживился магистр. — Прелюбопытный был случай в моей практике...

Верзила, с унылым видом извлекавший из себя колющие предметы и сокрушенно разглядывающий оставленные ими дыры в штанах, видать, сообразил, что разговор у них будет надолго. Сказал что-то по-своему, начальник благосклонно кивнул ему и пояснил майору:

— Это Франц, мой подручных дел мастер. Он сегодня все равно отпрашивался пораньше, и я разрешил. У его сыночка день рождения, пять годиков, а он очень заботливый отец. Я даже знаю, что он приготовил своему киндеру замечательный киндер-сюрприз — маленькую масочку и маленький наборчик из щипчиков, крючочков и иголок, чтобы мальчик мог играть в папу и с детства осваивать полезное ремесло.

Василий счел, что по такому случаю тоже должен принести поздравления. Порылся в карманах в поисках сувенира для малыша и нашел там рублевую монетку. Магистр рассмотрел ее и глянул на Хрякова весьма уважительно:

— О, русский рубль! Это ведь очень значительная сумма! Вы, русские, всегда славились необычайной щедростью! — он со своими комментариями передал монету подручному, и тот принялся благодарить с почтительными и растроганными поклонами.

Потом он начал переодеваться в скромный и опрятный средневековый костюм, а господин Гроссшайзе указал майору на заскучавшую дамочку:

— Кстати, коллега, если желаете размяться, можете подменить Франца. Материал, как видите, неплохой, вот и поделитесь бы опытом, а? Ну что, покажете ваши русские приемы?

Василий замялся, не зная, как выкрутиться, но хозяин лишь рассмеялся, разводя руками:

— Понимаю-понимаю, служебная тайна! Можете даже не извиняться, я и сам на вашем месте поступил бы точно так же.

— А чего она, кстати, натворила?

— Как обычно. Правый уклон в ересь. Плюс социально-опасный элемент, то есть ведьма.

— И что ей светит?

— Вышка, разумеется. И не только светит, но скоро и согреет. С ней уже все ясно, остались некоторые процессуальные формальности, и будем оформлять в расход. Впрочем, что я вам-то рассказываю? У вас ведь, наверное, так же дело поставлено?

— Не совсем. Так у нас было году в тридцать седьмом — тридцать восьмом, а сейчас это уже пройденный этап.

— Счастливые люди! — вздохнул магистр. — Правду говорят, что Россия — страна неограниченных возможностей! У вас уже пройденный этап, а мы своих врагов народа, считай, триста лет извести не можем. Вот и трудишься, пашешь, репрессируешь — без выходных, без праздников, без отпусков. Между нами говоря, я уж и забыл, когда свою Лотту толком обнять сумел! Ухожу — она еще спит, прихожу — уже спит.

— Так я, наверное, вас отвлек? — посочувствовал майор.

— Ничего страшного, иногда и передышка нужна. Тем более на завтрашнее аутодафе партия все равно укомплектована и весь лимит дров исчерпан. А на послезавтра как раз осталось семь или восемь вакансий, вот туда и эту определим.

Верзила, с мурлыканьем веселой песенки завязывающий галстук, что-то сказал, и начальник сделал себе пометку в бумагах:

— Да-да, хорошо, что напомнил, а то бы я снова забыл! Франц просил забронировать одно местечко для своей родственницы. Она — человек пожилой, немощный,

трудно ей в камере сидеть и допросы выдерживать. Конечно, для своего человека пойдем навстречу и оформим вне очереди.

Подручных дел мастер аккуратно собрал инструменты в чемоданчик, где лежали теплый шарф, газета и бутылка молока. Потом покрутил лебедку, позволив ведьмочке опуститься на охапку соломы, и удалился, вежливо попрощавшись со всеми и поцеловав даме ручку.

— Так, говорите, вас интересует Дракула? — перешел к делу магистр. — Как я понимаю, теперь он и к вам наведался?

— Есть такое.

— Тогда, если не возражаете, давайте поднимемся ко мне в канцелярию. Только извините, сперва приберу рабочее место — люблю, знаете ли, когда во всем порядок.

Он занялся своими бумагами. Девушка сообразила, что пока все ее причиндалы остаются в сохранности, и жалобно принялась строить Василию не только глазки. Даже откинула прическу, чтобы случайно не скрыла никаких достойных жалости аргументов. Такая апелляция, конечно же, нашла соответствующий отклик, и майор деликатно поинтересовался:

— А ошибок у вас не бывает? Чтоб без вины под вышку не подвести?

— Бывает, как не быть. Но это естественные издержки, не велика беда. Потом разберутся — реабилитируют. Некоторых даже святыми признают — вот Жанну д'Арк, например. Поэтому людям, у которых совесть чиста, бояться нечего.

— А разве обязательно всех в расход? — Хряков с сожалением покосился на обреченные соблазны. — Нерационально получается. Кого-то ведь еще использовать можно.

— Ну, коллега, вы забываете, что здесь не Россия! У нас и климат помягче, и Сибири нет, где же лагеря-то строить? Нет, надежнее всего — на костер. И с охраной никаких проблем, и на баланду расходоваться не надо. Да

и следующим поколениям дешевле обойдется — не надо места массовых захоронений разыскивать и памятников ставить. — Видимо, это был конек магистра. Увлечшись, он подскочил к девице, с видом знатока пощипывая и пощупывая ее за все припухлости. — Смею заверить, и зрелище неплохое, у нас все аутодафе с полным аншлагом проходят. Вот эта, например, жиренькая, хорошо гореть будет. Еще бы пару-тройку таких подобрать, и можно премиальные получить за экономию топлива. Пустячок — а приятно!

— Во, кстати, — задумался Хряков. — Я как раз хотел узнать, если она вправду ведьма, то как же вы сами не боитесь с ней общаться, подходить, трогать? Или чем-то от колдовства предохраняетесь?

— О, этот вопрос задают все начинающие инквизиторы! — снисходительно улыбнулся магистр. — Конечно, некоторые меры предосторожности мы принимаем. Как предписывают правила техники безопасности, конфискуем все талисманы, одежду, обриваем на теле волосы...

Многозначительно подняв палец, он вернулся к столу, доставая с полки томик «Молота ведьм»:

— Но вообще такие неоспоримые авторитеты, как доктор Шпренгер и доктор Инститорис, однозначно доказали, что на должностное лицо, находящееся при исполнении служебных обязанностей, никакие чары не действуют. Вот — можете сами удостовериться, раздел второй глава первая.

— Спасибо за информацию, я это учту.

Магистр закончил разбирать свои документы, одни спрятав в папку, а другие отложив в сторону:

— Подождите еще минуточку. Я только отнесу старые приговоры в одно место, там как раз бумага кончилась.

Отлучился он даже меньше, чем на минуту, за соседнюю дверь, но девица сразу зашептала:

— Херр офицер! Херр майор!

Василий удивился, чего это она обзывается? Однако в ее глазах можно было прочесть совсем иные чувства, если бы уметь читать по-иностранному. А указывали гла-

за то на Хрякова, то на массивный фигурный ключ, висящий на гвоздике. Василий заколебался: имеет ли он право вмешиваться в чужую юрисдикцию? Но, с другой стороны, он никогда не упускал возможностей подпакостить западным спецслужбам, а сейчас случай для этого представлялся идеальным.

Ключ полетел к узнице и был пойман очень ловко. Их манипуляции заняли лишь одно мгновение, а в следующее закрипела открывающаяся дверь. Но вошедший инквизитор уже застал девицу скромненько потупившейся на своей соломе, а Василия — внимательно изучающим портрет Торквемады.

— Теперь я к вашим услугам, — магистр пригласил гостя следовать за собой, пожелал девице спокойной ночи, а ее лучезарную улыбку, видимо, принял на свой счет. Ласково потрепал по щечке и пообещал завтра достать для нее импортные испанские сапоги или свежие маникюрные иголки.

В кабинете, куда они пришли, Хрякова заинтересовал большой стенд «Их разыскивает инквизиция» с физиономиями разных ведьм и еретиков.

— Нет-нет, коллега, особо опасные у меня в другом месте, — господин Гроссшайзе открыл сейф и достал толстый альбом. Пролистал фотороботы чертей, демонов и духов, составленные по показаниям одержимых и экзорцистов, отпечатки лап оборотней, сводки на инкубов и суккубов, состоящих на учете в инквизиции нравов. Наконец нашел нужную страницу:

— Узнаете?

— Он! — подтвердил Василий, на которого глядела знакомая рожа зарубежного профессора.

— Сам я столкнулся с ним, когда работал в Венгрии, и тогда ему удалось скрыться. Правда, я дал ориентировку в Интерпол, но пока безрезультатно.

— Так это вы посылали ориентировку? А мы-то никак концов найти не могли! Значит, она так и ходила за ним из страны в страну — профессор Влад Тепеш, он же граф Дракула...

— Насчет профессора я сильно сомневаюсь. Да и насчет графа врет — по-моему, он и до виконта не дослужился. Но вообще он — птица высокого помета. Я подозреваю, что имен у него было гораздо больше. По моим версиям, хотя и неподтвержденным, в другие времена и в других государствах он же мог выступать под кличками Синея Бороды, Идолища Поганого, Молоха, Полифема, Сета...

— Во как! Значит, и вправду матерый рецидивист?

— Еще какой! Только, к сожалению, материал против него трудно собрать за отсутствием состава живых свидетелей. Но у нас есть основания предполагать, что он является не просто вампиром и чернокнижником, а как бы эмиссаром из преисподней. Что-то вроде чрезвычайного и полномочного посла на земле.

— Скажите, а это вообще для него возможно — вызвать нечистого и попытаться захватить власть над миром?

— Теоретически — да, хотя практически — крайне маловероятно. Ну представьте, для этого понадобилось бы найти доисторический алтарь, на котором в древности служили врагу рода человеческого. Я даже не знаю, остались ли такие где-нибудь.

— Похоже, один остался...

— О, этого еще совершенно недостаточно! Нужно знать специальное заклинание — а оно длиннющее, попробуй выучи! Кроме того, для жертвоприношения необходима совершеннолетняя девственница, причем в полном и абсолютном смысле, по которой еще не ступала рука человека. Не знаю, как у вас в России, а у нас такую найти — дело почти невозможное. Да и нож не всякий годится, а подходящие для подобной процедуры ножи выпускались очень давно и небольшими партиями. Сейчас такую коллекционную редкость купить — это знаете во сколько обойдется? И главное, момент времени, когда звезды сходятся в нужном сочетании, случается исключительно редко. Вот, к примеру, возьмем некий конкретный год...

— Ага, давайте проверим конкретный, — по наитию подсказал Хряков и назвал текущий. То есть не здесь текущий, а в оставленном домике бабушки Ганны, в Рязани, в управлении на Лубянке, на главных часах на Спасской башне.

— Пожалуйста, — магистр снял с полки справочник Нострадамуса для нострадамочек и сделал какие-то прикидки. — Ого, коллега, я прямо поражен вашими познаниями астрологии! Как раз в этом году имеется такая критическая точка, где вероятность будет отлична от нуля. Ведь там земля только что перейдет в эру Водолея. А на поворотах система всегда менее устойчива, и если именно в этой точке совершить нужный ритуал, то можно направить ее и по другому пути — если не ошибаюсь, в эру Водослива.

— Понятно. Значит, диверсия, — подытожил Хряков. — Теперь мне бы еще узнать, каким образом этого чертова посла послать обратно? То есть к чертям. Мне, правда, говорили о некоторых способах — крест, святая вода...

— Это скорее средства индивидуальной защиты. А у такого монстра, как Дракула, вызовут разве что приступ аллергии.

— А чеснок?

Магистр рассмеялся:

— Знаете, у меня есть подозрение, что это всего лишь хитрая уловка румынских крестьян. Просто они сами обожают чеснок, а чтобы жены не возмущались запахом, придумали, будто он помогает против вампиров.

— Серебряные пули?

— Да вы что, коллега! — скривился инквизитор от столь явного невежества. — Они только от оборотней.

— Еще осинового колья...

— Против обычных вампиров — неплохо. Но поможет ли против Дракулы — сомневаюсь. Если память не изменяет, его ведь уже протыкали.

— Да, я тоже видел. В каждом фильме протыкают, а он потом опять в других фильмах появляется. Но неужели нет никаких средств?

— Если вы о каких-то особенных, персональных средствах, то затрудняюсь помочь. Но я ведь уже говорил, что самый надежный и универсальный способ уничтожить любую нечисть — это сжечь. На костер — и тело с концом! — снова он сел на своего конька. — Вот и Дракулу как изловите, оформляйте ему аутодафе без всяких колебаний и промедлений! Между прочим, зря у вас в России этим методом пренебрегают...

— Кстати, давно хотел спросить, а где вы так хорошо научились говорить по-русски?

— Ну как же, коллега, — польщенно расплылся магистр. — Я ведь раньше в другом отделе наших спецслужб работал. Между прочим, Лжедмитрия к заброске готовил — сейчас-то он уже провалился, поэтому особого секрета я вам не раскрываю.

— Лжедмитрия? Да, это вы мастерски сработали, — профессионально оценил майор. — До сих пор историки разобраться не могут, откуда он взялся. Скажите, а Порошенко — тоже ваш?

— Как вы сказали? Па-ра-шенко? — поморщил лоб господин Гроссшайзе. — Нет, такого не помню. Какой-нибудь очередной вор? Судя по прозвищу — из каторжников...

— Да ладно, — подмигнул Василий. — Не прикидывайтесь. Я ведь тоже понимаю насчет служебной тайны.

Он хотел еще уточнить, принято ли здесь держать на службе спиртное и обмывать международное сотрудничество. Но тут в коридорах раздался шум, беготня, лязг оружия, лай собак и крики: «Хальт, хенде хох!». Удивленный магистр кинулся узнавать, что стряслось. А майор смекнул, что к этому стрясению он тоже имеет некоторое отношение, и гостеприимное застолье вряд ли обломится. Решил, что самое время с досады плюнуть, и отдачей от плевка его снова швырнуло в какие-то непрозрачные глубины времени и пространства.

Информационные агентства передают:

«...Парламентская ассамблея Совета Европы намерена собраться на еще одно внеочередное заседание, чтобы обсудить ситуацию под Рязанью...»

Глава 15. Былое и дамы

Встречают без одежды, провожают
без ума.

Русская народная мудрость

Встретив Василия, возопревшие от магии и переживаний ведьмы захотели чаю. А бабушка Ганна неожиданно облобызала его и выставила заветную бутылку какого-то особенного самогона с пятью звездочками за сбитые самолеты.

— Век тебя буду благодарить, служивый, што спас меня тогда от энтого магистра. А то я уж думала, все — отпрыгалась, дура, доигралась.

— Так это были вы? — изумился Хряков, вспоминая красотку в подвале.

— А то кто же? Аль на себя непохожа? — она не без кокетства поглядела в зеркальце, поправляя прическу. — Хотя, конечно, чуток изменилася. Бальзамовский возраст. А тебя-то я враз узнала, как ты ко мне из лесу вышел. Тут же и смекнула, куды тебя на консультацию отправлять требуется.

— А я-то считал — вы местная, исконная.

— Много наших тогда эмигрировало. Трудное время было, — вздохнула она. — Настоящее-то мое имя — Иоганна. А здесь уж на русский лад переиначили, одни — Яга, другие — Ганна.

— Ой, бабулечка, расскажи про инквизицию! — запрыгала на табуретке Люська. — Я ведь обожаю садо-мазо!

— Ну тебя! — отмахнулась старуха. — Ниче там хорошего нету, окромя морального травматизму. А уж детям до шешнадцати и вовсе не положено.

— А-а, ну тогда ладно. Тогда я потом у Василия спрошу. Ты только скажи, правда ли, что силой воли можно костер загасить?

— Правда. Токмо очень сильная воля нужна. Подружка моя так спаслася. Неделю воду пила, а по малому не хо-

дила, терпела силой воли. А как жечь ее стали, она и загасила. Мы с ней вместе границу потом перелетали.

— А в России, значит, политическое убежище дали? — поинтересовался майор.

— Всяко бывало. Иногда убежище давали, иногда политику. С вашим-то братом я тож натерпелася.

— Чего, сажали?

— Да скоко раз — и сажали, и пропальывали, и удобряли. В двадцать первом — за связь с повстанцами. А оне ж все молодые, горячие, повстанцы-то, как тута от связи удержисся? Другой раз — когда раскулачивали. А я, как на грех, председателю колхоза кулак показала, заместо того, штоб сразу его пришибить. В тридцать четвертом — за членовредительство, одному хмырю членство в партии повредила. Ишо в тридцать восьмом — ну тут, правда, сама виновата. Пойло свиньям болтала, вота и взяли, штоб не болтала лишнего. Да токмо я уж приспособилася, легко отдельвалася. На следствии перетерпишь, все же полегше, чем в Средние века. А зубы заговорить — это моя профессия. А как срок дадут и до лагеря добересси, дык што ж я там, метелки не найду? В первый раз только туго пришлось, в чеке. Тама ить, как в инквизиции, всех подряд в распыл пущали. Хорошо, у меня знакомая в верхах сыскалась, Клара Ценкин. Она тож из наших была, токмо к женскому полу больно сильное пристрастие имела, вота и полезла в политику, Международное женское движение создавать. А в тот раз у нее, по счастью, критические дни были, и чекистов как пошла критиковать, меня и отпустили.

— И в войну небось тоже сажали? За то, что Иоганна? — посочувствовал Хряков.

— Нет, в войну я уже на ваших работала. Когда в тридцать восьмом меня брали, попалси один симпатичный офицерик, вроде тебя. Жалко мне его стало, я и нагадала ему, штоб от Ежова подале держалси и на Берию ориентировалси. Он в благодарность и взял меня к себе. Сперва внештатным сотрудником, потому как в Штатах я не

была. А как война началась, учили знание языка и за линию фронта забросили.

— Так вы и повоевать успели?

— А как же, партизанила. Уж там-то я в полную силу оттянулася. То порчу наслать на какого коменданта, то поколдовать, штоб у эсэсовцев в столовой молоко скисло. То дрему напустить на машинистов, штоб состав с рельсов кувыркнулси. Иль, опять же, разведка — залетишь в штаб через окошко на верхний этаж, ходишь тама с метелкой, хто на тебя внимание обратит — уборщица, она и есть уборщица. А ты слушаешь, замечаешь. Промежду прочим, в книге обо мне написано, «Блеск и нищета партизанок». И награды имею, — она гордо продемонстрировала несколько медалей и висящие на стене именные часы с боем местного значения. — Конечно, и помощь медицинскую в отряде оказывала. От лютой раны, от антонова огня, от почечуя, от родимца, от запоя. А как об том прознали, опосля войны в Москву отозвали, высокое начальство врачевать. Я и загремела там по делу врачей, получила десять лет строгого постельного режима без права давать телеграммы. Но тогда уж бояться было нечего, потому как по всем гаданиям скоро выходили большие перемены.

Никита Сергеич тож меня поначалу в помощь привлек — хотел, штоб колдовством ему хрущевскую оттепель сделала для выращивания кукурузы в Заполярье. Фильм, может, видели — «Его звали Никита»? Дык это тож про меня. Токмо там все переврали, на самом деле все не так было. Да и я, в обчем, у Никиты-то долго не задержалась, вовремя смекнула, что и он долго не задержится. Прикинула хрен к редьке, да и подалася сюды во леса, ото всей этой кутерьмы подальше. Оно как-то в бардаке, да не в обиде.

— Не трудно вам здесь?

— Да трудов-то я не боюсь, потому как работа не волк, в лес не убежит. Колхоз помогала на ноги поставить опосля полочки. Ликвидировала грани между умственным и физиологическим трудом. И девок вон на крыло постави-

ла, — она не без гордости кивнула на плеяду сотрудниц Эльвиры Федоровны. — Все у меня тута росли, и в детство их вывела, и в люди, и в мои университеты. А самой-то мне много ли надо? Избушку вон прихватилизировала по случаю. Пенсия, правда, не ахти какая, рази што на мебель хватит — полку для зубов купить. Ну дык я на базаре огурчиками дела поправляю.

— На огурцах-то много ли наторгуешь? — усомнился майор.

— А энто надо с толком подойти, паркетинг развивать по-умному, — хитро прищурилась бабка. — Огурчик-то, он для чего особливо хорош? А? Правильно, на закусочку. Вот и наберешь на базар огурчиков свеженьких, соленьких, малосольеньких. Ну и то, что ими закусывается, тож прихватишь. Ментам глаза отведешь, чтоб не на меня, а на молоденьких пялились, да и предлагаешь гражданам, чтоб тут же сразу и попробовали, как оно моими огурчиками сладко закусывается. И что б ты думал, у меня самые длинные очереди! Токмо успевай считать, кому и сколько под огурчик захотелось. Да вот беда, как Дракула у нас обосновался и дороги поперекрывал, убыток сплошной пошел. Ужо один базарный день пропустила, а огурцы-то перерастают. И клиентуру, боюсь, потеряю. Привыкнут ходить к Маньке-кривой, которая с программным управлением гонит, а закуси совсем не предлагает...

— Вот и давайте подумаем, что делать. В астроложестве вы получше моего разбираетесь, так что прикиньте, на какое число Дракула должен свою акцию планировать, — и Василий начал пересказывать то, что удалось узнать от магистра.

* * *

Ведьмы готовились к отлету. Эльвире Федоровне Василий вручил секретное донесение для полковника Ломового, и она, вся вибрируя от ответственности, в целях конспирации зашила его в прозрачный лиф своей комбинашки — поближе к сердцу. А на случай попадания письма в стирку вместе с бельем Хряков продублировал на словах:

— Если у Ломового телефон не отвечает или будет прикидываться автоответчиком, звоните прямо генералу Свистоплясову...

— Запиши номер! — подозвала заведующая Клаву, и та, засучив рукав пеньюара, нашла свободное секретное место под мышкой, между татуировками «Ай лав ю» и пробитым стрелой якорем.

— В общем, передайте, что у меня все нормально, и с едой, и с жильем. И что попытка переворота назначена через три дня. Я ее постараюсь предотвратить. Но на всякий случай пускай готовят контртеррористическую операцию по полной программе — перебрасывают пять-шесть дивизий, авиацию, артиллерию, блокируют здешние леса и будут готовы наносить точечные удары, чтобы перепахать тут все до точки.

Для Люськи было особое задание:

— А ты, значит, отправляешься в Рязань к капитану Горлохвату. Передашь эту записку и скажешь, пусть завтра, как стемнеет, подтягивается со своими ореликами на опушку леса — к тому месту, где с зомби метелились. Проводников навстречу я вышлю. Пароль — «Кто такой дед Пыхто?». Отзыв — «Это отец папы Пыхто». Запомнила?

— Так точно! — вместо козырька, она приложила ладошку к растрепанной челке и лихо щелкнула розовыми пятками. — Да ты не беспокойся, я вообще надежный товарищ, про меня все это знают. Вот недавно Генка из восьмого «С» в школе ноутбук спер и попросил меня никому не говорить — и я никому об этом не говорю.

Когда дамы обмазывались своим ведьминым составом, Василий счел за лучшее деликатно отвернуться, потому что в зеркале и так все было видно, а изображать смущение не требовалось. На прощание он пожелал им семь футов под тем местом, которое женщинам заменяет киль, пожал ручки и почмокал в щечки, на что Люська с удовольствием ответила, оставив ему внушительный засос. Эльвира Федоровна включила свой пылесос, завибрировав в такт двигателя, скомандовала «От винта!» и сдви-

нулась подальше от плохо закрученного винта, чтобы не оцарапать седалище. Бабушка Ганна подняла пары в котлах и чугунках, и пять наездниц, построившись по старшинству в кильватерную колонну, на всех этих парах устремились в дымоход.

Но едва исчезли в небе бортовые огни сигареты и зажигалки Марины, вокруг стало твориться нечто противозаконное. За окном вдруг стало темно, как у негра в фотолаборатории. Что-то завывало, заклокотало и заколдобенилось. Ревела буря, дождь шумел, во мраке молнии блистали. И непрерывно гром гремел. Избушка ходила ходуном то по-большому, то по-маленькому. Резко запахло серой и нездоровыми сенсациями. А в одном углу темнота начала сгущаться и концентрироваться в непристойного вида черную дыру, из которой вылупилась и тут же залупилась крупногабаритная и крайне неинтеллигентная рожа, напоминающая помесь крокодила с болонкой.

— Демон! Демона наслал, ирод! — завопила старуха. Она заметалась по избе, пытаясь на скорую руку сострять какое-нибудь дежурное колдовство и начертить на полу круг засохшей губной помадой.

Реакция Василия тоже была профессиональной. Отлетая к печке от удара бесформенной лапы, он подивился неопытности противника, подставившегося так глупо, рванул маузер и шархнул навскидку. Рожа хрюкнула, вытянувшись в полном изумлении, а потом с шипением стала сдуваться, как проколотый шарик, пока не исчезла совсем. И тотчас же все вокруг успокоилось и расслабилось...

— Ой! Кажись, пронесло! — удивленно ахнула баба Ганна.

— Да ладно, не беда, с каждым может случиться, — снисходительно кивнул майор.

— Слушай, чем энто ты его, а?

— Из пистолета.

— Не может такого быть! — открыла она рот и уставилась на Хрякова квадратными глазами. — Демоны — энто

ж такая погань, што их просто отогнать и то трудно, а у тебя он совсем дематериализовался!

— Да мне-то эти ваши тонкости откуда знать?

— Ну-ка покажь пушку свою. Не заговорена, случаем? — она вполне квалифицированно осмотрела маузер, вытщила обойму и присвистнула: — Ого! Где пули такие брал?

— В Музее Революции.

— Тоды понятно. В революцию-то их из церковных колоколов лили. Вот и помогло. Но коли он демона наслал, значит, всерьез на нас исполчилси. Твари-то редкие, в Черную книгу занесены, по пустякам таких не вызывают. — Она заметила кровь на щеке майора: — Ого, и он тебя зацепил! Как ишо башку не снес. Дай-кось гляну...

Но тут в избу ворвался ошалелый кот Васька. И по его виду даже без истошного ора было ясно, что у них возникли новые крупные проблемы без вазелина. Бросились за котом и неподалеку, на опушке, наткнулись на разбросанные прутья от метелок.

— Ахти, беда какая! Нешто девок перехватили?! — обомлела старуха.

Было похоже, что здесь произошла серьезная свалка. Внимательно обследуя эту свалку, они обнаружили дорогую импортную швабру, отечественную — с инвентарным штампом гостиницы «Русская малина», и сломанное древко. Повсюду валялись клочья выдранной шерсти, чьи-то обломанные рога и выцарапанные глаза. Чадил вибрирующий пылесос «Ракета», врезавшийся в дерево и перегревшийся от засосанной хвои. Кое-где виднелись свежие следы разрывов — на ветке повисла разорванная рубашка Татьяны рядом с непонятно чьей разорванной пастью. В сторонке обнаружилась рассыпанная пачка «Лайки-страйк» с подвывающей от ужаса мордой Лайки. В кустах зацепился клоч пеньюара, на котором вспотевшими чернилами отпечатался телефон генерала Свистоплясова. А поотдаль, в зарослях травы Василий подобрал тяжелую люськину подкову. Но ни хозяек вещей, ни их тел не было нигде.

— Утащили к нему, окаянному, — сокрушалась бабка, указывая на отчетливые следы сто сорок третьего или сто сорок четвертого размера. — Кажись, тролли аль гоблины.

— Засаду они устроили, — заключил майор. — Ждали, когда наши силы разделятся...

Домой возвращались, подавленные свалившейся на них тяжестью переживаний, пылесоса, швабр, подковы, тряпок и прочего барахла, которое баба Ганна решила прихватить, чтобы не пропадать добру.

— Значит, обложили! — у Василия даже руки опустились, и он тоже вслед за руками устало опустился на лавку. На помощь извне рассчитывать теперь не приходилось.

— Ну что ж, придется одному...

— Как это — одному? А меня што ж, в утиль списал? Так что считай — двое нас! — закипятилась хозяйка и плюхнулась рядом с ним.

— Считать можно бы и получше, — мякнул кот Васька и тоже с достоинством уселся на лавку — но на всякий случай по другую сторону от майора. — Уж до трех-то и коты считать умеют!

Старуха выразительно зыркнула на него, но смолчала и взялась перевязывать Хрякову голову, делая ему примочки из лопуха и остолопа. Правда, царапины уже начали подсыхать, но с повязкой вид получался более геройский. А майор, малость воспрянув духом, стал инструктировать Ваську:

— Сейчас беги к Лешему и предупреди, что старый план отменяется. Будем действовать по-другому...

— Вообще-то я б на твоём месте этому бездельному коту особо не доверяла, — не выдержав, заворчала бабка. — Ненадежная личность. И социального происхождения неизвестного, и седни опять я двух мышей в чулане видала. А сметаны сызнову будто бы меньше стало...

Она между тем отыскала на стене фотографию какого-то бравого пожелтевшего командира с петлицами НКВД и отклеила, положив перед собой на стол. Сказала:

— Ты вот что, служивый, ложись-ка почивать, а я койчево помаракую. Попробую один старый способ, который

в войну применяла, когда у рации питание село на пятнадцать суток.

Укладываясь на лавку, Хряков подумал, что сегодня ему не придется ни с кем тесниться, никто в самый неподходящий момент не будет пихаться, скрипеть и морочить ему голову. Но от этого стало как-то особенно грустно. Он полез в карман камуфляжной куртки, выуживая запасные патроны и дозаряжая на всякий случай обойму. При этом наткнулся вдруг пальцем на еще один твердый предметик. Крестик, купленный тогда в храме. Средневековый магистр объяснил, что для Дракулы это слишком слабая защита. Но Василию почему-то очень захотелось надеть его прямо сейчас. И не в качестве подобия бронежилета, а зачем-то еще. Зачем — он вряд ли смог бы выразить словами, но это было очень и очень важное. Майор расправил свалевшийся шнурочек и надел.

Уже засыпая, он видел, как баба Ганна сидит за столом, склонившись над той же старой фотографией. И услышал, как она начала что-то дробно и замысловато выстукивать по жухлой фотобумаге морщинистым опытным пальцем...

* * *

В эту ночь к отставному полковнику КГБ Петру Петровичу Очкодерову приходили странные сны. Ему снилось, будто что-то с памятью его стало, и он помнил то, что было не с ним. Виделся ему незнакомый майор с перебинтованной головой, чем-то отдаленно напоминающий старого чекиста Хрякова — того самого, у которого, кажется, внучек спер маузер. Виделся неизвестный иностранец со злопахательской и явно антироссийской внешностью. Виделась вообще кошмарная рожа, напоминающая помесь крокодила с болонкой. И на все это вдруг наложились точки и тире далекой морзянки, отстукиваемой опытной и умелой рукой...

Потом Петр Петрович проснулся от звона будильника, но точки и тире настолько ясно отложились в его

натренированной памяти, словно продолжали звучать в ушах. На пенсии он давно страдал от отсутствия любимой работы, пытаясь как-то компенсировать ее разгадыванием кроссвордов, хитрых головоломок и головоляпок, поэтому и сейчас решил записать приснившиеся сигналы и поискать в них какой-нибудь смысл. К его крайнему изумлению, они начали складываться в правильные шестеричные группы знаков, да и почерк радиста оказался какой-то очень уж знакомый. Взволнованный открытием, он кинулся к ящику стола и отыскал там в коробке с орденами связку старых, заржавевших в полесских болотах ключей к шифрам. После чего прочел свои собственные позывные военного времени: «Сокол — я Незабудка... Сокол — я Незабудка... Срочное сообщение от майора Хрякова... Чрезвычайная ситуация в мещерских лесах...»

Не отрываясь от расшифровки, Петр Петрович проглотил стакан чаю и бутерброд с валидолом. Он задумался, вспоминая неуловимую Незабудку, за которой охотилось все гестапо и которой невероятным образом удавалось ускользать из любых облав и засад. Конечно, получить радиogramму во сне было не совсем обычно. Но, с другой стороны, Незабудка считалась одной из лучших разведчиц и ни разу не давала непроверенной информации. А почерк, теперь он вспомнил это точно, был именно ее. Ну а относительно необычного и сверхъестественного он хорошо помнил, что в войну и не такие чудеса случались — взять хотя бы разгром немцев под Москвой. Немного поколебавшись, он взял мобильник, набирая номер своего бывшего подчиненного Сани Свистоплясова...

Информационные агентства передают:

«...Ситуация в рязанских лесах остается непонятной. Грибники проникнуть туда почему-то не могут. Ягодники тоже. И даже корреспонденты. А с теми корреспондентами, которые уже туда проникли, связи нет. Вокруг лесов то и дело наблюдаются какие-то аномальные, паранормальные, а то и вообще ненормальные явления...»

Глава 16. Отряд особого назначения

Один за всех, и все «за».
Русская народная мудрость

— Давай-ка, служивый, присядем на дорожку! — предложила майору бабушка Ганна.

Они присели, хотя дорожка была потертой и пыльной. Приближалась решающая ночь — ночь, когда кто-то кого-то должен был решить.

В предшествующие двое суток их никто не беспокоил, кроме клопов и медведицы, которая заглянула вернуть одолженную сковородку. А желающих махать кулаками после прошлой драки вроде бы не находилось. То ли слуги Дракулы учли, что Василию два пальца в рот не клади, то ли помог пояс магической защиты, оборудованный старухой вокруг избушки. Причем устроен он был так хитро, чтобы любой, кто пожелает нанести удар ниже пояса, зашиб ногу о вкопанные кирпичи.

А может, противники просто удовлетворились тем, что обложили их трехэтажными засадами. Поэтому и Хряков с бабкой со двора не выходили, а только на двор, предоставляя врагам и дальше заседать и удовлетворяться по кустам. Со всеми поручениями в лес пробирался по ночам кот Васька, отважно заявлявший, что если уж он от собак и мальчишек уходил целым, то от троллей и подавно уйдет, потому что нюх у них похуже собачьего, а ума даже меньше, чем у мальчишек.

Хозяйка не оставляла попыток наладить междугороднюю астральную связь. Позавчера она сумела через код города доколдовать до подружки своей юности, и они болтали до третьих петухов.

— Та самая, што костер загасила, — показала она потом майору еще одно архивное фото, изображающее даму, разнаряженную в стиле ретро. — Она так и служила потом по пожарной части.

Вчера подружка сообщила, что связалась с какими-то другими подружками, и теперь старуха оставалась их встречать:

— Сразу опосля полуночи обещалась вылететь. Да ить пока начепурится, марафет наведет. Да и путь ей неблизкий, от Пермской зоны.

А Василий и кот уходили на передний край искать крайнего.

— Ты уже девок-то моих попробуй разыскать, — всхлюпнула бабка. — Дурные они, а ить родные.

Хряков пообещал сделать все, что будет в его силах. Старушка на прощание пустила слезу в огород, высунувшись из окна — чтобы лишний раз не поливать. А чтобы не залить огород слишком сильно, она ностальгически затянула песню, как в позиции девушка провожала бойца. Майор и Васька покинули гостеприимные стены, двери и тряпки для вытирания ног, углубившись в лесную глушь и слепоту.

— Патрулей чего-то не видать, — доложил кот, сбегав вперед на разведку. — А вчера было, как мышей неловленных.

— Значит, правильно все рассчитали. Главное мероприятие на сегодня у них назначено, вот и оттянулись все к месту раскопок. А может, и сейчас оттягиваются.

Вскоре они спугнули группу местных зверей, разглядывающих что-то белеющее на большой сосне. Когда подошли поближе, Василий увидел свежую, еще пахнущую типографской суетой листовку «Дракула — дурак!».

— Наши работают! — горделиво отметил кот. А майор, не обнаружив поблизости никаких опровержений, подумал, что по крайней мере в информационной войне они пока выигрывают. Несмотря на показную браваду, Васька, кажется, нервничал и болтал больше обычного. Распрашивал о Москве, о ценах там на молоко и печенку. А потом вдруг разоткровенничался:

— Слушай, если в этой катавасии уцелеем, ты бы взял меня к себе, а?

— А что, настолько туго?

— Ну ты же сам видел. Психонелогическая несовместимость у нас с бабкой. А я ж не собака, чтобы верность сохранять и хвостиком вилять при таком отношении. Вот и попросил бы меня у нее. Она тебя уважает, не откажет своему спасителю. Да, пожалуй, и рада будет избавиться — сможет себе молодого кошака взять, неопытного, который рад будет задарма выслуживаться и нахлобучки понапрасну сносить. А ты — мужик вроде стоящий, на тебя можно положиться — и клубочком, и врастажку. Я сразу в тебе что-то родственное почуял. К тому же, говоришь, диван у тебя есть. И колбасу дают. Оно, конечно, не главное, с питанием и здесь выкрутиться можно, если уметь с мышами по-хорошему договариваться, но все-таки...

Василий задумался над неожиданным ходатайством, взвешивая все «за», «против» и «воздержался», а кот принялся выкладывать и другие доводы — похоже, копившиеся у него давно и основательно:

— Или вот, слышал я, какие-то китекеты, вискасы, фрискасы у вас бывают. Если честно, то я к ним, конечно, совершенно равнодушен — я вообще животное скромное и неприхотливое. Но разочек, чисто ради любопытства, попробовать можно бы. Ну, скажем, в виде поощрения на День Танкиста или День Мелиоратора... И потом, ты знаешь, если между нами, мужиками, то больно уж далеко здесь по кошкам бегать. А я ж не извращенец какой, чтоб с зайчихами. С ними-то что за удовольствие — лежит, понимаешь, как доска, и помурлыкать толком не умеет...

Хряков посмотрел на его озабоченную мордашку, и ему стало жалко своего самоотверженного помощника. Подумал, что ведь и впрямь котяра неплохой, а как жену уломать — потом видно будет.

— Ладно, живы будем — поговорю с бабкой.

— Правда? Обещаешь?

— Честное майорское.

Получив такие стимулы к подвигам, кот заметно приободрился и дальше вышагивал в приподнятом настроении с приподнятым трубой хвостом. В известном ему месте он условно помяукал и принялся условно скрести

коготками дерево. Из чащи тотчас показался Леший, гордо неся на плече дубину народной войны. Приложив руку к верхушке, четко доложил:

— Товарищ майор! Сводный партизанский отряд памяти Палицы Ильи Муромца готов к выполнению ваших приказаний! — после чего с явным удовольствием почесал свою верхушку, сохранившую столь важную память.

Василий удовлетворенно констатировал, что бдительность в отряде посажена на должной высоте — когда двинулись дальше, откуда-то сверху раздался окрик:

— Стой, скажи пароль!

— Пароль! — ответил их провожатый. В секрете на дереве сидел незнакомый лешак с двухстволкой и крутил козью ножку. Хряков сделал ему замечание, чтобы на посту не мучил животных, и отпущенная коза радостно убежала.

Партизанский лагерь гудел, как растревоженный частный сектор. Повсюду виднелись лешие в камуфляже из листьев — кто с охотничьим ружьем, кто со старым обрезаем, а кто и просто с кольями. Одна группа выделялась большей организованностью, лихим видом и трофейными «шмайссерами».

— Из-под Брянска притопали, — уважительно представил их Леший.

— А чаво, командир, — задорно подмигнул дремучего вида старший. — Есть ишо порох в пороховницах и ягоды в ягодицах! Народец у меня обстрелянный — и из минометов, и из артиллерии. Немцу-то мы в наших лесах славно прикурить давали, до сих пор как вспомнишь, так и тянет под откос спустить! А как прослышали, будто здесь новый враг объявился, — айда, говорю, когда ж еще такой случай представится стариной тряхнуть! Да и подрастающее поколение привел, пуцай учатся, — кивнул он на зеленую молодежь — видимо, из каких-то недавних лесопосадок.

Жизнь в лагере была налажена основательно, по-хозяйски. Дымила военно-полевая кухня, задолбав всех рекламой нового супчика. Посыльные кикиморы с пакетами бежали на побегушках или сидели на посиделках. Действова-

ла партизанская оружейная мастерская, и на самодельном конвейере были разложены русские расписные дубины.

А посреди полянки специально настелили пол, чтобы разместить под ним подпольную типографию. Василий заглянул туда и познакомился с членами подпольного лескома, которые как раз составляли текст новой листовки: «Дракула — притырок!». Из-за кустов доносились юные, взволнованные голоса:

— ...Вступая в ряды «Молодой гвардии», торжественно клянусь...

— Бесенята болотные, — умиленно пояснил Леший. — Надежные помощники растут. Хитрые — ну прямо как черти, везде пролезут. И листовки это они расклеивают, и разведка незаменимая. А вчера в большом болоте головастики потравили, чтоб врагу не достались. Жалко, взрослых лягушек успели угнать, гады...

Из низинки вкусно пахивало тройной ухой и тройным одеколоном. Навстречу майору поднялась ладная фигура в черном бушлате и скомандовала:

— Встать, смирно! Здравия желаю, товарищ начальник! Аль не узнаете?

Узнать Водяного и впрямь было трудно. Он был трезв, чисто выбрит и вместо грязной спецовки одет в старенькую, но опрятную матросскую форму. И дисциплина в его ведомстве была образцовой — у костров выстроились один к одному не меньше сотни молодцов в брюках-клевш и тельняшках, а на ленточках бескозырок горделиво золотились названия — «Ока», «Клязьма», «Теша», «Трубеж», «Осетр», «Протва», «Пахра»...

— Вольно! — разрешил Хряков. — Можно покурить и оправиться.

Некоторые задымили, другие стали присаживаться за кустики. Среди речного воинства Василий заметил и знакомую русалку Нинку. Груды ее теперь прикрывались перекрещенными пулеметными лентами, и она возилась с ржавым «максимом», проверяя пристрелку лукавыми глазками. А две других русалки, Нюська с Наташкой, жесточно спорили за право быть вторым номером.

— Цыть, швабры! — строго прикрикнул Водяной. — А то на берег спишу, гальюны на пляжах чистить. Сам потом определяю, кого в какие номера.

— Где взял-то такой? — заинтересовался пулеметом Хряков.

— Да это еще чапаевцы в реку побросали, когда от чехов драпали. А теперь волжский водяной выделил по моему рапорту. И другого добра подбросил, — указал он на автоматы ППШ, винтовки и штыки своих подчиненных. — У него после войны этого добра на дне хватает.

Пригласив с собой Водяного, Василий продолжил обход лагеря. Осмотрел походный лазарет, развернутый под соснами болотными марухами и лихоманками. Отдельно расположились какие-то лохматые существа вообще экзотического вида с луками и стрелами.

— Мордовский Керемет своих привел, — представил их Леший.

Кто такие эти «свои», майор предпочел не уточнять, уж больно неадекватно они выглядели, но все же сказал несколько подобающих в таких случаях слов о братском единстве и нерушимой дружбе.

— А вот с этими прямо и не знаю, что делать, — посетовал хозяин, подводя майора к нескольким сизомордым типам, связанным и сидящим под охраной, распутив сопли. — Упыри. Перебежчики, одним словом. Служили у Дракулы, а теперь, видать, совесть замучила.

— В штрафбат, — решил Хряков. — Пусть кровью искупают вину.

— Своей или вражеской? — сразу оживились пленники.

— А это посмотрим по поведению, — сурово оборвал Василий.

Леший повел их в свой штаб — это была землянка в три наезда, прикрытая маскировочной сеткой от мух. Василий перешел к делу:

— Сколько всего у тебя стволов?

— Ой, много! А веток и корней еще больше.

— Языка взяли?

— Взяли. И языка, и грудинки, и ветчины.

— А что показала разведка?

— Где раки зимуют. Наши бесенята все их расположение облазили и обгадили.

— Ну и что там делается?

— Всякие дела. Археологи арестованы и заперты под замок в своих палатках — на кольшках палаток натянута колючая проволока, а в окнах установлены решетки. Остальные целыми днями шоу какое-то репетируют. А может, телешоу, потому как телешоу. Режиссерша там у них черная, да такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать — слишком неприлично получится. Гоняет их до седьмого холодного пота, но они все равно довольны, как сто бакинских комиссаров. Стараются, песенки какие-то разучивают, танцы, сценарии зубрят так, что уже сами все зазубренные.

— А про наших женщин ничего не узнали?

— Ну их-то как не узнать! Держат их в сарайчике для шанцевых музыкальных инструментов. Страдают и терпят лишения, потому как лишены мужского общества и совсем измучились от собственной болтовни.

— Голодом их там не морят?

— Нет, говорят — кормят, как на убой. И они очень боятся, что до убоя располнеют.

— А вот еще с Марьяной зачем-то одну коммунистическую активистку захватили, — вспомнил Хряков. — Такая, знаешь, неопределенного возраста, пола, телосложения и мордовычитания...

— Знаю. Вот ей почему-то тяжелей всех приходится. Посадили одну и каждый день так отделявают, что партия родная не узнает.

— Бьют, что ли?

— Бить не бьют, но подвергают разным пыткам — пытаются прихорашивать да подмлаживать. Держат в косметической маске, приговаривают к телесному массажу, заставляют принимать какие-то пилюли, ванны и приличный вид. Только она не сдается, протестует против наси-

лий над своей личиной и говорит, что им все равно ее не переделать...

В это время снаружи послышались крики «В ружье!». Однако в ружье они все могли и не поместиться, поэтому выскочили наружу. Но оказалось, это просто пришло новое пополнение — впереди на коне ехал дед-Полевик в соломенной шляпе, а за ним, отбивая шаг крепкими пятками, маршировала колонна полевиков и рослых дев-полевиц в посконных рубахах, грозно оцетинившихся косами, вилами и граблями. Леший, казалось, был озадачен их появлением, да и Полевик, похоже, пребывал с ним не в лучших отношениях. Сделал вид, будто не замечает соседа, и обратился прямо к майору:

— Раз все, то и мы поднялись. Мы же не домовые, чтобы в самую страду по сусекам сидеть!

Василий поблагодарил добровольцев и ядреных добровольчих, тут же насыпавших ему полные карманы семечек, и пригласил в землянку всех командиров. Леший позаботился запасти целый мешок картошки для разработки плана операции, достал колоду штабных карт с грифом, непонятно как залетевшим в эти края.

— Пожалуй, действовать будем так, — задумался Хряков, стараясь припомнить периоды своей действительной и недействительной службы в войсках. — Лешие наступают со стороны леса. Водяные заходят со стороны реки. Полевики блокируют со стороны поля. А ваши... — он замылся, глядя на неординарное обличье Керемета.

— Наши мозга вышибить будут, — флегматично подсказал тот, и майор кивнул.

— Тоже стодится. Значит, присоединяйтесь, к кому вам будет удобнее. Вопросы есть?

Поднялся дед-Полевик, приглаживая пышные соломенные усы:

— Я извиняюсь, конечно. С нечистью-то этой иноземной мы как-нибудь управимся, дело нехитрое. Да только как с самим Дракулой быть? Он ведь и близко нам подойти не даст, одной своей магией разметет, как снопы.

— На этот счет я кое-какие средневековые справки навел, — кивнул майор. — На должностное лицо при ис-

полнении обязанностей колдовство не действует. Стало быть, Дракулу я беру на себя. А вы начнете атаку по моему сигналу. Кстати, приготовили, что я просил?

— А как же, начальник, все в ажуре! — ощерился Водяной, доставая из-под бушлата две поллитровки, заткнутые свернутыми бумажками.

Хряков понюхал и остался доволен. Васька тоже авторитетно понюхал и брезгливо фыркнул, подтверждая, что для врагов такая гадость в самый раз. Отправив всех строить личный и лишний состав, майор вышел на поляну. Перед ним колыхались, принимая равнение, разномастные и разношерстные шеренги. Один за другим подходили командиры подразделений с рапортами, и кот, важно пристроившись сбоку наподобие адъютанта, каждый раз старательно поднимался на задние лапки, а переднюю прикладывал к правому уху.

— Здравствуйте, товарищи! — выкрикнул майор. Переждав, пока утихнет ответный рев, напоминающий лесной шквал вместе с ударами прибоя, грохотом комбайнов, бульканиями и подвываниями неизвестного свойства, он хотел было поздравить их с боевым крещением. Но подумал, что такое определение к его подчиненным вряд ли корректно, поэтому поздравил с началом окончательного и беспереворотного изгнания захватчиков. Прокашлявшись, произнес речь:

— Много говорить я не буду, а то еще охрипнешь. Да и о чем тут говорить-то? В общем, кто и с чем к нам придет, так тому тем же концом и по тому же месту! На том стоим и стоять будем! Так что — за други своя! Ну и за подруги тоже. Напра-во! Шагом — арш!

Отряд пришел в движение. Бородатые лешаки со «шмайссерами» густыми басами затянули песню:

— Шумел сурово Брянский лес...

— Качались синие тума-а-аны, — подхватили простуженными тенорами водяные. А дальше дружно грянула вся колонна:

— Лишь сосны слышали окрест, как шли на битву партиза-аны...

Информационные агентства передают:

«...Положение в рязанских лесах все больше напрягается. Там уже видели спецназовцев, террористов, международных наблюдателей, летающие тарелки, снежных чело­веков, привидения, барабашек и чебурашек. Все зверье, птичье и рыбе почему-то в панике разбегается оттуда по­дальше. Что творится внутри лесов — неизвестно. От уча­стников презентации, намеченной на эту ночь, никакой информации не поступает. По мобильной связи удалось разобрать только „СОС“, но что это было — сигнал бедст­вия или обрывок какого-то слова, никто не знает. Не ясно и то, от какого именно слова это может быть отрывок — „сосна“, „соска“, „пылесос“, „молокосос“... Прогрессивная общественность выражает крайнюю озабоченность...»

Глава 17. Фронт без флагов

Сколь веревочке ни виться, а конец —
делу венец.

Русская народная мудрость

Василий перекрестился. Он и раньше иногда это де­лал: например, когда по делам службы надо было войти в православный храм или в других ситуациях, когда кре­ститься положено. Получалось как-то само собой, авто­матически. А теперь вышло неуверенно, смазанно. Пото­му что осознанно он перекрестился, наверное, первый раз в жизни. Просто из-за того, что почувствовал вдруг по­требность перекрестится — и даже внутренне удивился сам себе, что такая потребность бывает.

Партизанская разведка, отобранная лично Хряко­вым, замерла на подступах к базе археологов. Майор глу­боко вздохнул и жестом дал команду: вперед! Охрана вра­жеского лагеря была поставлена плохо и едва не падала. Хряков и его помощники без шума сняли несколько рас­тяжек, растянувшихся и дрыхнувших поперек дороги, ме-

шая пройти. А здоровенный тролль, стоявший на часах, раздавил их и, беспечно наигрывая на оральной гармошке, нагнулся посмотреть, почему они больше не тикают. Дубина народной войны одним взмахом оставила от него мокрое место, растекшееся ручейками.

Василий с передовой разведгруппой вместе с этими ручейками просочился в расположение неприятеля. На ближайшей полянке они увидели огромный котел. В нем восседала не кто иная, как Марьяна Голопупенко, а двое облезлых оборотней возились с костром, разведенным под ней. Майор постарался подкрасться незаметно — чтобы Марьяна не заметила его раньше времени и не подняла приветственных воплей. К счастью, она задумалась о чем-то своем и мурлыкала «купыла мамо мени коня», блаженно поплескивая водичкой на плечи и подмышки.

Хряков хотел стукнуть оборотней лбами, но получилось еще лучше — один въехал в пасть другому и застрял там. Василий отпихнул обоих своим помощникам для дальнейшего оприходования, а сам получил возможность закрыть рот дивчины для некоторого сдерживания ее эмоций.

— Васыль! А як ты сюда попал?!

— Я-то обычно. Скажи лучше, как ты в этот чан попала?

— Да воны меня зъисты хотилы, ось и варят.

— Ну тогда тебе повезло, что костер слабый.

— Так то я сама им казала, шоб варылы на малом вогни! Кто ж на сильном вогни борщ готовят?

Майор с подозрением глянул на куски картошки, овощей и ошметки томат-пасты, плавающие рядом с ней:

— А что в котел класть, случайно не ты их учила?

— А як же! Конечно, я! Усе пришлось самой им диктоваты. Бо разве ж ти олухи сумиют сварыты настоящего борща? Тильки добро переведут!

— Ну ладно, вылазь, — махнул рукой Василий. — А то и впрямь закипит скоро.

Она начала было подниматься, но заколебалась:

— А який же борщ без м'яса вийде? Стильки продуктов пропаде!

— Да брось, не бери в голову! У них же все равно сметаны нет, а какой борщ без сметаны?

— Як нема? Точно нема? Чим же воны думалы? — возмутилась Марьяна и полезла наружу с прилипшим лавровым листом вместо фигового. — Я ж и говорю — олухи! Ось так бы и згнула понапрасну!

— Ну-ка показывай быстрее, кого тут еще надо спасать, а то у нас уже мало времени.

— А ось там за деревьями ще когось готовят. У них в этом лесочке кухня, а зараз для праздныка им багато еды потрибно.

На соседней прогалине ярко пылало несколько костров. Расхаживали толстые гоблины в белых колпаках, а большая группа научных и административных работников, раздетых до очков, ожидала, когда ими займутся. Руководителей экспедиции уже подготовили в рядок для насаживания на вертелы. Но они сбивали кулинаров с толку своими спорами, кто должен быть первым.

Доктор Афедронов заявлял, что он, как культурный и цивилизованный ученый, считает долгом уступить очередь дамам. Но его помощницы отказывались от такой чести, поскольку с их стороны это было бы неуважением к его заслугам и авторитету. Доцент Гугина во избежание подгорания кокетливо подмазывалась кремом от загара и глубокомысленно рассуждала, что с точки зрения диалектики их шеф всегда был на острие науки. Значит, и сейчас им будет приятно чувствовать себя его последовательницами. А секретарша Мышкина указывала блокнот с уже расписанной очередностью. В непривычной обстановке она жутко комплексовала и украдкой уточняла у ближайшего нечистика, правильно ли она подставилась для насаживания или это слишком уж неприлично.

Младшие научные сотрудники и сотрудницы, сваленные кучей на следующий заход, вели себя легкомысленно. Пытались друг дружку щупать связанными руками и ногами и требовали развернуть к ним научное руководство более интересными ракурсами, а то ничего не видно. Директриса дома культуры орала, чтоб кончали базар и не

задерживали очередь. И только представитель мэрии по-малкивал в тряпочку, потому что во рту у него был кляп.

Повара растерянно тыкались своими вертелами то в одни, то в другие научные сферы. Шеф-гоблин психовал и требовал поторапливаться, пока начальство из них самих отбивную не сделало. А тут еще появился новый нечистик со стопкой военной формы и передал, что несколько штук велено запечь в мундире. Тогда не выдержал и шеф-гоблин — принялся вопить, что наверху сами не знают, чего хотят, и он снимает с себя всякую ответственность. Однако пришедший его уговаривал, что фиг с ней, с ответственностью, но ведь могут и шкуру снять.

Василий, пользуясь суматохой, стал подавать знаки младшим научным сотрудникам. Они, кажется, поняли. Начали еще более интенсивные приставания и шуточки с самыми младшими или самыми научными сотрудницами. Те еще более интенсивно завозились и запищали. Гоблины повернулись к ним, затыкая вертелами уши и пытаясь перекричать, чтобы вели себя прилично и не мешали работать. А Хряков махнул лешакам, предлагая им делать свое дело. Свистнули дубины...

Майор, стараясь не наступать на получившиеся лепешки со вмятыми в них белыми колпаками, распорядился насчет пленников:

— Этих освободить, а эти пусть пока полежат, с ними еще разобраться предстоит, — указал он на руководство. Один комплект формы протянул Марьяне: — Вот и тебе есть что надеть.

— Ни! Я в вашу москальску форму наряжаться не буду! — с отвращением отвергла она, и вдруг радостно запрыгала: — А вон и моя форма!

Возле кухни из груды картофельных, луковых, капустных и человеческих очистков она выудила детали собственного желто-голубого интима. Принялась натягивать их, но на лице возникло задумчивое выражение:

— А може, пока лучше так остануся? А то вдруг ще який-нибудь конкурс буде? — судя по всему, надежды на победу в конкурсе в котле еще не перекипели, и Марьяна с

ходу подыскала более весомую причину: — Тай для маскировки лучше буде. Тут сегодня уси голыми бигают.

Разведчица начала стаскивать демаскирующие факторы, но снова что-то вспомнила и зависла на половине застежки:

— Але ж я така стеснительна! Як уси настоящие украиньски дивчины!

Хряков понял, что выяснение проблем национально-го сознания может затянуться надолго, и отмахнулся, направляясь дальше:

— Ну замаскируйся, как будто ты одетая.

Когда Марьяна догнала майора, ее совесть была уже спокойна, а проблема решена. Оба предмета нижнего туалета превратились в верхние — были обвязаны на голове наподобие банданы. В лощине они обнаружили еще один кухонный цех, там стояла передвижная станция переливания крови. Уже знакомых Василию археологов, небритых мужиков и неумытых теток, здесь поили каждого отдельным напитком. Кого коньяком, кого водкой, кого шампанским. А около аппарата переливания готовили пустые бутылки с соответствующими этикетками. Археологи агрессивно мычали, что не дадутся, пока им не погасят задолженности по зарплате. Тем не менее надувались исправно, и некоторых отключившихся сизомордые вампиры уже подключали к иголкам и трубочкам.

Они и сами держались на ногах очень нетвердо. Видать, снимали пробу в процессе приготовления, и Василий даже не стал спускаться в лощину, не желая связываться с пьяными. Подал сигнал мордовским добровольцам и увидел, как те заряжают луки осиновыми стрелами. А майор двинулся вперед, и за кустами перед ним открылась обширная поляна, где и разворачивалось основное действо.

Эта поляна представляла собой пологую котловину. А раскопки углубили ее ступенями, наподобие амфитеатра, поэтому все происходящее просматривалось вдоль и поперек. Пресловутый алтарь и в самом деле был все-

го лишь огромным плоским валуном, на котором кто-то в какие-то неведомые времена изобразил большую пятиконечную звезду. А вокруг, по всему свободному пространству, происходила массивованная групповуха, где смешались и люди, и нелюди. Демонстрировали такие варианты извращений, что впору было ставить ограничение даже не 18+, а 180+, а то и побольше.

На дальнем конце поляны, за алтарем, виднелся высокий бугор наподобие президиума. Единственное шикарное кресло в этом президиуме оставалось пустым. У его подножья томно возлежала черная референтша Дракулы. Алое кожаное бикини она то ли забыла снять, то ли нарочно надела, чтобы совсем не ослепить присутствующих своим телом — которое явно победило бы всех собранных на поляне победительниц. Вместо подушек референтша опиралась на подставленные животы беременных конкурсанток. Примостившимся рядом колдунам она самодовольно поясняла, что не выносит праздной прислуги и наконец-то нашла себе непраздную. А прислуга проявляла служебное рвение, всю махая опахалами и отгоняя от хозяйки назойливых ухажеров.

Здесь же Василий обнаружил своих героических соратниц. Позади кресла полукругом были вкопаны шесть перевернутых крестов. На пяти из них вниз головами висели пленные русские ведьмочки. Эльвира Федоровна аж вибрировала от негодования, что ее выставили в таком виде, поскольку без кокетливых оберток их содержимое вульгарно обвисло, да еще и не в ту сторону, заслоня оскорбленное выражение лица. Ее приближенная Клава в процессе висения очень маялась от безделья. Ябедничать заведующей о творящихся вокруг безобразиях было бессмысленно, ведь та видела их сама, и Клава от скуки разглядывала собственные перевернутые татуировки. Дюжая массажистка Татьяна напрягала мускулатуру и окружающих, силясь разорвать веревки, как и тех, кто их завязал. А косметолог Марина сохраняла философское спокойствие. Даже в таком положении она ухитрялась дымить си-

гаретой, хотя дым при этом шел из ушей. Пожалуй, из всех сотрудниц центра «Знахарка» наиболее комфортно чувствовала себя Люська, поскольку ее наконец-то уравнили в правах со взрослыми и не мешали выставлять напоказ вторичные признаки.

Освещая поляну, повсюду горели факелы и черные свечи. Причем вместо подсвечников использовались самые неожиданные места домкультуровской секции художественной гимнастики, весьма художественно изображавшей разные скульптурные и архитектурные композиции. В сторонке официанты-гоблины накрывали длинные столы для предстоящего пиршества. Расставляли холодные закуски — тарелки со змеями, пауками, червями и лягушками, сдабривали их соусами, зеленью, кетчупом и нечистотами. Работали они творчески и для украшения кулинарных шедевров пользовались подручным материалом — вытаскивали прямо из групповухи разгоряченных участников.

Среди привлеченных на стол оказалась лейтенантша Шуляткина. Она, как луч света в темном царстве, была слишком заметна и легко вытаскивалась за кончик из общей массы. Ее пытались водрузить на блюдо с пиявками. Любезно объясняли, что насосавшиеся пиявки станут гораздо вкуснее, да и сама она будет удивительно гармонировать с ними по внешности и по вкусу. Шуляткина упиралась. Лепетала о своих правах на самостоятельность и самосидетьельность, опасливо потирала самосидетьельные места и уверяла, будто с ней даже тиран-муж так не поступал. Но ей напомнили про контракт, успокоили, что терпеть придется не так уж долго, усадили и начали поливать майонезом.

Поманив к себе командиров подразделений, Василий еще раз предупредил их, чтобы мирных граждан и гражданок не трогали. Напоследок уточнил диспозицию. Кивнул Водяному:

— Значит, твои заходят справа, по руслу ручья. А твои атакуют слева...

— Не получится, — прошелестел Леший. — Поляна большая, а деревьев на ней нет. Мы же ростом до травы уменьшимся и потеряем преимущество.

— Тогда изменим план, — майор огляделся. — Вон у тех сосен преимущество у вас будет максимальным, там и занимайте позицию. Как и договаривались, атаку начнут водяные. Ну а мне надо бы в самое логово пробраться. Слушай, Марьяна, а если и вправду — ты пойдешь, как одна из ихних? А я сзади тебя замаскируюсь? Авось в темноте да в бардаке не заметят!

— Ой, як гарно ты придумав! — обрадовалась она. — Мени и самой хотилося туда сходьты. Бо звидсьль ничего толком не видно.

Стараясь держаться в тени и отыскивая промежутки между сплетающихся тел, украинка и майор начали продвигаться к центру. Вокруг них все пыхтело и перемешивалось. Куда ни глянь, открывались потрясающие картины. Одна тетенька, закатив глаза от удовольствия, облизывала и обсасывала чей-то хвост. А рядом здоровенный тролль обсасывал другую тетеньку, заглотив ее до пояса. Какой-то дух занимался любовью сразу с тремя партнерами, превратившись в квадратный трехчлен. Еще одна бывшая конкурсантка — кажется, та, что лупила благоверного скалкой, — прыгала, оседлав гномика, и своей массой расплющила его в тонкий блинчик. А другая, которую пихал на сцену и в автобус муж, деловито уточняла, какой прибыток ей будет в дом от сочетания с двумя художными синеватыми ундинами.

Все уже изрядно завелись и увлеклись, что позволяло Василию с Марьяной пробираться незамеченными. Майор, периодически отвергая предложения «третьим будешь» и отвечая за напарницу «она не танцует», высматривал, где же сам Дракула. Наблюдал, как престарелая фея в целях разнообразия то и дело меняла пол, возраст, национальность и социальное происхождение своих партнеров. Как суккубы сучились между собой и требовали от инкубов предохраняться, чтобы не зачать инкубаторских.

А плюгавого нечистика послали в задницу, и он понял это буквально, так что оттуда торчали только его ножки.

Но главного врага долгое время нигде не обнаружилось. Появился он внезапно. В какой-то момент Хрякову почудилось, будто впереди, на возвышении, появилось несколько летучих мышей. Самая большая из них села на подлокотник кресла. Но уже через секунду вдруг оказалось, что это вовсе и не мыши. Это как раз и есть искомый лжепрофессор со своей свитой.

Однако в кресло он не сел, а встал рядом по левую руку. Негритянка тотчас почтительно вскочила. Ее служанки засуетились, нацепили кружевные наколки, обвязали передничками барабаны животов и начали предлагать высокопоставленным вампирам подносы с бокалами охлажденных кровезаменителей. Одна из них подала хозяйке микрофон, и та на всю поляну потребовала заканчивать культмассовые мероприятия, к крайнему огорчению разошедшихся красавиц и крайнему облегчению измученных нечистиков:

— Прошу всех подготовиться к торжественной части и занять места согласно сценарию и купленным билетам.

В возникшей суматохе Василий и Марьяна сумели юркнуть за спину массивного лохматого существа, где и затаились.

— Слово для отчетно-почетного доклада и микрофон тоже предоставляется профессору, графу, чрезвычайному и полномочному послу и лично товарищу Дракуле!

Переждав бурные и продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию и обратно, Дракула произнес:

— Наступает главный момент, ради которого мы здесь собрались. Вот-вот звезды сойдутся в благоприятном для нашего общего дела раскладе. Водолей соединится с Водосливом, Стрелец со Стрелецкой, Козерог с Козьемордом, Близнецы станут Раком, а созвездия Девы и Льва объединятся под знаком Девальвации. К этому знаменательному рубежу мы с вами подошли со значительными успехами. Мы сумели обеспечить материально-техническую базу темного будущего, — указал он на алтарь. — Оста-

лось сделать последний рывок, последнее усилие, провести ударный обряд и вскрыть чрево девственницы. И заветная мечта многих поколений исполнится, на землю придет настоящий хозяин!

Негритянка дала знак, чтобы снова бурно поплодировали, и Дракула продолжал:

— Торжественную встречу мы тоже подготовили и отрепетировали. Я надеюсь, хозяину понравится. Еще раз предупреждаю: кто будет халтурить, получит три наряда на кухню вне очереди — в качестве первого, второго и третьего. А сейчас приближаются самые ответственные минуты! Введите девственницу!

Группа «Довлеющий рок» заиграла песенку «Пять минут», плавно перейдя на попури из маршей Мендельсона и Рабиновича с оркестром. Двое негров вывели к алтарю коммунистическую активистку Разорваеву. Она была так капитально отретуширована и отреставрирована, что издали смотрелась даже ничего, особенно в профиль и если совсем погасить свет. Ее наряд составляла черная невестинская фата, умело драпирующая физиономию, а девственный орган она целомудренно прикрывала партбилетом.

Вертялая телевизионщица с канала «Хрен-TV», до этого момента возлежавшая в большой салатнице с пучком петрушки в хвостовой части, мигом соскочила со стола и бросилась к ней брать интервью.

— Что вы чувствуете в эти мгновения? Страх или жалость к себе?

— Нет, гордость за нашу партию! — обрадовалась та, в кои веки дорвавшись до средств массовой информации. Выкрикнула: — Нас много на каждом километре! Всех в жертву не принесете!

— Испытываете ли вы ненависть к своим потрошителям?

— На них нельзя обижаться. Ведь они пролетарии всех стран и обмануты подлым империалистом. Но когда-нибудь они прозреют и свергнут иго. А я постараюсь стать живым погибшим примером, который поможет пролетариям всех стран прозреть и свергнуть иго.

— Сожалеете ли вы о своей участи?

— Да вы что! Умереть за коммунистические идеалы — это в наше время очень большой дефицит и исключительно редкая удача.

— Что бы вы хотели пожелать на прощание зрителям?

— Скорейшей революционной ситуации.

Она приняла позу поэффектнее и запела «Интернационал». Но ей быстренько отключили микрофон и заткнули рот, потому что ни слуха, ни голоса у нее не было ни малейшего. Исчерпав таким образом музыкальные возможности, коммунистическая активистка Разорваева удовлетворенно улыбнулась, увидев звезду на алтаре. Полезна на него, укладываясь поудобнее и пытаясь поточнее попасть конечностями в пятиконечные зубцы. Телевизионщицу потащили обратно к столу, вставляя ей в соответствующий разъем выпавшую петрушку. А Дракула развернул обшарпанный самиздатовский пергамент и стал читать непонятные слова с непонятными грамматическими ошибками.

Негритянка дирижерской палочкой дала маху, и шоу началось. Оно и в самом деле было задумано на уровне мировых стандартных штампов. Играла группа «Довлеющий рок» в сопровождении домкультуровского хорового кружка, исполняя какой-то каббалистический хит. Ансамбль ложечников выстукивал ритм на тамтамах и тамсямах. Вокруг алтаря извивались подтанцовки и кружился домкультуровский хоровод. Колдуны колдовали с голографическими и порнографическими эффектами. А массовка изображала улыбочки типа «чи-из», раскачивалась из стороны в сторону и подхватывала припев.

Василий решил, что дальше тянуть резину опасно, сунул ее в карман и стал проталкивать Марьяну вперед. Теперь соседи начали обращать на них внимание. Но все боялись брать на себя ответственность за нарушение сценария и благоразумно помалкивали. Между тем служанки окружили негритянку, помогли ей повязать нарядный кухонный фартучек, натянуть на чернолебединые руки хо-

зайственные резиновые перчатки. Дракула торжественно вручил ей нож, в котором майор по хреновидной рукоятке сразу опознал музейную пропажу.

Ассистенты-колдуны в хирургических повязках склонились над жертвой, протирая спиртом вокруг узловатого пупка и размечая поровнее линию от подвздошья до партбилета. А коммунистическая активистка Разорваева хихикала и изо всех сил сдерживала конвульсии, чтобы от щекотки не нарушить нестигаемой выдержки и духовного величия. Режиссерша танцующей походкой попо-звезды направилась к алтарю, и на лице Разорваевой задернули фату в ожидании фатальности.

Но в этот момент Хряков уже пробрался в первый ряд и гаркнул, шагнув на открытое пространство:

— А ну хватит! Кончай несанкционированный шабаш!

Стало так тихо, что было слышно, как у присутствующих трясутся поджилки. Люська восторженно пискнула висящей рядом Маринке:

— Ну вот, я ж тебе говорила!..

Ближайшие нелюди начали было разворачиваться на Василия, засучивая шерсть на лапах, но он предупреждающе повел в их сторону стволом маузера:

— Без фокусов, мальчики. А то вмиг дематериализую. Кстати, и вы, гражданочка, бросьте-ка холодное музейное оружие!

И тут с возвышения раскатился смехом Дракула:

— Все-таки явился! А я уж думал, так и не получится как следует позабавиться! Как же ты сюда пробрался?

— Вопросы здесь задаю я, — недобро хмыкнул майор. — А твое дело — отвечать, падло!

— Ну ты наглец! — искренне удивился Дракула и начал увеличиваться в размерах, наглядно показывая, что ему майоры по колено. — А я-то считал тебя неглупым противником. Впрочем, твоя логика мне понятна и давно просчитана. Ты сейчас пытаешься тянуть время в надежде, что истечет разрешенное время ритуала или к тебе подспеет подмога. Но времени у нас гораздо больше, чем ты предполагаешь и проживешь. А помощи тебе ждать не-

откуда. Всех твоих связных мы повязали, вот они, можешь убедиться.

— Между прочим, я ничего им не сказала, — бодро заверила Люська. — А твою записку капитану Горлохвату я проглотила.

— А мы поставили клизму и прочли, — снова впал в веселое настроение граф. — И получили огромное удовольствие, потешаясь над твоими планами. Конечно, записку можно было достать и проще. Мои специалисты предлагали перед сегодняшним ритуалом потренироваться на твоих специалистках. Но я решил подарить им отсрочку до нынешней ночи. Прикинул, что за живыми ты вернее притопаешь. Видишь, даже местечко для тебя оставил, — он кивнул на шестой, пустой крест.

Однако Василий его излияния проигнорировал и заботливо спросил у Люськи:

— Как ты там, в подвешенном состоянии?

— Да я-то ничего, более менее, я ведь обожаю садомазо.

— Ну пообожай еще чуток. Сейчас я только с этим типом разделаюсь и вами займусь.

— Нет, ты и в самом деле редкостный экземпляр! — покачал башкой Дракула. — Упрямый, тупой, настырный, сильный. Из тебя потом выйдет отличный зомби. Пожалуйста, даже сделаю его начальником своей охраны.

— Да ты меня на пушку-то не бери, а то я и на мушку взять могу, — сплюнул Хряков. — Так что хватит выдрючиваться, а? Сам спустишься или помочь?

— Ах, ну да! Извини, забыл! Ты же на пульки свои считаешь! Но только мы и здесь тебя переиграли. Демоном-то я нарочно пожертвовал, на разведку боем послал. Чтобы ты выложил все козыри! Поэтому, видишь ли, против твоих пулек у меня тоже предусмотрены надежные меры. — Он вдруг на глазах стал менять форму. Превращался в бронированное чудовище, нечто среднее между слоном и танком, с хоботом-стволом, злобными глазками триплексов и огромной клыкастой пастью на месте ниж-

него люка. Машина взревела и с пригорка двинулась прямо на Хрякова: — Ну давай, майор, пощечочи меня из своей пукалки!

Толпа хлынула в стороны, а Василий широко ухмыльнулся:

— Ну наконец-то до дела дошли! На-ка, поддержи, — он передал Марьяне свою куртку, оставшись в старой десантной тельняшке. Из-за пояса вытащил бутылку.

Дракула, набирая скорость, расхохотался так, что залязгали все заклепки:

— Ну-ну! Чем ты там еще меня пугать вздумал? Святая водичка?

— Да нет. Мы по-простому, по-нашенски. У вас в Америке это называли «коктейль Молотова», — процедил майор и чиркнул коробком по торчащим из затычки спичечным головкам.

На железной морде отразилось какое-то подобие озадаченности, но было уже поздно. Разогнавшись на спуске, чудище набрало инерцию. А Василий, едва успев отскокить из-под удара, швырнул бутылку. Дракула взвыл и закружился на месте, пытаясь сбить пламя. Не тут-то было! Как только он повернулся задней частью, майор послал туда и вторую поллитровку с паленым бензином.

Чтобы в агонии монстр не задел честь Марьяны, Хряков плечом сбил ее с толку, перекатился и начал палить по ближайшим нечистикам. Одна шальная пуля совсем расшалилась и сбила интимный партбилет с активистки Разорваевой. Та завизжала, вскочила, хватаясь за оголившееся место, и поползла по поляне в поисках утраченного. А в следующую минуту в алтарь с грохотом врезалась пылающая громадина Дракулы, выбросив искры из глаз и дым из выхлопного прохода.

Василий огляделся, откуда еще грозит опасность, однако врагам было уже не до него. Из стелющегося над ручьем тумана раздалось: «Полундра!» — и с пением «Варяга» поднялись в атаку водяные в своих черных бушлатах. Кто-то завопил «черная смерть!». Иноземная нечисть в панике хлынула в противоположную сторону. Но

на опушке их встретили дубины, колья и дробовики лешаков, отбросив обратно.

Из беснующейся толпы выскочила вертлявая телевизионщица и, на ходу вытаскивая зелень, застрявшую в ее прямом эфире, сунулась было к майору с просьбой дать интервью. Однако он лишь остроумно отшутился насчет «каждому давать» и, стреляя по неприятелям, недостаточно проворно убирающимся с дороги, побежал занимать ключевую высоту президиума.

Здесь пришлось изрядно повозиться, распутывая веревки и личные отношения, пока удалось снять своих знакомых сначала с крестов, а потом с собственной шеи. Эльвира Федоровна затопила его такими горячими вибрациями, в которых он едва не захлебнулся. Клава исцарапала и порвала тельняшку своими пирсингами. Марина, целуя, обожгла щеку сигаретой. Татьяна чуть не выдавила его совсем, как тюбик зубной пасты. А Люська, снятая первой, собственно, и не отклеивалась, так что все последующие объятия лишь сильнее впечатывали ее в майора.

Вокруг кипел бой. В воздухе свистели осколки сервизов и разбитых надежд. Трещали длинные очереди, выстроившиеся в туалеты.

— Ложись! — крикнул дамам майор. — Да не на спину!

Выглядели они неважно и пояснили, что со вчерашнего дня ничего не ели и не пили — ведь ежели приспичит в перевернутом положении, то против силы тяжести будет еще хуже, чем против ветра. Обшарив карманы, Хряков отдал им семечки, которыми угостили полевицы, Марине пожертвовал остатки курева, но воды у него не было, и он послал пулю за молоком.

Враги метались по поляне, не находя выхода. Некоторые попытались спастись, обтекая позицию майора и прорываясь на заливные луга. Но тут же скомандовали отход и начали читать отходную, потому что там грозно сверкали вилы и косы полевиков. Вдобавок какой-то рогатый хмырь в ужасе полез под стол и принялся орать оттуда в микрофон:

— Ахтунг, ахтунг! В воздухе ночные ведьмы!

С неба пикировала целая эскадрилья старух в ступах и на метелках, возглавляемая бабушкой Ганной. На головы оккупантов со свистом полетели увесистые банки с капустой и огурцами. А из окрестных лесов на шум битвы уже вовсю слетались вороны. Заранее рассаживались на ветвях и вели между собой диетологические споры: можно ли считать падаль нечисти экологически чистым продуктом, или лучше все-таки один раз выпить?

Василий продолжал отстреливаться, засев за опрокинутым креслом. Потом сюда же в панике полезли ошалелые служанки, отгоняя опухшими назойливыми пулями, гранаты и тухлые помидоры, размахивая белыми флагами передничков и упруго сталкиваясь между собой шарами животов. Эту проблему пришлось взять на себя Эльвире Федоровне. Она приказала Клаве покрасивее нарисовать на локтях подчиненных повязки с красными крестами, и, прикрываясь для приличия дымовой завесой, которую умело поставила Марина, они начали оказывать бегающим беженкам первую помощь, чтобы у тех не начались преждевременные схватки друг с дружкой.

А неподалеку Марьяна сошлась одна на одну с помощницей Дракулы. Только взять черную красотку оказалось не так-то просто! Украинка первым делом вцепилась в ее пышные волосы, но у нее в руках остался парик, открыв редкие и жиденькие хвостики. Марьяна попыталась провести волевой прием самбо, ухватившись за пышные формы. Однако и тут вышла накладка — которой оказались сами накладные формы. Они соскочили вместе с лифчиком, и противница кинулась наутек.

С криком «стий, стреляты буду, як найду свий пистоль» дивчина бросилась догонять и сумела поймать за трусы. Но и они лопнули, вывалив накладные ягодицы. Правда, после такого разоблачения негритянка и сама передумала убегать. Озверело прыгнула на Марьяну. Под свист болельщиков они покатались по траве, тиская и сжимая друг дружку до неприличия.

Черные колдуны хотели скрыться, превратившись в крысы. Но им ли, наивным в этой области, было уйти от

кота Васьки! Он вылетел не пойми откуда с торжествующим ором и принялся творить над ними расправу по-свойски! Другие приближенные Дракулы предпочли свой традиционный имидж летучих мышей. Хотя и эти приемы им не помогли, поскольку господство в воздухе было целиком на стороне атакующих. Израсходовав боезапас, бабки барражировали на бреющем полете и брили наголо сдающихся музыкантов с подтанцовками. А вампиров сшибали на взлете своими метелками и сметали до кучи в бушующее пламя их хозяина.

Негритянке ее собственные технические доработки сослужили плохую службу. При попытке выцарапать Марьяне глаза она обломала накладные ногти. Взвывая от отчаяния, стараясь вцепиться в противницу зубами, а украинка отшвырнула ее ударом кулака, выбив при этом вставные челюсти. Отлетев на несколько шагов и осознав, как она теперь выглядит, черная лахудра совершенно рассвиrepела и нашарила в траве жертвенный нож. Но при падении контактные линзы она тоже потеряла и стала махать ножом вслепую.

Марьяна стукнула ее по запястью, и рукоятка в виде фаллического символа вошла туда, куда, собственно, подобные символы предназначаются. Референтша завертелась и запрыгала, не в силах вытащить нож, потому что снаружи осталось только лезвие, и можно было порезаться. Точку поставила Люська. Крикнув Марьяне, что колдунов лучше всего обезвреживать крестом, она с помощью могучей Татьяны выворотила крест, на котором недавно висела, и огрела помощницу Дракулы по черной лысине.

Наступила тишина... И сразу же отступила, потому что из-за леса послышался бодрый гул приближающихся вертолетов. Когда первый из них приполянился, из него выскочил полковник Ломовой в старой, позеленевшей пограничной фуражке. Василий знал, что полковник надевал ее лишь в исключительных случаях — когда хотел вдруг вспомнить молодость или когда путал головные уборы. А за Ломовым, не гремя огнем, но сверкая блеском стали, посыпались спецназовцы капитана Горлохвата.

Первой перед полковником предстала Марьяна, гордо застывшая от поднятого винтами ветра в натуральном виде победного монумента. Ломовой невольно отвлекся, мысленно сравнивая ее фигуру с фигурами высшего и среднего специального пилотажа, которые только что испытал. А когда пришел в себя, рядом стоял майор Хряков. Он любил возникать неожиданно и как бы ниоткуда. Устало доложил:

— Контртеррористическая операция завершена. Освобождено какое-то количество заложников. Потери противника... — Он оглядел лужи слизи и ошметков. — Потери противника утошняются.

Полковник обнял его и троекратно, по-русски, пожал руку:

— Молодец! Мы сразу к тебе рванули, как только эти аномалии исчезли. Но если они исчезли, я так и понял, что ты уже сам справился, — он понизил голос до строго конфиденциального. — Президент в курсе. Хотел сам прилететь на штурмовике. Но потом прикинули, что в здешних лесах штурмовик посадить негде...

Тут появился его надежный и безотказный от драки товарищ, капитан Горлохват, презрительно оглядывающий то, что осталось от врагов:

— Салаги! Ишь, вздумали поперед батьки в матку лезть! Но вообще, товарищ майор, это нечестно! Могли бы по старой дружбе и мне оставить два-три рыла для сворачивания!.. И все же одну важную деталь вы забыли! — он хитро подмигнул, полез за пазуху и достал трехцветное полотнище. — Точка-то еще не поставлена! Ну так где тут можно флаг водрузить?

Марьяна оживилась и стала требовать, чтобы рядом с российским флагом возрузили ее жовто-блакитный лифчик.

— Ладно, — на радостях разрешил полковник. — Мы тебе потом другой дадим, наш — бело-сине-красный.

Она сразу насторожилась:

— Ни, це не треба! Я ще москалям не продалась! Нехай уж мий трошки повисит, а потим мени назад видайте.

— Насчет водружения флагов лучше вот к кому обратиться, — указал Василий на Лешего, скромно переминающегося на опушке со всем своим воинством. — Он как раз до самых высоких деревьев достает.

— Да нам, собственно, пора. Светает уже, — сказал Водяной.

Хряков поблагодарил их от лица службы и представил полковнику:

— Помощники мои. Из местного населения. Надо бы поощрить...

— Да чем же таких поощришь-то? — усомнился начальник.

— Хоть чем-нибудь. Для порядка. Вот этих, например, — дополнительными лесопосадками. А этих — ремонтом очистных сооружений...

— Хорошо, буду иметь в виду, — пообещал Ломовой, и добровольцы Хрякова неслышно, по-партизански, растворились в тумане.

— Да, чтобы не забыть, тут тебе Фрося передала. — Полковник достал пакет в промасленной бумаге.

Василий хотел возразить, что сейчас совсем не до еды. Но кто-то выразительно потерся о ноги, и он понял, что ошибается. Выдав Ваське заслуженные фронтовые сто грамм колбасы, вспомнил, что обещал поговорить насчет кота с бабкой. Начал искать ее. Она была тут как тут и уже успела выцыганить из полковника кучу обещаний насчет компенсации пострадавшим населенным избышкам. Так что Хряков воспользовался ее благодушным настроением и сумел достичь консенсуса всего за пять сотен.

Операция шла к концу. Из подручных Дракулы удалось взять чуть живой только чернотазую помощницу. Горлохват возле нее составлял протокол:

— Задержанная находится в тяжелом состоянии от удара по голове тупым предметом, коим являлась сама голова...

Ископаемый алтарь от перегрева и механических стрессов лопнул на куски. Возле него часть спецназовцев под руководством бабкиной подруги-пожарницы занима-

лась локализацией коптящего очага конфликта. Правда, нескольких молодых бойцов от вида размазанных нечистиков вывернуло наизнанку, и бригада Эльвиры Федоровны, прикрываясь для приличия группой прикрытия, оказывала помощь пострадавшим, выворачивая их обратно.

Другие спецназовцы окружили сгрудившихся участников шоу, требуя предъявить документы. А те лихорадочно обшаривали все складки тела в поисках паспортов. Супруга лейтенанта Шуляткина громко доказывала, что она своя и была тут лучом света в темном царстве, самосидетельно боролась с врагом и передала ему лучших пиявок. Да и вообще она попала сюда только ради любимого мужа — чтобы он культурно развился, был продвинутым по службе и получил третью звезду в ее лице.

Вертялая телевизионщица где-то выкопала из-под салата своего оператора и брала у него интервью, что он успел снять — все события или только собственные штаны. Коммунистическая активистка Разорваева все же нашла свою святыню. Гордо прижимая пробитый пулей партбилет пониже сердца и живота, она уже стояла в пикете и требовала превратить империалистическую войну в гражданскую. За что и была задержана, к величайшему своему удовольствию.

— Смотри-ка! — восхищенно ахнул Ломовой. На востоке занималась чем-то заря и к ровному белому слою облаков, к синющему под ними небу, добавила снизу яркую красную полосу. — Символично, правда?

— Ага, — утвердительно зевнул Хряков. — Как будто белое с красным намешали. До посинения. Видать, к получке!..

Он посмотрел на небо, алеющее на востоке, и перекрестился. Осознанно — второй раз в жизни. Майор не любил быть неблагодарным.

Информационные агентства передают:

«...В рязанских лесах творится фиг знает что. Но этот фиг, который знает, ничего не говорит...»

Глава 18. Любимый город может спать пристойно

Милые бранятся — только тащатся.

Русская народная мудрость

Следующий день выпал не менее сумбурный, чем утро, из которого он выпал. Сперва было прощание с бабушкой Ганной, просившей полковника похлопотать, чтобы ее избе присвоили звание «Хата-Герой». Попрощались и с капитаном Горлохвatom, он пока оставался в лесах и намеревался зачистить зеленку, случайно пролившуюся на брюки. Сперва вертолет взял курс на Рязань. Приземлившись на газоне возле отеля «Русская малина», забрали там забытый стакан Василия и вернули украденную швабру. Администратора старой закалки искренне заверили, что похитители известны и их задержание — дело времени, а не правоохранительных органов. Отсюда вылетели в Москву.

Хряков в воздухе надеялся вздремнуть, но не тут-то было. Люська всю дорогу балаболила, перебивая вертолетные двигатели. Бронежилет ей так и не дали за отсутствием подходящей толщины брони, но она сумела выклянчить подмышечную кобуру, очень удобную для шпаргалок и талисманов. Теперь примеряла обновку так и эдак, вертелась по кабине и приставала ко всем, как она выглядит. При этом болтала, что у нее еще ни разу не получалось таких интересных каникул, даже в Крыму с нудистами, поскольку она загорала там без верха, и ей напекло голову. Когда они будут в сентябре писать сочинение «С кем я провел лето», она обязательно обо всем напишет, и Верка из десятого «Э», опять уехавшая нудить с нудистами, просто потечет от зависти.

Дальнейшая суета перекинулась на Лубянку. Сотрудники центра «Знахарка» совершенно очаровали буфетчицу Фросю, к которой Василий привел их подкрепиться. Она так расчувствовалась, угощая героических узниц, что

сама выбирала для них лучшие сосиски из связки и подкладывала лучшие куски колбасы с бутербродов. Эльвира Федоровна сразу подружилась с ней и, вибрируя всеми фибрами от любезности, научила, как нужно доить воробьев, чтобы испечь натуральное «птичье молоко». А Фрося приглашала их к себе на дачу, обещая накормить там настоящей, фирменной лубянской баландой.

Арестованную помощницу Дракулы быстро вычислили по таблицам Менделеева как один из самых редких и самых вредных криминальных элементов. Выяснилось, что она уже давно находится в международном розыске за злостную неуплату алиментов, а также членских взносов в мировых ассоциациях киллеров, хилеров, хакеров и хрюкеров. Бывшая красотка до сих пор пребывала в полном шоке от потери невинности и фотогигиеничности. Поэтому на первом же допросе она раскололась так, что пришлось склеивать клеем «Момент истины».

В качестве пока свидетелей допрашивали ученых. Доктор Афедронов оправдывался тем, что он, как культурный и цивилизованный ученый, просто хотел приобщить к культуре и цивилизации своих некультурных и нецивилизованных сограждан. Доцент Гугина тщательно припудривала родимые пятна пота и подмазывалась кремом для сохранения лица в скандальных ситуациях. Пыталась доказать, что с точки зрения диалектики это они помогли раскрыть и обезвредить преступника, заманив его в Россию. А секретарша Мышкина с готовностью сообщала, что у нее все досконально записано — кто, где, почему. В непривычной обстановке она жутко комплексовала и украдкой уточняла у следователя: правильно ли клепать только на недавние прегрешения шефа, или лучше уже топить его со всеми потрохами? Их отпустили под подписку о неграмотности, и они радостно побежали подписываться на почту.

Больше всего возни было с телевизионщиками. Они были в чрезвычайном расстройстве чувств и желудков, поскольку Дракулы и никакой другой нечисти в отснятых

материалах почему-то не сохранилось. А то, что сохранилось, все равно нельзя было никому показывать, потому что оно попадало под статью о распространении порнографии. Обрадованные эфэсбэшники тут же изъяли записи и приобщили к делу, чтобы самим потом посмотреть.

Вертялая телевизионщица, лишившись сенсаций, рвала на себе волосы и пыталась рвать их у оператора. Вопила, что теперь ее уволят без выходного пикника или разжалуют, и ей со старушкой-матерью, старушкой-свекровью, мужем и ребенком придется стоять в переходе с протянутой рукой и просить интервью у сердобольных прохожих. Объяснений Люськи, что нечисть в объективах не отражается, она даже слушать не стала. Требовала немедленно расстрелять халтурщика-оператора с предварительным взятием у него интервью или в крайнем случае предоставить ей другой подходящий материал. Ее спровадили к оперативникам, вернувшимся с ночной облавы на политических проституток, но и там сенсаций она не достала, а достала только сотрудников.

Спасла положение Эльвира Федоровна, пригласив ее в свой медицинский центр и обещая показать целую кучу нездоровых сенсаций и методов их лечения. Попутно она предложила журналистам пройти курс омоложения по новой методике — с гарантией, что через десять сеансов они будут кричать «уа-уа» и писать в кроватку. В итоге все остались довольны. Ведьмы из «Знахарки» — получив возможность морочить головы клиентам не только в астрале, но и в эфире. Телевизионщики — обретя новое золотое дно с таким количеством ила, которого хватит на удобрение целого цикла передач. А работники ФСБ — тем, что избавились и от тех, и от других.

У Василия было весьма трогательное и тискательное прощание с недавними соратницами, особенно расставание с Люськой с элементами приставания. Она, засмуцавшись, сказала, что пришлет ему свои эротические фото — мол, на паспорт снималась, а получилось ну такое! А Хряков дал слово направить ей в школу официаль-

ное письмо, чтобы ее из хорошисток перевели в круглые отличницы боевой и политической подготовки. Люська согласилась, что некоторые места округлить не мешает. Но на следующих каникулах пускай он на нее рассчитывает и непременно возьмет с собой на какое-нибудь задание. Потому что через год она станет еще взрослее, умнее и симпатичнее, а бюст, наверное, будет уже не меньше, чем у Соньки из одиннадцатого «Ж». На прощание она попросила майора дать свой рабочий телефон, и Василий отдал, отсоединив телефонный провод.

После их ухода наконец-то стало поспокойнее, и можно было заняться делами. Генерала Свистоплясова вызвали на самый верх, и он уехал в черном служебном лифте. Ломового и майора он оставил в своем кабинете писать подробный доклад на имя Владимир. Все дежурные музы были в отпусках, поэтому рожать пришлось самим, и не в стихах, а в прозе жизни. Трудились они очень напряженно и все-таки сумели написать почти целую страницу, а на другой от нечего делать нарисовали рожицу, домики, паровозы и кота Ваську.

Генерала не было долго, за окнами стемнело, и полковник с Хряковым уже начали волноваться, не прицепились ли к нему в Кремле какие-нибудь хулиганы. Но он вернулся сияющий, как новый кинескоп, и сообщил:

— Президент передает свои поздравления и пожелания успехов в личной жизни. Очень жалел, что наши штурмовики на таких полянах не садятся, и дал поручение правительству это дело исправить. А тебя, Василий, он хочет лично вызвать, когда у тебя будет время. Результаты операции одобрил. Но во избежание послеоперационных осложнений пока решено все оставить в полном секрете. Сами понимаете, новая буча с нарушениями прав вурдалаков в России нам сейчас ни к чему. Тем более — вурдалаки иностранные, и подвести юридическую базу под монастырь тут было бы трудно. А на археологических раскопках мало ли что могло случиться? Взрыв газа в ихних раскопах, пробой затопительной трубы или короткое

затыкание, усугубленное должностной халатностью и тьюфяковостью? И если кому-нибудь вздумалось при этом пропасть, то это уже его личное дело, без вести пропадать или с вестями.

— Народу там много видело, — высказал сомнение майор.

— И на награды у нас список, — напомнил Ломовой.

— Ну, это не страшно. Представим за ликвидацию стихийного бедствия. Стихия-то там бедствовала? Бедствовала. Значит, было кого ликвидировать. А что свидетелей много, так это даже к лучшему. Ни один объектив этого Дракулу не запечатлел, то есть объективно его как бы и не было. А остальные сами толком ничего не знают, поэтому и других будут с толку сбивать, и каждый по-своему. Вот оно и замнется.

— А что делать с компаньонами Дракулы из института имени Археологии?

— Да ничего. У них сейчас и своих забот полон зад. Дело в том, что прошлой ночью, ровно в три часа тридцать две с половиной минуты, одновременно лопнули счета профессора Тепеша во всех банках и склянках. И счета его дочерних и матерних фирм тоже. А все фунты стерлингов и пуды долларов, которыми он расплачивался, превратились вдруг в рубли, причем неразменные, то бишь еще советские, деревянные. Сегодня на ученом совете уже рассматривали персональное тело доктора Аферонова на предмет нецелевого расходования обещаний и антинаучных взглядов на подчиненных сотрудниц. Постановили объявить ему предупреждение о полном служебном несоответствии и поставить в угол. А подходящий медвежий угол сейчас для него подыскивают.

Можно было идти домой. Осталось еще попрощаться с Марьяной. Но когда Василий заглянул в кабинет Ломового, где ее оставили дожидаться, он увидел, что разведчица в полной мере воспользовалась предложением чувствовать себя как дома. Полы были чисто вымыты, все служебные бумаги выброшены в мусор, на протяну-

той поперек кабинета веревке сушилось ее выстиранное белье. Сама дивчина крепко спала на диване, укутавшись парадным мундиром полковника с дыркой, прокрученной для нового ордена. А портрет Дзержинского на стене своим пронизывающим взглядом пытался залезть через эту дырку в ее разметавшиеся жаркие сны...

* * *

Этим вечером на некоторых московских улицах можно было наблюдать не совсем обычную картину. По ним устало шагал здоровенный небритый мужчина с перевязанной головой, в грязной камуфляжной форме и порванной тельняшке. А с собой мужчина вел кота — за лапку, так что тот важно шлепал рядом на задних.

Половину дороги Хрякова и Ваську подбросила попутная опергруппа, ехавшая брать какого-то шпиона, продававшего британской разведке секреты русской народной кухни. Дальше Василий планировал доехать на метро, но с котом его не пустили. А таксисты и частники кота, наверное, пустили бы, но предпочитали не сажать перевязанных мужчин в рваных тельняшках. Вот и пришлось им топтать на своих четырех.

Нельзя сказать, чтобы Ваське такой способ передвижения очень нравился, тем более что буфетчица Фрося его изрядно обкормила. Однако он впервые очутился в большом городе и очень боялся потеряться. А проситься на руки считал ниже своего достоинства, поэтому старательно держался за ладонь Хрякова.

Впрочем, какого-то чрезмерного внимания они к себе не привлекали. Во-первых, прохожие в этот поздний час были уже редкими. Во-вторых, в Москве народ и не таких картин понавидался. А в-третьих, в наше время на ночных улицах не рекомендуется проявлять повышенный интерес к странного вида детинам, даже если они водят с собой котов. Так что интерес к ним периодически проявляли только стражи правопорядка. Но Василий вытаскивал удостоверение, и они уважительно брали под козы-

рек. Вежливый Васька пытался отвечать тем же, и майору пришлось одернуть его, шепнув, что к пустой голове руку прикладывают только у американцев.

Недалеко от дома Хряков остановился у ночного киоска:

— Ну что, пивка купим?.. Ах да, извини. Тебе чего взять?

Кот ткнул лапкой наугад — он был сыт и чипсы выбрал из чисто спортивного интереса. А у Василия это тоже было традицией, отмечать возвращение с задания пивом — так как чаще всего в подобных случаях требовалось основательно подлечиться после победных перегрузок. Правда, нынешняя нестандартная операция и завершилась нестандартно, всухую, но все равно нарушать традицию не следовало.

Однако чуть было не нарушилась другая важная традиция — на звонок в дверь изнутри раздался резвый топот, и на пороге возникла обрадованная жена, цветущая и пахнущая всеми соцветиями. От серьги до серьги праздничным транспарантом светилась свежеподкрашенная улыбка, а из-под новенькой полупрозрачной рубашонки — все остальное.

Василий аж рот открыл от такой необычной встречи. Хотя и она сразу осознала свою ошибку. Алый транспарант на лице разочарованно перевернулся уголками вниз, а сознание после секундного замешательства переключилось на нужную программу:

— Явился наконец! Где ж тебя черти носили! Мать честная, да в каком виде! А это еще что такое ты притащил? — трагически всплеснула она руками, заметив Ваську.

Но кот вдруг проявил себя великолепным дипломатом. Словно и не замечая грозового тона, спокойно подошел к ней и каким-то особенно грациозным образом потерся о следы недавнего бритья на ногах. И, удивительное дело — порыв бури вроде пошел на спад.

— Во, даже животное воспитаннее тебя! Понимает, что при встрече хоть какое-то внимание проявить нужно, хоть какую-то нежность!

Хряков попробовал последовать примеру кота и тоже приласкаться, но тут же понял, что ему амнистия еще не вышла:

— Фу! Грязный какой! И разит-то бензинищем! Ты что, где-нибудь на заправке валялся? Где ж ты был?

— В одной горячей точке, — пояснил майор, вешая на крючок куртку и кобуру с маузером.

— Оно и видно! Только сомневаюсь, что в одной! Ты ж под каждой юбкой горячую точку найдешь! И в любой распивочной точке подогреться тоже не упустишь! Вон совсем уже до точки дошел, и как еще до горячки не дошел — просто уму непостижимо!

Но Васька снова начал свои дипломатические манипуляции, лицемерно изображая, будто он просто без ума от ее старых шлепанцев, и напряженность опять ощути-мо сбросилась.

— А этот откуда взялся? — буркнула супруга куда менее агрессивно.

— Он сирота. И у него было трудное детство. А я вспомнил, что дети просили... — соврал Василий, поскольку дети были на каникулах у бабушки и опровергнуть его не могли. А когда вернутся, наверняка тоже соврнут и подтвердят.

— Ты бы о детях подумал, когда возвращаешься среди ночи в абстрактном виде! — автоматически огрызнулась она, но тон стал заметно мягче. Потому что она нагнулась гладить подлизывающегося котяру, а раздваиваться параллельно в двух настроениях было трудно. — А как его зовут?

— Васька, — пояснил майор из ванной и поспешно добавил: — Только это не я придумал, это еще до меня.

Наскоро поплескавшись под душем и отодрав присохшие бинты, он шагнул в комнату и снова оказался поражен поистине загадочными переменами. В квартире царил совершенно невиданная чистота и порядок, приближающийся к философскому понятию идеального.

— Ух, здорово! Как это у тебя получилось?

Кажется, его восхищение пришлось жене очень кстати, потому что давало повод к началу перестройки с гнева на милость. Она позволила себе слегка улыбнуться, а ему — слегка прикоснуться губами к щечке:

— Ага, нравится? Правда, хорошо? То-то же! Соседу тоже понравилось, сказал, что я очень хозяйственная, — тут она слегка запнулась и сочла нужным пояснить: — Он просто так заходил, спички одолжить для супа... Да-а, и представляешь, какая беда с ним приключилась? В спальне поскользнулся и ногу подвернул, да так неудачно, что даже брюки не мог надеть, бедняжка!

Кажется, извержение успокаивалось гораздо быстрее, чем в прошлые времена, и Василий подумал, что кот в доме — действительно полезное животное. Теперь уже открылась возможность перейти к следующему этапу умиротворения. Он достал из прихожей гроыхающую сумку с пивом:

— Давай за встречу, что ли...

— Во! Нормальные-то люди с цветами, с подарками, а у этого лишь одно на уме! — осуждающе фыркнула она, заглотив залпом почти целую бутылку. — Говорил — дня на два, а пропадал две недели!

— Двенадцать дней! — горячо запротестовал Хряков. — И тебе должны были позвонить...

— Да уж обзвонились, весь телефон оборвали! И кореш твой Ломовой, и генерал ваш — тоже алкаш, по голосу ясно. И по межгороду этот... Горлохват, с которым вы в прошлом году в зюю заявили. И пенсионер какой-то, то ли Очкодралов, то ли Очкотеров — тоже, видать, из вашей компашки. Ах, Маргарита Петровна, ах, Маргарита Петровна, мужайтесь, вы должны понять... Да уж конечно, понимаю, не маленькая, в каком состоянии надо быть, чтобы не самому, а через собутыльников приветы передавать! А мужаться мне не впервой с таким муженьком, во всяком виде тебя встречала!

Однако ее ворчание уже переходило в обычный среднестатистический фон, такой домашний и такой уютный. Она и себя начала приводить в среднестатистический до-

машный антураж. Отыскала заслуженный халат с весьма уютными и сексуальными прорехами. Но потом, видимо, пожалела своих недавних трудов по подкрашиванию и решила, что муж все же лучше, чем ничего, поэтому халат надевать не стала.

— Кстати, я рубашечку новую купила. А ты даже не оценил!

— Тысяч десять, — прикинул Василий, гадая, сколько еще осталось до полочки.

Супруга сладко потянулась, демонстрируя под рубашкой все знакомые тропинки, клумбочки и газончики, исхоженные вдоль и поперек:

— Правда, возбуждает?

— Ага. Особенно если ее снять, — согласился он.

— Вот видишь! А мне теперь по твоей милости не выпавшись на работу идти! — упрекнула жена. Она презрительно пнула сумку с пивом — чтобы по звяку определить, хватит ли там еще на ее долю, и направилась на кухню. — Васенька! Или сюда, милый! Сейчас я тебе кушать дам!

Хряков с готовностью вскочил, но оказалось, что приглашение относилось не к нему, а к его хвостатому приятелю:

— А ты погоди! Сейчас разогрею. Сам-то небось не догадался бедное животное покормить!

Майор было заикнулся, что тоже ему кое-что купил, и супруга при виде заказанного Васькой пакета понимающе скривилась:

— Я и говорю — совсем сдурил! Кто ж котов чипсами кормит?! Ну иди сюда, масенький, иди, холесий! Конечно, он тебя совсем голодом заморил, этот эгоист!

Кот тяжело вздохнул, выразительно посмотрел на Василия — дескать, чего не сделаешь ради друга — и поплелся на кухню изображать аппетит и безмерную радость. А как только они скрылись за дверью и замурлыкали дуэтом, обнаружилась и причина необычных перемен в обстановке квартиры. Под креслом вдруг зашебуршало, и оттуда, хитро подмигнув, высунулась довольная рожица Домового. Только сейчас Хряков понял, что заклинанием,

которое он произнес, отправил его прямехонько по собственному адресу.

— Ну как я тут порядочек навел? Я ж тебе говорил — не пожалеешь, существо я справное, хозяйственное! А тому хмырю, который к бабе твоей тут шлялся, я кусочек мыльца под ногу подсунул — ох и люблю я такие шутки! — он вознамерился настучать что-то еще, но эту его привычку майор пресек на корню. Строго указал, что они с женой привыкли всецело доверять друг дружке.

Откинувшись в любимом кресле, он блаженствовал, он наконец-то ощущал себя дома, и нарушать душевный покой из-за каких-то пустяков ему совсем не хотелось.

— Токо вот с телевизером ничего сделать не сумел, — поспешил сменить тему Домовой. — Отстал малость от жизни в старом-то доме, вот и не разбираюсь в этой технике.

— О, спасибо, что напомнил! — и Василий крикнул супруге, что в ближайшие дни он свободен и можно будет вызвать мастера починить в телевизоре неработающий звук.

Правда, делать этого он вовсе не собирался из тех же соображений душевного покоя. Но причину уклониться можно было придумать потом, а сейчас так хотелось сделать жене что-нибудь приятное! Она наивно клюнула и высунулась с поощрительно спущенной бретелькой, словно собираясь на ужин дать ему сисю:

— Вот и правильно! А то только от подруг и узнаешь новости. Сегодня вон, слышал, такие страсти рассказывают! Где-то под Рязанью разбилась летающая тарелка с котлетами. А котлеты оказались с просроченным сроком давности и вызвали массовое отравление грибами, ложными поганками. И по этому делу там задержали кучу марсиан, которые на самом деле оказались не марсианами, а венериками... — Тут до нее дошел запах собственных подгорающих котлет, и она исчезла, сияясь перекричать шипение сковородки: — А сейчас там в леса никого не пускают, потому что осколками от разбитой тарелки порезаться можно...

Из кухни выполз оловельный Васька, обожравшийся до шарообразного состояния. Они с Домовым внимательно осмотрели друг друга, обнюхали и остались удовлетворены результатами. Оба посмотрели на майора и авторитетно кивнули. Домовой — соглашаясь, что кот ничего, подходящий. А кот — подтверждая, что и Домовой ничего, сносный.

После чего Домовой юркнул деловито шебуршать под креслом, а Васька оценивающе попробовал лапкой качество дивана, запрыгнул на него, устало растянулся и закрыл глаза. Как бы давая понять, что теперь-то все передряги позади, и пришла наконец пора расслабиться. Ведь и людям, и котам время от времени нужно расслабляться. А как же иначе-то? Они же хорошие...

РЕКЛАМА И ОБЪЯВЛЕНИЯ

Предприятию требуются рабочие руки — три правых и одна левая.

Ресторан «Братва» предлагает традиционную русскую закуску к пиву — показ, где раки зимуют.

Предприятию срочно требуются главбух и главтрах.

В продажу поступила новинка — мобильные туалеты.

Организация предлагает музыкальные комбайны. Каждый комбайнер на гармошке наяривает.

Для офисов и частных квартир предлагается высококвалифицированный попугай-автоответчик.

Смазливая девочка смажет солидному, состоятельному человеку по физиономии.

Организации на сдельную работу требуется киллер. Приходить со своей килой.

Детскому саду требуется детский садовник.

Магазин предлагает товары первой необходимости. И жестокой необходимости.

Для лиц, желающих иметь стройную фигуру, предлагаем комплекс строевой подготовки.

Магазин «Военторг» предлагает элегантные дамские наряды вне очереди.

Продается конский возбуждатель. Но Минздрав предупреждает — одна капля убивает лошадь!

Туалетный ароматизатор «Амбре» — создает неповторимые ароматы настоящего туалета!

Продается фирменное горнолыжное снаряжение. В комплект входят лыжи, ботинки, костюм и горы.

Организации требуются специалисты с образованием не ниже среднего арифметического.

Автосалон для новобрачных предлагает молодоженам комфортабельные двухспальные машины.

Агентство «Случайные связи» готово вас слушать и связать.

Станция техобслуживания извещает, что теперь будет обслуживать не только тех, но и этих.

Театру оперы и балета требуются солисты солить капусту.

Опытный маляр скрасит ваше одиночество.

Любимый город может спать спокойно! Фирма «Седуксен».

Магазин вечернего платья предлагает ночные рубашки и ночные галстуки.

Одинокий мужчина ищет спутницу для поездки на черноморский курорт. Или бесплатную путевку, без спутницы.

Продаются в широком ассортименте сухие вина — в порошках, в кубиках, в гранулах.

Познакомлюсь с женщиной для совместного ведения хозяйства. Завхоз.

Строгий хозяин ищет крутую мазохистку, способную получать удовлетворение от приготовления ему еды, стирки, уборки и приходов мужа по выходным и после полочки.

Театру требуются балетмейстер и балетмажер.

Требуется хряк-производитель для производства шумовых эффектов.

Меняю верховую лошадь на низовую. А то она все время наверху оказывается.

Квалифицированный адвокат осуществляет бракоразводные процессы. Я вам, блин, такой брак разведу!

Куплю металлолом, металлолопату, металлограбли.

Женщина среднего возраста, среднего роста, среднего достатка ищет среднего спутника жизни. Желательно — среднего американца.

Магазин «Одежда» предлагает товары ширпотреба и узкопотреба в зависимости от размеров клиента.

Ищу подругу с красивыми формами. Жду в песочнице. Свои формочки тоже принесу.

Интересный молодой человек познакомится с интересной женщиной для перевода ее в интересное положение.

Юноши и девушки на выезд. Звонить 01, 02, 03.

Продаются машины иномарок — «Тигр», «Пантера», «Фердинанд». Б/у, после капремонта.

Дамский портной предлагает услуги по пошиву дамских портов и дамских портянок.

Продаются дубленки высокой степени задубелости.

Молодая пара ищет юношу или девушку для совместного времяпрепровождения — распития на троих.

Квалифицированная гадалка нагадит всем желающим.

Поступили в продажу телевизоры нового поколения со сверхчерным кинескопом. Даже когда включаешь — все равно черный.

Медицинское товарищество «Афродита» производит операции по увеличению ног с помощью силиконовых ходуль.

Дому отдыха «Кленовый бор» требуется массажист-затейник.

Товариществу «Строитель» срочно требуется опытный сварщик, умеющий наваривать крупные суммы.

Граждан, желающих сбросить вес, приглашает шахта «Рекордная», намеренная вскоре объявить голодовку.

Молодой, симпатичный студент ищет спутницу жизни пожилого, состоятельного бизнесмена.

Требуется чернорабочий. Белым рабочим услуги не предлагать.

Меняю на другой город трехкомнатную квартиру в центре Москвы с ванной, лоджией, раздельным санузлом, телефоном и барабашкой.

Молодой коммунист познакомится с женщиной, имеющей взрослого ребенка, с целью создания первичной парторганизации.

Выйду замуж за первого встречного. Встреча — на Эльбе.

Продается слон б/у, в хорошем состоянии, слегка подержанный за правое ухо.

Доктор физико-математических наук. Лечу физико-математические науки от всех болезней.

Молодая, симпатичная пятиклассница познакомится с интеллигентным шести-семиклассником без вредных привычек дергать за косички с целью совместного времяпровождения на переменах.

Группа предпринимателей ищет партнеров для создания акционерного общества по разведению конопли. Ну, скажем, на конопляное масло.

Отдам щенков крокодила в хорошие, вкусные руки.

Сниму порчу, сглаз, часы, золотые украшения.

Товарищество «Умелец» предлагает для внедрения за рубежом традиционное русское изобретение — болт забиваемый.

Пропал щенок. Нашедшего просят обращаться по ул. Колхозная, д. 5, к собаке Жучке.

В продажу поступили электродепиляторы нового поколения, со стопроцентной надежностью предотвращающие дальнейший рост волос, так как удаляют их не только с корнями, но и вместе с кожей.

Предсказатель Мустафа — гадаю по линиям руки, ноги, живота и других органов!

Правительству требуется опытный программист для сокращения социальных программ.

Фирма «Дюймовочка» предлагает по умеренным ценам дюймовочки, трехдюймовочки и шестидюймовочки.

Городской музей изобразительных искусств по сходной цене изобразит вам искусственные зубы.

Организация недорого продает соучастников.

Сниму комнату. Качество снимка гарантируется.

В городе Букине открылась межобластная лечебница для четвероногих. Имеются отделения для трехруких и двухголовых.

Фирмой «Виктория» предлагаются в продажу отечественные босоножки и голопопки.

Спортивному обществу «Урожай» требуется мальчик на побегушках на длинные дистанции.

Народный целитель предлагает услуги. Целю в народ.

Для дам предлагаются импортные купальники, умывальники, рубильники, паяльники и хлебальники!

Институт воздухоплавания предлагает в широком ассортименте воздушные плавки.

Милые дамы! Салон-парикмахерская «Элегант» делает вам шестимесячную стрижку с надежной гарантией — раньше этого срока волосы все равно не отрастут.

Российско-индийское предприятие «Брахмапутра» предлагает для охраны служебных и жилых помещений породистых сторожевых змей. Они неприхотливы, не пачкают полов, спят в шкафах и хозяйских постелях, требуют меньше питания, чем собаки, и гораздо эффективнее отпугивают грабителей. Для владельцев при фирме действуют краткосрочные курсы заклинателей.

Центр «Эскулап» поможет вам раз и навсегда избавиться от лишнего веса путем индивидуально подобранного и семь раз выверенного отрезания.

Изумительный букет смогли получить вологодские виноделы. В букете тонко и гармонично переплетаются лебеда, крапива, репейник и ложные опята.

Зоомагазин «Природа» предлагает оригинальные подарочные наборы — мартовский кот в спальном мешке.

Прерываем беременность на ранних стадиях. Поэтому лучше на ранних стадиях к нам не ходите!

В букинистический магазин поступили свежие буки.

Фирма «Экзотика» предлагает широкий выбор темных очков. Цена сдельная в зависимости от размеров очка.

Предлагаются в широком ассортименте импортные плоскогубцы и тупоумцы.

Санэпидемстанция доводит до сведения населения, что за травлю мышей и тараканов будет теперь брать оплату поштучно, как за заказные убийства.

В Москве открылся первый видеотуалет. Заходите к нам! Посмотришь — упишешься!

Дому Правительства требуется домработница.

Продаются контактные линзы для контактов с внеземными цивилизациями.

Рожу ребенка по контракту. Могу и без контракта — если хоть кто-нибудь не побоится этого ребенка зачать.

Избавиться от неприятных запахов во рту, на теле, в туалете или на кухне вам поможет дезодорант «Улыбка»! После него вы вообще перестанете различать запахи.

На прилавках магазинов появилась колбаса «Останкинская», изготовленная по самым современным технологиям из лучших сортов мясных останков.

Поступила в продажу новая игровая приставка, способная на различные игры в процессе приставания.

Завод ЗИЛ за умеренную плату предоставляет в аренду сборочно-разборочный цех для проведения сборов и разборок.

Опытная сводня поможет сведению счетов.

Предлагается к продаже новая стиральная машина «Хозяюшка». Эффективно стирает с лица земли изделия из хлопка, шерсти, льна, синтетики и железобетона.

Клуб знакомств «Маргарита» гарантирует любовь до гроба! Гробы привозить с собой.

Для ухода за пожилым, состоятельным человеком требуются опытная сиделка и две опытных лежалки.

Если вы хотите стать обладателем породистой собаки, то в питомнике ДОСААФ можете за недорогую плату об­ладать овчаркой Багирой.

Предлагается сука с отличной родословной. Об­ра­щаться в Дворянское Собрание.

Опытный обойщик. Обиваю пороги различных ин­­станций.

Сохранить на долгие годы свои зубы вам поможет клиника «Стоматолог». После ее посещения зубы будут отданы вам в специальной коробочке, предохраняющей их от порчи.

Страховая компания «Надежда» предлагает услуги на все случаи жизни! Наши страховые агенты наведут страх на любого!

Продам щенков, вздумавших со мной конкурировать. Недорого.

Парилка «Мойдодыр» приглашает всех любителей спаривания.

Куплю доллары США по курсу на всеобщее благосос­­тояние.

Продаются женские трусы с низкочастотным входом.

Новое развлечение предлагает вам казино «Ночная Русь»! Здесь установлены игральные автоматы Калашни­­кова для игры в русскую рулетку!

На складе пиломатериалов имеются мужья.

Совместному предприятию требуется опытный спе­­циалист в области славянских языков и филькиной гра­­моты.

Товариществу «Два кольца — два конца» срочно требуется посредине гвоздик.

Квалифицированный филиппинский хирург предлагает услуги. Кого угодно без ножа зарежу.

Фирма «Сельхозпродукт» предлагает русский поп-корн, изготовленный из натуральных поп и корн.

Лучшее мочегонное средство — автомобиль «Мерседес»! Сядешь — и гони во всю мочь!

Сбежала цепная собака. Нашедшего просим вернуть цепь и будку.